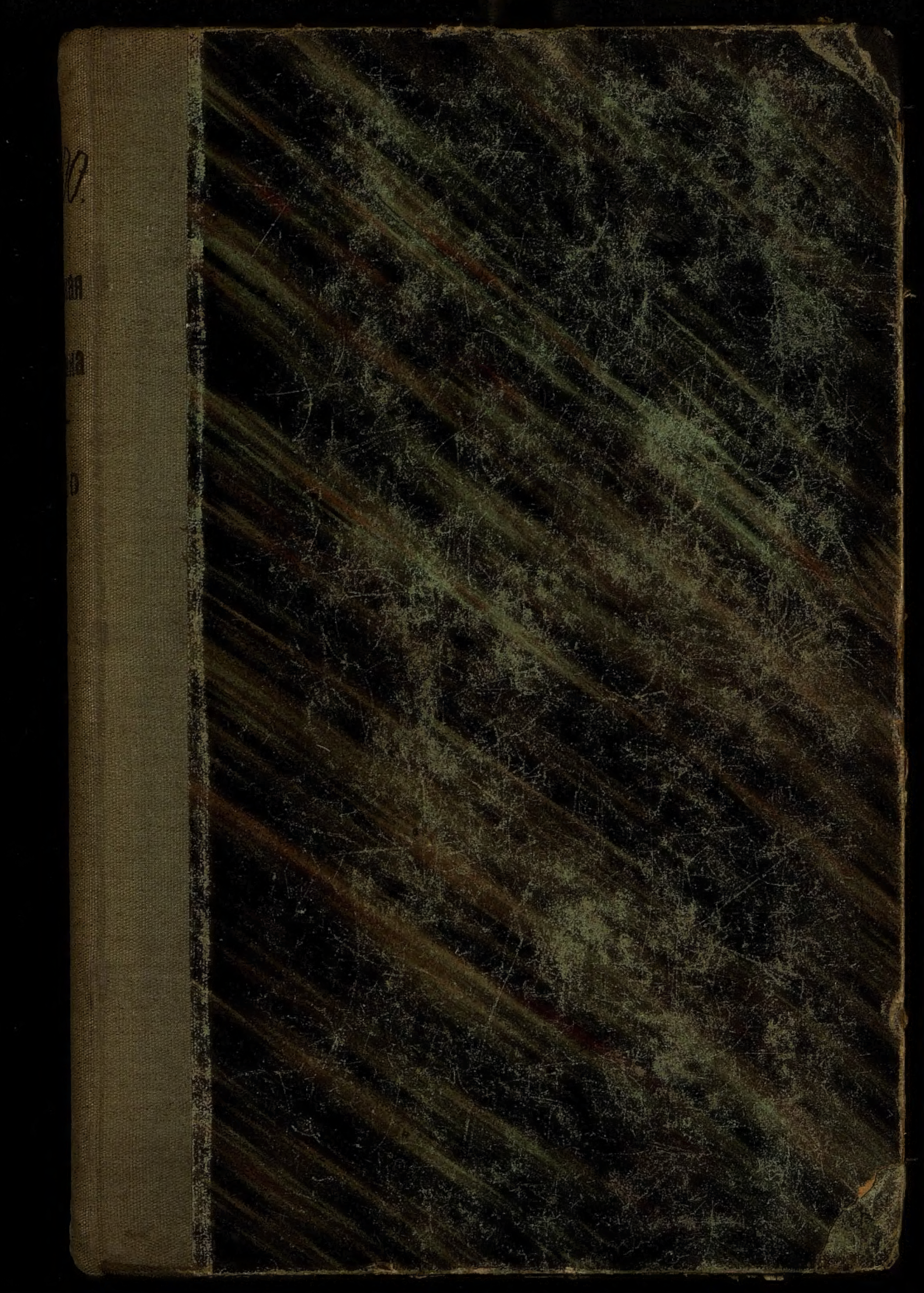
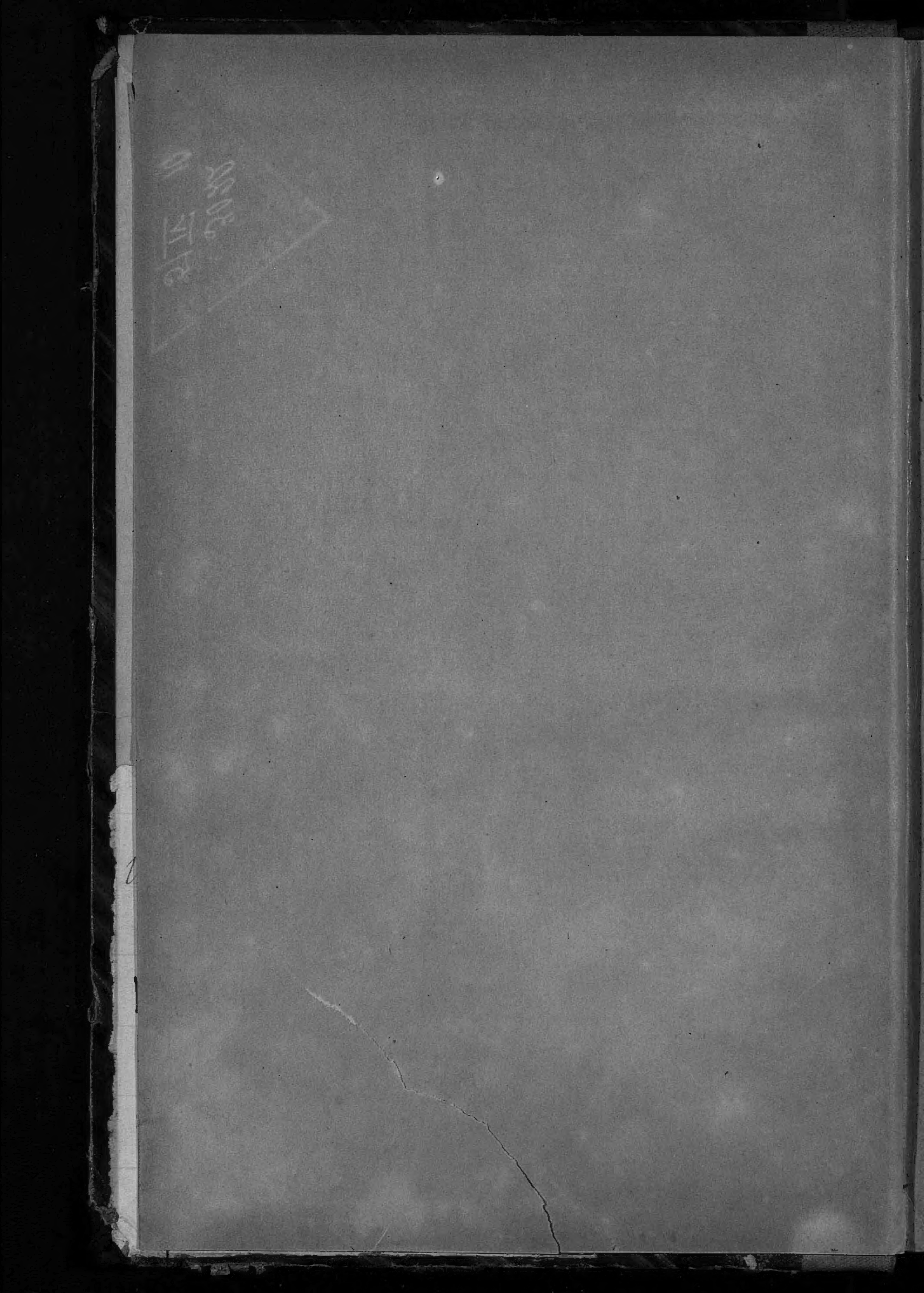

15/6-1045
11/9-287
14/II-1640

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. АПРѢЛЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: 1) Портретъ Павла Яковлевича Дашкова; 2) карта боя 18 марта 1885 года у моста Ташъ-Кепри; 3) карта пограничной съ Авганистаномъ части Закаспійской области; 4) планъ боя подъ Цзиньчжоу.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

IV-я книга „Русской Старины" вышла 1-го апрѣля 1910 года.

Библіографическій листокъ.

Н. Побѣдоносцевъ. Доблесть русскаго воина.

Подвиги мужества, проявленные во время минувшей войны. Петербургъ 1910 г.

Въ то самое время, когда въ теченіе японской войны нашъ главнокомандующій, подчиняясь иниціативѣ своего противника, все отступалъ и отступалъ, въ это самое время наши офицеры и солдаты, теряя по 75—80% своего состава, творили великіе подвиги. Поэтому намъ кажется, что обязанность каждаго русскаго историка этой злосчастной войны заключается въ надлежащемъ подборѣ и выясненіи, въ числѣ другихъ данныхъ, и этихъ геройскихъ дѣяній.

Въ этомъ отношеніи особенно выдается книжка г. Побѣдоносцева „Доблесть русскаго воина", рельефно излагающая подвиги нижнихъ чиновъ 145-го пѣх. Новочеркасскаго Императора Александра III полка, а также—и другихъ полковъ въ японскую войну.

Е. В. Коршъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ 1889—1909 г.г.

Въ настоящей книгѣ прекрасно излагаются современная организація желѣзнодорожныхъ управленій, служба на желѣзныхъ дорогахъ, рисуются какъ живые различные желѣзнодорожные дѣятели и совершенно отчетливо намѣчается неотложный рядъ реформъ, которымъ должна подвергнуться организація управленія желѣзныхъ дорогъ. Книга написана прекраснымъ языкомъ и съ большимъ интересомъ прочтется во всѣхъ кругахъ.

І-й Армейскій корпусъ въ войну съ японіей 1904—1905 г. Первый выпускъ.

Въ этой книгѣ изложены событія похода по интереснымъ дневникамъ, запискамъ и письмамъ участниковъ съ прекрасно выполненными фотографическими снимками.

В. Яковлевъ. Оборона современныхъ долговременныхъ фортовъ въ періодъ ближней атаки. С.-Петербургъ 1910 г.

Авторомъ прекрасно и поучительно изложена оборона фортовъ на основаніи опыта Портъ-Артура. Изданіе снабжено отчетливо исполненными планами и фотографіями.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 ноября по 3 декабря 1909 г.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Собраніе сочиненій. Т. IV вып. I. Италія и возрожденіе т. II вып. 1 (1871—1905). Спб. 1909. Изд. Отд. Рус. яз. и словесности И. Ак. Наукъ. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12). 8° (17×24). VII+604 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 512 экз.

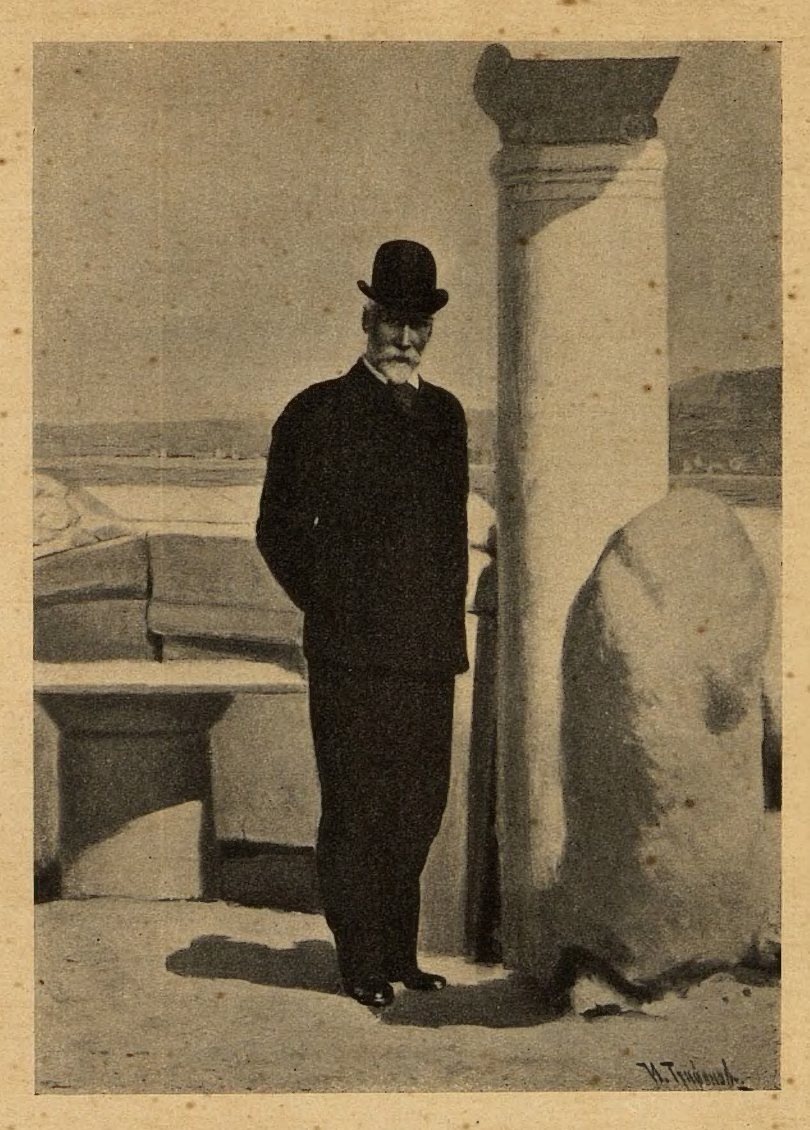
Журналъ военныхъ дѣйствій 5 пѣхотнаго Сибирскаго Иркутскаго полка въ войну съ Японіей. Съ 29 янв. 1904 по 31 дек. 1905 г. Спб. 1909. Тип. Артели печатн. производства (Калашниковскій пр., 7). 8° (18×27). 267 стр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 200 экз.

Золотухинъ, И. П. Завоеваніе Русскими Забайкалья. Владивостокъ. 1909. Тип. Приморскаго Областн. Правл. 16° (12×17). 26 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ I. Вып. 1 и 2. М. 1909. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (18×27). 160 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 9 л. по 2.000 экз.

Краткій указатель музея Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1909. Изд. 2-е Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (14×20). 132 стр. Вѣсъ 11 л. 1.500 экз.

Николай Михайловичъ В. Кн. Русскіе портреты XVIII и XIX стол. Т. V. Вып. 3. Спб. 1909. Изд. В. К. Николая Михаиловича. Тип. Экспедиціи Загот. Госуд. Бумагъ. 4° (35×28). 132 стр.+25 л. портр. Ц. 12 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 18 л. 700 экз.

Павелъ Яковлевичъ
Дашковъ

ПРИ ЖУРНАЛѢ „РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

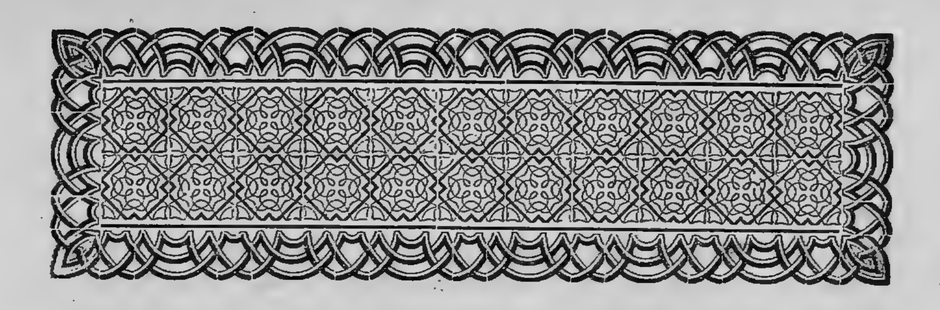
1910.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

(Окончаніе).

III [1]).

Вторая Бобруйская повѣрочная комиссія.

Князь Дивѣевъ очень скоро пріѣхалъ. Я объѣхалъ съ нимъ волости III участка; водворилъ его и отправился въ Минскъ получить тамъ инструкцію для новой дѣятельности моей. Я засталъ въ Минскѣ полный переворотъ въ составѣ администраціи. Губернаторъ Кожевниковъ уѣхалъ; мѣсто его занималъ полковникъ Павелъ Николаевичъ Шелгуновъ. Я явился ему, убѣдился, что это очень любезный молодой гвардеецъ; но указаній онъ и не пытался давать мнѣ, какъ человѣкъ совершенно не знакомый съ крестьянскимъ дѣломъ; а о повѣрочныхъ комиссіяхъ онъ зналъ только по наслышкѣ. Онъ направилъ меня за указаніями къ членамъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ этомъ присутствіи былъ полный переворотъ. Оба безцвѣтные члена губернскаго присутствія получили другія назначенія; а на мѣсто ихъ были назначены Божовскій, бывшій предсѣдатель Борисовской повѣрочной комиссіи, и Михаилъ Борисовичъ Тургеневъ, бывшій членъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, тоже очень симпатичный человѣкъ и уже опытный дѣятель по крестьянскому дѣлу. Готовцевъ, управляющій палаты государственныхъ имуществъ, уже уѣхалъ въ Варшаву, по вызову Н. А. Милютина. Перемѣны были большія, вѣянія новыя.

Божовскій порадовался моему новому назначенію, но отказался давать мнѣ какія-либо указанія, ссылаясь на новизну своего поло-

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

женія въ губернскомъ присутствіи. Онъ напомнилъ мнѣ наши зимніе разговоры и споры, и выразилъ мнѣніе, что доводы, высказанные тогда членами повѣрочныхъ комиссій, на общемъ съѣздѣ, очевидно, признаны въ Вильнѣ правильными. По его словамъ, губернатору Шелгунову поручено: представить объ измѣненіяхъ, оказавшихся необходимыми, въ инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ, и надо полагать, инструкція эта въ очень скоромъ времени будетъ значительно измѣнена.

Въ Минскѣ я встрѣтился съ помощникомъ моимъ, Ѳедоромъ Васильевичемъ Вахрамѣевымъ. Это былъ типичный петербургскій чиновникъ. Онъ кончилъ курсъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, служилъ въ Петербургѣ, кажется, въ казенной палатѣ. Это былъ безусловно честный, порядочный, скромный, добрый и трудолюбивый человѣкъ. Еще въ пути отъ Минска до Бобруйка, мы сошлись съ нимъ настолько, что я предложилъ ему поселиться на моей просторной квартирѣ. Онъ охотно принялъ мое предложеніе, и мы тутъ дружно, мирно прожили съ нимъ два года, вплоть до моего выѣзда изъ Бобруйска. Никогда не было между нами никакихъ споровъ, ссоръ; онъ всегда былъ вѣрнымъ помощникомъ мнѣ, искреннимъ товарищемъ.

Для начала дѣятельности 2-й повѣрочной комиссіи, я выбралъ нѣсколько небольшихъ имѣній, съ обстоятельствами которыхъ я ознакомился, еще будучи мировымъ посредникомъ, разбирая тамъ нѣсколько незначительныхъ жалобъ крестьянъ. Провѣрка уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ прошли спокойно; не было никакихъ значительныхъ возраженій.

Дѣйствія повѣрочныхъ комиссій происходили такъ: комиссія въ назначенный день пріѣзжала въ деревню, гдѣ ее ожидалъ уже собранный сельскій сходъ крестьянъ. Комиссія состояла изъ предсѣдателя, его товарища и изъ мѣстнаго мирового посредника. Къ присутствованію при дѣйствіяхъ повѣрочной комиссіи обязательно вызывался помѣщикъ этого имѣнія, или его повѣренный. Прочитывалась уставная грамота; провѣрялось, всѣ ли домохозяева записаны въ ней, правильно ли означены размѣры ихъ участковъ, такъ какъ землевладѣніе въ Минской губерніи было подворное, и не были ли, до составленія уставной грамоты, или послѣ нея, отобраны у крестьянъ какіе-либо участки земли; отобранныя земли надо было возвратить крестьянамъ и включить въ выкупной актъ. Для опредѣленія выкупной цѣны земли крестьянъ, производилась оцѣнка ея, правила которой были указаны въ инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ. Для оцѣнки земли, надо было сдѣлать подробный осмотръ всѣхъ участковъ выкупной земли. Этотъ осмотръ занималъ много

времени и бывалъ очень утомителенъ, если участки земли были раскиданы. Осмотръ земли надо было производить очень внимательно и съ знаніемъ дѣла, потому что цѣна земли опредѣлялась ея качествомъ. Суглинистая пахотная земля цѣнилась дорого, супесчаная дешевле, а совсѣмъ песчаная очень дешево. Сѣнокосы точно также цѣнились очень разнообразно, по качеству травы, растущей на нихъ. Неудобныя земли, то есть топкія болота, сыпучіе пески, исключались изъ оцѣнки и поступали къ крестьянамъ безплатно, если находились среди ихъ надѣловъ. Въ Великороссіи и Малороссіи мы привыкли, что однообразная почва—суглиномъ, черноземъ, песокъ—тянется на сотни верстъ. При такихъ условіяхъ, оцѣнка много облегчается. Въ Минской губерніи, да и вообще въ Сѣверо-Западномъ краѣ, условія почвы совершенно иныя. Тамъ, на разстояніи одной квадратной версты, можно найдти два, три, рѣзко отличающіеся сорта земли, отъ тяжелой глины до сыпучаго песку. Вслѣдствіе этого, осмотръ надо производить очень подробно, точно. Всѣ эти разнообразныя почвы надо опредѣлить, надо каждому клочку назначить свою цѣну. При томъ, земельные надѣлы крестьянъ Минской губерніи рѣдко составляютъ одну сплошную площадь, на цѣлую деревню, какъ у насъ въ Великороссіи, а большею частью раскиданы клочками по разнымъ мѣстамъ. Это еще болѣе усложняетъ осмотръ земель и оцѣнку ихъ. Производя повѣрки этихъ уставныхъ грамотъ, я вполнѣ оцѣнилъ ясность, простоту отношеній крестьянъ къ помѣщику въ нашихъ русскихъ губерніяхъ. Провѣрку уставныхъ грамотъ Минской губерніи окончательно затрудняли, дѣлали непріятной враждебныя отношенія, озлобленіе крестьянъ-бѣлоруссовъ къ помѣщикамъ-полякамъ. Это озлобленіе проявилось особенно рѣзко въ двухъ имѣніяхъ: у Ратынскаго, бобруйскаго уѣзднаго предводителя дворянства, и у вдовы помѣщицы, фамилію которой не помню.

Послѣ работъ въ нѣсколькихъ спокойныхъ имѣніяхъ, о которыхъ я упоминалъ выше, я назначилъ повѣрку уставныхъ грамотъ въ имѣніи Ратынскаго. Я полагалъ, что у такого богатаго и высокопоставленнаго лица не встрѣтятся важныя недоразумѣнія. При томъ я желалъ выказать ему уваженіе, почетъ, производя у него повѣрку раньше, чѣмъ у другихъ помѣщиковъ. Оказалось, что всѣ мои разсчеты были ошибочны. Изъ того же желанія быть очень вѣжливымъ, я не послалъ ему повѣстки черезъ полицію, а передалъ ихъ ему лично, на его квартирѣ въ Бобруйскѣ. Я объяснилъ ему также, что, будучи мировымъ посредникомъ, никогда не заѣзжалъ къ помѣщикамъ и полагаю дѣйствовать также, какъ предсѣдатель повѣрочной комиссіи; но у него лично прошу госте-

пріимства, какъ у человѣка, котораго положеніе выдающееся. Когда я говорилъ это, на лицѣ Ратынскаго выражалось озлобленіе; ротъ перекосился; но онъ овладѣлъ собою и съ обычною своею приторною любезностью просилъ: непремѣнно остановиться у него, оказать ему эту честь. Поляки вообще люди вѣжливые, потому я никакъ не могъ ожидать, чтобы Ратынскій не разыгралъ съ нами комедію любезности въ своемъ домѣ, какъ и я, конечно не искренно, но по общественнымъ отношеніямъ, ѣхалъ въ его домъ. Къ сожалѣнію, Ратынскій былъ такъ малодушенъ, что сдѣлалъ повѣрочной комиссіи рядъ невѣжливостей, даже дерзостей, въ отвѣтъ на наше безупречно вѣжливое, почтительное поведеніе.

Прежде всего, когда повѣрочная комиссія пріѣхала въ его имѣніе, онъ не явился на повѣрку уставной грамоты, чѣмъ очень затруднилъ работу повѣрочной комиссіи, такъ какъ крестьяне заявили, что у нихъ отобранъ значительный участокъ сѣнокосовъ. Когда вечеромъ, окончивъ работу, мы заѣхали къ Ратынскому, онъ отвелъ намъ нетопленную комнату, не далъ пообѣдать; постели намъ дали только по настойчивому моему требованію, точно также, какъ чай и нѣсколько ветчины съ хлѣбомъ. Мы такъ оскорбились этимъ издѣвательствомъ, что утромъ, не пивши чаю, уѣхали изъ его дома; но передъ отъѣздомъ, я высказалъ ему: какъ недостойно онъ поступилъ и какое презрѣніе возбудилъ въ насъ. Я разъяснилъ ему, что онъ могъ еще въ Бобруйскѣ сказать мнѣ, что не можетъ или не желаетъ принять насъ; но не имѣетъ права оскорблять насъ, когда мы являемся къ нему, какъ чиновники правительства. Я упомянулъ, что если бъ мы довели до свѣдѣнія М. Н. Муравьева о его поступкѣ, онъ не оставилъ бы его безнаказаннымъ; но мы настолько порядочные люди, что не донесемъ, и ограничимся удаленіемъ изъ негостепріимнаго, неблаговоспитаннаго дома. Ратынскій не ожидалъ такой рѣшительности съ нашей стороны, завилялъ, сталъ увѣрять, что все это произошло по недоразумѣнію, и такъ далѣе.

Мы еще нѣсколько дней провели въ его имѣніи; жили въ избѣ, добыли самоваръ у жида-шинкаря, а обѣдъ намъ готовила какая-то баба; мы были сыты, намъ было тепло, и мы смѣялись, вспоминая, какъ Ратынскій холодомъ и голодомъ изгналъ насъ, простодушныхъ руссаковъ. Происшествіе это не обошлось однако даромъ Ратынскому. Прежде всего, его осудили поляки. Между ними конечно нашлись порядочные люди, которымъ не по сердцу было неблаговоспитанное поведеніе маршалка ихъ; затѣмъ крестьяне озлобились на него и съ остервенѣніемъ разсказывали всѣ его притѣсненія и несправедливости. Повѣрочная комиссія возвратила имъ много земель. Наконецъ, слухъ объ скандалѣ дошелъ до власть имущихъ, и Ратынскому

посовѣтовали удалиться. Это былъ первый и послѣдній мой опытъ сблизиться съ поляками-помѣщиками. Я завелъ себѣ тарантасъ, тройку лошадей, повара, и мы компаніей останавливались въ крестьянскихъ избахъ, волостныхъ правленіяхъ, училищахъ, готовили себѣ постоянно теплую пищу; запасы возили всѣ съ собою.

Другой случай шумной повѣрки уставной грамоты былъ у вдовы-помѣщицы; она явилась въ сопровожденіи ксендза, который заявилъ комиссіи, что владѣлица имѣнія не говоритъ и не понимаетъ по-русски и поручила ему объясняться за нее. Я записалъ заявленіе это въ протоколъ, помѣщица подписала его (по-польски). Начался разборъ уставной грамоты. Крестьяне заявили о рядѣ злоупотребленій помѣщицы: отобраны усадебныя мѣста, луга, пастбище. Когда помѣщица услышала эти заявленія крестьянъ, она набросилась на нихъ, чуть не съ сжатыми кулаками; ругала ихъ непозволительно. Я пытался остановить ее; она не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія. Я попросилъ ксендза унять ее. Онъ съ улыбкой заявилъ, что надо дать высказаться обѣимъ сторонамъ, разъяснить дѣло. Я возразилъ ему, что слышу не разъясненія, а ругань, которую не могу допустить. Ксендзъ съ тою же улыбкою сказалъ, что женщины всегда увлекаются, надо быть снисходительнымъ къ нимъ. Я настойчиво требовалъ, чтобы помѣщица замолчала, такъ какъ она довѣрила свое дѣло повѣренному. Тутъ злая барыня обратила весь свой гнѣвъ на меня, стала укорять меня, что я варваръ, достойный посланецъ изверга Муравьева, и такъ далѣе.

Я пріостановилъ разбирательство, послалъ за становымъ приставомъ, благо онъ жилъ не далеко, въ мѣстечкѣ Глужскѣ. Явился становой приставъ, составилъ актъ; я потребовалъ удаленія помѣщицы, такъ какъ она форменно заявила, что довѣряетъ давать объясненія комиссіи ксендзу. Ксендзъ отказывался давать объясненія безъ помѣщицы. На усиленныя просьбы его и ручательство, что помѣщица не будетъ болѣе нарушать порядка, я согласился оставить ее; но все-таки пришлось нѣсколько разъ еще, чуть не силою, унимать ее. Жалобы крестьянъ оказались справедливыми; комиссія постановила: возвратить крестьянамъ отобранныя земли. Выслушавъ постановленіе комиссіи, помѣщица опять разразилась руганью, а ксендзъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: что Богъ не прощаетъ жестокосердіе, и что онъ будетъ въ молитвахъ своихъ, передъ алтаремъ, просить Бога защитить обиженную вдовицу. Господь услышитъ его молитвы и обрушитъ свой гнѣвъ на угнетателей слабыхъ.—Плохо ли онъ молился, или правда была на нашей сторонѣ, но рѣшеніе комиссіи, несмотря на обжалованіе, было утверждено; а ксендзъ пострадалъ; объ этомъ скажу далѣе.

Гораздо позже я узналъ, чсо Ратынскій былъ убѣжденъ, что слухъ объ уходѣ Муравьева справедливъ; а поляки были увѣрены, что съ уходомъ Муравьева вся его система будетъ отброшена, и дѣйствія повѣрочныхъ комиссій будутъ сведены на нѣтъ; ихъ сдѣлаютъ безвредными. Онъ надѣялся оттянуть повѣрку уставныхъ грамотъ у себя въ имѣніи до этихъ блаженныхъ часовъ, а я разстроилъ его надежды. Онъ не явился на повѣрку уставныхъ грамотъ въ убѣжденіи, что безъ него нельзя производить повѣрку, и авось она отложится. Что касается негостепріимства его, то оно произошло отъ упорства жены его, ненавидящей москалей и сознательно устроившей этотъ скандалъ. Увѣряли, что подговорилъ ее къ тому тотъ самый ксендзъ, который такъ неуспѣшно защищалъ сирую вдовицу; онъ былъ въ этотъ день у Ратынскаго и руководилъ гостепріимствомъ.

Что касается ксендза, то онъ такъ зарвался, что въ слѣдующее воскресенье, послѣ защиты сирой вдовицы, онъ въ костелѣ, въ проповѣди своей, обратился къ присутствовавшимъ крестьянамъ съ выговоромъ за ихъ жалобы на отборъ земель; призвалъ на нихъ кары небесныя за ихъ нехристіанскія чувства къ угнетеннымъ въ эту минуту панамъ и даже будто бы призвалъ всѣ кары небесныя на головы злодѣевъ, которые поддерживаютъ крестьянъ. На другой день балашевичскій волостной старшина явился ко мнѣ, разсказалъ все это и сказалъ, что крестьяне требуютъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Бобруйскъ и донесъ объ этихъ проклятіяхъ военному начальнику. Онъ поѣхалъ, донесъ Полѣнову, и дѣйствительно ксендзъ былъ куда-то высланъ вскорѣ.

Эти два случая столкновенія съ польскими помѣщиками были единственными въ теченіе двухъ лѣтъ службы моей мировымъ посредникомъ и предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи въ Минской губерніи. Оба столкновенія были возбуждены и устроены ксендзомъ, который старался всячески возбудить поляковъ противъ русскаго правительства и запугать русскихъ чиновниковъ противодѣйствіемъ. Оба случая произошли въ началѣ дѣятельности 2-ой повѣрочной комиссіи, пока поляки не убѣдились, что скандалы эти не испугали комиссію, что она ни въ чемъ не измѣнитъ своего образа дѣйствій, и они этимъ ничего не достигнутъ, а напротивъ, отвѣчать за скандалы приходится имъ же. Узнавши ближе меня лично, поляки поняли, что меня нельзя запугать, я не оробѣю и всегда доведу до конца разбирательство.

Послѣ этихъ двухъ столкновеній, повѣрка уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ шло очень спокойно. Въ нѣсколькихъ имѣніяхъ были также открыты отборы земель у крестьянъ,

но помѣщики сознавали неизбѣжность возвращенія этихъ земель крестьянамъ и молча подчинялись необходимости. Они, разумѣется, обжаловали всѣ наши рѣшенія въ губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ и даже въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но скандаловъ не устраивали болѣе.

Упомянувъ о стремленіи запугать меня скандалами, разскажу продолженіе попытокъ революціоннаго комитета запугать меня приговорами къ смерти. Первый смертный приговоръ мой былъ врученъ мнѣ на маскарадѣ въ Вильнѣ, когда я любовался мазуркою. Когда я пріѣхалъ въ Бобруйскъ и вступилъ въ должность мирового посредника, я получилъ по почтѣ второе предостереженіе и приказъ революціоннаго комитета: немедленно удалиться обратно въ Россію, подъ угрозою смерти. Къ этому документу была приложена печать, изображавшая топоръ. Я показалъ этотъ документъ военному начальнику Полѣнову; тотъ объяснилъ мнѣ, что печать съ топоромъ принадлежитъ главѣ Минскаго польскаго революціоннаго комитета, бывшему полковнику генеральнаго штаба (кажется) Свенторжецкому; что такое предостереженіе получилъ и онъ, съ мѣсяцъ назадъ, но слава Богу живъ и здоровъ; а черезъ нѣсколько дней, онъ съ сіяющимъ лицомъ объявилъ мнѣ, что угрожавшій намъ топоръ (революціонная кличка Свенторжецкаго) самъ попалъ въ руки русскаго правительства и, вѣроятно, будетъ на-дняхъ разстрѣлянъ. Когда я, по назначеніи меня предсѣдателемъ повѣрочной коммиссіи, возвратился изъ Минска, я нашелъ на столѣ у себя въ Бобруйскѣ конвертъ, принесенный въ мое отсутствіе какимъ-то неизвѣстнымъ евреемъ. Въ конвертѣ былъ третій смертный приговоръ, такого же содержанія, какъ первые, съ обозначеніемъ даже дня моей казни. Этотъ приговоръ я уже не предъявлялъ никому, а для памяти хранилъ много лѣтъ. Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, и я живъ.

Вторая Бобруйская повѣрочная комиссія работала въ 1864 году до поздней осени, пока снѣгъ покрылъ землю и сдѣлалъ невозможнымъ осмотръ угодій. На зиму мы возвратились въ Бобруйскъ, занялись приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ нами выкупныхъ актовъ, для сдачи ихъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Приведя въ порядокъ сдѣланныя нами работы, я повезъ выкупные акты въ Минскъ, желая присутствовать при ихъ разсмотрѣніи въ губернскомъ присутствіи и выслушать всѣ новыя вѣянія, тѣ измѣненія въ инструкціи, которыя обѣщалъ совѣщательный комитетъ при генералъ-губернаторѣ.

По личному своему составу и по направленію, Минское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе измѣнилось корен-

нымъ образомъ. Божовскій освоился уже въ новой своей должности; Тургеневъ, образованный и опытный дѣятель крестьянскаго дѣла, шелъ съ нимъ рука въ руку. Предсѣдатель присутствія, губернаторъ Шелгуновъ, не въ силахъ былъ оспаривать что-либо, имъ сдѣланное по незнакомству съ дѣломъ; а губернскій предводитель дворянства, Крушинскій, опротестовывалъ все и тѣмъ окончательно ослабилъ значеніе своего протеста; дѣятельность его была теперь безуспѣшна. Привезенные мною выкупные акты прошли чрезъ губернское присутствіе спокойно; всѣ были утверждены. Но новыхъ вѣяній я не нашелъ; никакихъ исправленій и дополненій инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ совѣщательный комитетъ не выработалъ, и дѣло оставалось все при томъ же неопредѣленнемъ положеніи, какъ годъ назадъ, послѣ общихъ совѣщаній повѣрочныхъ комиссій при Кожевниковѣ. Повидавшись со всѣми своими знакомыми, потолкавшись въ губернскомъ присутствіи, я возвратился въ Бобруйскъ.

Въ теченіе зимы, мировой посредникъ Васьковъ оставилъ должность свою; на его мѣсто былъ присланъ въ Бобруйскъ Николай Павловичъ Яковлевъ, молодой человѣкъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій московскаго генералъ-губернатора Тучкова. Неопытный по крестьянскому дѣлу юноша этотъ скоро освоился съ крестьянскимъ міромъ и былъ очень полезный мировой посредникъ. Н. П. Яковлевъ былъ человѣкъ очень общительный, дружески сошелся съ нами; у насъ образовался свой искренній кружокъ — Вахрамѣевъ, князь Дивѣевъ и я. Легче стало жить, незамѣтнѣе прошла зима. Съ первой повѣрочной комиссіей мы мало сходились; да члены ея мало и жили зимою въ Бобруйскѣ; они уѣхали въ Минскъ.

Прошла зима; въ концѣ марта мѣсяца снѣгъ стаялъ настолько, что въ первыхъ числахъ апрѣля 2-ая повѣрочная комиссія приступила опять къ повѣркѣ уставныхъ грамотъ и составленію выкупныхъ актовъ. Это лѣто работали почти исключительно въ имѣніяхъ князя Витгенштейна. Обширныя владѣнія князя Витгенштейна занимали всю западную часть Бобруйскаго уѣзда, къ границѣ Слуцкаго уѣзда; четыре волости: Новодорожская, Осовецкая, Заболотьская и Горковская были заняты исключительно имѣніями князя Витгенштейна. Эта вотчина перешла въ родъ князя Витгенштейна отъ польскаго магната Радзивила, дочь котораго вышла замужъ за фельдмаршала князя Витгенштейна. Владѣнія Радзивила находились въ нѣсколькихъ уѣздахъ Минской губерніи, Виленской, Ковенской. У него были сверхъ того драгоцѣнныя вотчины въ Волыни, Кіевской и Подольской губерніяхъ. Все это несмѣтное богатство оставалось до 1865 года въ томъ же состояніи, какъ оно перешло отъ

Радзивила. Князь Витгенштейнъ не измѣнилъ тамъ ничего; оставилъ прежнюю администрацію, всѣ старинные порядки, всѣ имѣнія и фольварки, сданные въ аренду еще при Радзивилѣ (пане коханку!), такъ и оставались въ арендѣ у тѣхъ же лицъ, переходя по наслѣдству отъ отца къ сыну, внуку; арендная плата оставлялась также до настоящихъ дней та самая, какая была при Радзивилѣ.

Тогдашній владѣлецъ этого богатства былъ молодой, гвардейскій кавалерійскій офицеръ; я сталкивался съ нимъ въ обществѣ, въ Петербургѣ, не одинъ разъ. Безпечный, веселый свѣтскій человѣкъ, онъ не входилъ вовсе въ управленіе своими имѣніями; поручилъ заботу эту своему главному управляющему и требовалъ только, чтобы на всякое его требованіе денегъ ему подавали, сколько ему нужно было въ эту минуту, и чтобы въ лѣсахъ его всегда былъ готовъ тотъ звѣрь и та дичь, на которую онъ выѣзжалъ со своими друзьями.

Для присутствованія при провѣркѣ уставныхъ грамотъ, администрація имѣній князя Витгенштейна командировала въ повѣрочную комиссію двухъ повѣренныхъ, очень приличныхъ и порядочныхъ. Поляки, они объяснялись по-русски настолько, что мы понимали другъ друга. Крупныхъ злоупотребленій въ имѣніяхъ князя Витгенштейна не было; но встрѣчались мелкія, въ которыхъ главная администрація была неповинна, и которыя происходили отъ жадности арендаторовъ и мелкихъ служащихъ. Повѣренные Витгенштейна никогда не оспаривали эти злоупотребленія, но за то они никогда и не помогали намъ разслѣдовать и разъяснять ихъ. Они спорили только противъ оцѣнокъ земли, дѣлаемыхъ повѣрочной комиссіей; но дѣлали это прилично, при подписываніи протоколовъ оцѣнки, и въ протестахъ, подаваемыхъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Переѣзжая изъ деревни въ деревню, мы провели большую часть лѣта въ имѣніи князя Витгенштейна. Если опросы и разбирательства были тамъ просты, то осмотры земель были очень утомительны и занимали много времени. Вся западная часть Бобруйскаго уѣзда, составлявшая имѣніе князя Витгенштейна, была сплошь покрыта лѣсомъ. Да какимъ лѣсомъ! Вѣковымъ, почти не тронутымъ топоромъ! Среди этихъ лѣсовъ были раскиданы деревни. Почва на всемъ пространствѣ была песчаная, а потому пахатныя поля крестьянъ были переложныя, то есть требовавшія послѣ одного урожая отдыха на нѣсколько лѣтъ. Крестьяне разыскивали въ лѣсахъ болѣе удобныя для посѣва ржи земли, снимали съ нея урожай, затѣмъ переходили на другой участокъ, а прежнему давали отдыхать два, три года. Отъ этого пахатныя земли крестьянъ были разбросаны по всему

лѣсу мелкими полянами. Сѣнокосовъ около деревни было мало; они расположены были также по лѣсамъ, гдѣ удобнѣе было. Всѣ эти участки надо было объѣхать, осмотрѣть. Добраться до нихъ въ экипажѣ было трудно; приходилось ѣздить верхомъ, а часто даже пѣшкомъ, утопая по колѣно въ болотахъ.

Одно утѣшеніе, при этихъ утомительныхъ объѣздахъ и обходахъ, было—любоваться дѣвственной, роскошной растительностью лѣсовъ. Тутъ были сотни десятинъ мачтоваго, сосноваго лѣса, дубы въ три обхвата, клены, ясени. Звѣрья всякаго въ лѣсахъ этихъ было множество, невѣроятное количество. Охота въ лѣсахъ была строго запрещена, и запрещеніе это, повидимому, соблюдалось; иначе не могло бы расплодиться такое обиліе всякихъ звѣрей. Встрѣтить тамъ медвѣдя было дѣло заурядное. Я видѣлъ даже, какъ медвѣдь, не обращая на меня никакого вниманія, разорялъ площадку на высокой соснѣ, гдѣ стояли помѣщенные туда крестьянскіе ульи съ пчелами; я видѣлъ цѣлое бобровое селеніе, состоявшее изъ ихъ оригинальныхъ построекъ. О дикихъ козахъ, кабанахъ, лисицахъ говорить нечего! они ходили стаями. Птицы: глухари, рябчики не очень пугались при видѣ людей, а при объѣздахъ сѣнокосовъ утки и всякая болотная дичь вылетали безпрестанно изъ-подъ ногъ лошади; охота была богатѣйшая. Къ сожалѣнію, изъ насъ не было ни одного охотника; у насъ не было даже хоть плохенькаго ружья. Мы провели въ этихъ лѣсахъ все лѣто, пріѣзжая въ Бобруйскъ на нѣсколько дней получить жалованье и запастись съѣстными припасами. За то работа шла у насъ быстро, и къ концу осени почти во всѣхъ селеніяхъ Бобруйскаго 3-го участка выкупные акты были составлены, а работы по имѣнію князя Витгенштейна совершенно окончены. Прощаясь съ нами, повѣренные князя любезно предупредили насъ, что, по принципу и по распоряженію своего начальства, они обжаловали всѣ составленные нами выкупные акты; но, говоря по душѣ, они признаютъ наши оцѣнки умѣренными и съ уваженіемъ относятся къ нашимъ дѣйствіямъ.

Въ Бобруйскѣ мы услышали крупныя новости: генералъ-губернаторъ М. Н. Муравьевъ былъ замѣненъ генераломъ Кауфманомъ. Разсказывали, что новый генералъ-губернаторъ громко провозглашаетъ, что онъ будетъ идти по слѣдамъ М. Н. Муравьева, продолжитъ образъ дѣйствій его. Однако, никто не вѣрилъ этому. Всѣ сознавали, что Муравьевъ отозванъ въ Петербургъ, чтобы имѣть возможность, по удаленіи его, измѣнить систему управленія краемъ, и ожидали съ часу на часъ крупной ломки всего устроеннаго Муравьевымъ. Такихъ быстрыхъ перемѣнъ, какъ ожидали поляки, не было, однако, и осенніе мѣсяцы прошли тихо.

Въ ноябрѣ и декабрѣ, вторая повѣрочная комиссія приводила въ порядокъ свои лѣтнія работы, и въ концѣ декабря я отвезъ въ Минскъ составленные комиссіею выкупные акты. Тутъ я услышалъ очень много печальнаго. Разсказывали, что въ Вильнѣ составъ служащихъ сильно измѣненъ. Зубковъ, Синявскій оставили службу въ совѣщательной комиссіи; Синявскій уже получилъ назначеніе въ царствѣ Польскомъ предсѣдателемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Бѣлѣ. Выработанная ими новая инструкція повѣрочнымъ комиссіямъ не утверждена, вслѣдствіе множества жалобъ поляковъ-помѣщиковъ Минской губерніи, члену совѣщательной комиссіи Хоментовскому поручено пересмотрѣть всѣ минскіе выкупные акты, созвать въ январѣ мѣсяцѣ членовъ минскихъ повѣрочныхъ комиссій и дать имъ указанія, для болѣе правильныхъ и систематичныхъ дѣйствій въ слѣдующее лѣто. Для усиленія въ Минскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи благоразумнаго направленія, туда былъ назначенъ третій членъ присутствія полковникъ Кавелинъ, человѣкъ совершенно иныхъ убѣжденій, чѣмъ Тургеневъ и Божовскій; это былъ типичный крѣпостникъ, и онъ съ первыхъ же засѣданій сталъ поддерживать поляка, губернскаго предводителя дворянства Прушинскаго.

Вскорѣ мы дѣйствительно получили приглашеніе собраться въ Минскъ, для полученія указаній отъ полковника Хоментовскаго, насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій повѣрочныхъ комиссій и обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. Число членовъ повѣрочныхъ комиссій, собравшихся теперь въ Минскѣ, было много больше, чѣмъ въ 1864 г., потому что во всѣхъ уѣздахъ были образованы вторыя повѣрочныя комиссіи. Члены повѣрочныхъ комиссій, участвовавшіе въ первомъ общемъ съѣздѣ комиссій, два года назадъ, явились теперь совершенно иными. Проработавъ три года, они хорошо знали свое дѣло, говорили твердо, самоувѣренно. Изъ числа новыхъ членовъ повѣрочныхъ комиссій было нѣсколько очень дѣльныхъ, разумныхъ. Общее настроеніе духа было очень приподнятое; высказывалось намѣреніе твердо отстаивать свои работы.

Членъ совѣщательной комиссіи Хоментовскій, которому мы, по требованію губернатора, сдѣлали визитъ, показался мнѣ очень не симпатичнымъ; сухой, безстрастный на видъ, неразговорчивый человѣкъ. Онъ говорилъ со всѣми, какъ будто дѣлалъ докладъ въ какомъ-нибудь засѣданіи: правильно, осторожно, не возвышая голоса, размѣряя слова; не высказывалъ никакихъ мнѣній, обходилъ все насъ занимавшее, ограничиваясь общими словами о необходимости соблюдать законы, преданности отечеству и тому подобное.

Наступилъ день перваго засѣданія. На предварительномъ совѣ-

щаніи нашемъ было рѣшено: просить Хоментовскаго занять мѣсто предсѣдателя и руководить засѣданіемъ. Онъ скромно отказался, сказалъ, что ему надо выслушивать наши мнѣнія, и занялъ мѣсто въ послѣднихъ рядахъ стульевъ. Засѣданіе происходило въ одной изъ комнатъ Дворянскаго собранія. Предсѣдателемъ былъ избранъ Божовскій. Затѣмъ былъ составленъ комитетъ изъ двухъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и нѣсколькихъ членовъ повѣрочныхъ комиссій, которому было поручено вести журналъ засѣданій и составлять постановленія совѣщанія. Въ комитетъ этотъ попалъ и я.

Засѣданія продолжались недѣли двѣ. Рѣзко обозначились двѣ партіи: русская партія и партія полякующихъ. Божовскій былъ главою и душою русской партіи. Главою партіи полякующихъ былъ Климовъ, предсѣдатель новогрудской повѣрочной комиссіи; человѣкъ очень не глупый, смѣлый, самоувѣренный, офицеръ гвардейскаго уланскаго полка. Онъ работалъ въ повѣрочной комиссіи три года, зналъ дѣло прекрасно, но у него не было твердыхъ нравственныхъ убѣжденій. Разъѣзжая по богатому Новогрудскому уѣзду, онъ останавливался у помѣщиковъ-поляковъ и безсознательно попалъ подъ ихъ вліяніе. Въ партію полякующихъ поступили всѣ тѣ люди, которые высказали свою слабость, неспособность и безхарактерность еще въ 1864 году, на засѣданіяхъ общаго съѣзда повѣрочныхъ комиссій. Теперь они явно пошли на сторону поляковъ, узнавъ, что въ Вильнѣ Муравьевское направленіе не въ авантажѣ. Сильныхъ, дѣловыхъ людей тамъ было двое—Климовъ и Кавелинъ; остальные были толпа мелкая.

Русская партія была гораздо многочисленнѣе, составляла почти двѣ трети присутствующихъ, и главное, была много умнѣе, дѣловитѣе, энергичнѣе. Въ этой партіи выдавались: Божовскій, Тургеневъ, Семевскій, предсѣдатель Пинской повѣрочной комиссіи; Аполевъ, предсѣдатель Мозырской повѣрочной комиссіи; Карповъ, предсѣдатель Рѣчицкой повѣрочной комиссіи, Мѣльницкій, предсѣдатель Слуцкой повѣрочной комиссіи.

Засѣданія продолжались двѣ недѣли; шли безконечные споры, но результатовъ не было никакихъ. Въ сущности обѣ спорившія стороны были правы. Споры вертѣлись на правильности оцѣнокъ земель по выкупнымъ актамъ; какъ можно было рѣшить, не видѣвши оцѣненныхъ угодій, правильна ли оцѣнка? Аполевъ нашелъ въ Мозырскомъ уѣздѣ сѣнокосы, которые описывалъ такъ: великолѣпный заливной лугъ на рѣкѣ Припяти; называлъ рядъ лучшихъ кормовыхъ травъ, растущихъ на этомъ лугу; опредѣлялъ крупной цифрой сборъ сѣна на десятинѣ такого луга, исчислилъ, на осно-

ваніи этихъ данныхъ, дорогую цѣну за десятину луга, но сбавилъ съ цѣны этой двѣ трети, такъ какъ лугъ этотъ изъ 10 лѣтъ, систематически, бываетъ 6 лѣтъ и болѣе залитъ водою въ сѣнокосное время, отъ лѣтняго разлитія Припяти, вслѣдствіе дождей. Въ эти годы сбора сѣна съ этихъ луговъ не бываетъ никакого. Семевскій, работавшій рядомъ съ Аполевымъ, на той же Припяти въ Пинскомъ уѣздѣ, поддерживалъ Аполева, говорилъ, что въ Пинскомъ уѣздѣ часто встрѣчаются луга, съ которыхъ можно убрать сѣно не болѣе одного раза въ три, четыре года. Климовъ, работавшій въ лучшемъ, плодороднѣйшемъ изъ всѣхъ уѣздовъ Минской губерніи, Новогрудскомъ, гдѣ почва суглинистая, почти нѣтъ болотъ, хохоталъ, слушая докладъ Аполева, высмѣивалъ его и говорилъ, что Аполевъ нашелъ переложные сѣнокосы.

А мы не вѣрили оцѣнкамъ Климова, который опредѣлялъ урожай пшеницы въ самъ десять, когда крестьяне, обжаловывая его оцѣнку, утверждали, что у нихъ и рожь родится не болѣе, какъ самъ-четвертъ, а пшеницу сѣютъ на панскихъ поляхъ, а на отведенныхъ имъ земляхъ нельзя сѣять ее.

Слушая эти доклады, я думалъ: кто ихъ разберетъ! Вѣрно Аполевъ правду говоритъ, когда его поддерживаетъ Семевскій; условія природы, почвы одни въ ихъ мѣстахъ. А можетъ быть и Климовъ правъ! Почва въ Новогрудскомъ уѣздѣ хорошая, суглинистая. Словесными преніями нельзя было тутъ ничего доказать. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе сдѣлало крупную ошибку, что, получивъ такія жалобы, описывающія исключительныя, маловѣроятныя обстоятельства, не послало одного изъ своихъ членовъ провѣрить эти жалобы на мѣстѣ. Я позволилъ себѣ высказать это громко, къ немалому удивленію многихъ, признавшихъ это заявленіе правильнымъ, но смѣлымъ, выходкой противъ начальства. Споры разгорячались, перешли наконецъ въ личности; стали укорять другъ друга не въ ошибкахъ по оцѣнкѣ, а насъ, русскихъ, въ пристрастіи къ крестьянамъ; мы же, русскіе, упрекали полякующихъ въ угодничествѣ полякамъ-помѣщикамъ.

Хоментовскій не вмѣшивался въ споры, а только слушалъ ихъ, и даже не высказывалъ никакого мнѣнія о происходящемъ. Однажды утромъ, онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, онъ рѣзко приступилъ къ дѣлу. Однообразнымъ, безстрастнымъ своимъ голосомъ, онъ высказалъ, что разсматривалъ обжалованія, поданныя повѣреннымъ князя Витгенштейна на выкупные акты, составленные второю Бобруйскою повѣрочною коммиссіею. Онъ призналъ оцѣнку земель, сдѣланную комиссіею, правильною, благоразумною, и всѣ дѣйствія комиссіи строго законными;

онъ относится съ полнымъ уваженіемъ къ моей дѣятельности, какъ предсѣдателя комиссіи, хотя, по его убѣжденію, цѣну за земли можно было назначить дороже. Тѣмъ болѣе поражаетъ его мой образъ дѣйствій на засѣданіяхъ общихъ совѣщаній комиссій, гдѣ я защищаю самыя крайнія, вредныя мнѣнія и дѣйствія. На удивленный вопросъ мой: „въ чемъ же именно и когда проявилъ я такую вредную дѣятельность?“ онъ перешелъ къ спорамъ на засѣданіяхъ, осуждалъ увлеченія обѣихъ сторонъ и упрекнулъ меня, что я поддерживаю такъ стойко партію русскую, которую онъ назвалъ партіею Боновскаго. „Какъ можно вамъ, сказалъ онъ, коренному помѣщику, идти съ людьми, не признающими собственности, потому что у нихъ никогда не было и не будетъ никакого имущества? Вы, какъ помѣщикъ, вѣроятно, много потеряли, надѣляя своихъ крестьянъ землею, при правильномъ, спокойномъ ходѣ дѣлъ въ русскихъ губерніяхъ; войдите же въ положеніе помѣщиковъ этого края, которые однажды потеряли уже много, какъ вы, при составленіи уставныхъ грамотъ, и которыхъ теперь, раздувая національную вражду, разорятъ вторично, окончательно! Правительство не сочувствуетъ такому образу дѣйствій крестьянскихъ учрежденій; оно желаетъ правильнаго, безпристрастнаго образа дѣйствій“.

Я возразилъ на это, что онъ справедливо напомнилъ мнѣ, что я помѣщикъ, самъ пострадалъ отъ уничтоженія крѣпостного права; но именно это сознаніе дозволяетъ мнѣ дѣйствовать такъ, какъ я поступаю здѣсь, оберегая интересы крестьянъ. Я помню, какъ мои родители, мои сосѣди, смоленскіе дворяне помѣщики, исполнили свой долгъ, надѣляя крестьянъ.

Я три года повѣрялъ уставныя грамоты въ Вяземскомъ уѣздѣ и не знаю ни одного случая такого безстыднаго, безсердечнаго отбора земель при составленіи уставныхъ грамотъ, какіе я встрѣтилъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ, о какихъ слышу теперь на съѣздѣ. Видя ихъ и слыша объ этихъ злоупотребленіяхъ, я возмущаюсь и не знаю, ради чего я сталъ бы скрывать это негодованіе. Я дѣйствую такъ не какъ русскій человѣкъ, врагъ поляковъ, а какъ человѣкъ, принявшій на себя обязанность оберегать крестьянъ. Грабятъ, обижаютъ крестьянъ помѣщики-поляки, я останавливаю ихъ, парализую ихъ дѣйствія. Будь на мѣстѣ поляковъ русскіе помѣщики, я поступалъ бы съ ними точно также, если бы они отобрали землю у крестьянъ своихъ. Доказательствомъ тому служатъ дѣйствія второй Бобруйской повѣрочной комиссіи въ имѣніи князя Витгенштейна. Я знаю лично князя; онъ самъ всегда провозглашаетъ себя русскимъ человѣкомъ, и всѣ въ Петербургѣ признаютъ его такимъ. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ произнесъ въ обществѣ хоть

одно польское слово; но какъ предсѣдатель повѣрочной комиссіи, я не стѣсняясь раскрывалъ злоупотребленія его управляющихъ и причинялъ тѣмъ убытки князю, русскому человѣку.

Хоментовскій сдѣлалъ какія-то очень сомнительныя возраженія и кончилъ бесѣду такъ: „я говорю съ вами по полномочію генералъ-губернатора Кауфмана. Онъ желаетъ поставить во главѣ крестьянскаго дѣла людей сдержанныхъ, благомыслящихъ. Онъ твердо рѣшилъ прекратить тѣ притѣсненія, скажу даже: издѣвательства надъ поляками-помѣщиками, цѣлаго ряда которыхъ мы были свидѣтелями даже здѣсь, на засѣданіяхъ. Я предлагаю вамъ мѣсто члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, здѣсь въ Минскѣ, если вы дадите мнѣ слово отнынѣ открыто поддерживать меня, когда я буду указывать въ засѣданіи тѣ основанія крестьянскаго дѣла, которыя правительство признаетъ правильными. Оно требуетъ благоразумныхъ оцѣнокъ, прекращенія травли поляковъ. Я убѣдился, что вы пользуетесь уваженіемъ своихъ сослуживцевъ, имѣете вліяніе на нихъ и можете быть полезнымъ мнѣ. Вы знаете, что теперь распредѣляютъ между русскими дѣятелями конфискованныя имѣнія. Если вы примете мое предложеніе, я именемъ генерала Кауфмана обѣщаю вамъ передачу имѣнія Кіевичи и Филипповичи Слуцкаго уѣзда. Это имѣніе оцѣнивается въ 100.000 рублей; оно будетъ вамъ уступлено за 10.000 руб., съ уплатою ихъ въ разсрочку, въ теченіе десяти лѣтъ. Обдумайте мое предложеніе; приходите ко мнѣ завтра въ 10 час. утра“.

Предложеніе Хоментовскаго ошеломило меня и глубоко оскорбило; я былъ имъ озадаченъ и не могъ дать себѣ отчета: чѣмъ подалъ я Хоментовскому поводъ предположить, что я способенъ, изъ за предложенныхъ имъ выгодъ, измѣнить свои убѣжденія, что я человѣкъ продажный? Неужели мое поведеніе здѣсь было такъ двулично, такъ подозрительно, что люди могли составить себѣ обо мнѣ такое мнѣніе? Чтобы одуматься, чтобы не выдать своего волненія, а главное, чтобы при встрѣчѣ съ Хоментовскимъ, публично не выразить ему своего негодованія, я не пошелъ въ засѣданіе, сославшись на головную боль, и вечеромъ не видѣлся со своими сослуживцами, а провелъ вечеръ у барона Штакельберга, моего товарища по гвардіи.

У меня не было ни одной минуты сомнѣнія на счетъ того, что принять предложеніе Хоментовскаго я не могу. Это рѣшеніе было твердо и ясно въ умѣ моемъ; я колебался только насчетъ того: разсказать ли сослуживцамъ моимъ о предложеніи Хоментовскаго? Послѣ безсонной ночи, я рѣшилъ: ничего не говорить, а на дѣлѣ доказать, что я себя и свои убѣжденія не продаю. Я твердо рѣ-

*

шилъ: удалиться изъ Сѣверо-Западнаго края и возвратиться въ свою батарею, въ гвардію; но сдѣлать это тихо, прилично.

На другой день я не пошелъ къ Хоментовскому, а когда онъ пришелъ въ засѣданіе, подошелъ къ нему и вполголоса, не протягивая ему руки, оффиціально, сказалъ: „г. полковникъ, вчерашнее предложеніе ваше я принять не могу. Въ виду оскорбительности его для меня, прошу васъ сохранить разговоръ этотъ въ тайнѣ; я поступлю также!“ поклонился и ушелъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Черезъ нѣсколько дней кончились, совершенно безрезультатно, засѣданія повѣрочныхъ комиссій, и я уѣхалъ въ Бобруйскъ, гдѣ ждала меня новая, очень интересовавшая меня работа.

По случаю повстанія и обременительныхъ трудовъ, понесенныхъ крестьянами при усмиреніи мятежа, крестьяне сѣверо-западныхъ губерній, въ тѣ годы, освобождены были отъ рекрутской повинности. Въ 1866 году назначенъ былъ рекрутскій наборъ, въ которомъ должны были участвовать и губерніи Сѣверо-Западнаго края. Провѣрка рекрутскихъ списковъ была поручена мировымъ посредникамъ, а для разсмотрѣнія обжалованій на неправильности и назначенія рекрутъ былъ возстановленъ уѣздный съѣздъ мировыхъ посредниковъ, распущенный во время повстанія. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, послѣ ухода Ратынскаго, не было предводителя дворянства, который по закону предсѣдательствуетъ на этомъ съѣздѣ. Генералъ-губернаторъ Кауфманъ назначилъ меня предсѣдателемъ Бобруйскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ, оставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Я участвовалъ въ производствѣ наборовъ по Вяземскому уѣзду и потому хорошо зналъ это дѣло, и съ охотою взялся за него въ Бобруйскомъ уѣздѣ. Не мало польстило моему самолюбію и назначеніе меня предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ, хотя эта должность была безденежна, не оплачивалась. Незадолго передъ тѣмъ, Воронцовъ оставилъ должность мирового посредника и былъ замѣненъ молодымъ пѣхотнымъ офицеромъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Березинымъ, симпатичнымъ, честнымъ, который всею душою отдался новой своей должности.

Мировые посредники Яковлевъ, князь Дивѣевъ и Березинъ, всѣ въ первый разъ знакомились съ дѣлопроизводствомъ и практикой рекрутскаго набора, и мнѣ пришлось не руководить, а прямо обучать ихъ всему. Мы внимательно провѣрили всѣ списки и очереди рекрутскіе, представленные волостными правленіями, разсмотрѣли всѣ обжалованія, заявленныя крестьянами. Засѣданія съѣзда производились открыто и повидимому пришлись по душѣ крестьянамъ; они говорили, что при панахъ никогда не бывало такъ честно, хорошо. Наборъ сошелъ спокойно, гладко, безъ недоимокъ.

Окончивъ эту работу, я испросилъ мѣсячный отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ устраивать свои личныя дѣла, то есть переговорить съ своими товарищами и начальствомъ по гвардейской конной артиллеріи о возвращеніи въ мою батарею, гдѣ моя вакансія не была занята и числилась за мною. Проѣзжая черезъ Минскъ, я остановился тамъ. Божовскій встрѣтилъ меня извѣстіемъ, что онъ уже не членъ Минскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и уѣзжаетъ на-дняхъ въ Варшаву. Онъ давно уже потерялъ довѣріе къ успѣшному ходу русскаго дѣла въ Минской губерніи и вообще въ этомъ краѣ. Назначеніе Кавелина членомъ Минскаго губернскаго присутствія, первые самоувѣренные шаги его въ этомъ присутствіи, открытая проповѣдь его о черезъ мѣру усиленной охранѣ крестьянскими учрежденіями крестьянъ и систематическомъ будто бы угнетеніи польскихъ помѣщиковъ; затѣмъ поведеніе Хоментовскаго и бесѣда съ нимъ, передъ его отъѣздомъ изъ Минска, окончательно открыли глаза Божовскому. Онъ тотчасъ послалъ въ Варшаву, въ учредительный комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, прошеніе о предоставленіи ему въ Царствѣ Польскомъ должности, соотвѣтствующей его теперешнему положенію. На-дняхъ онъ получилъ форменное извѣщеніе о зачисленіи его въ составъ учредительнаго комитета и предложеніе немедленно явиться въ Варшаву. Онъ надѣялся получить тамъ должность предсѣдателя комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, какъ Синявскій.

Я признался Божовскому, что также твердо рѣшилъ покинуть Минскую губернію и ѣду теперь въ Петербургъ, съ цѣлью возвратиться въ батарею; но я все-таки не упомянулъ ни словомъ о попыткѣ подкупить меня, сдѣланной Хоментовскимъ. Божовскій призналъ основательнымъ мое желаніе оставить Минскую губернію, но уговаривалъ меня не покидать крестьянское дѣло, въ которомъ я пріобрѣлъ теперь такой опытъ и такія познанія: совѣтовалъ обратиться также въ учредительный комитетъ; обѣщалъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, собрать свѣдѣнія, могу ли я получить тамъ хорошее назначеніе.

Въ Вильнѣ я тоже остановился; мнѣ хотѣлось основательно вникнуть въ положеніе дѣла и убѣдиться, есть ли надежда на успѣшный ходъ русскаго дѣла въ этомъ краѣ. Я явился къ Левшину, руководителю крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Я теперь только познакомился съ Левшинымъ; его не было въ Вильнѣ, когда я пріѣзжалъ туда въ 1864 году. Я пришелъ въ негодованіе отъ этого знакомства. Какъ могъ разумный, проницательный М. Н. Муравьевъ поручить такое важное дѣло Левшину? Это былъ типичный бюрократъ: самоувѣренный, самодовольный и невѣжда въ своемъ

дѣлѣ. Крестьянское дѣло онъ изучилъ на бумагѣ, изъ Положенія 19 февраля 1861 г., множества министерскихъ циркуляровъ и распоряженій, которые онъ зналъ наизусть и на которые ссылался, какъ на евангельскіе тексты; но, повидимому, не былъ никогда ни мировымъ посредникомъ, ни какимъ-либо дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу; не зналъ, не понималъ крестьянина, деревни. Онъ принялъ меня вѣжливо, наговорилъ много фразъ и заявилъ, что невозможно проѣхать черезъ Вильну и не представиться генералъ-губернатору; что онъ черезъ полчаса идетъ съ докладомъ къ нему доложить ему о моемъ желаніи представиться ему. Часа черезъ два я получилъ повѣстку: начальникъ края предлагаетъ мнѣ явиться къ нему въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера. Пораженный быстротою распоряженія, я конечно въ 8 часовъ былъ въ пріемной генералъ-губернатора, показалъ дежурному чиновнику полученную мною повѣстку. Онъ взялъ ее, пошелъ докладывать кому-то и возвратился съ извѣстіемъ: приказано обождать! Ждать пришлось недолго; какой-то адъютантъ провелъ меня черезъ нѣсколько комнатъ въ кабинетъ Кауфмана.

Я никогда не видалъ до тѣхъ поръ Кауфмана, имѣлъ очень поверхностное понятіе о ходѣ его прошлой службы и еще болѣе смутное понятіе о его намѣреніяхъ по дѣятельности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Кауфманъ встрѣтилъ меня привѣтливо; сказалъ, что пригласилъ меня сегодня, чтобы не задерживать моего отпуска, что онъ желалъ познакомиться со мною, такъ какъ полковникъ Хоментовскій, по возвращеніи изъ Минска, указалъ ему на меня, какъ на одного изъ выдающихся дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Минскѣ. Докладъ Хоментовскаго о положеніи крестьянскаго дѣла въ этой губерніи оставилъ въ немъ, Кауфманѣ, очень печальное впечатлѣніе; онъ доложилъ ему, что двухнедѣльное совѣщаніе повѣрочныхъ комиссій было совершенно безплодно; ничего не выработало, не разъяснило и даже еще болѣе запутало, затемнило дѣло. Между тѣмъ, тотъ же Хоментовскій увѣряетъ, что составъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Минской губерніи хорошъ; есть даже выдающіеся люди. Что могло быть причиною ихъ вредной дѣятельности?

Вся внѣшность генерала Кауфмана, его спокойная манера говорить, мягкій голосъ, ясный, откровенный вопросъ расположили меня въ его пользу, возбудили мое довѣріе. Я спросилъ его: дозволитъ ли онъ откровенно высказать ему мое убѣжденіе? Онъ отвѣтилъ, что именно для этого пригласилъ меня, и что ему дорого узнать истину, разъяснить себѣ положеніе дѣла.

Я высказалъ Кауфману то, что давно было у меня на душѣ. Я сказалъ: вся бѣда въ Минской губерніи та, что тамъ некому руко-

водить прекраснымъ составомъ мировыхъ посредниковъ и повѣрочныхъ комиссій, которыя любятъ свое дѣло, честно относятся къ нему. Я описалъ первый съѣздъ ихъ при Кожевниковѣ, высказалъ мое уваженіе къ Кожевникову, соединенное съ сознаніемъ, что онъ не умѣлъ соединить, обработать все высказанное на съѣздѣ. Онъ не устранилъ тѣхъ затрудненій, на которыя жаловались члены повѣрочныхъ комиссій, и отправилъ ихъ работать второе лѣто въ тѣхъ потемкахъ, ощупью, какъ прошлое лѣто. То же самое повторилось на второмъ, только-что окончившемся съѣздѣ. Губернаторъ Шелгуновъ не знаетъ крестьянскаго дѣла и не дѣлалъ даже попытокъ руководить съѣздомъ. Спорить о правильности оцѣнокъ въ засѣданіи безполезно. Губернскому присутствію надо было предварительно провѣрить ихъ на мѣстѣ. Хоментовскій сдѣлалъ ошибку, что не принялъ предсѣдательство на съѣздѣ, не овладѣлъ умами и волею этихъ людей, желавшихъ добиться истины. Онъ себя поставилъ на ногу слѣдователя, а не руководителя, и своимъ образомъ дѣйствій возбудилъ общее недовѣріе къ себѣ. Не ненависть къ полякамъ заставляетъ мировыхъ посредниковъ и повѣрочныя комиссіи разыскивать отобранныя у крестьянъ земли, а сознаніе своего долга, бѣдственное положеніе обнищавшихъ крестьянъ. Поляки же, чтобы закрыть правду, стараются простому, юридическому дѣлу о розыскахъ отобранной земли придать оттѣнокъ политическаго преслѣдованія. Я точно такъ же въ Смоленской губерніи повѣрялъ уставныя грамоты, исправлялъ неправильно составленныя, въ самый дружественной и милой мнѣ средѣ, и не возбудилъ къ себѣ никакой ненависти, заслужилъ добрую память.

Кауфманъ спокойно слушалъ меня; выраженіе лица его оставалось пріятное, благорасположенное. По временамъ онъ дѣлалъ мнѣ вопросы и говорилъ: „продолжайте пожалуйста!“ Наконецъ, онъ всталъ; мы разговаривали, сидя за письменнымъ столомъ его, и сказалъ: „благодарю васъ за вашъ откровенный разсказъ. Горячность вашей рѣчи показываетъ, что вы любите свое дѣло, и возбудили мое довѣріе. Я вѣрю тому, что вы мнѣ передали. На обратномъ пути изъ Петербурга непремѣнно явитесь ко мнѣ“.

Когда я вышелъ изъ кабинета, взглянулъ на часы, висѣвшіе на стѣнѣ, я увидѣлъ, что разговоръ мой съ Кауфманомъ продолжался часъ. Въ увлеченіи, я не замѣтилъ этого.

Въ Петербургѣ меня встрѣтили извѣстіемъ, что состоялось распоряженіе о призывѣ къ мѣстамъ служенія офицеровъ, откомандированныхъ въ Западный край для службы по крестьянскимъ учрежденіямъ. Начальство объявило мнѣ, что я долженъ немедленно возвратиться въ батарею, или перейти въ гражданскую службу, если

желаю оставаться предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Я разсказалъ и начальству и товарищамъ, что именно для того, чтобы поступить опять въ батарею свою, я явился въ Петербургъ. Въ Петербургѣ меня ожидалъ отецъ мой, котораго я просилъ пріѣхать туда. Долго разсказывалъ я ему все пережитое мною за эти годы; долго думали мы: какъ направить мнѣ дальнѣйшую жизнь мою, и отецъ мой высказалъ мнѣніе, совершенно неожиданное мною. Онъ повторилъ мнѣ совѣтъ, данный Божовскимъ: продолжать службу по крестьянскому дѣлу, но не въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а по учредительному комитету въ Царствѣ Польскомъ. Онъ высказалъ, что военная служба сдѣлала свое дѣло: пріучила меня къ дисциплинѣ, развила предпріимчивость, смѣлость. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій такимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ крестьянское дѣло, военная служба уже не удовлетворитъ меня. Жаль, при томъ, бросить тѣ знанія и опытъ, которые я выработалъ себѣ трудами по крестьянскому дѣлу! Это дѣло живое и съ будущимъ; оно только начинается; будущее его широко, безконечно. Онъ не совѣтовалъ мнѣ оставаться въ Западномъ краѣ. По его мнѣнію, съ уходомъ Муравьева, въ Западномъ краѣ остановилась правильная дѣятельность. Кауфманъ человѣкъ расположенный ко всему хорошему; но ему не подъ силу одолѣть то, что одолѣвалъ Муравьевъ; при томъ онъ совершенно одинокъ. Помощникъ его, Потаповъ, человѣкъ двуличный и съ направленіемъ, радикально противоположнымъ тому, что желаетъ провести Кауфманъ. Потаповъ посланъ въ Вильну именно съ цѣлью парализовать русское направленіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Работать для водворенія тамъ такого направленія русскому нельзя. Наконецъ, не слѣдуетъ молодому, полному силъ человѣку, зарываться на вѣки въ такой глуши, какъ Бобруйскъ. То, что мнѣ сулятъ въ Минской губерніи, я могу сейчасъ получить у себя, въ Вязьмѣ. На дняхъ будутъ дворянскіе выборы, и дворяне поручили отцу моему узнать: соглашусь ли я баллотироваться на должность уѣздного предводителя дворянства. Все, что говорилъ отецъ мой, давно таилось въ душѣ моей, и онъ только съ обычной своей прозорливостью и глубокимъ знаніемъ моихъ стремленій и чувствъ выдвинулъ это на явь. Я любилъ свою гвардейскую конную батарею; мнѣ жаль было покинуть ее; но я полюбилъ и крестьянское дѣло, я уже созрѣлъ для серьезнаго умственнаго труда. Совѣщанія наши кончились на такомъ рѣшеніи: пользуясь знакомствомъ съ Н. А. Милютинымъ, отецъ мой поѣдетъ къ нему и спроситъ его: можетъ ли онъ дать мнѣ въ Царствѣ Польскомъ должность по крестьянскому дѣлу? Отецъ обратилъ мое вниманіе на Царство Польское, такъ какъ въ составъ учредительнаго комитета вошелъ цвѣтъ русской интелли-

генціи: Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій, Самаринъ, Кошелевъ, Я. А. Соловьевъ. Работать подъ руководствомъ ихъ не то, что выслушивать указанія Потапова, Левшина и Хоментовскаго.

Отецъ разсказалъ Милютину мои занятія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, выяснилъ, почему я не желаю продолжать службу тамъ; разсказалъ даже предложеніе Хоментовскаго. Милютинъ выразилъ желаніе переговорить со мною. Я явился къ нему и сразу былъ очарованъ имъ, его мыслями, всѣмъ, что онъ высказалъ, какъ программу дѣйствій учредительнаго комитета. Онъ подробно разспросилъ меня о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи, и я былъ удивленъ, что онъ знаетъ о немъ очень многое. Въ концѣ разговора нашего онъ сказалъ мнѣ, что я могу быть полезенъ въ учредительномъ комитетѣ; но онъ уже снялъ съ себя заботу о личномъ составѣ служащихъ въ комитетѣ. Теперь эта обязанность возложена на завѣдывающаго дѣлами учредительнаго комитета Я. А. Соловьева; я долженъ обратиться къ нему съ просьбою о принятіи меня на службу въ учредительный комитетъ. Онъ обѣщалъ, со своей стороны, написать обо мнѣ Я. А. Соловьеву и рекомендовать ему меня съ хорошей стороны.

Я на другой же день послалъ прошеніе на имя Я. А. Соловьева о предоставленіи мнѣ должности въ учредительномъ комитетѣ и упомянулъ, что о причинахъ моего нежеланія продолжать службу въ Сѣверо-Западномъ краѣ ему могутъ дать точныя свѣдѣнія Божовскій и Синявскій. Божовскаго я просилъ повидаться съ Соловьевымъ и извѣстить меня въ Петербургѣ: могу ли я разсчитывать на скорый переводъ въ вѣдомство учредительнаго комитета. Не прошло двухъ недѣль, какъ я получилъ отъ Божовскаго извѣстіе, что Соловьевъ уже сдѣлалъ распоряженіе зачислить меня въ вѣдомство учредительнаго комитета, и на-дняхъ состоится о томъ приказъ. Дѣйствительно, я еще въ Петербургѣ получилъ приглашеніе Соловьева прибыть въ Варшаву, такъ какъ я причисленъ къ центральной по крестьянскимъ дѣламъ комиссіи, съ содержаніемъ въ 2.500 руб., то есть тѣмъ самымъ, что я получалъ въ Бобруйскѣ. Гвардейскому своему начальству и товарищамъ я откровенно разсказалъ свои новыя предположенія о службѣ и просилъ дать мнѣ отсрочку на нѣсколько времени, относительно отчисленія отъ гвардіи, чтобы я могъ убѣдиться: могу ли я сдѣлать такой рѣшительный шагъ, какъ уходъ изъ гвардіи навсегда; по сердцу ли придется мнѣ дѣло въ Варшавѣ. Начальство согласилось на это.

Въ Вильнѣ Левшинъ съ оскорбленнымъ видомъ выслушалъ, что я покидаю службу въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и доказывалъ мнѣ, что я дѣлаю неблагоразумный шагъ. Генералъ-губернаторъ Кауфманъ,

предупрежденный Левшинымъ о моемъ уходѣ, ласково простился со мною на оффиціальномъ пріемѣ. Минскій губернаторъ высказалъ нѣсколько любезныхъ сожалѣній. Тургенева уже не было въ Минскѣ; онъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ получилъ хорошее назначеніе.

Съ Бобруйскомъ я разстался спокойно. Я работалъ тамъ два года, услышалъ отъ крестьянъ и сослуживцевъ мировыхъ посредниковъ искреннія, неподдѣльныя сожалѣнія, что я покидаю ихъ. Друзья мои, баронъ Штейнгель и генералъ Пистолькорсъ, еще раньше меня уѣхали изъ Бобруйска. Баронъ Штейнгель былъ переведенъ на ту же должность въ Минскъ, а генералъ Пистолькорсъ получилъ прекрасное, спокойное мѣсто въ Петербургѣ, кажется, въ Военномъ Совѣтѣ. Образованнымъ, развитымъ людямъ тяжело было жить въ Бобруйской глуши, и мы всѣ покинули ее.

Очень скоро изъ Минской губерніи уѣхали Аполевъ и еще нѣсколько мировыхъ посредниковъ и членовъ повѣрочныхъ комиссій. Всѣ они, какъ и мы, ранѣе ушедшіе, сознавали, что при новомъ направленіи, водворившемся въ Минской губерніи, надо измѣнить русскому дѣлу, предать крестьянъ-бѣлоруссовъ въ руки поляковъ-помѣщиковъ. Таковъ былъ блестящій результатъ командировки полковника Хоментовскаго въ Минскъ, для успокоенія и приданія правильнаго направленія крестьянскому дѣлу. Онъ изгналъ изъ Минска именно тѣхъ лицъ, которыхъ, въ отчетѣ генералъ-губернатору Кауфману, самъ же назвалъ выдающимися дѣятелями; онъ не съумѣлъ заставить ихъ уважать его и принять его коварные совѣты измѣны. Достойный подвигъ Хоментовскаго былъ награжденъ: онъ получилъ конфискованное великолѣпное имѣніе Изяславль, въ 24 верстахъ отъ Минска, на желѣзной дорогѣ, у самой станціи того же названія. Климовъ получилъ имѣніе Кіевичи и Филипповичи, которое предлагалъ мнѣ Хоментовскій.

Мудрый управитель М. Н. Муравьевъ сдѣлалъ непростительную историческую ошибку. Онъ ввѣрилъ веденіе крестьянскаго дѣла неспособному лицу, слишкомъ мало занимался имъ. Не помогъ дѣлу и устроенный имъ совѣщательный комитетъ; дѣловыхъ, знающихъ людей скоро выжили оттуда, замѣнили ихъ людьми однородными съ главою—Левшинымъ. Крестьянское дѣло такъ и шло: шаталось вправо и влѣво, не выработало, что̀ требовалось для благоденствія края.

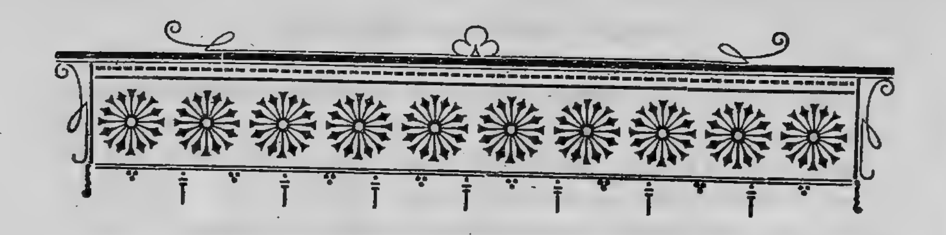
Что именно и какъ нужно было сдѣлать для правильнаго хода крестьянскаго дѣла, я увидѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ для этого была образована центральная комиссія по крестьянскимъ дѣламъ. Членами этой комиссіи были князь Черкасскій, Самаринъ, Кошелевъ, а руководителемъ опытный крестьянскій дѣятель Я. А. Соловьевъ,

бывшій начальникъ земскаго отдѣла при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Ѣдучи въ повозкѣ, а затѣмъ въ вагонѣ желѣзной дороги, я перебиралъ все пережитое, прочувствованное мною въ этомъ краѣ. Припомнилось мнѣ тяжелое впечатлѣніе перваго посѣщенія Вильны, мое недоумѣніе: не лучше ли оборотить оглобли, тотчасъ уѣхать изъ этой несимпатичной обстановки? Я говорилъ себѣ теперь: ты не могъ уѣхать, ты долженъ былъ остаться, работать тутъ; этого требовали долгъ гражданина, долгъ русскаго человѣка. Но первое твое впечатлѣніе, неблагопріятное, брезгливое, было вѣрно, и я уѣзжалъ съ твердымъ убѣжденіемъ: не можетъ идти дѣло здѣсь хорошо. Тутъ не было и нѣтъ правды; царствуютъ ложь, лицемѣріе.

Николай Полевой.

Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территоріальныя пріобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III [1]).

(Окончаніе).

Въ отвѣтъ на высылку отряда капитана Прасолова на правый берегъ Мургаба, авганцы выслали въ подкрѣпленіе находившемуся тамъ ихъ посту, въ составѣ до 50 человѣкъ, еще двѣ роты пѣхоты, къ которымъ присоединились переправленныя изъ лагеря двѣ сотни кавалеріи съ двумя орудіями. Къ нимъ подъѣхалъ и командующій авганскими войсками Наибъ-Саларъ. Этотъ отрядъ, подойдя къ нашему шаговъ на 800, потребовалъ у Прасолова немедленнаго его удаленія за Мургабъ, при чемъ, въ случаѣ если это требованіе не будетъ исполнено, угрожалъ прибѣгнуть къ силѣ. Капитанъ Прасоловъ, имѣя строгое приказаніе Комарова не вызывать столкновенія, вынужденъ былъ, не исполнивъ порученія, возвратиться въ свой лагерь. Авганцы же, захвативъ урядника, ѣхавшаго съ Прасоловымъ въ качествѣ переводчика, продержали его у себя болѣе часа, стараясь допытаться о намѣреніяхъ русскихъ войскъ, угрожали ему смертью и только присутствіе Наибъ-Салара помѣшало исполненію этой угрозы. Нанеся оскорбленія, авганцы отпустили урядника съ требованіемъ передать русскимъ, что они, авганцы, всегда готовы встрѣтить своихъ враговъ съ оружіемъ въ рукахъ.

По донесенію о ходѣ дѣлъ на правомъ берегу Мургаба 14 марта, Комаровъ отослалъ Прасолову двѣ записки, съ категорическими приказаніями въ обѣихъ немедленно возвратиться въ лагерь. Въ первой запискѣ Комаровымъ было еще добавлено, что онъ не желаетъ выставлять никакихъ постовъ на правомъ берегу Мургаба. Записка эта была перехвачена авганцами, а джигитъ, везшій ее, на цѣлую ночь былъ задержанъ въ ихъ лагерѣ.

[1]) См. „Русская Старина" мартъ 1910 г.

Положеніе натягивалось все болѣе и болѣе. Однако Комаровъ, желая до послѣдней минуты избѣгать столкновенія, приказалъ своимъ войскамъ не отвѣчать безъ его приказанія, если бы даже непріятель открылъ огонь.

Въ догонку сотнѣ Мервской милиціи, высланной на рекогносцировку расположенія лѣваго крыла авганскаго лагеря, выѣхалъ съ нѣсколькими сотнями кавалеріи авганскій джарнейль (перековерканное англійское слово general) Гось-Эддинъ-Ханъ. Встрѣча эта прошла однако благополучно. Подполковникъ Алихановъ вступилъ съ джарнейлемъ въ дружественный разговоръ и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ почти до самаго моста Ташъ-Кепри. Здѣсь, однако, Гось-Эддинъ-Ханъ попросилъ Алиханова удалиться, иначе высказывалъ необходимость прибѣгнуть къ оружію.

Затруднительнѣе всего несомнѣнно было положеніе мелкихъ постовъ: авганцы, пользуясь многочисленностью своей кавалеріи, не скупились наряжать на передовые посты большое число людей. Такимъ образомъ къ 16 марта не только линія нашихъ передовыхъ постовъ, но и самый бивуакъ оказались охваченными непріятельскими постами. Дерзость и нахальство авганцевъ все возростали: какъ только они могли съ кѣмъ-нибудь передать, не упускали случая высказывать: „здѣсь вамъ не мервцы, здѣсь не туркмены, здѣсь все авганцы, убирайтесь отсюда, иначе и васъ побьемъ, какъ не разъ бивали англичанъ“.

Нахальство ихъ дошло до того, что 16-го марта одинъ изъ авганскихъ разъѣздовъ, убѣдясь въ полной безнаказанности, подъѣхалъ на нѣсколько шаговъ къ самому бивуаку и остановился у самой переправы черезъ Мургабъ, которая, по приказанію Комарова, была устроена въ видѣ ничтожнаго парома на баклагахъ.

На вопросъ, что имъ нужно и на предложеніе немедленно удалиться, отвѣчали, что они желаютъ посмотрѣть, на чемъ русскіе переправляются, и только послѣ неоднократныхъ напоминаній отъѣхали на нѣсколько сотъ шаговъ. Лишь черезъ нѣсколько часовъ они удалились совсѣмъ.

Къ вечеру этого дня отъ капитана Іэта былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ на письмо Закржевскаго:

„Пендждe, суббота 28-го (16-го) марта 1885 г.

Г. Полковнику Закржевскому.

Г. Полковникъ.

Я долженъ поблагодарить Васъ за сегодняшнее любезное письмо и спѣшу отвѣтить на него, поблагодаривъ Васъ за то, что Вы ока-

зали мнѣ честь сообщить Его Превосходительству г. генералу Комарову о результатахъ нашего свиданія.

Я поспѣшилъ сообщить начальнику авганскихъ войскъ, что Вы упрекаете его въ ненадлежащихъ поступкахъ непригодныхъ для того, чтобы предотвратить столкновеніе. Онъ отвѣчалъ мнѣ упоминаніемъ объ экскурсіи г. полковника Алиханова, которую онъ находитъ довольно странною, и утвержденіемъ, что движеніе двухъ ротъ Вашихъ войскъ вдоль праваго берега Мургаба сдѣлало необходимымъ, съ военной точки зрѣнія, постановку на этомъ берегу наблюдательнаго поста.

Взвѣсивъ все надлежащимъ образомъ, я думаю, г. полковникъ, что было бы гораздо легче обсудить словесно дѣла, о которыхъ говорится въ Вашемъ письмѣ, и мнѣ кажется, что новое свиданіе было бы лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы придти къ удовлетворительному результату. Поэтому я надѣюсь, что Вы сдѣлаете мнѣ честь, примете небольшой завтракъ, который доставитъ намъ удовольствіе вновь повидаться съ Вами и съ нѣкоторыми изъ тѣхъ господъ, съ которыми мы имѣли удовольствіе недавно познакомиться.

Завтра, въ воскресенье въ 3 часа по полудни, я буду нѣсколько впереди Пули-Хисти (Ташъ-Кепри); но если этотъ часъ и это мѣсто для Васъ неудобны, прошу Васъ назначить мнѣ день, часъ и мѣсто по Вашему выбору. Я буду безусловно къ Вашимъ услугамъ, и, вмѣстѣ съ моими сотоварищами, надѣюсь, что Вы найдете возможнымъ доставить намъ удовольствіе новаго свиданія.

Имѣю честь просить васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи

Ч. Э. Іэтъ, политическій агентъ,
капитанъ Ея Британскаго Величества".

„Отрядъ нашъ,—пишетъ въ газ. „Кавказъ" Е. В. Семевскій, одинъ изъ участниковъ описываемыхъ событій,—былъ крайне возмущенъ нахальствомъ авганцевъ. Въ разговорѣ между собою офицеры выражали неудовольствіе, видя спокойное и хладнокровное отношеніе командующаго войсками къ этимъ выходкамъ. Только безграничное довѣріе и уваженіе къ генералу Комарову всѣхъ офицеровъ отряда могли сдерживать порывы негодованія, вызываемые оскорбительными для достоинства русскихъ войскъ дерзкими наступательными движеніями авганцевъ. Еще съ 14-го марта, т. е. на другой же день по прибытіи отряда, авганцы, видя, что мы стоимъ далеко отъ берега Кушка, переправили на нашу сторону значительныя силы и укрѣпились на возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ мостомъ, поставивъ на нихъ батарею изъ 4 орудій".

Не съ такимъ довѣріемъ къ нашему бездѣйствію относились представители туркменскаго населенія. Не имѣя представленія о политическихъ соображеніяхъ, они не знали, чѣмъ объяснить ту осторожность, которая руководила образомъ дѣйствій Комарова. Косые взгляды, разговоры вполголоса между ханами о храбрости авганцевъ и силѣ англичанъ и о малочисленности нашихъ войскъ еще болѣе разжигали чувство оскорбленнаго самолюбія, таившагося въ сердцѣ каждаго солдата.

Всѣ чувствовали какое-то томленіе, неловкость. Офицеры, сидѣвшіе въ своихъ палаткахъ, каждый дѣлалъ видъ, что чѣмъ-то занятъ, но одна и та же гнетущая, тяжелая дума неотвязно занимала всѣ умы, вызывая временами слезу досады и негодованія.

Единственный человѣкъ въ отрядѣ, сохранившій по крайней мѣрѣ наружное спокойствіе, былъ генералъ Комаровъ. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и легкой усмѣшкой смотрѣлъ онъ на надвигающіеся авганскіе посты и на окружающія его мрачныя лица.

„Не могъ же онъ не чувствовать того, что и всѣ мы", говорили болѣе благоразумные, утѣшая себя мыслью, что подобная выдержка необходима для того, чтобы дать во всей силѣ выразиться безтактности и дерзости авганскихъ военноначальниковъ и тѣмъ снять съ отряда всякую отвѣтственность за могущее произойти столкновеніе".

Видя, что дерзость авганцевъ, оставаясь ненаказанной, все возростаетъ и что, если такъ будетъ продолжаться, то черезъ нѣсколько дней придется самому быть атакованнымъ,—предположеніе, которому впослѣдствіи явились подтверждающія данныя [1]), замѣчая возбужденное состояніе всего отряда и, наконецъ, броженіе и даже умаленіе русскаго обаянія между туркменскими почетными людьми и ханами, Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ нашелъ, что тянуть далѣе такое положеніе невозможно, и потому рѣшилъ предпринять крайнія мѣры.

Желая же исчерпать, все-таки, всѣ мѣры къ мирному разрѣшенію вопроса, Комаровъ приказалъ подполковнику Закржевскому написать слѣдующій отвѣтъ на послѣднее письмо капитана Іэта:

17-го (29-го) марта 1885 г.

„Г. Капитанъ.

Въ отвѣтъ на Ваше любезное письмо, спѣшу увѣдомить Васъ, милостивый государь, что я готовъ прибыть на указанное Вами мѣсто въ указанный часъ. Мнѣ кажется, было бы лучше пригласить

---

[1]) Донесеніе русскаго дипломатическаго агента Таирова въ Бунджнурѣ и Кочанѣ.

къ участію въ нашихъ переговорахъ кого-нибудь изъ начальниковъ авганскихъ войскъ.

Прошу Васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи

Н. Закржевскій, подполковникъ".

Самъ же Комаровъ въ тотъ же день послалъ съ разъѣздомъ, подъ командою сотника Копцева, слѣдующее письмо начальнику авганскихъ войскъ Наибъ-Салару-Темуршахъ-Хану:

„Командующему авганскими войсками:

Требую, чтобы сегодня, до вечера, всѣ подчиненные Вамъ военные чины до единa возвратились въ прежнія стоянки свои на правый берегъ рѣки Моръ (Кушкъ), чтобы посты ваши на правомъ берегу Мургаба не спускались ниже соединенія рѣкъ. Переговоровъ и объясненій по этому вопросу не будетъ. Вы, обладатель ума и проницательности, вѣроятно, не допустите, чтобы я свое требованіе привелъ въ исполненіе самъ.

17-го марта 1885 года, Ташъ-Кепри.

Командующій войсками Закаспійской Области

генералъ-лейтенантъ Комаровъ".

Въ назначенное время, подполковникъ Закржевскій явился на свиданіе съ англичанами. Закржевскій спросилъ, передавалъ ли Наибъ-Саларъ содержаніе письма Комарова и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освѣдомился, передавали ли его просьбу пригласить на свиданіе кого-нибудь изъ авганскихъ начальствующихъ лицъ. На это капитанъ Іэтъ отвѣчалъ, что онъ съ полной готовностью исполнить это желаніе Закржевскаго, говорилъ о немъ Наибъ-Салару, но тотъ отвѣтилъ, что въ настоящій день онъ считаетъ необходимымъ, чтобы всѣ авганскіе начальники не отлучались отъ своихъ людей. Затѣмъ на упоминаніе о назойливомъ выдвиженіи авганцами постовъ, вслѣдствіе котораго положеніе русскихъ войскъ сдѣлалось невыносимымъ, капитанъ Іэтъ отвѣчалъ, что расположеніе нѣкоторыхъ авганскихъ аванпостовъ измѣнить можно, но совершенное удаленіе ихъ за Кушкъ будетъ равносильно оставленію позицій, которыя авганцы, на основаніи соглашенія между заинтересованными кабинетами, въ правѣ занимать безпрепятственно; при этомъ просилъ самого подполковника Закржевскаго отвѣтить, гдѣ именно находились авганскіе посты въ день соглашенія 5/17 марта.

На это Закржевскій отвѣтилъ, что онъ признаетъ, что дѣйствительно авганскіе посты въ указанный день находились на лѣвомъ берегу Кушка, но эти посты были составлены всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ, что русскіе разъѣзды тоже доходили до Кушки и моста Ташъ-Кепри, а теперь, разъ русскія войска подошли къ р. Кушкѣ, лѣваго его берега они не покинутъ и занимать его считаютъ себя въ правѣ, на основаніи того же соглашенія, о которомъ говорится въ телеграммѣ лорда Гранвилля, копія съ которой ему прислана. Наступательныя же дѣйствія авганскихъ постовъ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ условіями, поставленными въ той же телеграммѣ.

Въ отвѣтъ на это капитанъ Іэтъ со своими спутниками просили указать, до какого именно пункта русскіе претендуютъ на лѣвый берегъ рѣки Кушки. На это Закржевскій отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ полномочій для отвѣта на этотъ вопросъ, генералъ же Комаровъ требуетъ очищенія авганскими постами мѣстности на лѣвомъ берегу р. Кушки собственно противъ русскихъ постовъ, только у Ташъ-Кепри, именно съ цѣлью избѣжанія столкновенія, поставивъ между аванпостами обѣихъ сторонъ естественную преграду; но даже и этими требованіями не желаетъ предрѣшать могущихъ состояться впослѣдствіи рѣшеній смѣшанной пограничной комиссіи.

Послѣ этого послѣдовали долгія пренія на англійскомъ языкѣ между капитаномъ Іэтомъ и его товарищами относительно того, слѣдуетъ ли имъ уступить требованіямъ русскихъ или нѣтъ.

Состоявшій при отрядѣ, чиновникъ особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками кавказскаго военнаго округа Семевскій, знавшій англійскій языкъ, былъ очень удивленъ, когда, придя между собою къ рѣшенію не дѣлать уступокъ, переводчикъ передалъ подполковнику Закржевскому на французскомъ языкѣ, что капитанъ Іэтъ, не имѣя никакой власти надъ авганскими военноначальниками, сдѣлаетъ однако все, что будетъ въ его силахъ, чтобы убѣдить ихъ исполнить то, что требуетъ генералъ Комаровъ.

На этомъ свиданіе закончилось.

Во время переговоровъ конвой англійскихъ офицеровъ, состоявшій изъ индійскихъ всадниковъ, слился съ казаками, сопровождавшими Закржевскаго, и всѣ были поражены, когда при разставаніи они самымъ дружескимъ образомъ пожали другъ другу руки. Это обстоятельство обратило на себя особое вниманіе капитана Іэта, который и высказалъ своимъ товарищамъ недоумѣніе, какимъ образомъ, не понимая другъ друга, индійцы могли въ такое короткое время сойтись съ казаками.

Выслушавъ подробный докладъ Закржевскаго о результатахъ переговоровъ и видя, что ни они, ни категорическія требованія не приведутъ ни къ чему, такъ какъ авганцы на нихъ пока отвѣтили лишь усиленными работами по возведенію укрѣпленій на нашемъ берегу Кушка, Комаровъ рѣшилъ, что необходимо привести въ исполненіе поставленныя авганцамъ требованія немедленно.

Съ этой цѣлью въ тотъ же день къ 8 часамъ вечера Александръ Виссаріоновичъ созвалъ начальниковъ частей Мургабскаго отряда, изложилъ передъ ними сущность положенія и отдалъ приказанія, съ утра 18-го марта, начать наступленіе и атаковать авганцевъ.

Лишь только къ 10 часамъ вечера Наибъ-Саларъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Его Превосходительству храброму и отважному генералу-богатырю. Да увеличится его любезность.

Сегодняшнее письмо Ваше относительно отступленія и движенія баталіоновъ, караульныхъ и проч. получилъ.

Такъ какъ я получилъ отъ Его Превосходительства господина Гератскаго Наиба-Уль-Гукуме инструкцію, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ совѣтываться съ господиномъ богатыремъ - капитаномъ Іэтомъ, назначеннымъ сюда со стороны Его Превосходительства господина богатыря-генерала сэръ Петръ Лемсдена, комиссіонера пограничной комиссіи, то, согласно этому приказанію Гератскаго Правителя Наиба-Уль-Гукуме, письмо Ваше показалъ господину богатырю-капитану Іэту. Господинъ капитанъ, послѣ разсмотрѣнія письма Вашего, имѣлъ свиданіе съ господиномъ полковникомъ Закржевскимъ и происходившіе между г. капитаномъ и г. полковникомъ переговоры г. капитанъ въ подробности объяснилъ мнѣ.

Да будетъ извѣстно Его Превосходительству, что для меня обязательно необходимо душею и сердцемъ исполнять послѣдовавшее отъ Его Свѣтлости Господина Эмира приказаніе, и я ни за что не могу противодѣйствовать приказанію своего Царя.

Само собою въ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣйствіяхъ, а именно движеніи и измѣненіи отдѣльныхъ передовыхъ разъѣздовъ и караульныхъ, состоящихъ передъ фронтомъ баталіоновъ (войскъ) обоихъ Государствъ—я согласенъ сходиться съ Его Превосходительствомъ генераломъ Комаровымъ, господиномъ старшимъ офицеромъ Русскаго Государства, дабы изъ-за такихъ маловажныхъ дѣлъ не происходило злодѣяній и раздоровъ.

12 Джемадисани 1302 г. Гиджры, согласно 29 марта 1885 года Темуршахъ - ханъ, Наибъ - Саларъ Гератскихъ и Пендженскихъ войскъ“.

Это письмо вполнѣ подтвердило мнѣніе Комарова и его распоряженія о наступленіи и атакѣ остались неизмѣненными. Однако, желая еще разъ сдѣлать шагъ къ мирному разрѣшенію спорнаго дѣла, А. В. Комаровъ послалъ слѣдующее дружеское, полуоффиціальное письмо Наибъ-Салару:

„Конфиденціально.

Наибъ-Салару. (Переводъ съ персидскаго языка, послѣ обычнаго титула: „уважаемому, отважному и благородному“). Отвѣтъ Вашъ получилъ. Въ видахъ сохраненія дружественно-сосѣдскихъ отношеній, считаю необходимымъ объяснить, что маловажныя измѣненія передовыхъ постовъ и разъѣздовъ я, въ силу данной мнѣ своимъ Правительствомъ задачи, могу допустить только въ видѣ исполненія сегодняшняго письма моего, въ коемъ объяснены мои предложенія. Хотя совѣтники Ваши, о которыхъ Вы пишете, видимо, стараются разорвать дружественныя наши отношенія, но все-таки повторяю, что неснятіе вновь созданныхъ постовъ Вашихъ и карауловъ на ту сторону рѣки Кушка не влечетъ за собою хорошихъ послѣдствій, въ чемъ, послѣ сего вторичнаго письма своего, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность, ибо честь и высокое положеніе Россіи не могутъ допускать, чтобы не враждебно-расположенный лагерь войскъ ея былъ охваченъ дерзко-враждебными постами и разъѣздами.

Да поможетъ Вамъ Господь въ разрѣшеніи этого дѣла и установленіи, вмѣсто вражды, дружественно-сосѣдскихъ отношеній, дабы впослѣдствіи не каяться въ послушаніи чужихъ безполезныхъ совѣтовъ. Выборъ дружбы и вражды будетъ зависѣть отъ Васъ.

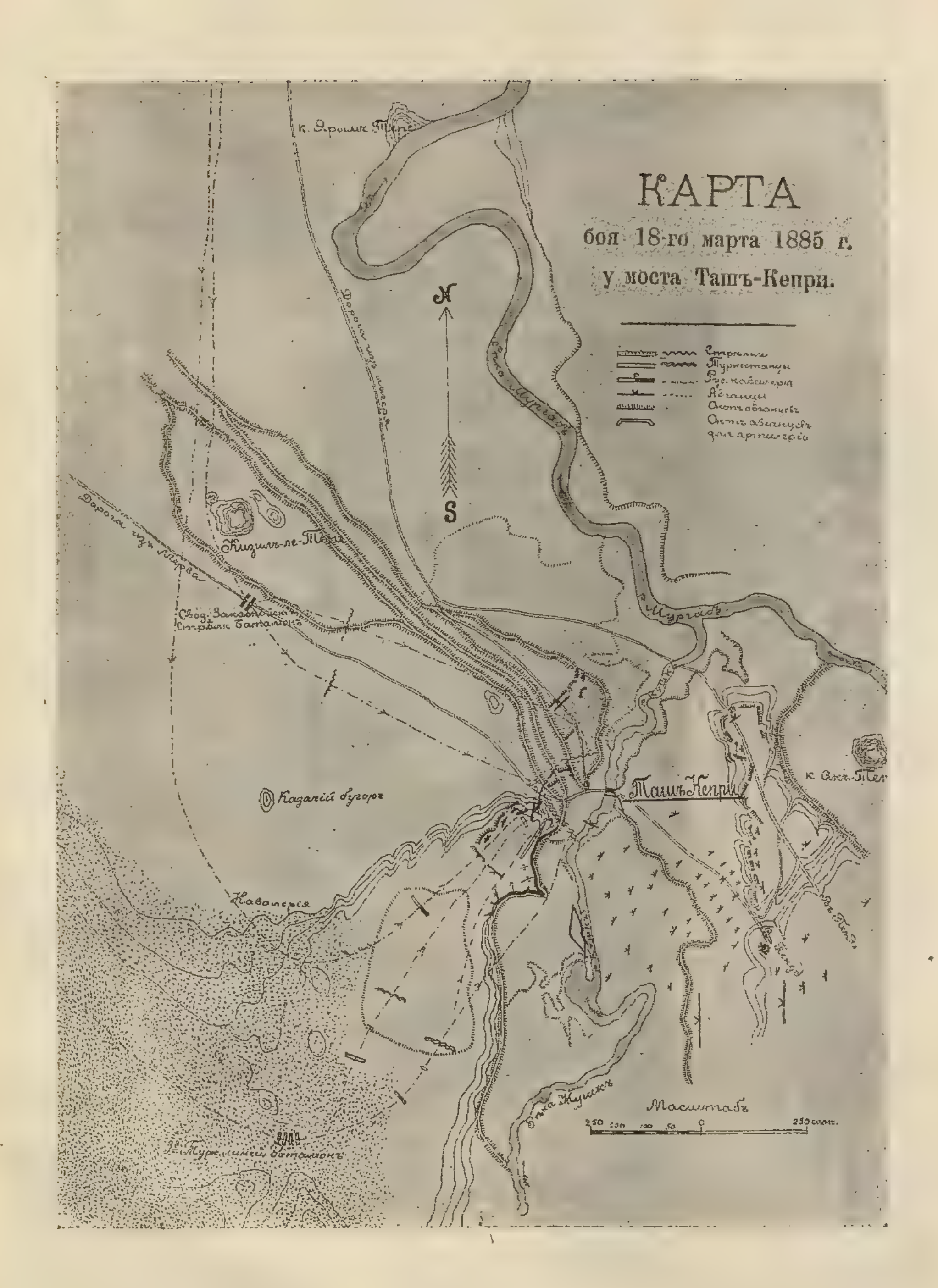
Командующій войсками

Генералъ-Лейтенантъ Комаровъ“.

Лишь только распоряженіе о наступленіи стало извѣстно въ отрядѣ, какъ все сразу оживилось. „Куда дѣвались,—пишетъ участникъ,—прежнія угрюмыя лица, повсюду слышались радостныя восклицанія: „Наконецъ-то!“. „Слава Богу, силъ не было больше терпѣть“.

На другой день, 18-го марта, Мургабскій отрядъ, оставивъ на бивуакѣ лишь караульныхъ да часть нестроевыхъ, всего около 50 человѣкъ, согласно отданной ему наканунѣ диспозиціи, повелъ наступленіе тремя колоннами.

Первая колонна, въ составѣ 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и полубатареи 6-й горной батареи 21-й артиллерійской Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны

бригады (4 роты, 4 орудія), подъ общимъ начальствомъ командира названнаго баталіона полковника Казанцева, пошла согласно диспозиціи песчаными буграми для того, чтобы сразу войти во флангъ и тылъ передовому участку непріятельской позиціи.

Вторая кавалерійская колонна, въ составѣ 1, 2 и 3-й сотенъ 1 Кавказскаго коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска и сотни временной Мервской Туркестанской милиціи, съ присоединенными къ ней Туркестанскими ханами, почетными старшинами съ ихъ свитою и 7 всадниками Ахалъ-Текинской милиціи, составлявшихъ личный конвой А. В. Комарова, подъ общимъ начальствомъ начальника Мервскаго округа подполковника Алиханова, пошла нѣсколько лѣвѣе, чѣмъ слѣдовало бы по диспозиціи, вслѣдствіе чего очутилась къ началу боя въ центрѣ позиціи. Положеніе это Комаровъ однако не счелъ нужнымъ измѣнить и впослѣдствіи, во время самаго боя, такъ какъ оно, по ходу сраженія, оказалось выгоднымъ.

Третья, лѣвая, колонна въ составѣ 2-й и 3-й ротъ 3-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона и двухъ ротъ, тѣхъ же нумеровъ, 1-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, подъ общимъ начальствомъ полковника Семеновичъ-Никшича выступила, какъ и всѣ другія колонны, въ 4 часа утра и пріостановилась согласно диспозиціи за бугромъ Кизилъ-ле-Тепе.

Авганскія войска были расположены такъ: такъ называемый военный Ташъ-Кепринскій бугоръ на лѣвомъ берегу Кушка составлялъ передовой пунктъ ихъ общей позиціи.

На этомъ бугрѣ авганцы ожидали насъ въ полной готовности. Авганская кавалерія въ составѣ приблизительно около 1.200 коней имѣла на флангахъ около роты пѣхоты, въ окопахъ находилось четыре орудія, а правѣе и нѣсколько отступя назадъ, но на лѣвомъ же берегу Кушка, было выстроено нѣсколько ротъ регулярной пѣхоты и 3 орудія, всѣ прикрытыя окопами съ бойницами для стрѣлковъ и амбразурами для пушекъ.

Остальныя авганскія войска были выстроены впереди своего лагеря на правомъ берегу Кушка. Около 200 человѣкъ во все время боя оставалось на правомъ берегу Мургаба.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи, оказалось, что противъ отряда Комарова было выдвинуто около 4.000 человѣкъ при восьми орудіяхъ. Кромѣ того часть кавалеріи подъ начальствомъ Джемшидскаго Еланташъ-Хана охраняла авганскій лагерь отъ предполагаемаго нападенія сарыковъ.

Наша кавалерія, пошедшая болѣе прямой дорогой, чѣмъ ей было опредѣлено диспозиціей, опередила туркестанцевъ и въ началѣ 6-го часа утра поднялась на Ташъ-Кепринскій бугоръ и, подойдя шаговъ

на 500 къ фронту авганской кавалеріи, остановилась и, выстроившись, стала поджидать подхода туркестанцевъ, находившихся приблизительно въ верстѣ разстоянія.

Къ кавалеріи Комаровъ приказалъ пристроиться горной полубатареѣ, а сводному Закаспійскому баталіону, стоявшему у Кизилъ-ле-Тепе, подвинуться, для поддержанія кавалеріи, впередъ.

Командующій баталіономъ самъ предупредилъ приказаніе и въ строю по-ротно подошелъ къ назначенному ему мѣсту.

До сихъ поръ ни съ той, ни съ другой стороны еще не раздалось ни одного выстрѣла.

Съ разсвѣтомъ аванпосты обѣихъ сторонъ были уже сняты и отошли къ своимъ частямъ.

Для наблюденія за флангами авганскихъ войскъ Комаровъ выслалъ: въ пески (на правый флангъ) разъѣздъ изъ джигитовъ, а за лѣвымъ флангомъ выставилъ постъ изъ трехъ казаковъ на Ярымъ-Тепе.

Около 6 часовъ утра на позицію подошли туркестанцы; къ нимъ была направлена горная полубатарея.

Въ это время къ авганской кавалеріи подъѣхалъ Наибъ-Саларъ и привѣтствовалъ свои войска словами: „Подвизайтесь во славу Божію“. На это авганцы, призывая Аллаха, отвѣчали троекратнымъ крикомъ, что они будутъ сражаться во имя Господне.

Подполковникъ Алихановъ, предполагая, что за этими криками немедленно послѣдуетъ атака, спѣшилъ своихъ казаковъ и джигитовъ, у которыхъ были ружья, а въ сомкнутомъ конномъ строю оставилъ только вооруженныхъ саблями.

Ожидаемой атаки немедленно, однако, не послѣдовало, такъ какъ авганцы видимо не могли сразу рѣшиться. Русскія же войска получили отъ А. В. Комарова приказаніе отвѣчать лишь только тогда, когда они къ этому будутъ вынуждены авганскимъ огнемъ.

Спустя нѣсколько минутъ по отъѣздѣ Наибъ-Салара, со стороны непріятеля послышались первые выстрѣлы по нашей кавалеріи.

Когда Алиханову есауломъ Фальчиковымъ было сообщено, что у одного казака ранена лошадь, онъ приказалъ своимъ спѣшившимся казакамъ и джигитамъ дать залпъ и затѣмъ открылъ огонь опредѣленнымъ числомъ патроновъ по времени. На это авганцы отвѣчали сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ по всей своей линіи.

Русскіе выстрѣлы заставили ихъ спрятать свою пѣхоту въ окопы. Нашъ огонь оказался настолько сильнымъ, что на первыхъ же порахъ авганская кавалерія поколебалась, и лишь спустя нѣкоторое

время, оправившись, снова начала, повидимому, готовиться къ атакѣ. Часть ея, силою до 300 коней, имѣя цѣлью зайти въ тылъ нашей кавалеріи, спустилась съ бугра.

Противъ второго непріятельскаго отряда Алихановымъ была направлена сотня Мервскихъ милиціонеровъ, поддерживаемая огнемъ съ коня коноводами. Полковникъ Никшичъ, оставивъ на нѣкоторое время безъ вниманія направленный на его колонну огонь, сдѣлалъ три залпа по надвигавшейся авганской кавалеріи, а туркестанцы, по приказанію Комарова, перевели на нее свой огонь.

Такой убійственной встрѣчи авганцы не выдержали и безпорядочной массою стали отступать къ рѣкѣ Кушкъ, бросались съ кручъ внизъ и, толпясь густыми массами, стали переправляться на правый берегъ рѣки. При этомъ ими были понесены весьма крупныя потери отъ мѣткихъ пуль туркестанцевъ, провожавшихъ ихъ съ близкаго разстоянія.

Пущенные Алихановымъ милиціонеры для атаки заскакавшихъ въ тылъ нашей кавалеріи авганцевъ смѣшались, и только нѣсколько храбрецовъ во главѣ съ командовавшимъ этою сотнею, прапорщикомъ Баба-Ханомъ, сразу же врубились въ ряды авганцевъ. Замѣтивъ замѣшательство, подполковникъ Алихановъ подскакалъ къ джигитамъ и крикнулъ имъ: „умрите тутъ всѣ или истребите ихъ“. Такого напоминанія оказалось достаточно, и сотня дружно бросилась въ сабли.

Туркестанцы, для лучшаго поддержанія нашей кавалеріи, нѣсколько растянули свой флангъ, и ихъ огонь оказался настолько дѣйствительнымъ, что и послѣдніе остатки авганцевъ, не выдержавъ его, кинулись съ Ташъ-Кепринскаго бугра за Кушкъ, оставивъ на нашихъ рукахъ четыре орудія и взятое съ боя урядникомъ Туркменской милиціи Аманъ-Клычемъ знамя.

Между тѣмъ полковникъ Никшичъ повелъ свою колонну въ атаку на траншеи лѣваго участка передовой авганской линіи.

Авганцы не выдержали удара въ штыки и бросились бѣжать на ту сторону Кушка, снова оставивъ на нашихъ рукахъ еще три орудія и знамя, взятое унтеръ-офицеромъ 6-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона Кобылкинымъ. При бѣгствѣ они оставили на своихъ траншеяхъ, по всей ихъ длинѣ, сплошной рядъ труповъ.

Поддерживая артиллерійскій огонь съ Акъ-Тепе, авганцы, желая попытаться еще разъ помѣриться съ нашимъ отрядомъ своими силами, начали было выстраиваться отчасти впереди, а большею частью правѣе (западнѣе) своего главнаго лагеря на правомъ берегу Мургаба и силились поддержать свой ружейный огонь.

Однако, губительный огонь туркестанцевъ и быстрое, по приказанію Комарова, наступленіе всѣхъ частей русскихъ войскъ не дали имъ возможности снова собраться съ силами, и авганцы, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, бросились въ полномъ разстройствѣ бѣжать.

Преслѣдовать авганцевъ Комаровъ не приказалъ, желая доказать, что единственною его цѣлью было приведеніе въ исполненіе требованія объ очищеніи лѣваго берега Кушки. Съ этою же цѣлью Комаровъ не только остановилъ движеніе своего отряда въ Пендэ, но даже не остался ночевать въ авганскомъ лагерѣ, и спустя нѣсколько часовъ послѣ боя перевелъ обратно свои войска на лѣвый берегъ Кушка, гдѣ и расположился бивуакомъ. На Акъ-Тепе по его распоряженію былъ выставленъ наблюдательный постъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, дабы обезопасить бивуакъ отъ возможныхъ случайностей. Мѣра эта была необходима, такъ какъ часть авганцевъ, въ то время, когда занимали ихъ лагерь, попрятались въ палаткахъ, ямахъ и подъ арками моста и оттуда стрѣляли по нашимъ войскамъ.

Несмотря на то, что преслѣдованія бѣжавшихъ авганцевъ не было, пораженіе ихъ оказалось полнымъ. Вся мѣстность, занимаемая ихъ лагеремъ и позиціями, была сплошь усѣяна трупами, большое число которыхъ было унесено быстрымъ теченіемъ Кушка.

Какъ передавали впослѣдствіи развѣдчики, самъ Джарнейль считалъ, что имъ потеряно до 1.000 человѣкъ убитыми, а изъ числа бѣжавшихъ болѣе половины приходилось на раненыхъ.

Кромѣ того, авганцы потеряли убитыми одного корнейля, двухъ капитановъ, начальника Герзаринской кавалеріи Ширъ-Хана, а самъ Наибъ-Саларъ былъ раненъ, какъ передавали, двумя пулями. Въ русскихъ рукахъ авганцы оставили всю свою артиллерію въ 8 орудій съ зарядными ящиками и артиллерійскими запасами, два знамени пѣхотныхъ баталіоновъ, огромный бунчукъ Джарнейля, барабаны, трубы и продовольственные и боевые запасы, а также и весь верблюжій транспортъ, въ количествѣ до 70 головъ [1]).

---

[1]) Въ шатрѣ авганскаго генерала были найдены, между прочимъ, его расшитый парадный мундиръ, щегольская каска, кальянъ, сабля, двухстволка, панталоны съ золотымъ лампасомъ и новые лакированные ботфорты съ клеймомъ «Лондонъ». Полагая, что ботфорты эти принадлежали одному изъ англійскихъ офицеровъ, мы передали ихъ джигиту, съ приказаніемъ догнать бѣглецовъ и вручить ихъ хозяину. Джигитъ исполнилъ приказаніе. Но англичане сапогъ не приняли, говоря, что ихъ хозяинъ— Наибъ-Саларъ... (Записки Алиханова-Аварскаго).

Отбитыя пушки впослѣдствіи были отправлены, до полученія приказаній, въ Асхабадъ, а знамена съ подполковникомъ Закржевскимъ, вмѣстѣ съ донесеніями, къ князю Дондукову-Корсакову. Всѣ продовольственные запасы, по приведеніи количества ихъ въ извѣстность, Комаровъ приказалъ обратить въ собственность казны, порохъ же и свинецъ были затоплены.

Такъ какъ преслѣдованія бѣжавшихъ авганъ не было, то въ плѣнъ попали лишь только тѣ, которые сами пожелали сдаться; такихъ оказалось лишь 24 человѣка, изъ которыхъ 17 раненыхъ.

Плѣнные сообщили свѣдѣнія о своихъ начальствующихъ лицахъ, о времени начатія постройки укрѣпленій, о роли англичанъ и о томъ, что отъ сарыковъ было потребовано подкрѣпленіе въ 1.000 стрѣлковъ и что день боя былъ назначенъ по полученіи отъ нихъ окончательнаго отвѣта.

Впослѣдствіи А. В. Комаровъ доносилъ:

„Такую полную побѣду я могу приписать доблестному поведенію всѣхъ чиновъ отряда. Начальники колоннъ выказали въ превосходной степени духъ почина, предупреждая приказанія, когда нужно было одной части поддержать другую, для достиженія общей поставленной цѣли; всѣ г.г. офицеры служили прекраснымъ примѣромъ беззавѣтной храбрости и исполнительности для нижнихъ чиновъ. Нижніе чины исполняли каждую команду безъ замедленія такъ дружно и стройно, какъ не всегда на ученіи. Во время боя ни одинъ человѣкъ не ступилъ ни шагу назадъ. Джигиты употребляли всѣ усилія стать достойными Государевыми слугами и своею кровью заслужили право на братское товарищество съ регулярными войсками“.

Боемъ руководилъ подъ непріятельскимъ огнемъ самъ Комаровъ.

„Самъ былъ въ огнѣ, но Господь сохранилъ меня въ невредимости“, писалъ онъ своей семьѣ.

Несомнѣнно громадное значеніе въ исходѣ боя имѣло то, что Комаровъ лично отдавалъ приказанія, несмотря на грозившую ему опасность, а также вѣра, любовь и уваженіе, которыми онъ пользовался въ средѣ какъ офицерскаго состава, такъ и нижнихъ чиновъ отряда, вслѣдствіе чего всѣ приказанія его исполнялись немедленно и точно. Прекрасно составленная диспозиція имѣла весьма важное значеніе, особенно при наличности только что указанныхъ условій.

Во время Кушкинскаго боя Мургабскій отрядъ потерялъ убитыми: одного оберъ-офицера, прапорщика милиціи Сеидъ-Назара-Юзбаши, пользовавшагося любовью всего отряда, за добрый характеръ и

выдающійся умъ, семь человѣкъ нижнихъ чиновъ своднаго Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона и одного джигита Мервской милиціи; ранены два оберъ-офицера—командиръ 1-й сотни 1-го Кавказскаго казачьяго полка сотникъ Кобцовъ и подпоручикъ 6-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона Хабаловъ и нижнихъ чиновъ: своднаго Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона—11, 3-го Туркестанскаго—2, казакъ—1 и туркменъ милиціонеровъ—4. Контужены: командиръ 3-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона полковникъ Никшичъ, того же баталіона подпоручикъ Косминъ и 6-го Закаспійскаго баталіона капитанъ Курочкинъ. Нижнихъ чиновъ контужено: своднаго баталіона—15, туркменцевъ 1 и двое казаковъ.

По окончаніи боя капитаномъ Іэтомъ, на имя подполковника Закржевскаго, были присланы два письма. Въ первомъ капитанъ передаетъ, что если намъ нужно, то докторъ Оуэнъ предлагаетъ свои услуги; второе же письмо, какъ заключительный аккордъ дѣятельности англичанъ, заслуживаетъ быть приведено полностью:

„Пендже 30 (18) марта 1885 г.

Г. Полковникъ.

Позвольте мнѣ просить свиданія съ Вами и сказать Вамъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мы не находимся въ безопасности и просимъ у Васъ покровительства и конвоя.

Имѣю честь просить Васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ дипломатическій агентъ“.

На первое письмо Комаровъ приказалъ не отвѣчать, а что касается до второго, то онъ поручилъ Закржевскому въ сопровожденіи трехъ офицеровъ и джигитовъ отправиться въ Пендэ къ капитану Іэту и предложить ему, отъ имени командующаго русскими войсками, просимый конвой и покровительство.

Однако оказать этой услуги англичанамъ Закржевскій не былъ въ состояніи, такъ какъ, когда онъ пріѣхалъ въ аулъ, въ которомъ жилъ капитанъ Іэтъ со своими товарищами, они уже уѣхали, а посланнымъ въ догонку за ними джигитамъ англичане ничего не отвѣтили.

Послѣ боя Комаровымъ были высланы развѣдчики, которые по возвращеніи донесли, что авганцы главною массою побѣжали по направленію на Бала-Мургабъ, а остальная меньшая часть по направленію на Кала-и-Моръ, что бѣгутъ они безъ оглядки, минуя сарыкскіе аулы, и впервые на ночлегъ остановились лишь только

въ Бала-Мургабѣ, откуда однако продолжали немедленно свое бѣгство изъ-за недостатка въ указанномъ пунктѣ продовольственныхъ припасовъ, по направленію на Кале-и-Ноу къ Герату.

Развѣдчики узнали, что джарнейль Госъ-Эдинъ-Ханъ во время бѣгства получилъ отъ Гератскаго Наибъ-Уль-Гукуме предложеніе держаться противъ русскихъ дальше и сообщеніе о высылкѣ подкрѣпленія. Передавали, что джарнейль, прочтя письмо, выразивъ негодованіе и досаду, воскликнулъ: „Теперь уже ничего не надо, потому что все пропало“.

Засимъ развѣдчики сообщили, что негодованіе противъ англичанъ развилось не только въ сарыкахъ, но и въ самихъ авганцахъ. Авганцы сожгли англійскій лагерь, а сарыки, нанявшіеся перевозить багажъ англичанъ, вмѣсто того, чтобы доставить его по назначенію, присвоили себѣ и увезли въ свои аулы.

Генералъ Лемсденъ, по этимъ свѣдѣніямъ, ушелъ изъ Гюрнеме въ Кюсанъ, куда перебрались и всѣ члены комиссіи.

Высланные на рекогносцировки: 21 марта въ Кала-и-Моръ капитанъ Прасоловъ и 22 подполковникъ Алихановъ на Меручакъ по возвращеніи подтвердили свѣдѣнія, добытыя развѣдчиками, и сообщили, что авганцевъ на далекое разстояніе нѣтъ нигдѣ, и что, слѣдуя по пути ихъ отступленія, они видѣли массу свѣжихъ могилъ, обозначавшихъ дорогу, по которой бѣжали авганцы.

Громадное число бѣжавшихъ погибло отъ холода, голода, напряженія силъ и другихъ лишеній. Положеніе авганцевъ дѣйствительно должно было быть отчаяннымъ, въ виду стоявшихъ морозовъ, отсутствія продовольственныхъ припасовъ и теплой одежды, оставленной въ лагерѣ на берегу Кушка.

Оставшіеся на полѣ битвы авганцы были по приказанію Комарова похоронены сарыками, изъ ближайшихъ ауловъ. Заявивъ свои симпатіи русскимъ, сарыки исполнили это требованіе Комарова съ охотою.

Спустя нѣсколько дней послѣ боя, 26 марта Комаровъ отправилъ Наибъ-Салару слѣдующее письмо:

„Высокостепенному, славному и благородному.

Послѣ добрыхъ пожеланій, считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что попавшія изъ состава ввѣренныхъ Вамъ войскъ, въ качествѣ плѣнныхъ, лица, снабженныя продовольствіемъ и деньгами на дорожные расходы, освобождены и отправились на мѣсто своего жительства, что семнадцать человѣкъ раненыхъ приняты въ госпиталь на лѣченіе и, по мѣрѣ выздоровленія, будутъ освобождены и отправятся къ Вамъ, и что убитые всѣ, съ помощью мусульманъ, похоронены согласно

правиламъ шаріата, въ чемъ можете быть спокойнымъ, ибо я, съ самаго начала, вовсе не имѣлъ намѣренія сталкиваться и воевать, кромѣ лишь исполненія справедливаго требованія своего и въ результатѣ, въ предѣлахъ того же требованія, расположилъ лагерь на этомъ берегу рѣки, оставаясь съ подданными и войсками Авганистана всегда въ добрыхъ и дружественныхъ отношеніяхъ, безъ всякихъ враждебныхъ цѣлей.

25 марта 1885 г. Ташъ-Кепри.

Командующій войсками
Генералъ-Лейтенантъ Комаровъ".

Послѣ боя на Кушкѣ, разбившаго авганцевъ и нанесшаго тяжелое моральное пораженіе Британской политикѣ въ Средней Азіи, вопросъ о возникновеніи войны казался неизбѣжнымъ. Возбужденное англійское общественное мнѣніе, винившее въ столкновеніи генерала Комарова, требовало преданія его суду и грозило войною. Неполученіе нѣкоторое время подробныхъ донесеній отъ Комарова лишало возможности русское правительство объяснить его образъ дѣйствій. Запросы одинъ за другимъ посылались изъ Петербурга.

Военное министерство, учитывая настроеніе въ Англіи, начало также готовиться къ могущей возникнуть съ ней или Авганистаномъ войнѣ.

Такъ тревожно обстояли дѣла до полученія донесеній отъ А. В. Комарова. Въ серединѣ апрѣля въ Петербургъ прибылъ съ ними подполковникъ Закржевскій. Онъ былъ принятъ Государемъ и удостоился милостиваго одобренія и разговора съ Ихъ Императорскими Величествами.

Съ полученіемъ донесеній Комарова положеніе измѣнилось. Дѣйствія англичанъ получили свое освѣщеніе, ихъ роль обиженныхъ съ требованіемъ удовлетворенія была окончена.

Дѣйствія Комарова были оправданы общественнымъ мнѣніемъ и удостоились лестной оцѣнки съ Высоты Престола.

Военный министръ телеграфировалъ Александру Виссаріоновичу Комарову:

„Государь Императоръ, по прочтеніи Вашихъ донесеній, изволилъ убѣдиться, что Вы распоряжались правильно, разумно и энергично, и что дѣйствія Ваши дали благопріятное для насъ направленіе спорному вопросу.

Спѣшу сообщить Вамъ заслуженную и лестную оцѣнку Государемъ Вашихъ распоряженій.

Генералъ-Адъютантъ Ванновскій".

Вопросъ о преданіи суду Комарова совершенно отпадалъ.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ по этому поводу доносилъ въ Петербургъ военному министру:

„Считаю нужнымъ сообщить Вамъ мой взглядъ на распоряженія по дѣлу 18 марта. Надо знать Востокъ и впечатлительность азіатскихъ племенъ, чтобы понять, насколько рѣшительность Комарова, послѣ всѣхъ употребленныхъ имъ средствъ для миролюбиваго исхода дѣла, явилась необходимостью для поддержанія нашего обаянія въ краѣ.

Дальнѣйшая безнаказанность вызывающихъ дѣйствій авганцевъ, несомнѣнно, повлекла бы за собою присоединеніе къ непріятелю всѣхъ сарыковъ Пендэ, а можетъ быть и непріязненныя дѣйствія уже подвластныхъ намъ туркменъ. Къ тому же изъ Герата, черезъ нѣсколько дней, могли подойти подкрѣпленія авганцамъ, что повидимому входило въ разсчетъ англичанъ, и передъ превосходствомъ силъ непріятеля отступленіе или неудача нашихъ войскъ имѣла бы самыя непредвидѣнныя и пагубныя для насъ послѣдствія.

Изъ частнаго ко мнѣ письма Комарова, переданнаго Закржевскимъ, я вижу, насколько, при несомнѣнно миролюбивомъ его настроеніи, онъ озабоченъ и удрученъ послѣдствіями, которыя могутъ быть вызваны дѣломъ 18 марта, гдѣ рѣшительными своими дѣйствіями, пожертвовавъ личными своими соображеніями, онъ поддержалъ и честь русскаго оружія и достоинство Великой нашей Державы. Я не сомнѣваюсь, что какъ Государь, охранитель чести русской, такъ Вы и всѣ истинные русскіе, оправдаютъ Комарова, оказавшаго въ этомъ случаѣ не только присущую военному доблесть, но и къ сожалѣнію столь рѣдкое у насъ, гражданское мужество.

Комарова могутъ обвинять или люди совершенно незнающіе Востока или салонные патріоты, опасающіеся паденія курса за капиталы свои, помѣщенные за границей“.

То удрученное настроеніе Комарова, о которомъ пишетъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, было вызвано сомнѣніями о томъ, оправдаютъ ли его дѣйствія въ Петербургѣ, а цѣлый рядъ запросовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, — способствовали поддержанію такого настроенія.

Но Государь Александръ III угадывалъ это и, чтобы успокоить Комарова, писалъ:

„Я боюсь, чтобы изъ-за всѣхъ этихъ запросовъ изъ Петербурга, Комаровъ не подумалъ бы, что его дѣйствіями были недовольны.— Телеграфируйте ему, что Я вполнѣ оцѣниваю его дѣйствія и распоряженія и совершенно одобряю ихъ“.

Заслуги Комарова были оцѣнены Государемъ, и за дѣло при Кушкѣ онъ былъ награжденъ золотымъ, усыпаннымъ брилліантами, оружіемъ съ надписью „за храбрость" и получавшаяся имъ аренда въ 1.500 р. была увеличена на 1.000 рублей. Полковнику Закржевскому также было пожаловано золотое оружіе, а офицерскій составъ и нижніе чины Мургабскаго отряда не остались безъ Высочайшихъ наградъ.

Въ распоряженіе Комарова было отпущено 50 знаковъ отличія военнаго ордена.

„Мургабскій отрядъ счастливъ милостями Государя Императора" . . . . . доносилъ Комаровъ.

Послѣ такой оцѣнки описанныхъ выше событій со стороны Императора Александра III, англичане принуждены были поумѣрить свой пылъ. Когда же подробности боя стали извѣстны, то сами англичане въ Парламентѣ и своей прессѣ рѣзко нападали на Сенъ-Джемскій кабинетъ, лорда Гранвилля и генерала Лемсдена.

Некорректность роли послѣдняго была настолько очевидна, что англичане сочли необходимымъ отозвать свою комиссію. Генералъ Лемсденъ возвратился въ Лондонъ.

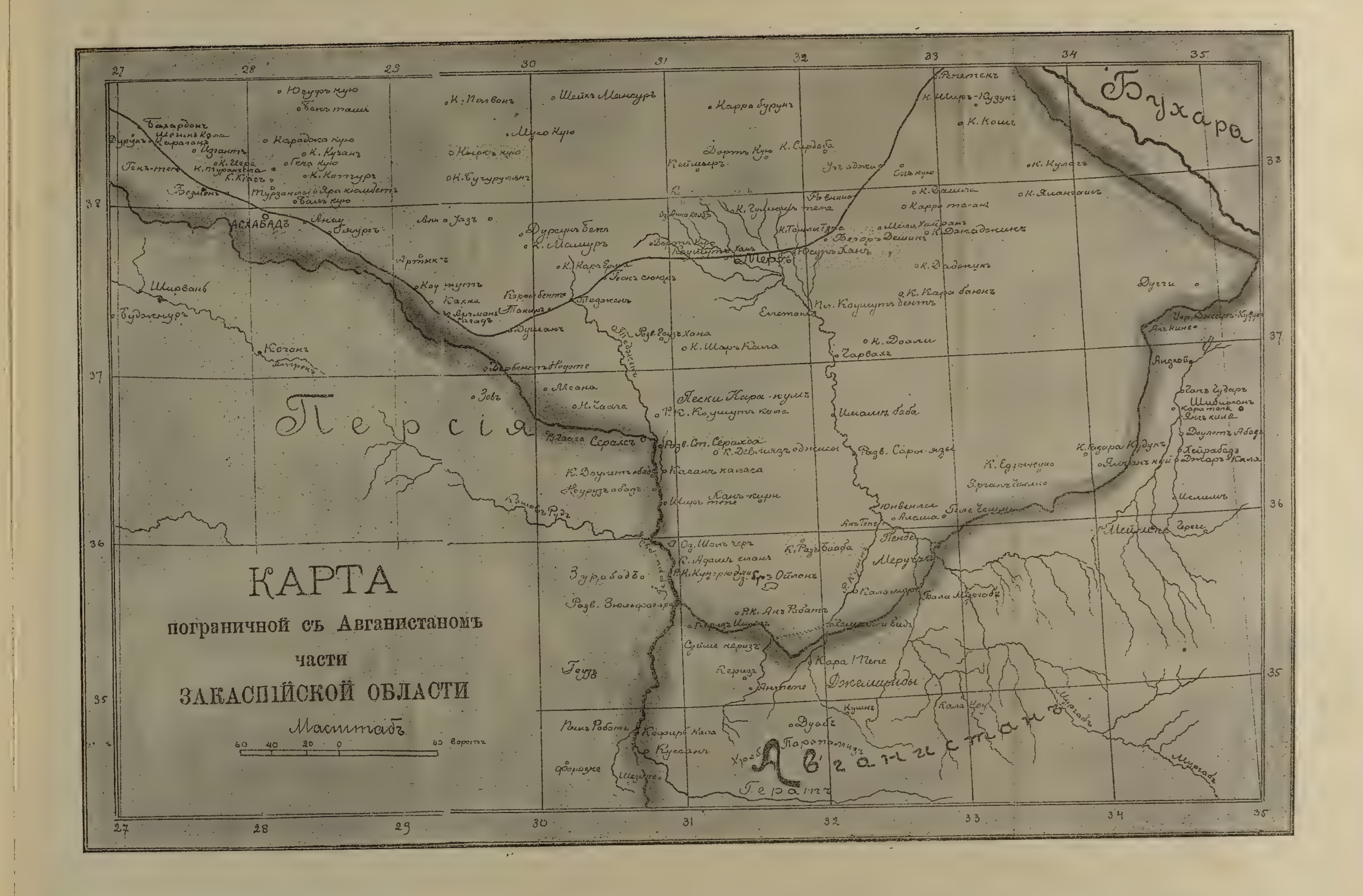
Виновность Англіи въ избіеніи ни въ чемъ, собственно говоря, неповинныхъ авганцевъ на долгое время подорвала престижъ Британіи въ Средней Азіи, и вопросъ о войнѣ совершенно затихъ, тѣмъ болѣе, что самъ Авганистанъ ея не желалъ, а наоборотъ отозвалъ свои войска съ пограничной черты, какъ напримѣръ отъ Зюльфагара, что видно изъ донесеній полковника Флейшера, занимавшаго этотъ важный стратегическій пунктъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ дѣла на Кушкѣ было присоединеніе Пендинскаго оазиса, заселеннаго богатыми овцеводами-туркменами, племени сарыкъ и значительнаго участка удобныхъ пастбищъ въ предгорьяхъ Парапамиза. Авганцы противъ этого присоединенія нисколько не протестовали, такъ какъ сами не могли справиться съ враждебно настроеннымъ противъ нихъ населеніемъ оазиса.

Всѣ расходы по дѣлу при Кушкѣ и занятію Пендинскаго оазиса выразились въ сверхсмѣтныхъ ассигнованіяхъ 961.849 рублей, изъ которыхъ израсходовано было всего 890.957 рублей.

Разграниченіе съ Персіей, на основаніи секретной конвенціи, заключенной по окончаніи Ахалъ-Текинской экспедиціи, начатое въ 1883 году, было успѣшно закончено въ 1886 году.

Въ 1886 году было приступлено къ разграниченію съ Авганистаномъ и послѣ маловажныхъ для насъ уступокъ (Зюльфагаръ) доведено до благополучнаго конца въ 1887 году.

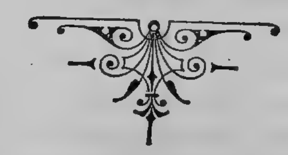

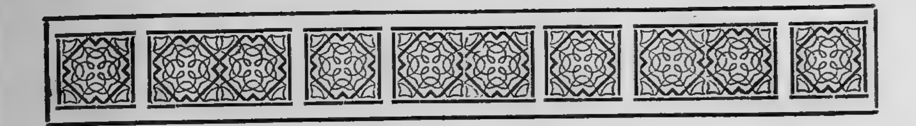
Уступленный Персіей по секретной конвенціи 1881 года Атекъ (11 селеній) фактически былъ присоединенъ къ имперіи въ 1886 году и вошелъ въ составъ Ахалъ-Текинскаго уѣзда.

Присоединеніемъ Атека закончились увеличенія области. За весь описанный здѣсь періодъ времени къ имперіи присоединилось пространство въ 196.327 кв. верстъ или 4.056 кв. миль, большая часть котораго должна въ будущемъ, при правильно поставленной ирригаціи, возвратиться къ своему прежнему богатѣйшему развитію.

Всѣ эти присоединенія, въ нѣсколько разъ большія по размѣрамъ и выгодныя по качеству, нежели присоединенія Ахалъ-Текинской экспедиціи, обошедшейся въ десятки милліоновъ, были сдѣланы почти безъ всякихъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій.

Кромѣ цѣнности, самихъ по себѣ, пріобрѣтеній Комарова, они имѣютъ еще весьма важное политическое значеніе, такъ какъ наша граница на всемъ протяженіи пришла въ соприкосновеніе съ Авганистаномъ, а слѣдовательно и съ Англіей. Русское обаяніе въ Средней Азіи поднялось на высоту, достойную великой державы. Населеніе края, ранѣе существовавшее разбоями и грабежами, вернулось къ мирному развитію, и въ скоромъ времени несомнѣнно Закаспійская область, по своимъ природнымъ богатствамъ и необычайному плодородію, займетъ подобающее мѣсто во владѣніяхъ русской короны.

По поводу статьи „По Вальтеръ-Скотту“ [1]).

По поводу статьи моей, помѣщенной въ январьской книжкѣ „Русской Старины“ за текущій годъ „По Вальтеръ-Скотту“, отставной генералъ-отъ-инфантеріи военно-судебнаго вѣдомства А. С. Адамовичъ, живущій въ Одессѣ, прислалъ мнѣ письмо (отъ 19 января с. г.), имѣющее, на мой взглядъ, несомнѣнно общественное значеніе. Выдержку изъ этого письма, съ согласія автора послѣдняго, представляю на Ваше благоусмотрѣніе.

Генералъ Адамовичъ, между прочимъ, пишетъ:

„Прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ Вашу статью „По Вальтеръ-Скотту“, могу Вамъ сообщить нѣкоторыя данныя для провѣрки заявленія Вальтеръ-Скотта. Это—мой любимый авторъ, и настолько обстоятельный и правдивый, что я считаю нужнымъ поддержать его въ томъ, что *приказъ Наполеона—бросить въ озеро крестъ съ Ивана Великаго—дѣйствительно состоялся, но былъ приведенъ въ исполненіе не въ Смоленской губерніи, а въ предѣлахъ Могилевской или Минской губерній, на протяженіи почтовой дороги отъ г. Орши до г. Борисова.*

Вотъ мое свидѣтельское показаніе:

Въ 1862 году, проѣзжая по этой дорогѣ, я видѣлъ какія-то гидравлическія сооруженія для спуска воды изъ озеръ, которыя встрѣчались по дорогѣ; при чемъ илъ изъ этихъ озеръ вывозили на поля. Не знаю, была ли цѣль спуска воды покрыта таинственностью, но изъ лицъ, къ которымъ я обращался за разъясненіемъ, никто не могъ мнѣ дать удовлетворительнаго отвѣта.

Въ томъ же, 1862 году, я былъ по дѣлу на бумажной фабрикѣ въ им. „Крынкахъ“ (Могилевской губ.) помѣщика Гурко (имени не

---

[1]) Эта статья препровождена при письмѣ на имя редактора. *Ред.*

помню, но по отчеству, кажется, „Леонтьевичъ“, сына генерала, двоюроднаго брата фельдмаршала Гурки). У него я провелъ одинъ день, и когда, случайно, вопросъ коснулся загадочнаго для меня спуска воды изъ озеръ, то г. Гурко разъяснилъ мнѣ причину этихъ работъ. По его словамъ, проживая нѣкоторое время въ Парижѣ (кажется, во время выставки), г. Гурко встрѣчался въ обществѣ съ однимъ бывшимъ министромъ Гино (Гюно, или что-то въ этомъ родѣ). Когда этотъ б. министръ узналъ, что Гурко—изъ той мѣстности, по которой отступали французы, то спросилъ его: „найденъ ли крестъ съ Ивана Великаго?“ При этомъ онъ очень удивился, что никто его не разыскиваетъ. По словамъ француза, въ 1812 году онъ былъ поручикомъ. При отступленіи французской арміи, *на первомъ или второмъ переходѣ отъ г. Орши, но не дальше Борисова*, онъ, вечеромъ, получилъ приказаніе — взять два взвода пѣхоты и потопить крестъ *въ озерѣ, которое* ему указали, на сколько онъ помнитъ, *вправо отъ дороги*, что онъ исполнилъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а утромъ прослѣдовалъ дальше вмѣстѣ съ другими войсками.

Помѣщикъ Гурко былъ женатъ на урожденной Лярской. Когда родной ея дядя, тоже Лярскій, услышалъ этотъ разсказъ, то, убѣдившись раньше въ томъ, что Гурко не думаетъ искать креста, заявилъ, что онъ займется этимъ дѣломъ. Лярскій (кажется, Смоленскій) былъ человѣкъ умный, предпріимчивый, и въ то время имѣлъ большой оборотный капиталъ, какъ строитель шоссейныхъ дорогъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ владѣльцами озеръ (по дорогѣ изъ г. Орши въ г. Борисовъ) и много истратилъ денегъ на спускъ воды изъ этихъ озеръ. Но всѣ поиски оказались безуспѣшными, потому что дно озеръ представляетъ изъ себя торфяную трясину: очевидно, въ теченіе 50-ти лѣтъ крестъ, по своей тяжести, ушелъ на недосягаемую глубину.

Не помню, гдѣ я читалъ о томъ, что при выступленіи французовъ изъ Москвы, въ сани, на которыхъ былъ уложенъ крестъ съ Ивана Великаго, „запрягалось шесть троекъ“.

Къ этому письму генерала Адамовича могу добавить, что недавно, живя нѣсколько лѣтъ въ Смоленскѣ, я два лѣта подъ рядъ провелъ на дачѣ въ чудномъ, старинномъ, хотя и запущенномъ, имѣньѣ „Вонлярово“, находящемся верстахъ въ 20-ти отъ Смоленска, недалеко отъ полу-станка желѣзной дороги „Вонлярово“. Имѣніе это и теперь принадлежитъ роду Вонлярлярскихъ (Лярскихъ), находящихся въ родствѣ съ Гурками (Гурками-Ромейками). Недалеко отъ имѣнья „Вонлярово“ есть имѣнье „Нивищи“, принадлежавшее прежде, въ семидесятыхъ годахъ, родному дядѣ моего отца Ф. Н. Гольцову,

бывшему въ дружбѣ съ Вонлярлярскими. Теперь это имѣніе, перейдя послѣ смерти Гольцова къ моимъ родственникамъ—Измайловымъ, давно уже находится въ третьихъ рукахъ. Но около 1862 г. оно принадлежало еще Гольцову.

Мой покойный отецъ, часто бывавшій у Гольцова въ его имѣніи, мнѣ разсказывалъ о томъ, что Гольцовъ (самъ все отцу моему передававшій) принималъ дѣятельное участіе въ розыскѣ Вонлярлярскимъ (вѣроятно дѣдомъ нынѣшнихъ владѣльцевъ „Вонлярово“—г-жи Вонлярлярской и Игельстромовъ) сокровищъ московскихъ, брошенныхъ французами при отступленіи ихъ изъ Москвы въ одно изъ озеръ, находившихся на пути отступленія французской арміи; что и у Гольцова, и у Вонлярлярскаго, будто-бы имѣлись какіе-то документы, гдѣ содержались разнаго рода указанія по данному вопросу; что, наконецъ, Вонлярлярскій истратилъ безплодно огромныя суммы на поиски историческаго клада. Передавалъ мнѣ отецъ и о томъ, что поиски послѣдняго производились частнымъ образомъ, въ тайнѣ, безъ привлеченія спеціалистовъ, которые могли бы дать полезныя указанія при сложныхъ работахъ, вообще на̀-скоро... Мнѣ извѣстно, что въ „Вонляровѣ“ сохранился фамильный архивъ. По слухамъ, тамъ имѣются какіе-то документы и о „кладѣ“.—Быть можетъ, въ „Вонляровѣ“ и въ имѣніи „Крынкахъ“ лежатъ безъ пользы бумаги, могущія пролить свѣтъ на эту интересную страницу Отечественной войны....

Если принять во вниманіе, что работы по розыску московскаго клада производились частными лицами, безъ участія компетентныхъ людей, что въ 1862 году не имѣлось приборовъ (нынѣ, насколько знаю, имѣющихся), которые показываютъ на значительной глубинѣ присутствіе массы металла (а такую массу представлялъ изъ себя крестъ съ колокольни Ивана Великаго),—то невольно хочется думать, что новые поиски, въ виду „свидѣтельскаго показанія“ ген. Адамовича, обставленные иначе, могли бы привести и къ инымъ результатамъ.

Въ виду надвигающагося на насъ славнаго юбилея 1812-го года, вотъ—благородная задача для Смоленскаго отдѣла Русскаго Импер. Военно-Истор. Общества и для возникающихъ, по слухамъ, въ Вильнѣ отдѣловъ того же Военно-Историческаго Общества и Московскаго Комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года..... Эти учрежденія я и имѣю въ виду, составляя настоящую статью.

А. Жиркевичъ.

Всеподданнѣйшее прошеніе потомковъ Дмитревскаго.

Августѣйшій Монархъ
Всемилостивѣйшій Государь!

Покойный дѣдъ нашъ, членъ Россійской Академіи, основатель русскаго театра съ Волковымъ, первый трагическій актеръ и инспекторъ театровъ въ С.-Петербургѣ, Дмитревскій, имѣлъ счастіе служить всѣмъ предкамъ Вашего Императорскаго Величества, со временъ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны.

Долговременное поприще его жизни оживляемо было благотворительностію пяти монарховъ, удостаивавшихъ его лично знаками особаго Высочайшаго вниманія.

Отецъ нашъ и дядя, коллежскій и титулярный совѣтники, прослужа каждый болѣе тридцати пяти лѣтъ въ с.-петербургскомъ почтамтѣ, умерли въ 1833 году, не оставивъ намъ ничего, кромѣ пенсіона, получаемаго нами изъ Главнаго Казначейства, въ память службы покойнаго дѣда нашего, постоянное же болѣзненное наше положеніе, при старости лѣтъ, совершенно лишающее возможности снискивать себѣ пропитаніе трудами, заставляетъ насъ большую часть пенсіона употреблять на леченіе, а потому, повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества сіе всеподданнѣйшее прошеніе, мы осмѣливаемся испрашивать себѣ Всемилостивѣйшаго отъ щедротъ Вашихъ пособія, въ память службы отца, дяди и покойнаго нашего дѣда, удостоившагося быть, при сооруженіи памятника Тысячелѣтія Россіи, въ Новгородѣ, изображеннымъ въ барельефѣ въ числѣ лицъ, ознаменовавшихъ себя заслугами на поприщѣ народнаго образованія.

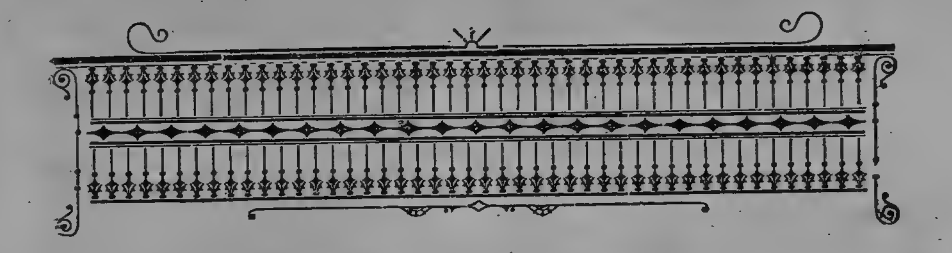
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданныя
Наталья Дмитревская
Елизавета Дмитревская,
дочери титулярнаго совѣтника[1]).

6 марта 1862 года.
Жительство имѣемъ:
4 части 3-го квартала близъ
Калинкина моста, въ домѣ
купца Иванова, № 105, квартира № 6.

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

[1]) На лѣвомъ полѣ первой страницы: Мидацынская свѣдѣтельства получила обратна Елизавета Дмитревская 24 Апреля 1862.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XV[1]).

Было уже начало сентября и наступило самое удушливое, знойное время года: лѣтніе мѣсяцы въ Хіосѣ чрезвычайно пріятны и прохладны благодаря освѣжающимъ вѣтрамъ съ сѣвера; но въ дни равнодѣйствій съ африканскихъ и аравійскихъ степей начинаетъ дуть жаркій, сухой самумъ. Море реветъ, какъ звѣрь, и бросаетъ громадныя волны на берегъ, такъ что ни купаться, ни гулять нѣтъ никакой возможности. Окна моей спальни, выходящія на бухту, не открываются совсѣмъ и наглухо заколочены ставнями, такъ какъ вѣтеръ можетъ сорвать рамы, а фонтаны брызгъ обдаютъ стѣны дома до самой крыши.

Было ужасно скучно. Красиваго адъютанта уже давно, почти два мѣсяца, мнѣ не приходилось встрѣчать, и я успѣла достаточно охладѣть къ нему. Появлялись изрѣдка въ нашей пріемной греки и гречанки; но мнѣ хотѣлось чего-нибудь болѣе интереснаго, чѣмъ общество невѣжественныхъ торгашей. Картины природы также присмотрѣлись, и я затосковала на классическомъ островѣ.

Ничего другого не оставалось, какъ пользоваться единственнымъ развлеченіемъ: сидѣть на балконѣ въ затишьѣ, читать и наблюдать рѣдкихъ прохожихъ въ эту бурную погоду.

И вдругъ въ одинъ изъ такихъ томительныхъ дней я увидѣла на поворотѣ изъ города на бульваръ знакомую группу: турецкаго солдата, а за нимъ въ черномъ плащѣ, запахиваясь отъ вѣтра, шелъ самъ губернаторъ.

---

[1]) См. „Русская Старина" мартъ 1910 г.

*

Обрадованная, я поспѣшила къ нему навстрѣчу и на площадкѣ лѣстницы шумно привѣтствовала его:

„Ваше превосходительство, когда же, наконецъ, пріѣдетъ ваша дочь? я умираю отъ скуки здѣсь! вотъ и лѣто прошло, а Элиме все нѣтъ и нѣтъ!“

Деликатный, всегда застѣнчивый Кіамиль-паша какъ будто смутился отъ столь развязнаго обращенія съ нимъ, совсѣмъ непривычнаго для уха истаго, степеннаго мусульманина, хотя бы самаго образованнаго и прогрессивнаго: ихъ женщины даже у себя дома не смѣютъ первыми обращаться съ разговорами къ отцу или мужу отвѣчаютъ только на вопросы, скромно опустивъ глаза...

Но слишкомъ хорошо воспитанный, онъ мгновенно оправился отъ удивленія и, пожимая мнѣ руку, съ любезной улыбкой отвѣтилъ:

„Mademoiselle, я счастливъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, да благословитъ васъ Аллахъ, а за симъ имѣю честь передать вамъ привѣтъ вернувшейся семьи и просить вашего разрѣшенія для моихъ дамъ посѣтить васъ завтра же?“

Въ этотъ моментъ подошли и родные.

Послѣ рукопожатій и взаимныхъ пожеланій съ призываніемъ имени Аллаха,—какъ полагается по турецкому этикету,—Кіамиль-паша, сдѣлавъ жестъ въ мою сторону, серьезно и сердечно проговорилъ:

„Однако, какъ ваша племянница располнѣла и въ тѣлѣ и въ лицѣ—прямо удивительно! Съ Божьей помощью, надѣюсь, что такъ будетъ продолжаться до безконечности! Иншаллахъ! Иншаллахъ“— т. е. дай Богъ!

Ну, ужъ этого я никакъ не ожидала и совершенно растерялась.

А виновникъ моей тревоги, ничего не подозрѣвая, повернулся къ дядѣ и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ упрашивалъ послѣдняго пожаловать на слѣдующій день къ нему въ конакъ для интимной бесѣды и остаться съ нимъ до возвращенія гарема домой—„чтобы,—прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія,—и намъ съ вами не скучать“.

Любезное приглашеніе это въ тайномъ переводѣ имѣло такой смыслъ: „и для меня такъ покойнѣй будетъ, и тебѣ меньше искушенія: двери здѣсь все стеклянныя, а франки народъ ненадежный“...

Когда ушелъ губернаторъ, я тотчасъ же ушла къ себѣ, чтобы удостовѣриться въ постигшемъ меня несчастіи и, стоя передъ зеркаломъ, съ ужасомъ спрашивала себя: неужели правда? лучше умереть въ такомъ случаѣ; но прежде надо провѣрить...

— Дядя,—захныкала я,—развѣ я пополнѣла?

— Какъ будто немного поправилась,—отвѣтилъ онъ разсѣянно и ушелъ по дѣламъ службы.

— Сказалъ „немного", славу Богу,—утѣшилась я,—надо похудѣть: буду мало ѣсть и меньше спать...

Но... забѣгу впередъ и, курьеза ради, разскажу теперь же, какое смѣшное недоразумѣніе вышло изъ всего этого. При послѣдующихъ, довольно частыхъ посѣщеніяхъ мною семьи хіосскаго губернатора, я неизмѣнно слышала отъ него одно и то же: „Благодареніе Аллаху, mademoiselle все полнѣетъ и полнѣетъ!".

На мои жалобы и тревожные разспросы Marie съ раздраженіемъ всегда отвѣчала:

— Какія глупости лѣзутъ тебѣ въ голову—займись лучше дѣломъ. Мало ли что говорятъ изъ любезности.

— Хороша любезность, думала я въ отчаяніи.

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ зловѣщихъ для меня восклицаній я рѣшилась сдѣлать дипломатическій шагъ.

— Милая тетя,—съ мольбой обратилась я къ Marie,—пожалѣйте меня, укажите средство отъ чрезмѣрной толщины, а то очень скоро мнѣ не пролѣзть ни въ одну дверь.

Удивленная тетка спросила, откуда явилась у меня такая дикая фантазія?

Тогда я объяснила, въ чемъ дѣло, горько сѣтуя на Кіамиль-пашу.

Вошедшій дядя присоединился къ хохоту жены, и оба, наконецъ, разъяснили мнѣ, что это нечто иное, какъ турецкій комплиментъ, равносильный нашему: „ахъ, какъ вы похорошѣли!" такъ какъ восточные люди не любятъ худыхъ красавицъ.

Итакъ, сомнѣнія мои разсѣялись, и я успокоилась.

А воспитанный и вѣжливый паша такъ же, какъ и прежде, при встрѣчахъ со мной, не измѣняя даже тона, повторялъ: „Благодареніе Аллаху, mademoiselle полнѣетъ и полнѣетъ!"

Глава XVI.

На слѣдующій день мы стали готовиться къ пріему знатныхъ турчанокъ. По столамъ разставлены были кувшины съ шербетомъ, варенье и разныя сласти, до которыхъ онѣ страстныя охотницы.

Прежде чѣмъ продолжать этотъ разсказъ, я должна предпослать ему слѣдующее объясненіе, чтобы было понятно положеніе дѣйствующихъ лицъ въ настоящей главѣ.

Единственная законная жена Кіамиль-паши, ханумъ Ашима, какъ уже извѣстно читателю, была сирійская арабка.

Дочь и невольницы губернатора также усвоили родное нарѣчіе хозяйки дома и въ сношеніяхъ между собой пользовались имъ чаще, чѣмъ турецкимъ.

Передъ назначеніемъ своимъ въ Хіосъ вице-консуломъ и агентомъ русскаго пароходства дядя мой прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ той же должности на Сирійскомъ побережьѣ, исключительно заселенномъ бѣлыми арабами, языкъ которыхъ такъ же популяренъ тамъ, какъ галика въ Малой Азіи и на архипелагахъ.

За это время и Маріе прекрасно научилась понимать сирійскій говоръ; но избѣгала объясняться на немъ вслѣдствіе его слишкомъ гортаннаго произношенія съ необыкновенно твердыми удареніями. Когда на островъ былъ переведенъ Кіамиль-паша, и дамы гарема его обмѣнялись съ ней визитами, то она скрыла отъ послѣднихъ свое знаніе арабскаго языка просто изъ нежеланія смѣшить ихъ неправильностью произношенія и разговаривала съ ними по-турецки.

Во всѣ эти подробности я вхожу сейчасъ только для того, чтобы было понятно, какимъ путемъ удалось мнѣ получить дословный переводъ интимнѣйшихъ сужденій турчанокъ о моей личности при первомъ нашемъ знакомствѣ.

Итакъ, мы ждали столь необыкновенныхъ для меня гостей, и я горѣла нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть безъ покрывалъ этихъ загадочныхъ по европейскимъ понятіямъ созданій.

На мои разспросы, правда ли, что дочь губернатора, какъ говорятъ, очень образованная особа, такъ какъ училась въ школѣ при какой-то французской общинѣ въ Іерусалимѣ и о чемъ удобнѣе вести съ ней бесѣды, Маріе дала мнѣ слѣдующее разъясненіе.

„О степени учености магометанской дѣвицы,—улыбнулась она,—предоставляю тебѣ судить самой при дальнѣйшемъ съ нею знакомствѣ, а сейчасъ и прежде всего рекомендую тебѣ чрезвычайную осторожность въ выраженіяхъ, т. е. другими словами: не критиковать ничего турецкаго, а главное избѣгать религіозныхъ темъ: малѣйшее опрометчивое слово о пророкѣ, а также о личности падишаха смертельно оскорбитъ ее, и вмѣсто друга ты найдешь въ ней непримиримаго врага. Мусульманскія женщины,—продолжала она,—фанатичнѣе мужчинъ, увѣряю тебя, и странно было бы мнѣ, здѣшней уроженкѣ,послѣ долгаго сожительства съ этимъ народомъ не знать его!

Въ этотъ моментъ вошелъ дядя и предупредилъ жену, что отправляется въ Конакъ.

— Женя,—позвалъ онъ меня,—вчера Кіамиль-паша говорилъ мнѣ, что дамы его ждутъ, не дождутся спросить тебя, хорошо ли ты разсмотрѣла султана на Селямликѣ, и каковъ онъ изъ себя? Сами онѣ никогда не были въ Константинополѣ, а потому съ инте-

ресомъ будутъ слушать твой разсказъ: хвали все — красокъ не жалѣй: чѣмъ ярче, тѣмъ лучше. О падишахѣ можешь даже сказать, что онъ показался тебѣ красавцемъ,—расхохотался дядя,—этимъ дѣла не испортишь, а напротивъ доставишь имъ большое удовольствіе.

— Какъ!—воскликнула я,—называть красавцемъ стараго толстяка? едва-ли онѣ повѣрятъ и, пожалуй, обидятся?

— Повѣрятъ, будь покойна! но во всякомъ случаѣ упомяни, что ты собственными глазами видѣла тѣнь Аллаха на его челѣ,—смѣясь, договорилъ онъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Однако, не трудно понравиться турчанкамъ,—думалось мнѣ,—скажу, что Абдулъ-Азисъ очарователенъ, и что Магометъ—великій пророкъ. А въ остальномъ мы сойдемся: все-таки Элиме вѣроятно умнѣе глупыхъ гречанокъ, съ которыми, кромѣ какъ о сплетняхъ и нарядахъ, не о чемъ и поговорить. Она будетъ хорошей подругой, я научусь у нея по-турецки и не буду такъ одинока, какъ сейчасъ,—мечтала я. Отсутствіе сверстницы тяжело переносилось мной.

Мы вышли на балконъ и, въ ожиданіи появленія гостей, Магіе снова принялась учить и наставлять меня, какъ и въ какомъ тонѣ удобнѣе всего вести бесѣды съ затворницами гаремовъ.

Глава XVII.

Наконецъ мы увидѣли оригинальное зрѣлище.

На сажень впередъ шли два заптіе, расчищая дорогу отъ прохожихъ. За ними тихимъ шагомъ и сидя верхомъ по-мужски на мулахъ, подъѣзжали къ нашему дому четыре всадницы. Видъ послѣднихъ менѣе всего напоминалъ амазонокъ: скорѣй всего ихъ можно было принять за разноцвѣтные мѣшки, навьюченные на спины животныхъ. Закутанныя въ широчайшія хламиды, изъ-подъ которыхъ уморительно торчали ноги въ обѣ стороны, въ бѣлыхъ ясмакахъ съ узкимъ отверстіемъ для глазъ и неуклюже покачиваясь въ сѣдлахъ, онѣ производили комичное впечатлѣніе на непривычнаго зрителя.

Остановивъ муловъ у подъѣзда, гаремныя дамы стали сваливаться съ нихъ и утиной походкой, свойственной всѣмъ турчанкамъ, вошли въ парадный ходъ. Мы встрѣтили ихъ въ корридорѣ и пригласили въ пріемную. Но прежде чѣмъ войти туда, губернаторша остановилась на порогѣ и стала пристально всматриваться

въ противоположную стеклянную дверь, задернутую извнутри портьерой.

Элиме перехватила ея взглядъ и, указывая мнѣ на подозрительное мѣсто, спросила по-французски:

„Тамъ есть кто-нибудь?

„Кто-нибудь“ надо было понимать „мужчина“.

Я успокоила ее, и тогда всѣ четверо, шумно перекликаясь между собой по-арабски, вошли въ залъ.

Здѣсь передъ зеркаломъ былъ поставленъ для нихъ столикъ съ туалетными принадлежностями, и мы попросили ихъ раздѣться. А это оказалось очень сложной работой. Прежде всего имъ пришлось вытаскивать массы булавокъ, которыми были укрѣплены на головахъ ясмаки. Послѣдніе состоятъ изъ двухъ половинокъ: верхняя накидывается отъ затылка и, прикрывая темя, спускается на лобъ до самыхъ глазъ; вторая—надѣвается на нижнюю часть лица, а концы, захватывая уши, укрѣпляются сзади. Снявъ ясмаки, обѣ благородныя дамы оказались въ хорошенькихъ модныхъ шляпкахъ съ перьями и цвѣтами. Спрашивается: для чего онѣ имъ, когда приходится обвертывать ихъ складками плотной кисеи? На рабыняхъ красовались ярко-желтыя повязки съ блестками. Всѣ онѣ показались мнѣ толстыми, неповоротливыми, пока оставались въ своихъ фередже, покрой котораго напоминаетъ мѣшокъ съ прорѣзанными отверстіями для рукъ и скрываетъ въ своихъ обширныхъ полотнищахъ всю человѣческую фигуру.

Когда же губернаторша и ея падчерица сняли эти безобразные балахоны, то явились намъ худощавыми стройными франтихами въ прекрасно сшитыхъ шелковыхъ платьяхъ по послѣднему слову парижской картинки.

Красота ханумъ Ашимы поразила меня: необыкновенно бѣлый цвѣтъ лица, нѣжный румянецъ, большіе каріе глаза, прекрасный профиль—она была очаровательна, эта сирійская арабка.

Элиме выглядывала значительно старше своей мачехи, имѣла типичныя черты восточной уроженки: ястребиный носикъ, чувственный ротъ и черные безъ блеска жесткіе волосы, заплетенные въ мельчайшія косички, какъ полагается турецкимъ дѣвушкамъ. Обѣ невольницы, рыхлыя молодыя черкешенки, были въ полосатыхъ юбкахъ и красныхъ кофтахъ. Такимъ образомъ я убѣдилась самолично, что турчанки одѣваются такъ же, какъ и мы, и что некрасивый нарядъ, въ которомъ видятъ ихъ всѣ на улицѣ, скрываетъ въ своихъ складкахъ современное европейское платье.

Глава XVIII.

Гости наши распаковывались и охорашивались передъ зеркалами очень долго, въ особенности откалываніе шлейфовъ заняло много времени.

Положеніе было прекомичное: не подозрѣвая, что Магіе хорошо понимаетъ по-арабски, гости наши безъ стѣсненія громко обмѣнивались впечатлѣніями на счетъ моей особы.

Я всегда была близорука и носила пенснэ—вещь запрещенная, по ихъ понятіямъ, для женщины.

„Новая франка[1]) слѣпая",—рѣшила безапелляціонно губернаторша.

— Вѣроятно много грѣшила, и Аллахъ наказалъ ее,—добавила Элиме,—только интересно знать,—продолжала турчанка,—разсмотрѣла ли она въ четыре глаза нашего падишаха?

— А ты спроси ее, непремѣнно спроси!—вмѣшалась толстая наложница.

— Ну, отозвалась другая рабыня,—не знаешь развѣ франковъ? если и не видѣла, то совретъ.

Всѣ эти лестные отзывы Магіе тотчасъ же перевела мнѣ по-русски.

Наконецъ, онѣ закончили свой туалетъ и повернулись къ намъ съ привѣтливыми улыбками. Мы попросили ихъ слѣдовать въ гостиную.

Здѣсь обѣ благородныя дамы, не дожидаясь приглашенія хозяйки, усѣлись вмѣстѣ съ рабынями на диванъ и сообща начали перелистывать альбомы.

Между нами было условлено, что я займусь только дочерью губернатора, такъ какъ она одна изъ всей компаніи говорила по-французски, а тетушка моя генеральшей и ея подругами.

Но онѣ, не замѣчая насъ, продолжали болтать между собой, и вдругъ принялись съ ожесточеніемъ тормошить младшую черкешенку, указывая ей на фотографическую карточку молодого человѣка изъ нашихъ знакомыхъ. Сконфуженная и вся красная отъ волненія дѣвушка отбивалась отъ нихъ, стыдливо закрывая лицо широкимъ рукавомъ кофточки.

На вопросъ нашъ о причинѣ столь веселаго настроенія Элиме отвѣтила, что господинъ на портретѣ имѣетъ удивительное сходство съ братомъ невольницы.

---

[1]) Франками турки называютъ всѣхъ безъ исключенія европейцевъ.

Давая такое объясненіе, турчанка воображала, что мы наивнѣе ея...

Подали на подносахъ шербеты, кофе и сласти.

Дамы оставили въ покоѣ альбомы и расположились иначе: генеральша сѣла возлѣ Marie, а я съ Элиме на другомъ концѣ комнаты. Рабыни помѣстились въ креслахъ недалеко отъ насъ.

Съ турчанками, какъ я убѣдилась впослѣдствіи по опыту, говорить очень трудно. Онѣ не признаютъ обыденной разговорной рѣчи и, чтобы онѣ васъ понимали, надо усвоить ихъ манеру выражаться, даже о пустякахъ, цвѣтисто и образно. Выборъ темъ для подобныхъ бесѣдъ довольно затруднителенъ, такъ какъ ихъ понятія о вещахъ совершенно другія, чѣмъ у насъ.

Итакъ, вспоминая на этотъ разъ уже данные мнѣ совѣты, я повела рѣчь осторожно, придерживаясь высокопарнаго тона въ восточномъ вкусѣ.

Прежде всего я сообщила Элиме, что удостоилась счастья видѣть Абдулъ-Азиса на церемоніи Селямлика. Она слушала меня съ напряженнымъ вниманіемъ и съ затаеннымъ вздохомъ повторяла: „Счастливая! счастливая! вамъ удалось лицезрѣть свѣтлый ликъ нашего мудраго падишаха!“—и глаза ея съ восхищеніемъ останавливались на мнѣ.

— Но,—продолжала моя собесѣдница,—былъ слухъ, что великій султанъ не совсѣмъ здоровъ? еще говорятъ,—прибавила она таинственно,—что его сглазили дипломаты, и повелитель правовѣрныхъ даже похудѣлъ? Правда ли это?

Я поспѣшила увѣрить ее, что Абдулъ-Азисъ показался мнѣ очень толстымъ и цвѣтущимъ.

Благодарный взглядъ былъ мнѣ наградой.

— Я еще ни разу не была въ Истамбулѣ [1],—сказала съ оттѣнкомъ грусти она—а потому не имѣла счастья любоваться блистательной персоной намѣстника пророка на землѣ...—Зера-ханумъ, жена коменданта нашей цитадели—она была второй кадиной Его Величества—утверждаетъ, что обликъ падишаха прекрасенъ? А вы согласны съ этимъ, mademoiselle?

— О! всѣ въ восторгѣ отъ его красоты, и хотя онъ уже старъ,—думала сказать я; но, спохватившись вò-время, договорила такъ: „хотя онъ не молодъ, но зато великая мудрость освѣщаетъ его лицо, и видъ у него величественный“.

И мы продолжали бесѣдовать о необыкновенныхъ достоинствахъ

---

[1] Турки вообще избѣгаютъ называть свою столицу „Константинополемъ“, предпочитая ему свое „Истамбулъ“.

главы мусульманъ, о завидной долѣ его гарема и великолѣпіи церемоніи Селямлика.

Итакъ, до сихъ поръ все шло благополучно: повидимому, фанатичная въ обожаніи султана, Элиме была довольна мной. Она одобрительно кивала головой, пока я расписывала ей красоту Абдулъ-Азиса и, окинувъ меня доброжелательнымъ взглядомъ, позвала мачиху:

— Ханумъ! франка съ четырьмя глазами не вретъ, все такъ хорошо разсказываетъ—и увѣряетъ, что на лицѣ падишаха написана мудрость пророка.

— Значитъ, она добрая дѣвушка,—отозвалась Ашима,—нашъ паша будетъ очень доволенъ: пригласи ее бывать у насъ какъ можно чаще.

Глава XIX.

Наконецъ мнѣ ужасно надоѣло лицемѣрно восхищаться толстымъ султаномъ, какимъ я видѣла Абдулъ-Азиса въ дѣйствительности, и захотѣлось поговорить съ турчанкой о чемъ-нибудь другомъ.

Тутъ кстати вспомнила я, что на будущей недѣлѣ ожидается лунное затменіе. Мнѣ разсказывали, что въ такихъ случаяхъ въ турецкихъ кварталахъ всегда поднимается невообразимая кутерьма подъ вліяніемъ паническаго страха за участь любимаго свѣтила Магомета.

Желая узнать мнѣніе просвѣщенной мусульманки по этому предмету, я спросила ее, извѣстно ли ей, что такого-то числа будетъ полное затменіе луны?

Затронувъ подобную тему, я основательно предполагала, что особа, кончившая курсъ въ европейской общинѣ, не раздѣляетъ суевѣрныхъ понятій невѣжественныхъ массъ; но... къ сожалѣнію, мнѣ еще неизвѣстно было, что̀ такое собственно „образованная турчанка“, и чему учатъ ее въ миссіонерскихъ школахъ?

Эффектъ отъ сказаннаго мной получился самый неожиданный. Элиме широко раскрыла глаза съ выраженіемъ сильнѣйшаго изумленія и любопытства. Голосъ ея звучалъ неподдѣльной ироніей, когда заговорила она своимъ вычурнымъ языкомъ, важно и снисходительно оглядывая меня: „Откуда“ дано вамъ знать „о приближеніи злого духа къ свѣтлому лику луны—развѣ вы святая?“

Задѣтая ея тономъ, я отвѣтила ей также насмѣшливо: „изъ календаря, mademoiselle, для этого не надо быть святой, не хотите ли сами заглянуть въ него, и вы убѣдитесь“...

— Нѣтъ, не безпокойтесь,—перебила она,—воля Аллаха извѣстна только избранному пророку, а не вашимъ календарямъ.

— Въ такомъ случаѣ разъясните мнѣ по-вашему о причинѣ появленія тѣни на дискѣ луны?—попросила я, стараясь быть серьозной.

— Съ удовольствіемъ,—согласилась она,—развѣ васъ не учили, какъ злой драконъ поклялся однажды дьяволу погасить небесную лампаду за то, что она освѣщала путь рессулъ [1])—Магомету, когда, гонимый врагами истины, онъ бѣжалъ изъ Мекки въ пустыню. Тамъ въ сіяніи лучей полумѣсяца и звѣздъ созрѣла наша великая религія! Съ тѣхъ поръ чудовище каждый годъ покушается овладѣть прекраснымъ свѣтиломъ; но до сихъ поръ правовѣрные разрушаютъ его замыслы.

— Объясните мнѣ, Элиме,—обратилась я къ ней, еле удерживаясь отъ смѣха,—для какой собственно цѣли у васъ во время затменія колотятъ въ тазы и стрѣляютъ въ небеса? Вѣдь вся эта воздушная драма происходитъ на недосягаемой высотѣ.

— Ахъ, нѣтъ! Совсѣмъ не такъ высоко, какъ вамъ кажется,—убѣжденно возразила она,—днемъ луна отдыхаетъ вонъ тамъ за горкой,—указала образованная дѣвица на западъ,—а ночью она виситъ совсѣмъ близко къ землѣ, такъ что испугать дракона совсѣмъ не трудно: при всемъ своемъ нахальствѣ онъ еще и трусливъ.

Мнѣ очень нравились ея поэтичныя выраженія о нашей спутницѣ; но тѣмъ не менѣе я рѣшилась просвѣтить ее по-своему и вмѣстѣ съ тѣмъ разыграть передъ ней роль ученой—институтскіе уроки космографіи такъ свѣжи еще были въ памяти,—а потому и обратилась къ ней съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Теперь позвольте и мнѣ въ свою очередь объяснить вамъ, что говоритъ наука объ этомъ небесномъ явленіи.

— Пожалуйста, снисходительно разрѣшила она,—интересно послушать.

Тогда, предвкушая заранѣе сладость тріумфа, я начала такъ:

— Какъ вамъ извѣстно, планета наша имѣетъ форму шара, о чемъ прежде люди не подозрѣвали...

Но мнѣ не дали продолжать: собесѣдница моя громко фыркнула и воскликнула:

— Какой абсурдъ! васъ обманули, молодая особа: въ такомъ случаѣ почему мы ходимъ прямо и не катимся внизъ?

Тогда я обстоятельно разъяснила ей, почему это такъ, а не иначе, подѣлилась съ ней познаніями о законѣ притяженія и тутъ же

---

[1]) Рессулъ по-турецки пророкъ.

разсказала исторію Христофора Колумба, который, молъ, первый и поднялъ вопросъ о шаровидности земли.

— Такъ вотъ кто наговорилъ вамъ столько вздора!—догадалась она,—ну, можно ли вѣрить всякому шарлатану!

Растолковавъ ей, почему мнѣ не приходилось бесѣдовать съ знаменитымъ мореплавателемъ, я для большей наглядности, взяла съ вазы апельсинъ и, указывая на него, продолжала развивать ту же мысль, ссылаясь на примѣры кругосвѣтныхъ путешествій.

Это еще болѣе насмѣшило питомицу французской школы „Сестеръ Сіона".

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ,—провела она пальцемъ по апельсину,—люди должны висѣть внизъ головами—Аллахъ вѣдаетъ, что за ужасы разсказываете вы!—съ упрекомъ проговорила умная особа и пожала плечами.

Скептицизмъ турчанки еще болѣе усилилъ во мнѣ стремленіе непремѣнно и сейчасъ же разсѣять заблужденія ея. Завладѣвъ снова апельсиномъ и поворачивая его вокругъ оси, я продолжала въ такомъ духѣ:

— Увѣряю васъ, Элиме, что земля вращается вотъ такъ, съ запада на востокъ, а намъ кажется . . . . . .

И опять мнѣ не удалась лекція по космографіи: при послѣднихъ словахъ Элиме дико взвизгнула и повалилась на подушки дивана.

— Аллахъ! Аллахъ!—вопила она, задыхаясь отъ хохота,—чего только не выдумаютъ франки! Мы вертимся, какъ колесо экипажа, и не замѣчаемъ того!

Ханумъ и рабыни съ испуганными лицами бросились къ ней, подозрительно оглядывая меня. Вскорѣ дѣвушка оправилась и, утирая градомъ катящіяся слезы, заговорила съ мачихой.

Вдругъ, какъ по командѣ всѣ четверо наклонили головы и съ напряженнымъ вниманіемъ принялись разсматривать коверъ, на которомъ стояли. Затѣмъ, страстно жестикулируя, онѣ начали о чемъ-то горячо спорить.

Арабскій языкъ имѣетъ характерную особенность: когда на немъ разговариваютъ, хотя бы въ самомъ миролюбивомъ и дружественномъ тонѣ, то постороннему слушателю кажется, что собесѣдники ужасно ругаются и вотъ-вотъ подерутся. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, и я именно этого ожидала; но все окончилось благополучно.

Послѣ ухода турчанокъ Магіе дословно перевела мнѣ всѣ ихъ сужденія и пересуды, а я немедленно записала инцидентъ этотъ также слово въ слово на страницахъ моего дневника.

Теперь я стану продолжать разсказъ уже съ готовымъ переводомъ интимнѣйшихъ переговоровъ нашихъ посѣтительницъ.

Глава XX.

Вотъ что говорили между собой дамы гарема.

— Что наврала тебѣ христіанка?—съ тревогой въ голосѣ спрашивала Ашима падчерицу.

Элиме боязливо покосилась въ мою сторону и отвѣтила:

— Ужь не порченная ли она? недаромъ у нея четыре глаза—какъ бы не случилось бѣды! Вообрази, ханумъ, эта безумная увѣряетъ, что во вторникъ ночью драконъ подойдетъ къ лику луны и даже сказала, въ которомъ часу появится тѣнь его на небесахъ.

— Какая же она глупая! Ну, подумай сама, кто кромѣ Аллаха и пророка можетъ знать о намѣреніяхъ злого духа?—укоризненно покачавъ головкой, возразила губернаторша.

— Да ты послушай дальше,—поспѣшно перебила ее та,—она клянется, что земля, по которой мы ходимъ прямо, такая же круглая, какъ апельсинъ, и вертится, какъ колесо, а потому и бываетъ затменіе.

— Какъ! значитъ, мы двигаемся сейчасъ?—испугалась Ашима,—нѣтъ! не можетъ быть—вѣрно ей приснилось? Впрочемъ, мы сейчасъ узнаемъ, такъ ли это?—рѣшила она, склоняясь къ полу и пристально разсматривая его. Глаза остальныхъ также впились въ рисунки ковра.

— Нѣтъ, не вертится! наврала франка,—облегченно вздохнувъ, прошептала застѣнчивая Лазя, младшая рабыня.

— Ну, конечно, нѣтъ!—авторитетно подтвердила ханумъ.

— Можетъ быть она колдуетъ—я боюсь ее,—пробасила другая невольница, толстая Базя.

— Едва-ли! просто она дура,—заступилась за меня добрая генеральша,—узнай, пожалуйста, кто выучилъ ее такъ безсовѣстно врать?

— Я уже спрашивала,—отвѣтила падчерица,—она увѣряетъ, что все это написано въ календаряхъ, и что одинъ изъ ея знакомыхъ въ Россіи ѣздилъ по круглой землѣ и не свалился внизъ,—вспомнила турчанка о Колумбѣ.

— А! вотъ оно что: Россія круглая!—догадалась Ашима,—интересно знать, какъ тамъ живутъ люди?—спросила она.

— Этого франка не говорила,—возразила Элиме,—по ея словамъ Турція—шаръ.

— Ахъ, какая лгунья!—возмутилась губернаторша, наша земля ровная, какъ скатерть—такъ и скажи ей, Элѣ.

— Въ сущности она не виновата,—отвѣтила послѣдняя въ при-

мирительномъ тонѣ,—отъ ученыхъ понаслушалась вздору, ну, и повторяетъ по глупости своей.

— А! теперь понятно почему дѣвчонка совсѣмъ ошалѣла: наговорилась съ ними и сама стала такая же. Недаромъ паша нашъ считаетъ господъ этихъ мошенниками: они и въ Бога не вѣрятъ, совѣсть потеряли, а живутъ однимъ обманомъ и морочатъ честныхъ людей—тѣмъ и свѣтъ покорили.

Такъ ораторствовала красавица-арабка, ссылаясь на мнѣніе просвѣщеннаго супруга своего о насъ, европейцахъ.

— Жаль бѣдную дѣвушку—снова постаралась въ мою пользу дочь Кіамиль-паши,—такъ разумно говорила о падишахѣ и вдругъ... прямо съ ума сошла!

— Разспроси ты ее хорошенько,—обратилась къ ней Базя,—кто же будетъ во вторникъ ползать вокругъ лампады пророка?

— Да! да! непремѣнно,—обрадовалась Ашима, предвкушая новую потѣху,—только наберись терпѣнія и не мѣшай ей—пусть мелетъ, а мы посмѣемся!..

Я сидѣла недалеко отъ нихъ сконфуженная, обозленная и хотя не понимала ихъ языка, но чувствовала, что невѣжественныя созданія издѣваются надо мной.

Элиме снова приблизилась ко мнѣ и заговорила вкрадчиво, стараясь быть серьезной.

— Извините меня, милая Eugénie, я перебила васъ на самомъ интересномъ мѣстѣ и, такимъ образомъ, не узнала главнаго: кто же, по-вашему, старается во время затменія овладѣть свѣтиломъ Ислама?

— Никто!—съ досадой отвѣтила я,—это тѣнь земного шара—вотъ и все! Впрочемъ, если хотите, то можно и наглядно представить вамъ картину луннаго затменія?

Турчанка сначала поперхнулась, видимо дѣлая усилія заглушить приступы смѣха, но тотчасъ же оправилась и чрезвычайно вѣжливо попросила не отказать ей въ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

Тогда, подкупленная ея смиреннымъ видомъ, я взяла изъ вазы апельсинъ съ двумя мандаринами, расположила ихъ на столѣ въ примѣрномъ порядкѣ солнечной системы и обратилась къ ней съ такою рѣчью:

— Вообразите себѣ, что апельсинъ—солнце; одинъ мандаринъ мы назовемъ нашей планетой, а другой, который поменьше—луной...

Обѣ невольницы подошли поближе и, съ выраженіемъ суевѣрнаго страха въ глазахъ, слѣдили за движеніями моихъ рукъ. Элиме, кусая губы, дѣлала видъ, что прекрасно все понимаетъ; но не утерпѣла и кольнула меня насмѣшливымъ замѣчаніемъ:

— Странно что-то,—указывая на апельсинъ, улыбнулась она,—прежде онъ былъ земля, а теперь солнце? Я объяснила, что такъ надо сейчасъ для болѣе удобнаго сравненія величинъ, и слова мои: „такъ какъ солнце во много разъ больше земли и луны вмѣстѣ взятыхъ"—прямо ошеломили ее!

Она отвернулась въ сторону и, схвативъ носовой платокъ, засунула его въ ротъ, чтобы предупредить взрывъ бѣшенаго хохота.

— Аллахъ! что еще наврала ей эта четырехглазая франка?—вопили женщины.

— Она уморитъ тебя, и ты умрешь!—вскрикивала испуганная Ашима, наклоняясь къ падчерицѣ.

И дѣйствительно, было отъ чего прійти въ ужасъ: вся пунцовая, обливаясь слезами, дочь губернатора задыхалась въ припадкѣ истерики, безпомощно ловя воздухъ руками.

Общими усиліями мы привели ее въ чувство и когда, наконецъ, она успокоилась я, по совѣту Маріе, измѣнила тему разговора и принялась еще въ болѣе яркихъ краскахъ, дополняя кое-что собственной фантазіей, изображать блескъ и роскошь Селямлика въ „Истамбулѣ".

Желая нѣсколько смягчить дикое впечатлѣніе отъ моихъ стремительныхъ лекцій по космографіи, тетка моя взялась объяснить недоумѣвающей Ашимѣ то же самое; но въ болѣе понятной формѣ и на турецкомъ языкѣ. Тогда между ними начался другой водевиль.

Ханумъ слушала сперва серьезно и одобрительно кивала головкой; но когда дошло дѣло до вращенія земли, то не утерпѣла и, обращаясь къ Элиме, перебила наше мирное собесѣдованіе восклицаніемъ по-арабски:

— И эта старая дура туда же, куда и молодая! должно быть обѣ онѣ припадочныя!

Слово „припадочная" означаетъ у затворницъ гаремовъ послѣднюю степень „глупости" и даже идіотизма.

Сдѣлавъ столь лестную оцѣнку стараніямъ Маріе, генеральша подала знакъ собираться, да и пора было: визитъ ихъ по турецкому обычаю продолжился болѣе шести часовъ, и мы чувствовали себя крайне утомленными.

На прощаніе образованная дѣвица прочитала мнѣ наставленіе:

— Отъ всей души совѣтую вамъ, милая моя, не вѣрить календарямъ и ученымъ, а иначе Аллахъ накажетъ васъ—лучше всего читайте Коранъ—я пришлю его вамъ во французскомъ переводѣ: тамъ вы найдете то, что необходимо знать каждой женщинѣ.

Началось еще болѣе сложное одѣваніе, чѣмъ раздѣваніе: прика-

лываніе ясмаковъ, фередже, шлейфовъ—булавокъ потребовалось на это нѣсколько сотенъ.

Наговоривъ намъ, по требованіямъ гаремнаго этикета, множество вычурныхъ комплиментовъ, онѣ стали спускаться по лѣстницѣ внизъ, шумно переговариваясь и повторяя на всѣ лады:

„Ну, и потѣшимъ мы пашу, нашего милостиваго господина! То-то посмѣется онъ на доброе здоровье, Машалла“ [1])!

Глава XXI.

— Возможно ли что-нибудь подобное? — скажетъ удивленный читатель,—авторъ самъ себѣ противорѣчитъ — тогда не для чего было и упоминать, что дочь Кіамиль-паши кончила курсъ въ европейской общинѣ. Неужели миссіонерами ѣдутъ туда совершенно невѣжественные люди, которые не въ состояніи даже передать своимъ питомцамъ хотя бы самыхъ элементарнѣйшихъ понятій о мірозданіи и, вообще, о томъ немногомъ, что пріобрѣтается даже нашими ребятишками въ сельскихъ школахъ. Такъ спроситъ всякій, кто не провелъ часть своей жизни въ странѣ полумѣсяца, а слѣдовательно и не можетъ имѣть понятія о степени развитія турецкой женщины. Кромѣ того, не каждому, даже мѣстному уроженцу доступна для изученія замкнутая магометанская семья.

Мнѣ выпала счастливая доля хорошо познакомиться съ интимной стороной гаремнаго быта—только благодаря моимъ роднымъ, которые, проживъ всю свою жизнь среди мусульманъ Оттоманской Имперіи, успѣли заслужить рѣдкое для иностранцевъ довѣріе и особенное, исключительное ихъ къ себѣ расположеніе. Но прежде чѣмъ отвѣтить на справедливое недоумѣніе по поводу бесѣды моей съ „образованной турчанкой“, я должна сказать нѣсколько словъ о томъ, чему учатъ затворницъ гаремовъ въ христіанскихъ школахъ, и какія обязательства принимаютъ на себя послѣднія, какъ передъ правительствомъ, такъ и родителями ученицъ.

Извѣстно, что на востокѣ существуютъ очень много разныхъ монашествующихъ орденовъ, братствъ, общинъ католическаго, лютеранскаго и другихъ исповѣдованій. Всѣ эти духовныя учрежденія занимаются тамъ больше политическими интригами, чѣмъ распространеніемъ евангелія. При нѣкоторыхъ общинахъ, а также и при женскихъ греческихъ школахъ содержатся особыя отдѣленія для

---

[1]) Да благословитъ Богъ!

мусульманскихъ дѣвочекъ, гдѣ обучаютъ ихъ премудрости нѣсколько иначе, чѣмъ христіанокъ.

Курсовая программа не сложна. Главныхъ предметовъ три: рукодѣліе съ вышиваніемъ, чтеніе изреченій изъ Корана и турецкій этикетъ. Для преподаванія послѣдняго приглашаются нерѣдко отставныя наложницы сановниковъ. Онѣ учатъ дѣвицъ изысканнымъ селямамъ, цвѣтистымъ комплиментамъ, вычурнымъ оборотамъ рѣчи, правиламъ гостепріимства, манерамъ, вѣжливости и восточнымъ танцамъ.

За симъ предметы второстепенной важности: французскій или англійскій языкъ, смотря по миссіи, немного ариѳметики для домашняго обихода, игра на піанино или мандолинѣ и... кажется, все!

Что же касается хотя бы самыхъ смутныхъ понятій о географіи, исторіи и др., то все это строго воспрещено закономъ для магометанокъ.

Турчанкѣ разрѣшается посѣщать школу только до 14 лѣтняго возраста, т. е. до того знаменательнаго для нея дня, когда она должна, какъ установлено Кораномъ, надѣть ясмакъ, чтобы навсегда скрыть лицо свое отъ взоровъ посторонняго мужчины.

Съ этого момента образованіе ея считается законченнымъ: читать что-либо другое, кромѣ священной книги Ислама, ей дома не позволятъ, а знаніе иностраннаго языка имѣетъ уже практическое примѣненіе при посѣщеніяхъ магазиновъ и лавокъ гяуровъ. Замкнутость турецкой женщины вовсе не такъ безусловна, какъ намъ кажется. Обыкновенно мы представляемъ ее себѣ заключенною, подобно плѣнницѣ, въ гаремѣ подъ присмотромъ свирѣпыхъ евнуховъ.

Такъ оно, пожалуй, и было прежде; но со времени царствованія Абдулъ-Меджида соціальное положеніе ея значительно улучшилось. Этотъ просвѣщенный и гуманный султанъ даровалъ затворницамъ нѣкоторую свободу, не нарушивъ въ то же время по существу стародавнихъ обычаевъ и религіозныхъ уставовъ Корана.

Благодаря ему, всѣ обитательницы гаремовъ получили разрѣшеніе показываться на улицахъ, базарахъ, ѣздить въ магазины, на прогулки; но подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ правилъ, которыя обязываютъ ихъ, напримѣръ, не выходить изъ дома иначе, какъ подъ вуалью изъ кисеи и въ сопровожденіи слугъ или рабынь.

Подобная роскошь доступна, конечно, состоятельнымъ людямъ, а женщины бѣдной части населенія ходятъ, повидимому, безъ всякаго надзора; но это только кажется такъ: всякій, даже случайно проходящій мусульманинъ, имѣетъ право сдѣлать слоняющейся турчанкѣ внушительное замѣчаніе, если замѣтитъ что-нибудь предосудительное въ ея поведеніи.

Зато ничего нѣтъ комичнѣе, какъ набѣги турчанокъ на европейскіе магазины, чему я множество разъ была зрительницей.

Для такихъ экскурсій онѣ собираются обыкновенно большими группами. Съ шумомъ и гамомъ врывается компанія въ торговое помѣщеніе и начинаетъ форменный разгромъ сложенныхъ товаровъ. Перерывъ рѣшительно все, что видятъ ихъ глаза сверху и до низу, онѣ при этомъ отчаянно торгуются, предлагая невозможно низкія цѣны.

Приказчики, хорошо знакомые съ подобными пріемами этихъ милыхъ дамъ, злобно огрызаясь, запрашиваютъ въ отместку такъ неимовѣрно дорого, что напуганныя покупательницы обращаются въ бѣгство.

Однако, я уклонилась совершенно въ сторону и не познакомила читателя, какъ обѣщала, со взглядами мусульманъ на просвѣщеніе ихъ женщинъ по западному образцу.

Но лучше всего за меня это сдѣлаетъ самый передовой и либеральный турокъ того времени, а именно Мидхатъ-паша, другъ Англіи, врагъ Россіи и славянъ.

Я передамъ буквально сужденія этого европейца въ фескѣ на тему о женской эмансипаціи.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАТАЛІОННАЯ ДѢВКА ВЪ ПОХОДѢ.

Въ 1812 г. Петербургскій внутренній губернскій баталіонъ, отъ котораго ведетъ свое начало 198 пѣх. рез. Александро-Невскій полкъ, былъ обращенъ на усиленіе Петербургскаго ополченія и съ нимъ вмѣстѣ участвовалъ въ корпусѣ Витгенштейна въ октябрьскихъ бояхъ подъ Полоцкомъ, а затѣмъ входилъ въ составъ блокадныхъ войскъ при осадѣ Данцига.

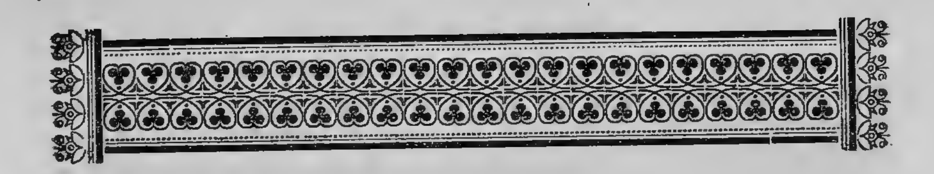
Нижеприводимый документъ относится къ этому заграничному походу и заимствованъ изъ журнала исходящихъ бумагъ названнаго выше баталіона. Оказывается, что съ баталіономъ возвратилась въ Россію дѣвка Авдотья Степанова, уроженка Витебской губ., побывавшая въ Германіи, куда она прибыла съ обозомъ Могилевскаго полка, и гдѣ ее подобралъ обозъ второй дружины Петербургскаго ополчнеія. По прибытіи въ Петербургъ, Степанова оказалась не у дѣлъ, и о ней командиръ баталіона написалъ отношеніе въ Петербургское губернское правленіе.

М. С.

Отношеніе командира Петербургскаго внутренняго губернскаго баталіона въ С.-Петербургское губернское правленіе, 9 іюля 1814 г., № 1332.

Ввѣреннаго мнѣ баталіона капитанъ Петровскій, по возвращеніи изъ похода, находившійся съ народнымъ ополченіемъ С.-Петербургской губерніи представилъ ко мнѣ, при рапортѣ, Витебской губерніи, Динабургскаго уѣзда, деревни Галечва непомнящую родства дѣвку Авдотью Степанову, въ коемъ прописываетъ, что во время нашествія въ предѣлы Россійскіе непріятеля она, Степанова, просила проходившаго тогда съ обозомъ мимо той деревни Могилевскаго пѣхотнаго полка поручика Кобылинскаго, чтобъ взялъ ее съ собой единственно для того, дабы не попасться непріятелямъ, который согласился, взялъ съ собою, довезъ за Берлинъ до города Швейца, гдѣ по обстоятельствамъ ее оставилъ. А во время прохода мимо онаго города С.-Петербургскаго ополченія 2-й дружины обоза, при коемъ находился ввѣреннаго мнѣ баталіона рядовой Кондратій Исаевъ, узнала она, Степанова, что обозъ сей слѣдуетъ; посему просила его, Исаева, чтобъ взяли её съ собой, на что оный рядовой и согласился, взялъ съ собою. По прибытіи сюда, въ С.-Петербургъ, и при доставленіи въ баталіонъ всѣхъ находящихся чиновъ, оный Исаевъ представилъ означенную дѣвку Степанову ротному своему командиру капитану Петровскому, а оный, какъ выше прописано, представилъ ко мнѣ, почему какъ она, Степанова, не имѣетъ при себѣ никакого письменнаго вида, въ оное губернское правленіе препровождается.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА V[1]).

Русская учебная колонія въ Лондонѣ зимой 1880—81 г.г.—Какъ мы труса праздновали. — Приключенія одного молодого россіянина въ посольской церкви. — Ужасная катастрофа 1 марта въ Петербургѣ, и какъ она была встрѣчена въ Лондонѣ. — Окончаніе 6-ти лѣтняго труда надъ 2-мъ выпускомъ „Англійской Свободной Торговли“.—Значеніе личнаго и моральнаго фактора въ исторіи экономическихъ идей.—Примѣненіе къ практикѣ моихъ научныхъ силъ и способностей. — Моя фабрично-инспекторская служба. — Очеркъ ея исторіи: Главнѣйшія условія и основные пункты моей инспекторской дѣятельности. — Невозможность и безполезность дальнѣйшей службы.—Отставка.—Общіе выводы и заключенія.

Работа надъ солянымъ налогомъ отвлекла меня отъ изложенія моихъ личныхъ впечатлѣній и приключеній въ это время моего пребыванія въ Лондонѣ, зимой 1880—81 гг., когда я такъ усердно, но не совсѣмъ благодарно, работалъ надъ солянымъ налогомъ, а далѣе собиралъ факты по „Свободной Торговлѣ“, безъ возможности довести ее до желаемаго окончанія. Эта зима мнѣ очень памятна по тому оживленію, съ которымъ она прошла, незаурядъ всѣмъ многочисленнымъ мною сдѣланнымъ раньше посѣщеніямъ Англіи и жизни тамъ. Во-первыхъ, ни разу больше мнѣ не пришлось работать въ Англіи при такомъ большомъ и интересномъ русскомъ обществѣ, главнымъ образомъ изъ числа нашихъ экономистовъ. Въ эту зиму 1880—81 г., русская колонія въ Лондонѣ, работавшая въ Британскомъ музеѣ, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Н. А. Каблуковъ, нынѣ профессоръ Московскаго университета, В. Г. Яроцкій, Н. И. Зиберъ, умершій экономистъ, мой старый пріятель (и еще болѣе А. И. Чупрова), Н. А. Русановъ, В. Т. Судейкинъ, впослѣдствіи магистръ политической экономіи, писатель-экономистъ, Даневскій, профессоръ международ-

1) См. „Русскую Старину“ мартъ 1910.

наго и уголовнаго права въ Харьковѣ (умершій) и т. д., не говоря о лицахъ, появлявшихся, такъ сказать, на нашемъ горизонтѣ въ Лондонѣ пролетомъ, на короткое время. Большинство экономистовъ были люди молодые, во всякомъ случаѣ моложе меня, а потому, само собой, занятія ихъ устроились какъ бы рядомъ со мной и отчасти съ помощью моей. Работали мы дружно, весело, помогая другъ другу и совѣтами и указаніями и въ то же время, посвящая много времени на дѣло, не забывали и удовольствія, хотя въ большинствѣ самыя невинныя, вродѣ прогулокъ и поѣздокъ по окрестностямъ Лондона и похожденій по разнымъ учрежденіямъ. Почти ежедневно мы сходились къ вечеру за чаемъ, или у меня чаще всего, или въ какомъ-нибудь пунктѣ, назначенномъ заранѣе для экскурсіи.

Не говоря о чисто личныхъ приключеніяхъ за эту зиму, вродѣ болѣзни, могу разсказать о двухъ заслуживающихъ вниманія событіяхъ. Въ домѣ, гдѣ я жилъ, у одной довольно милой, но нѣсколько странной хозяйки, мало, видимо, занимавшейся своимъ хозяйствомъ, произошло весьма непріятное событіе: мнѣ и Зиберу, жившему также въ это время въ одномъ со мной домѣ, пришлось быть его свидѣтелемъ. По англійскому закону, частный домъ, собственный или квартира, въ истинномъ смыслѣ представляется замкомъ: „My house is my castle", и кредиторъ не можетъ проникнуть въ домъ своего должника раньше судебнаго рѣшенія и постановленія, законнымъ образомъ вошедшаго въ силу, безъ чего, разумѣется, должникъ можетъ десять разъ обезпеченіе, въ формѣ, положимъ, мебели, или другого движимаго имущества, спустить съ рукъ, или скрыть. Для этого необходимость заставила англичанъ придумать слѣдующій обходъ закона: кредиторъ, въ случаѣ неисправности должника, и имѣя въ виду наложить свои руки на его имущество, нанимаетъ такъ называемаго broker'а, т. е. „маклера" или „маклака", обыкновенно изъ очень низкихъ и низменныхъ слоевъ народа, забулдыгу, который, за небольшое вознагражденіе, готовъ исполнить все, что ему прикажутъ. Broker, подъ какимъ-нибудь ложнымъ предлогомъ, напримѣръ найма квартиры, проникаетъ въ намѣченное помѣщеніе, и тамъ уже предъявивши хозяйкѣ письменное удостовѣреніе, что онъ такой-то и нанятъ такимъ-то кредиторомъ этой хозяйки, остается, какъ у себя въ домѣ. Всѣ комнаты должны быть для него открыты, онъ безвыходно пребываетъ въ домѣ день и ночь, слѣдя за тѣмъ, чтобы хозяйка не стащила какую-нибудь часть имущества вонъ изъ дома, и полиція совершенно безсильна и не имѣетъ никакого права въ это мѣшаться. Broker, или маклакъ вполнѣ такимъ образомъ замѣняетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

хозяйку. Начинается какъ бы междуцарствіе: въ одной и той же квартирѣ два хозяина; broker, который занимаетъ любую комнату, и можетъ, какъ мы видѣли, валяться въ грязныхъ сапогахъ на шелковомъ диванѣ и пить цѣлый день водку и осматривать чуть не съ ногъ до головы всѣхъ уходящихъ изъ квартиры, не уносятъ ли они съ собой часть имущества.

Какъ разъ въ такую непріятную минуту попали мы съ женой въ нашу квартиру, и безсильная хозяйка, будучи не въ состояніи уплатить долга и прогнать, слѣдовательно, маклака, подчинилась его строгому, назойливому, нахальному надзору. Расположившись произвольно въ одной изъ лучшихъ комнатъ, маклакъ пилъ съ утра до вечера, большею частью съ нашей кухаркой, пьяницей-ирландкой, приносившей ему водку и пищу, иначе онъ умеръ бы съ голоду, ибо не могъ выходить. Хозяйка же, несчастная, сидѣла въ своей комнатѣ и съ утра до вечера плакала, пытаясь нѣсколько разъ переселиться, увозя необходимѣйшее, но встрѣчала усиленный протестъ со стороны broker'а съ пьяной кухаркой, перешедшей совершенно на его сторону, и мы, связанные срокомъ найма, должны были оставаться въ этомъ домѣ очень долго, несмотря на все безобразіе, потому уже, что никто не могъ и не хотѣлъ принять отъ насъ денегъ; хозяйка возражала справедливо, что квартира уже больше не ея, broker, что онъ не хозяинъ, что хозяинъ живетъ гдѣ-то далеко и сносится съ нимъ письменно!!!

Въ это время съ нами произошелъ очень смѣшной случай, который, однако, насъ очень напугалъ, но къ счастью и заставилъ избавиться скорѣй отъ пьяной компаніи и перейти на другую квартиру. Поздно ночью, когда мы уже спали, мы услышали сначала грубые мужскіе голоса, внизу въ кухнѣ, затѣмъ раздался стукъ въ нашу дверь и голосъ Н. И. Зибера, который энергично стучалъ, взывая къ намъ. Мы пробудились и встали, впустили его въ комнату и спросили, что все это значитъ?! Оказывается, онъ изъ своей комнаты, ближе лежащей къ кухнѣ подвальнаго этажа, услышалъ шумъ, нѣсколько разъ окликался: кто кричитъ, шумитъ? чего мы сонные не слыхали, и затѣмъ отправился будить насъ, увѣряя, что какіе-то, вѣроятно мошенники, или разбойники забрались въ нашъ подвальный этажъ. Я забылъ упомянуть, что кромѣ насъ всѣ остальные жильцы успѣли уже сбѣжать съ квартиры, и вотъ подъ вліяніемъ энергическаго заявленія Зибера, съ нами съ женой произошла настоящая паника: мы дѣйствительно увѣрились, что тамъ внизу ходятъ какіе-то злые люди, угрожающіе намъ опасностью, и вооружившись, кто чѣмъ могъ, преимущественно каминными принадлежностями, гуськомъ, осторожно со свѣчами въ

рукахъ спустились внизъ въ кухню, держась другъ за друга. Оказалось внизу нѣтъ ни души, но дѣйствительно всѣ двери наружу открыты. Въ такъ называемомъ Parlour, гостиной, которую самовольно занялъ broker, слышался его пьяный храпъ на диванѣ. Маргарита, ирландская кухарка, исчезла. Мы составили тогда военный совѣтъ — что же дѣлать? Такъ домъ оставить нельзя, съ открытой дверью. Маргариты нѣтъ. Наконецъ, что сдѣлаетъ этотъ владѣлецъ, безсловесный broker? Вотъ, мы въ рѣшительный моментъ вспомнили о единственной надеждѣ и упованіи всякаго иностранца, какъ и мѣстнаго жителя Англіи, о полисменѣ.

Кое-какъ наскоро одѣлись, и оставивши въ запертой комнатѣ Екатерину Николаевну, отправились вдвоемъ съ Зиберомъ отыскивать полисмена. Не безъ труда мы нашли таковаго, объяснили въ чемъ дѣло, но лишь съ большой неохотой, отговариваясь неимѣніемъ права безъ особенныхъ обстоятельствъ входить въ частное жилище, полисменъ рѣшился войти къ намъ въ домъ, въ переднюю комнату. Тамъ онъ убѣдился въ полной безпомощности пьянаго broker'а, котораго не могъ даже дотолкаться и разбудить, по отсутствію кого-либо изъ людей въ квартирѣ, кромѣ насъ, и предложилъ квартиру запереть, увѣряя, что при малѣйшей тревогѣ, онъ немедленно появится, такъ какъ у него есть ключъ отъ всѣхъ наружныхъ дверей околотка, и что мы не должны безпокоиться о кухаркѣ, какъ она войдетъ, она сама должна объ этомъ позаботиться, если уходитъ, и имѣть ключъ. Въ этотъ самый моментъ появилась пьяная Маргарита съ двумя бутылками водки и грозно запротестовала противъ вторженія полисмена въ квартиру, ссылаясь на то, что мы, какъ иностранцы, не знаемъ обычаевъ, а онъ не долженъ никого слушать, кромѣ ея и broker'а. Полисменъ раскланялся съ нами, развелъ руками и ушелъ изъ квартиры, оставивши насъ въ пріятной компаніи пьяныхъ людей.

Разумѣется, на другой же день мы, наконецъ, принялись за розыски хозяевъ, сдѣлали соотвѣтственное недѣльное заявленіе (notice) и черезъ недѣлю переѣхали въ болѣе приличное мѣсто обитанія.

Хотя во второй половинѣ 1881 года русская колонія понемногу начала рѣдѣть—сначала уѣхалъ Каблуковъ, за нимъ Даневскій, — но все-таки оставалась довольно многочисленной, ибо появлялись вновь-пріѣзжіе, менѣе усидчивые россіяне, которые, пробывши недѣлю, другую, въ туманномъ Альбіонѣ, начинали скучать о Парижскихъ бульварахъ и о нѣмецкихъ Kneip'ахъ и покидали Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто другимъ новопріѣзжимъ, и т. д. Въ это время произошло одно нѣсколько странное и на этотъ разъ

болѣе серьезное приключеніе съ однимъ изъ молодыхъ россіянъ, имя котораго я не хочу называть. Приключеніе это серьезно взбудоражило насъ, ибо наводило невольно на очень грустныя мысли о томъ, что никто изъ насъ, ищущихъ свѣта, знаній и науки за границей, не гарантированъ отъ подобнаго приключенія и возможности крупнаго несчастья.

Одинъ молодой человѣкъ, N., занимавшійся также въ Британскомъ музеѣ, соскучился, не видѣвши русскихъ, кромѣ нашего ограниченнаго кружка, и не слышавши долго русской церковной службы, къ аккуратному посѣщенію которой привыкъ съ дѣтства, отправился въ русскую церковь. Онъ родился въ очень благочестивой дворянской семьѣ, воспитанъ былъ въ Москвѣ въ Лицеѣ Цесаревича Николая, и привыкъ, поэтому, съ аккуратностью и исправностью посѣщать въ положенное время церковь, чего былъ давно уже лишенъ во время своихъ странствованій по нѣмецкимъ университетамъ и проживанія въ Лондонѣ. Когда N. вернулся изъ русской церкви и былъ вечеромъ у насъ, пилъ чай, то, на разспросы наши, какъ ему понравилась русская посольская церковь, и какія онъ вынесъ впечатлѣнія изъ перваго посѣщенія, отвѣтилъ намъ, что ничего особеннаго, церковь была пуста, и что онъ попалъ въ церковь слишкомъ рано. Была какая-то знатная, расфранченная дама, сидѣвшая въ корридорѣ, около церкви, мимо которой онъ прошелъ, которая почему-то на него подозрительно посмотрѣла, и около нея нѣсколько человѣкъ, вѣроятно ея свиты, больше никого въ церкви не было.

Прошло недѣли двѣ времени, въ одно прекрасное утро N. прибѣгаетъ къ намъ блѣдный съ вытянутымъ лицомъ и стучитъ въ дверь, такъ какъ мы чуть успѣли съ женой встать. На разспросы: „Что съ вами? Что такое случилось?“ онъ сильно взволнованный, прерывающимся голосомъ, разсказалъ намъ слѣдующее, что онъ изъ дома своего дяди, заступающаго ему мѣсто отца, только что получилъ крайне тревожащее его письмо, чрезвычайнаго содержанія. Любящій и милый дядя, во-первыхъ, бранитъ его, во-вторыхъ, сообщаетъ, что у нихъ, или у близкихъ родственниковъ былъ обыскъ, вызванный будто бы его гнуснымъ поведеніемъ за границей, что онъ пренебрегъ всѣми наставленіями и примѣромъ всей семьи, нарушая ея добрыя традиціи и вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ за границей, учиться, очевидно началъ заниматься политикой, ибо благодаря его дурному поведенію въ этомъ случаѣ былъ обыскъ, какъ по объясненію полиціи, прямо вызванный сообщеніемъ изъ-за границы о немъ, о его будто-бы неблагонадежности. Письмо наполнено выраженіями самаго глубокаго отчаянія и сожалѣнія о всемъ

случившемся, шлетъ упреки и укоризны на голову юноши, заклинаетъ его всѣми святыми не скрывать своихъ грѣховъ, буде таковые есть, немедленно возвращаться въ Москву, какъ дядя уже обѣщалъ полиціи, что онъ явится на отвѣтъ лично и смѣло, какъ подобаетъ порядочному человѣку, сознается, что онъ такое надѣлалъ за границей и чѣмъ вызвалъ такой гнѣвъ и такія мѣры противъ себя государственной власти и полиціи, въ чемъ же заключаются его проступки и не можетъ ли, не въ состояніи ли онъ загладить ихъ искреннимъ раскаяніемъ?!

Бѣдный юноша, мирно занимавшійся въ Британскомъ музеѣ, отчасти подъ моимъ руководствомъ, изученіемъ разныхъ кредитныхъ формъ и банковъ, очень далекій отъ какихъ-либо помышленій о политикѣ и тѣмъ болѣе отъ сношенія съ людьми неблагонадежными, подозрительными или опасными, былъ, разумѣется, крайне пораженъ и огорченъ. Всѣ, мы—небольшая кучка оставшихся русскихъ, посѣщавшихъ Британскій музей, приняли въ его горѣ самое близкое участіе и выражали ему свое горячее сочувствіе, не жалѣя разныхъ добрыхъ совѣтовъ и пожеланій. N. имѣлъ въ Лондонѣ только одинъ бросающійся въ глаза недостатокъ, возбуждающій преслѣдованіе его на улицѣ со стороны уличныхъ мальчишекъ: противно всякому англійскому приличію и понятію о джентльменствѣ, онъ носилъ огромную войлочную шляпу въ родѣ того фасона, который приписывается, по слуху, калабрійскимъ разбойникамъ, съ широкими полями. Шляпа эта у чопорныхъ англичанъ вызывала улыбки и перемигиванія,—чего, вѣроятно, онъ самъ не замѣчалъ. Мальчишки бѣжали за нимъ иногда на улицѣ, показывали языкъ и кричали: „clergyman!“ и болѣе ничего. Мы, конечно, подшучивали надъ нимъ и всячески убѣждали его завести цилиндръ, но онъ былъ упрямъ и насъ не слушался. Наконецъ, въ своихъ манерахъ N., какъ истинный россіянинъ, изъ хорошей дворянской семьи, отличался большой развязностью и не всегда сдержанностью,—вотъ все, что можно было сказать противъ него.

Общее недоумѣніе, такимъ образомъ, относительно возможной или вѣроятной причины его бѣды, сводилось, однако, къ общимъ совѣтамъ: немедленно возвращаться въ Россію и объясниться, постараться выслушать, въ чемъ же его обвиняютъ? Нѣтъ ли тутъ просто ошибки въ имени, что иногда въ жизни бываетъ. Разстроенные, съ горячими объятіями, мы проводили его на вокзалъ, въ дорогу, въ нашу далекую, не всегда любезную, какъ изъ этого примѣра видно, къ своимъ сынамъ, родину. Прошло недѣли три безъ всякихъ извѣстій, какъ вдругъ, въ одно утро, или вечеръ, не помню хорошо, N., веселый, смѣющійся, развязный, въ томъ же самомъ не-

возможномъ калабрійскомъ шлыкѣ, появляется опять у насъ въ комнатѣ, какъ разъ въ присутствіи еще нѣсколькихъ россіянъ-сотоварищей. Естественно, съ нашей стороны посыпались градомъ вопросы: „Что? Какимъ образомъ? Почему? Зачѣмъ васъ вызывали? Что такое случилось?!!!“

Оказалось, произошла слѣдующая, можно было бы сказать—комическая, исторія, если бы она не заключала въ себѣ зерно большого трагизма. Причина заключалась въ томъ самомъ вышеупомянутомъ неудачномъ, оказывается, посѣщеніи русской церкви, когда сердце молодого человѣка стосковалось по родинѣ и родной православной службѣ; какъ уже онъ разсказывалъ выше, въ церкви была при немъ какая-то очень знатная особа, герцогиня со свитой и болѣе никого, онъ прошелъ мимо нея по узкому корридору, въ своемъ невозможномъ калабрійскомъ колпакѣ, надвинутомъ низко на лобъ, съ весьма дерзкой, отважной манерой, и въ томъ широкомъ, безъ рукавовъ плащѣ англійскаго образца (Havelоc), который у насъ въ Россіи получилъ характерное названіе „размахайки“, при чемъ, благодаря широкимъ размѣрамъ этого костюма задѣлъ, можетъ быть, нѣсколько неосторожно, самъ того не зная, въ узкомъ проходѣ сидящую даму. Когда онъ прошелъ въ церковь, то немедленно завязался разговоръ о немъ: „Кто этотъ нигилистъ, невѣжа, не раскланиваясь, въ такой ужасной шляпѣ, прошелъ мимо?“ Услужливые люди немедленно добились точныхъ свѣдѣній, узнали черезъ священника, который видѣлъ его раньше, его имя, при чемъ ему было приписано, якобы, очевидное намѣреніе чуть ли не нанести оскорбленіе дѣйствіемъ высокой особѣ, здѣсь присутствующей, своимъ неприличнымъ поведеніемъ. И вотъ немедленно, въ Петербургъ, куда слѣдуетъ, полетѣло, безъ дальнѣйшаго разбора дѣла, извѣщеніе о дерзкой, якобы, выходкѣ, этого, невиннаго по своему поведенію, младенца и, что называется по-русски, сыръ боръ загорѣлся!!!“

Когда N. вернулся въ Москву, то онъ узналъ тотчасъ же, что обыскъ и запросъ о немъ сдѣланы вслѣдствіе телеграфнаго требованія изъ Петербурга, куда онъ и долженъ направиться, чтобы съ этимъ дѣломъ познакомиться поближе. И вотъ, собравши всѣ необходимыя данныя о высокой доброкачественности и благонадежности, какъ своей лично, такъ и всей его семьи, пользующейся всеобщимъ уваженіемъ и далекой отъ какихъ-либо превратныхъ мыслей, въ томъ числѣ и захвативши аттестатъ отъ Катковскаго Лицея, N. немедленно отправился въ Канцелярію всемогущаго тогда министра Лорисъ-Меликова, гдѣ все дѣло очень быстро объяснилось поспѣшнымъ и непровѣреннымъ сообщеніемъ изъ Лондона. Юноша, который уже приготовился ѣхать въ мѣста не столь отдаленныя и, какъ онъ намъ

разсказывалъ, уже боялся за свой арестъ на самой границѣ, былъ, наконецъ, совершенно обѣленный, мирно отпущенъ на всѣ четыре стороны, съ совѣтомъ, впрочемъ, быть осторожнѣе въ будущемъ. Насколько вся эта печальная и смѣшная тревога, грозившая, въ случаѣ меньшей энергіи и настойчивости, самыми серьезными послѣдствіями, была напрасна, можно судить уже потому, что этотъ претерпѣвшій юноша въ настоящее время, черезъ 28 лѣтъ, занимаетъ высокій постъ сенатора, чѣмъ наглядно доказываетъ, какая великая осторожность требуется при обвиненіи человѣка и осужденіи его въ проступкахъ, которые онъ и не думалъ совершать!? Воистину „всѣ мы подъ Богомъ ходимъ", какъ говоритъ русская народная поговорка!!!

Кромѣ этого непріятнаго происшествія, нарушившаго нашъ душевный миръ и спокойствіе, маленькая кучка русскихъ, занятая всецѣло книгами и диссертаціями, жила весьма мирно, каждый занятый своимъ дѣломъ. Какъ извѣстно, 1-го марта 1881 года, къ истинному горю всего мыслящаго человѣчества и вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Государя, совершилась ужасная катастрофа цареубійства. Одинъ изъ великихъ Императоровъ Россіи, Царь-Освободитель, погибъ отъ руки кучки фанатиковъ. Мы какъ разъ въ это время проживали въ Лондонѣ. Интересно, можетъ быть, будетъ знать, что и какъ по этому поводу намъ сдѣлалось извѣстно о страшномъ событіи? Жена моя отъ 14 марта, 1881 года, пишетъ, напримѣръ, своимъ родителямъ слѣдующее: „Мамаша проситъ написать, когда мы узнали о страшной катастрофѣ и смерти Государя. Мы узнали это", отвѣчаетъ она, „на другой день, такъ какъ, наканунѣ, въ день убійства было воскресенье и газетъ не выходило, утромъ въ понедѣльникъ, въ половинѣ девятаго, какъ только встали, узнали одновременно изъ англійской газеты „Daily News", гдѣ уже появилась обширная телеграмма о печальномъ событіи, и изъ циркулярнаго письма здѣшняго русскаго священника, приглашавшаго насъ на панихиду. Мы отправились въ церковь, гдѣ отслужено было краткое и печальное молебствіе, на которомъ присутствовала масса знатнаго народа; полный комплектъ, конечно, русскаго посольства, а также и представители иностранныхъ державъ, включая турецкую, китайскую и японскую миссіи и т. д., кромѣ того многіе члены англійской королевской фамиліи, принцъ Уэльскій и принцесса Уэльская (настоящій король Эдуардъ съ супругой), которая очень похожа на свою сестру, нашу нынѣшнюю Императрицу", пишетъ жена, „и также пользуется здѣсь большой любовью народа. О подробностяхъ этого страшнаго дѣла мы здѣсь изъ англійскихъ газетъ узнали гораздо больше, чѣмъ Вы въ Россіи; черезъ нѣсколько

дней, впрочемъ, мы имѣли также возможность получить весь русскій матеріалъ, потому что выписываемъ массу газетъ изъ Россіи. Англичане очень сочувственно отнеслись къ нашему національному несчастью, и первые дни послѣ происшествія, пресса почти единственно толковала здѣсь о немъ. До сихъ поръ, собственно, публика сильно интересуется подробностями дѣла и его послѣдствіями...“

Впрочемъ, я долженъ пополнить письмо жены одной, нѣсколько курьезной подробностью, смутившей нашъ духъ наканунѣ этого событія. Перваго марта, по русскому исчисленію, въ воскресенье, знаменитый англійскій проповѣдникъ лордъ Редстокъ говорилъ публичную проповѣдь. Входъ былъ свободенъ, и мы съ женой захотѣли какъ разъ послушать, что такое за Редстокъ и что онъ говоритъ? Проповѣдь назначена была и началась ровно въ четыре часа по полудни. Къ общему удивленію, Редстокъ началъ проповѣдь съ какихъ-то таинственныхъ и странныхъ намековъ на какое-то печальное событіе въ родѣ слѣдующихъ: „Завтра, христіане, вы встанете утромъ и узнаете, можетъ быть, какую-нибудь страшную новость о внезапной насильственной смерти какого-нибудь монарха могущественнаго государства, но это событіе отнюдь не должно смущать вашу совѣсть: будьте увѣрены, что какъ бы печаленъ этотъ фактъ ни былъ, но Богу было такъ угодно. Мы должны смириться передъ Его волей и молить Его, чтобы такихъ несчастій было на свѣтѣ поменьше“ и т. д. въ этомъ родѣ.... Мы были, разумѣется, удивлены, но пропустили сказанное мимо ушей. На другой же день все сдѣлалось ясно изъ чтенія газетъ: наканунѣ, въ два часа съ чѣмъ-то, герцогъ Эдинбургскій съ супругой Маріей Александровной получили извѣстіе о смерти покойнаго Александра II, немедленно заказали экстренный поѣздъ въ Дувръ и въ три часа съ минутами уѣхали на континентъ по дорогѣ въ Россію. Очевидно, въ придворныхъ кругахъ былъ извѣстенъ фактъ катастрофы, еще, въ воскресенье днемъ, но Редстокъ не хотѣлъ нарушать святости воскресенія и смущать совѣсть слушателей этимъ извѣстіемъ и въ то же время не утерпѣлъ, чтобы на него не намекнуть и тѣмъ привлечь наше вниманіе, изобразить мысленно знаки вопроса, кто и что такое? Предсказаніе вышло не мудреное!

Тяжело было весной, послѣ довольно продолжительной холодной зимы этого года, оставаться въ городѣ. Весь, повидимому, или большая часть матеріала, необходимаго для второго желаннаго, тома моей „Англійской Свободной Торговли“, былъ уже собранъ и мы смѣло могли на этотъ разъ, послѣ продолжительнаго сожительства съ Британскимъ музеемъ, покинуть Лондонъ и переселиться въ

другое, болѣе веселое, если не поучительное мѣстопребываніе. Такъ мы и сдѣлали. Въ началѣ мая весь нашъ довольно не малый, благодаря росту книгъ, багажъ, послали впередъ, въ Гейдельбергъ, а вслѣдъ затѣмъ переселились въ этотъ прелестный, тогда еще покойный и мало объангличаненный, „nicht verengländert", городокъ Германіи. Я имѣлъ пріятелей между профессорами и при томъ одного владѣльца богатой экономической библіотеки, профессора Эмануила Лезера, такъ что могъ смѣло разсчитывать на возможную помощь въ смыслѣ снабженія книгами. Мы поселились очень уютно и комфортабельно, въ хорошемъ не дорогомъ пансіонѣ Ланга, распредѣлили правильно свой день занятій и незамѣтно, одновременно пріятно и полезно, за писаніемъ сочиненія и прогулками, по составленной заранѣе программѣ, проводили свое время. Сначала насъ смутило одно непріятное приключеніе: сундуки и чемоданы, посланные нами впередъ, съ нашими вещами и книгами, долго не приходили въ Гейдельбергъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца по пріѣздѣ, живя при томъ около самой станціи желѣзной дороги, я непрестанно наводилъ справки, но все было тщетно; нашихъ вещей нѣтъ какъ нѣтъ! По совѣту нашего хозяина, черезъ мѣсяцъ мы уже поставили крестъ на наши вещи и хотѣли рекламировать, т. е. требовать отъ желѣзной дороги, или отъ правительства, то жалкое вознагражденіе, которое приходится отправителю за пропавшую кладь, какъ вдругъ нашъ багажъ нашелся на станціи и, оказалось, мы столько разъ получали отрицательный отвѣтъ, благодаря необычайной несообразительности нѣмецкаго конторщика на желѣзной дорогѣ.

Жена моя по этому поводу писала матери изъ Гейдельберга, отъ 24—12 іюня 1881 года: „Я вамъ могу сообщить наконецъ веселое извѣстіе: мы добились своихъ вещей. Скучно и досадно разсказывать всѣ наши хлопоты о нихъ и странный пассажъ съ ними. Пока мы посылали запросы, даже телеграфные, въ разныя мѣста пути слѣдованія багажа, начиная съ Лондона, онъ преспокойно лежалъ около насъ здѣсь и былъ налицо... Совершенно случайно мы до него добрались... Во всякомъ случаѣ день, когда мы получили вещи, былъ для насъ праздникомъ, мы точно получили подарокъ. Еще раньше мы начали заниматься по книгамъ, которыя сейчасъ нашлись или въ университетской библіотекѣ или у профессора Лезера и въ другихъ книжныхъ учрежденіяхъ города. Книгописаніе наше идетъ очень успѣшно, у насъ уже написано свыше ста страницъ" (жена ошиблась, въ дѣйствительности было гораздо больше). „Матеріалы такъ разрослись, что книга грозитъ выйти больше, чѣмъ слѣдовало. Работать здѣсь очень хорошо; день правильно

расположенъ; заботъ, напримѣръ, о ѣдѣ, ни малѣйшихъ, какъ въ Лондонѣ. Недавно, впрочемъ, простояло нѣсколько дней такихъ жаркихъ, что нападала на насъ нѣкоторая вялость, работа шла какъ бы хуже. Теперь же чудная, не слишкомъ жаркая погода, и я съ утра сѣла вамъ писать въ нашемъ саду, гдѣ въ другое время бываетъ невыносимо жарко. Мы купаемся въ Неккарѣ и чувствуемъ себя совсѣмъ хорошо. Жизнь привольная, заниматься удобно, погулять есть гдѣ..."

„Письмо это", говорится далѣе, „продолжаю вечеромъ. И. И. пошелъ съ нѣсколькими русскими гулять въ довольно отдаленный пунктъ, а я нынче отказалась отъ прогулки, потому что во время купанья передъ ужиномъ много плавала и устала. Да и рано здѣсь хочется спать, потому что сравнительно рано встаемъ, мужъ въ половинѣ восьмого, и даже въ семь, я полчаса позднѣе; до часу такимъ образомъ, до времени нашего ранняго обѣда, у насъ много часовъ для занятій, и мы, если диктовка мужа идетъ гладко, успѣваемъ написать довольно много. Послѣ обѣда мы занимаемся какимъ-нибудь легкимъ чтеніемъ и не спимъ ни тотъ, ни другой, потому что часа въ четыре пьемъ кофе уже не дома, а въ кондитерской, а послѣдніе жаркіе дни передъ этимъ обязательно купаемся въ прохладномъ Неккарѣ. Отъ 5—7 часовъ, большею частью, мы опять усердно пишемъ, въ восьмомъ часу получаемъ ужинъ и чай и затѣмъ вновь отправляемся въ вечернюю прогулку, которая единственно возможна при такой жарѣ, которая здѣсь наступила лѣтомъ. Каждый вечеръ, почти регулярно, заходитъ за нами кто-нибудь изъ здѣшнихъ русскихъ"... Я умышленно привелъ это безыскусственное письмо, чтобы точнѣе представить идиллическую картину нашей новой жизни, столь не схожей съ лондонской, надъ той же работой, усердно подвигавшейся впередъ. Наконецъ послѣ всѣхъ шестилѣтнихъ стараній, передѣлокъ, перемѣнъ и измѣненій плана, совсѣмъ не похожаго на первый, моя работа надъ „Свободной Торговлей", или, точнѣе, „Развитіемъ идей свободной торговли", видимо, приближалась къ благополучному окончанію. Въ началѣ августа работа настолько подошла къ концу, что мы рѣшили сдѣлать себѣ нѣкоторый отдыхъ и удовольствіе мѣсячной поѣздкой въ Швейцарію, и я взялъ круговой билетъ III-го класса на это время. (Большей роскоши я себѣ тогда еще не могъ позволять).

У насъ сохранилось одно интересное письмецо жены объ этомъ важномъ для насъ событіи долго желаннаго окончанія второго тома. Жена моя пишетъ объ этомъ изъ Берна своей матушкѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Имѣю сообщить новость, мы вчера кончили послѣднюю главу книги; теперь И. И. хочетъ только дополнить нѣсколько

ту главу, которая уже давно написана, и для этого мы остались въ Бернѣ собственно на нѣсколько дней. Кстати погода дождливая и все равно нигдѣ въ Швейцаріи гулять еще нельзя. Даже по слухамъ рѣки разлились отъ дождей. По случаю нашей общей радости, окончанія работы, я получила отъ мужа сюрпризъ, о которомъ вамъ теперь не скажу, чтобы лучше поразить при свиданіи. Чѣмъ ближе придвигается время отъѣзда, тѣмъ невольно чаще вспоминается, какъ будетъ пріятно обнять васъ, послѣ долгаго скитанія по бѣлому свѣту... Намъ только хочется воспользоваться своимъ круговымъ билетомъ, насмотрѣться напослѣдяхъ чудесами природы, которая потомъ надолго оставитъ наслажденіе своими воспоминаніями, а затѣмъ уже восвояси, опять за трудовую жизнь въ Россіи. Веселья тамъ теперь ждать нельзя, все кругомъ очень грустно. Одно утѣшеніе—дѣлать, по возможности, свое дѣло. Мнѣ по пріѣздѣ надо будетъ, кромѣ устройства квартиры, за полтора года отсутствія, измарать порядочно много бумаги, продолжая переписку, и книга дастъ намъ обоимъ еще достаточно работы въ Москвѣ: мнѣ переписки, а И. И. просмотра сначала, а потомъ корректуры при печатаніи. За то какое блаженное чувство мы ощущаемъ при окончаніи этой работы, которая тяжелымъ бременемъ лежала на нашей совѣсти и сначала давалась очень трудно, вслѣдствіе измѣненій нѣкоторыхъ воззрѣній и расширенія матеріала со времени писанія перваго выпуска?!! Мораль, которую И. И. вынесъ отсюда: въ умственныхъ работахъ никогда не связывать себя и не гадать за будущее. „Все хорошо, что кончается хорошо“, говоритъ пословица, поэтому теперь нечего ворчать на судьбу, но было тяжелое время, когда И. И. долго не могъ приняться въ Британскомъ музеѣ за эту обязательную работу, которая, напоминая о себѣ постоянно, не давала намъ свободы вполнѣ предаться тѣмъ занятіямъ, которыя болѣе привлекали въ данное время его интересы, какъ, напримѣръ, фабричное законодательство. Теперь мужъ росписался, и книга, кажется, выйдетъ недурная, но она далась труднѣе всѣхъ прежнихъ его сочиненій. Но, однако, довольно объ этомъ“...

Къ осени мы благополучно вернулись изъ продолжительнаго полуторогодового отсутствія изъ Россіи, на этотъ разъ съ новой и давно желанной книгой, вторымъ выпускомъ „Свободной Торговли“, съ новымъ большимъ трудомъ, готовымъ для печати. Немедленно она отдана была въ типографію, въ томъ же домѣ, гдѣ я прежде проживалъ съ Ковалевскимъ (Миллера): теперь я уже поселился въ другой части города Москвы, на Арбатѣ, гдѣ и оставался до окончательной ликвидаціи моей московской жизни.

Такъ какъ второй томъ или выпускъ этого сочиненія, обнимаю-

щій періодъ свободной торговли, представляетъ для того времени главную мою работу, потребовавшую большихъ усилій, то я считаю долгомъ нѣсколько долѣе на ней остановиться. Сначала я хотѣлъ во второмъ выпускѣ этой книги ограничиться лишь выясненіемъ торжества принциповъ свободной торговли, но, продолжая работать, я не могъ не замѣтить сильной перемѣны въ воззрѣніяхъ англійскаго общества на политическую экономію и упадка стараго престижа самой экономической науки. Вѣра во многіе наиболѣе существенные положенія и принципы политической экономіи, какъ они были установлены въ XVIII и XIX вѣкахъ ея первыми основателями, вѣра эта явилась уже давно, въ значительной степени подорванной и поколебленной, и въ то же время новые законы, новые принципы, которые могли бы замѣнить собой старые, потерявшіе довѣріе, еще не созданы и составляютъ лишь pium desiderium.

Это послѣднее обстоятельство заставило меня всмотрѣться ближе въ данное явленіе и подвергнуть его спеціальному изслѣдованію. Чѣмъ же объясняется эта громадная перемѣна относительно значенія и важности политической экономіи? Какъ, какимъ образомъ, подъ какимъ вліяніемъ и благодаря какой обстановкѣ дѣйствительной жизни могло образоваться и развиться это столь распространенное нынѣ недовѣріе къ вѣрности, правильности, къ цѣлесообразности выработанныхъ политической экономіей началъ, а также убѣжденіе въ практической непригодности большею частью ихъ законодательнаго примѣненія къ жизни?!!

Прослѣживая, шагъ за шагомъ, съ конца 20-хъ годовъ прошлаго вѣка англійскую экономическую литературу, я пришелъ къ заключенію, что главное вліяніе на измѣненіе общественнаго мнѣнія въ отношеніи къ этой наукѣ оказали слѣдующіе четыре фактора: 1) альтруизмъ, 2) соціализмъ, 3) индуктивизмъ, 4) протекціонизмъ. Въ этомъ построеніи, которое я дальше вкратцѣ изложу, я ставлю себѣ въ заслугу, что до сихъ поръ привыкли въ наукѣ бороться лишь логическими способами, путемъ доводовъ, добываемыхъ разсужденіемъ и фактами, а я постарался показать въ своемъ изслѣдованіи, что помимо логическихъ доводовъ, въ построеніяхъ разныхъ экономическихъ воззрѣній и прямомъ воздѣйствіи ихъ на законодательство и государственную жизнь имѣютъ мѣсто, помимо доказательствъ разсудка, *доводы простого чувства* и экономическая наука развивалась, видоизмѣнялась и распространялась въ такой же мѣрѣ, благодаря аргументамъ холоднаго разсудка, сколько и горячаго, можетъ быть, *чувства* человѣческой симпатіи къ несчастнымъ и обездоленнымъ въ жизни; поэтому-то я на первомъ мѣстѣ и поставилъ альтруизмъ и его значеніе и воздѣйствіе на науку.

Это положеніе я старался доказать на основаніи, болѣе всего, біографіи Джона Стюарта Милля, а также, впрочемъ, и другихъ многихъ писателей (Коббетъ, Уэкфильда, Джона Рэ, Самуила Ленга и мн. др.). Каждый, кто, напримѣръ, читалъ автобіографію Джона Стюарта Милля, навѣрное припомнитъ прекрасныя страницы, которыя онъ посвящаетъ описанію того медленнаго, но сильнаго вліянія, которое оказала на укладъ его всѣхъ убѣжденій м-рсъ Тейлоръ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи его женой. Вліяніе это, судя по всему, имѣло характеръ гуманизирующій и выразилось въ томъ, что Милль началъ больше обращать вниманія на положеніе рабочихъ классовъ, на вопросы, съ ними связанные, и уже отсюда во многомъ измѣнилъ свои экономическія убѣжденія на этотъ предметъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, если даже сопоставить его раннія экономическія произведенія съ позднѣйшими, не говоря о личномъ сознаніи автора. Достаточно было этой причины, т. е. возбужденія большого сочувствія Милля къ положенію бѣдныхъ массъ народа, большого развитія чувства альтруизма, чтобы это личное обстоятельство постепенно, но прочно, выразилось въ несогласіи, съ его стороны, съ нѣкоторыми положеніями господствовавшей школы политической экономіи и стремленія построить науку (напримѣръ, ученіе о распредѣленіи, ассоціаціи и др.) на иныхъ новыхъ началахъ, нежели дѣлали предшественники, болѣе независимо широко. Такимъ образомъ, повторяю, не одни лишь голые аргументы логики воздѣйствовали на экономическія убѣжденія Милля, но и *доводы чувства*, предрасполагавшаго его къ оппозиціи противъ нѣкоторыхъ положеній суровой абстрактной науки и толкавшаго его къ изслѣдованію иныхъ возможныхъ формъ человѣческаго существованія и иного разрѣшенія насущныхъ вопросовъ.

Къ альтруизму примыкаетъ непосредственно другой факторъ означенной оппозиціи,—соціализмъ, дальнѣйшее развитіе и возведеніе перваго въ нѣкоторую систему. Значеніе его въ этомъ случаѣ, если признать существованіе перваго фактора—альтруизма, въ томъ смыслѣ, какъ я его выставилъ, доказаннымъ, становится понятнымъ само собой и не требуетъ особеннаго объясненія.

Ученіе протекціонизма, хотя исходитъ, обратно съ предыдущимъ факторомъ, изъ своекорыстныхъ началъ и побужденій, тѣмъ не менѣе также сыграло роль въ исторіи экономическихъ идей: хотя протекціонисты еще чаще, чѣмъ фридредеры, являются защитниками не принципа собственно, а лишь интереса извѣстной категоріи лицъ и класса, тѣмъ не менѣе, защищая вмѣшательство правительства относительно ввозной торговли, протекціонисты, уже въ силу логики, должны были допускать и даже защищать и права государ-

ственнаго вмѣшательства, вообще, въ экономическую жизнь, гдѣ это требуется общимъ благомъ, подкапываясь, такимъ образомъ, подъ тотъ же самый фундаментальный принципъ политической экономіи—свободу конкурренціи.

Наконецъ, индуктивная провѣрка или наблюденіе хозяйственной жизни другихъ странъ и народовъ также не осталась безъ вліянія на измѣненіе многихъ воззрѣній на солидность и пригодность иныхъ выводовъ экономической науки. Однимъ словомъ, индуктивизмъ привелъ къ заключенію, что большая часть принциповъ политической экономіи имѣетъ лишь условное, относительное значеніе, а отнюдь не общее и абсолютное, какъ толковали тогда многіе изъ экономистовъ въ Англіи. Сверхъ того, моя книга, кромѣ указанной, имѣла еще другую цѣль: выяснить причины, по которымъ Англія приняла въ своей политикѣ систему именно свободной торговли. Изслѣдованіе показало въ этомъ случаѣ, что Англія должна была принять эту систему по особеннымъ условіямъ своего экономическаго быта, что она являлась для нея тогда наиболѣе выгодной и безопасной. Въ заключеніе я выражаю, что новая перестройка политической экономіи должна покоиться по преимуществу на индуктивномъ методѣ, съ наибольшими шансами на ея продолжительное существованіе, что въ этомъ смыслѣ политическая экономія является болѣе наукою будущаго, нежели настоящаго, и что эта перестройка не кончится на многіе годы.

Таковы вкратцѣ главнѣйшіе выводы изъ 2-го выпуска моего труда по исторіи идеи англійской свободной торговли, поглотившей столько лѣтъ моей жизни и столько времени разнообразныхъ занятій въ стѣнахъ Британскаго музея и внѣ его. Интересъ для экономической науки этой книги, по моему мнѣнію, заключается прежде всего въ томъ, какъ упомянуто уже, что я обратилъ вниманіе въ исторіи доктринъ на личные факторы, т. е. условія жизни и дѣятельности даннаго писателя: обыкновенно предполагается, что сила аргументаціи тѣхъ или иныхъ положеній опредѣляетъ принятіе или отрицаніе тѣмъ или другимъ лицомъ; между тѣмъ въ дѣйствительности любовь, напримѣръ, Джона Стюарта Милля къ м-рсъ Тейлоръ и дружба съ нѣкоторыми представителями „христіанскаго соціализма“ непосредственно отразились на его воззрѣніяхъ и способствовали ихъ перемѣнѣ. Точно также у цѣлаго ряда писателей, мною приводимыхъ въ сочиненіи, горячее сочувствіе бѣднымъ классамъ народа, при самой различной степени умственнаго здоровья и интеллекта, немедленно и одинаково у всѣхъ экономистовъ отражалось въ формѣ оппозиціи тѣмъ или инымъ принципамъ классической экономіи, а главнѣе всего противъ невмѣшательства государ-

ственной власти. Въ фактическомъ отношеніи значеніе моей книги заключалось въ томъ, также, что я первый изъ европейскихъ экономистовъ объяснилъ и сдѣлалъ очеркъ ученія „англійскихъ христіанскихъ соціалистовъ". Нѣмцы, профессора Нейманъ и Гельдъ выступили лишь вскорѣ послѣ меня и, благодаря рецензіи Альфонса Туна (въ Тюбингенскомъ журналѣ), они уже знали о моемъ сочиненіи, а Нейманъ даже со мной списывался по этому поводу...

Тотъ же самый 1882 годъ, въ которомъ появился на свѣтъ второй выпускъ моей „Свободной Торговли", завершившій большую работу, ознаменовался для меня, собственно, другимъ великимъ событіемъ, первой пробой моихъ силъ на практическомъ поприщѣ, попыткой приложенія моихъ книжныхъ теоретическихъ свѣдѣній къ дѣйствительной жизни. Я разумѣю мою фабрично-инспекторскую дѣятельность, продолжавшуюся цѣлыхъ 5 лѣтъ; съ перваго дня созданія этого новаго института въ Россіи для регулированія взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ въ промышленномъ производствѣ. Вслѣдъ за этой пробой практики имѣли мѣсто въ моей профессорской жизни и еще нѣсколько весьма важныхъ, хотя и кратковременныхъ изслѣдованій по порученію правительства въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни. Въ настоящее время я постараюсь ихъ лишь кратко намѣтить и перечислить.

Моя научная, теоретическая дѣятельность нашла себѣ практическій исходъ и примѣненіе:

1) Фабрично-инспекторская служба (1882 — 1887). (Фабричные законы 1882 года, введеніе инспекціи, краткая исторія инспекціи и законовъ).

2) Изслѣдованіе фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ.

3) Промысловые синдикаты, преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

4) Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ.

5) Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ.

Начну съ краткаго изложенія воспоминаній о моей фабрично-инспекторской дѣятельности.

Лѣто 1882 года я проводилъ на дачѣ въ Соколовѣ близъ станціи Химки по Николаевской желѣзной дорогѣ, мѣстечко, извѣстное своей живописностью и нѣкогда принадлежавшее генералу Дивову, а теперь купеческой семьѣ Мазуриныхъ. П. Д. Боборыкинъ удачно назвалъ когда-то Соколово маленькимъ Московскимъ Шварцвальдомъ. По преданію въ немъ нѣкогда проживали лѣтомъ Бѣлинскій,

Грановскій и Герценъ; послѣдній даже не разъ упоминаетъ о немъ въ своихъ произведеніяхъ.

25 іюня 1882 года, проживая мирно въ Соколовѣ, я получилъ письмо отъ извѣстнаго профессора технологіи и дѣятеля по кустарному образованію, Евгенія Николаевича Андреева, котораго я встрѣтилъ раньше лишь однажды; онъ просилъ меня, для переговоровъ по одному дѣлу, если я въ принципѣ ничего не имѣю противъ,— явиться къ нему въ гостиницу, или на промышленную выставку, тогда происходившую въ Москвѣ, гдѣ могу найти его всегда въ извѣстные часы, на извѣстномъ мѣстѣ.

Послѣ краткаго размышленія, я поѣхалъ въ назначенное время въ Москву, встрѣтился съ Андреевымъ на выставкѣ и бесѣдовалъ болѣе двухъ часовъ. Отъ него я узналъ, что законъ о малолѣтнихъ находится уже въ Государственномъ Совѣтѣ, что самъ Андреевъ ждетъ со дня на день утвержденія себя въ должности главнаго лица по этому закону. Меня же съ полнаго согласія министра онъ желаетъ притянуть къ новымъ обязанностямъ въ роли инспектора Московскаго округа, которому будутъ подлежать шесть центральныхъ губерній. Я принялъ предложеніе Андреева и по совѣту его поѣхалъ въ Петербургъ представляться моимъ будущимъ властямъ. Представленіе началось съ министра, почтеннѣйшаго Н. Х. Бунге, покровительство и симпатіи котораго я очень скоро и прочно завоевалъ. Онъ принялъ меня крайне любезно и не какъ министръ, а какъ профессоръ профессора, какъ старшій товарищъ младшаго; мило, добро и участливо разспрашивалъ меня о послѣдней моей работѣ по финансамъ и о будущихъ предположеніяхъ въ смыслѣ научныхъ занятій. Затѣмъ перешелъ къ рабочему вопросу и благодарилъ меня за то, что я рѣшилъ принять на себя создаваемое мѣсто фабричнаго инспектора. „Рабочій вопросъ", говорилъ Н. Х.,— „важный государственный вопросъ, правильная постановка котораго необходима. Поэтому особенно дорого привлеченіе къ дѣлу столь свѣдущихъ людей, какъ вы... Мнѣ хорошо извѣстны всѣ ваши труды по рабочему вопросу; мы должны просить вашего извиненія, что", какъ онъ выразился, „мы васъ нѣсколько обобрали по этому предмету". Въ этомъ шутливомъ замѣчаніи Н. Х. Бунге, очевидно, разумѣлъ представленіе въ Государственный Совѣтъ и мотивы къ новому фабричному закону, для которыхъ пользовался матеріаломъ изъ моихъ сочиненій по фабричнымъ вопросамъ нерѣдко ссылаясь на нихъ... „Само собою разумѣется", продолжалъ министръ, „мы не можемъ сдѣлать сразу много для рабочихъ, надо дѣйствовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные предубѣжденные круги,—но я убѣжденъ, что постепенно возможно будетъ ввести

надлежащій порядокъ въ этотъ вопросъ и сдѣлать все, что можно, для его измѣненія къ лучшему". Счастливый и довольный имѣть такого главнаго начальника, я оставилъ министра, полагая, что я его больше этотъ разъ не увижу, но уже въ тотъ же день получилъ съ курьеромъ маленькую записку, радушно приглашавшую съ нимъ запросто отобѣдать, что мнѣ дало немедленно возможность еще болѣе сблизиться и обмѣняться мыслями съ этимъ замѣчательно благороднымъ русскимъ дѣятелемъ, собственно мало оцѣненнымъ своими современниками.

Другое впечатлѣніе впервые произвелъ на меня директоръ Департамента Торговли и Мануфактуръ въ то время, Н. А. Ермаковъ. Онъ не имѣлъ большого образованія и даже не скрывалъ этого (кажется, не пошелъ дальше духовнаго училища), но это не помѣшало ему быть очень умнымъ и практически хорошо свѣдущимъ человѣкомъ во всѣхъ чиновничьихъ путяхъ и дорогахъ. Мнѣ заранѣе о немъ много разсказывалъ А. И. Чупровъ, когда-то его хорошо знавшій. Между прочимъ А. И. говорилъ, что Ермаковъ ему энергически нѣсколько разъ рекомендовалъ, какъ лучшій способъ имѣть въ жизни успѣхъ, принять за правило всѣмъ нравиться и со всѣми быть въ мирѣ. „Пчела", иллюстрировалъ онъ свою „Молчалинскую" философію, „одинаково собираетъ свой медъ со всѣхъ цвѣтовъ"!!!...

Ермаковъ принялъ меня отечески ласково, говоря, что „они", т. е. Министерство Финансовъ, „задумали новое дѣло, заняться судьбой рабочихъ, начиная съ малаго возраста. А для новаго дѣла", добавилъ онъ, „нужны и новые ученые люди", и онъ очень-де радъ видѣть такихъ у себя на службѣ, „тѣмъ болѣе, что министръ-то у насъ ученый". Поэтому онъ только проситъ объ одномъ, заботиться о рабочихъ, но быть осторожнѣе, осторожнѣе. „Разумѣется", добавилъ онъ, смѣясь, „вы имъ соціализмъ проповѣдывать не будете?" Тамъ же у Ермакова я познакомился съ моимъ будущимъ ближайшимъ начальникомъ (Промышленнаго Отдѣленія) А. Г. Неболсинымъ, моимъ дорогимъ до настоящаго времени другомъ.

30 августа 1882 года всѣ длинныя формальности у меня были окончены, и я былъ утвержденъ въ должности, какъ тогда наименовали ее, „Московскаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ". Я получилъ затѣмъ, вскорѣ же, самыя общія указанія отъ Андреева на свои обязанности и предложеніе возможно усерднѣе посѣщать фабрики для ознакомленія съ ними и собиранія разнообразныхъ свѣдѣній по всѣмъ родамъ производства о положеніи рабочихъ, о числѣ малолѣтнихъ, ихъ возрастѣ, школахъ, гигіеническихъ условіяхъ, занятіяхъ и т. д. и наконецъ о школьномъ обу-

ченіи. Вскорѣ затѣмъ былъ выданъ мнѣ открытый листъ, дающій право входа во всѣ промышленныя учрежденія. Я получилъ такимъ путемъ широкій просторъ для удовлетворенія своей любознательности, для знакомства, одинаково, какъ съ фабричнымъ бытомъ, такъ и съ условіями, необходимыми для подготовки меня къ новымъ обязанностямъ, когда законъ вступитъ въ силу. Предварительно же законъ о работѣ малолѣтнихъ былъ уже изданъ 1-го іюня 1882 года, въ то же время законъ этотъ оставался совершенно бумажнымъ и въ началѣ же было объявлено, что онъ не вступитъ въ силу до 1 мая 1883 года, данныхъ намъ, инспекторамъ, такъ сказать, для подготовки. Позднѣе, однако, вслѣдствіе извѣстной медленности нашей государственной колесницы, вступленіе закона въ силу было отсрочено еще на годъ, т. е. до 1-го мая 1884 года.

Итакъ, я имѣлъ цѣлыхъ два законныхъ года въ своемъ распоряженіи для практическаго знакомства съ фабриками и промышленностью. Само собой разумѣется, что и раньше московскія фабрики не были для меня совершенно terra incognita: я перечиталъ большую часть того, что о нихъ существовало тогда въ литературѣ. Мнѣ были хорошо извѣстны прекрасныя изслѣдованія московскихъ земскихъ врачей, и, наконецъ, я былъ освѣдомленъ относительно фабрикъ изъ личныхъ разсказовъ какъ этихъ врачей, такъ и земскихъ статистиковъ, изъ которыхъ съ В. И. Орловымъ я былъ особенно хорошо знакомъ. Тѣмъ не менѣе первые шаги сдѣлали для меня очевиднымъ такіе факты изъ фабричной жизни, которые по чужимъ сообщеніямъ не производятъ никакого дѣйствія и не оставляютъ глубокаго слѣда. Меня больше всего поражало у большинства посѣщаемыхъ фабрикъ, очень долгое время, крайнее невѣжество и незнаніе тамъ о намѣреніяхъ правительства относительно предполагаемаго вмѣшательства въ фабричную жизнь и объ изданныхъ фабричныхъ законахъ. Много мѣсяцевъ спустя въ Москвѣ и нѣсколько лѣтъ спусти въ провинціи, на мои вопросы фабрикантамъ или управляющимъ и довѣреннымъ, слыхали ли они что-либо о намѣреніяхъ правительства установить новыя правила и ограничить работу малолѣтнихъ, обычно я получалъ отвѣтъ: „Нѣтъ, ничего не слыхали“. И говорилось это искренно: нѣкоторые, видимо, даже посмѣивались надо мной, не довѣряя этому факту, и я долженъ былъ вынимать изъ кармана печатный текстъ закона; тогда только начинали слушать внимательно. Большинство привыкло даже относиться ко всякимъ толкамъ о законѣ какъ къ самой пустой вещи, не стоющей вниманія.

Я помню, напримѣръ, какъ одинъ изъ крупныхъ московскихъ

фабрикантовъ, въ первый разъ, по его словамъ, услыхавшій отъ меня о новомъ законѣ о малолѣтнихъ, повидимому для него крайне важномъ, въ самомъ же началѣ объясненія прервалъ меня словами: „Вы меня извините, господинъ, мнѣ пора въ городъ, въ амбаръ ѣхать (какъ будто я къ нему пришелъ съ пустяками!). Вы разскажите лучше свое какому-нибудь молодцу въ конторѣ, они мнѣ потомъ все передадутъ, будьте спокойны"... Другой фабрикантъ былъ еще наивнѣе и, не ссылаясь даже на дѣловой предлогъ, при первомъ объясненіи твердилъ, чтобы, молъ, такъ и такъ, „пріѣхали бы въ другое время, что ему-де пора червячка заморить, жена, знаете, ждетъ къ обѣду, чтобы лучше объ этомъ я зашелъ въ другое время потолковать, коль охота".

Самыя смѣшныя предположенія и толкованія возникали обыкновенно, когда я заявлялъ, по пріѣздѣ на фабрику, о своемъ новомъ званіи и, даже, когда вынималъ и предъявлялъ открытый листъ. Въ большинствѣ случаевъ (за исключеніемъ, нужно сознаться, иностранцевъ) никто изъ русскихъ фабрикантовъ открытаго листа обыкновенно не читалъ, какъ бы считая это неприличнымъ, и немедленно возвращалъ мнѣ его назадъ, но, принимая меня при этомъ, какъ къ моему негодованію оказывалось, совсѣмъ не за того, кто я былъ и т. д.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалась и другая, еще болѣе непріятная сторона русской чиновничьей дѣятельности и приходилось считаться со зломъ нашего подмазыванія. Всякій старался всучить взятку и очень, видимо, удивлялся, иногда наивно это выражая, отказу. Даже запросто спрашивали, не мало ли? Словомъ, въ такой откровенной формѣ взятка предлагалась неизвѣстно за что, потому что и законъ-то не дѣйствовалъ. Очень трудно было убѣдить, что я не беру, и что это совсѣмъ не хорошо; сердиться было прямо смѣшно, такъ какъ видимо было обычно. Одинъ разъ, напримѣръ, помнится, на Московскомъ Даниловскомъ сахарномъ заводѣ, я нашелъ, садясь, по окончаніи осмотра фабрики, на своего извозчика, что-то въ ногахъ санокъ твердое; къ моему удивленію, я нащупалъ цѣлую голову сахара. Тогда я вызвалъ вновь, черезъ кого-то изъ служителей, управляющаго фабрикою изъ конторы, указалъ на эту сахарную голову и попросилъ ее убрать и никогда впредь этого не дѣлать. Онъ рѣшительно мнѣ отвѣчалъ: „Я не понимаю, почему Вы, милостивый государь, отказываетесь,— это просто обычай, и тутъ дурного нѣтъ ничего, всѣ и вездѣ такъ дѣлаютъ, и намъ это ничего не стоитъ". Чтобы избѣжать безполезнаго спора, и для интересовъ будущаго, я ему объявилъ: „Я сейчасъ записывалъ у васъ въ конторѣ размѣръ заработной платы,

и записалъ, что вы получаете жалованія пять тысячъ рублей, вѣрно это, или нѣтъ?"—„Конечно, вѣрно, если я вамъ показалъ это".—„А я получаю шесть тысячъ рублей, — какъ же вы хотите, чтобы я бралъ взятки, за которыя меня могутъ завтра же прогнать со службы?!" Такой аргументъ его, видимо, удивилъ и подѣйствовалъ. Онъ отвѣтилъ: „Ну, если бы всѣ такъ хорошо оплачивались, какъ вы, ваше превосходительство, тогда бы мы головъ въ экипажъ не клали" (я считалъ свое инспекторское жалованіе, плюсъ профессорское).

Еще противнѣе было мое положеніе, когда фабрика отличалась, видимо, какими-нибудь большими недочетами, напримѣръ, дурнымъ санитарнымъ положеніемъ, массою больныхъ лицъ, съ печатью вреднаго вліянія производства на нихъ, какъ, напримѣръ, на спичечныхъ фабрикахъ, гдѣ макальщики фосфора, иногда молодые здоровые люди,— безъ признаковъ зубовъ, и т. п. Въ этихъ случаяхъ подмазываніе совершалось особенно часто и назойливо и практиковались самые разные способы. Напримѣръ, я имѣлъ съ собою нѣсколько экземпляровъ новыхъ законовъ, и нѣкоторые промышленники или ихъ довѣренные просили, послѣ моихъ объясненій, посмотрѣть законы, пока я остаюсь на фабрикѣ; къ моему негодованію, нѣсколько разъ, когда возвращали мнѣ книжку, изъ нихъ выпадали или я находилъ страницы переложенныя бумажками, такъ что я принялъ за правило въ началѣ тщательно осматривать каждую возвращаемую мнѣ книжку. Иные безцеремонно разспрашивали моего извозчика (къ счастью, кромѣ наемныхъ лошадей, я другихъ не имѣлъ), не знаетъ ли онъ, какъ къ барину лучше подъѣхать? Скоро, впрочемъ, разнеслось по губерніи, что на новой должности не берутъ, и мало-помалу оставили меня въ покоѣ и, позднѣе, случаевъ даянія я уже припоминаю сравнительно мало и рѣдко. Но волей неволей, при огромныхъ разстояніяхъ отдаленныхъ фабрикъ, и это надо принять и нынѣ для соображенія высшаго начальства, приходится пріѣзжимъ инспекторамъ пользоваться для ночлега фабричнымъ помѣщеніемъ и фабричнымъ продовольствіемъ, что можетъ легко, разумѣется, переходить, да такъ и дѣлается, въ прямой подкупъ.

Вслѣдъ за описанными послѣдствіями нашихъ дурныхъ чиновничьихъ нравовъ, тормозомъ къ спокойному исполненію фабричноинспекторскихъ обязанностей, даже раньше вступленія закона въ силу, явилось тоже наше полное невѣжество и незнаніе о самыхъ важныхъ фактахъ существованія фабрикъ. Обладая самой широкой возможностью, какъ профессоръ университета и лицо видное и извѣстное въ Москвѣ, сравнительно съ обыкновеннымъ чиновникомъ, получить должныя свѣдѣнія, и имѣя довольно широкое довѣріе всѣхъ,

для данной цѣли, ученыхъ учрежденій, я не могъ, однако, и не въ состояніи былъ иногда добиться точнаго списка фабрикъ, даже въ предѣлахъ города Москвы. Почти въ каждую мою поѣздку по губерніи, или пѣшее хожденіе въ городѣ, я открывалъ новыя Америки. То на дворѣ большой фабрики ютится какая-нибудь маленькая, которая совсѣмъ другого рода, и которая ни въ какіе списки не занесена, то сзади извѣстной крупной фабрики лежитъ другая тоже изрядныхъ размѣровъ, которая по небрежности числится за тѣмъ же владѣльцемъ, ибо выстроена на арендованной землѣ, но больше ничего общаго съ первой фабрикой не имѣетъ, и т. д. Пропуски фабрикъ повторялись постоянно, что же послѣ этого говорить о числѣ рабочихъ, о двигателяхъ и другихъ свѣдѣніяхъ? Всѣ эти данныя въ мое время, на фабрикахъ, кромѣ нѣкоторыхъ образцовыхъ заведеній, рѣшительно никуда не годились.

Я помню, нѣсколько разъ въ теченіе своей дѣятельности я встрѣчалъ такой удивительный фактъ, который заявлялся мнѣ даже не безъ гордости,—когда я высказывалъ сомнѣніе по поводу того или иного статистическаго свѣдѣнія, сообщаемаго мнѣ администраціею фабрики: „Помилуйте, да у насъ всѣ эти свѣдѣнія, напримѣръ, о двигателяхъ, о числѣ рабочихъ, о распредѣленіи по родамъ труда, о заработной платѣ, даже на печатныхъ листкахъ разсылаются по начальству, когда требуется, какія же тутъ могутъ быть ошибки!“ т. е. это означало, что измѣняющіяся очень быстро свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, послѣднія, печатались разъ на нѣсколько лѣтъ и затѣмъ разсылались и предъявлялись разнымъ чинамъ и вѣдомствамъ; какъ будто бы въ это время все замерзало, рабочіе не принимались и не отпускались, заработная плата не измѣнялась и т. п., что, разумѣется, чистый вздоръ, и такимъ образомъ свѣдѣнія съ подобныхъ фабрикъ сообщались не о дѣйствительномъ положеніи дѣла, а совершенно ложныя и случайныя?!!?

Еще большей помѣхой и препятствіемъ, очень долго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ вступленія нашего въ должность къ надлежащему исполненію закона служило отсутствіе такъ называемыхъ „Правилъ исполненія законовъ для фабрикантовъ“ и „Инструкцій чинамъ инспекціи по надзору за занятіями малолѣтнихъ“. Безъ этихъ двухъ важныхъ документовъ и при самыхъ общихъ выраженіяхъ статей закона, мы не знали, какъ намъ дѣйствовать, какъ поступать въ самыхъ мало-мальски затруднительныхъ случаяхъ, а фабриканты—какъ относиться къ предписаніямъ закона и какъ его примѣнять? Десятки писемъ и оффиціальныхъ представленій писались инспекторами по этому поводу, но впередъ однако дѣло не двигалось. По этой причинѣ законъ съ 1 мая 1883 года былъ отложенъ соб-

ственно на годъ, но и съ 1884 года примѣненіе закона не могло имѣть мѣста, потому что оба документа еще не вышли въ свѣтъ, и всѣ наши мольбы и настоянія игнорировались какъ министерствомъ, такъ и главнымъ испекторомъ.

Всякаго рода тренія и несогласія между главнымъ инспекторомъ и Департаментомъ усилились въ это время настолько, что Андреева попросили выйти въ отставку въ концѣ 1884 года. Назначенный на его мѣсто другой главный инспекторъ былъ на этотъ разъ уже не техникъ, а даже преподаватель въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Я. Т. Михайловскій, человѣкъ очень почтенный, добрый и любезный, но къ фабричному дѣлу, конечно, не имѣвшій никакого отношенія и начавшій только ему учиться. Новый инспекторъ во многихъ отношеніяхъ былъ покладистѣе и сговорчивѣе, нежели Андреевъ, и обладалъ многими благими намѣреніями. Напримѣръ, онъ, обратно съ Андреевымъ, охотно и быстро отвѣчалъ на всякій письменный запросъ, но не иначе, какъ въ формѣ частныхъ писемъ и очень часто весьма уклончиво; очевидно, что всѣ его настоянія и просьбы на первомъ же шагу разбивались о бюрократическія препоны, и благія намѣренія не приводили ни къ чему положительному.

Благодаря отсутствію „Правилъ для фабрикантовъ“ и „Инструкцій для инспекторовъ“, инспекторъ являлся на фабрикѣ, при маломальски умномъ хозяинѣ или его довѣренномъ, истиннымъ мученикомъ, который на многіе естественные и вполнѣ умѣстные вопросы ихъ вынужденъ былъ отвѣчать лишь междометіями или ничего незначащими фразами!!!

Въ январѣ 1884 года появился мой первый инспекторскій отчетъ о свѣдѣніяхъ, собранныхъ мной, не по исполненію, разумѣется, закона, который не дѣйствовалъ, а по описанію фабричнаго быта. Отчетъ этотъ представляетъ собой довольно полную картину описанія положенія рабочихъ центральнаго района съ разныхъ сторонъ и большое количество фактовъ, относящихся какъ спеціально къ малолѣтнимъ рабочимъ, такъ и вообще къ рабочимъ всякаго возраста. Онъ рисовалъ вообще всю картину фабричнаго быта въ довольно черныхъ краскахъ, такъ что, если въ нѣкоторыхъ кругахъ даже фабриканты дѣлали мнѣ комплименты за безпристрастіе и точность сообщаемыхъ свѣдѣній, то другіе подъ шумокъ дѣлали намеки, что описательная часть моего отчета страдаетъ преувеличеніями, что содержаніе его пахнетъ-де „соціализмомъ“, и что „автора его слѣдовало бы сократить!!!“...

Какъ бы то ни было, отчетомъ въ большинствѣ были довольны, и картина печальнаго быта русскихъ рабочихъ, нарисованная мной, вѣроятно въ первый разъ получила оффиціальное одобреніе со сто-

роны начальства, начиная съ министра и кончая особенно Михайловскимъ, который въ своемъ отвѣтѣ назвалъ его образцовымъ и по содержанію и по изложенію. Н. Х. Бунге, въ разговорѣ съ однимъ лицомъ, выразился такъ: что такой отчетъ, конечно, не могъ бы быть написанъ чиновникомъ(!?). Черезъ годъ, совершенно неожиданно для себя, вовсе не представляя своей книги для конкурренціи, я получилъ отъ Географическаго Общества золотую медаль за свой трудъ. Въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ появлялось множество лестныхъ разборовъ и рецензій. Въ англійскихъ „Синихъ книгахъ" было сдѣлано извлеченіе изъ моего отчета in extenso. Все это вмѣстѣ, разумѣется, давало мнѣ силу и бодрость съ надеждой смотрѣть на будущее и стоять такъ же твердо при исполненіи фабричныхъ законовъ, какъ и до тѣхъ поръ, при ознакомленіи съ фабричной жизнью и бытомъ рабочихъ [1]).

Наконецъ, въ концѣ декабря 1884 года появились давно желанныя „Правила" и „Инструкціи", которыя сдѣлали наконецъ возможнымъ приступить менѣе ощупью и рѣшительнѣе къ осмотру фабрикъ и заводовъ и обратить болѣе вниманія на замѣчаемыя злоупотребленія; но и тутъ явилось одно крупное неудобство: „Инструкціи" и „Правила" не были разосланы по фабрикамъ, а потому дѣлались крайне медленно извѣстными заинтересованнымъ лицамъ; кромѣ того огромныя разногласія, неясность и неопредѣленность существовали въ толкованіяхъ отдѣльныхъ положеній. Каждый молодецъ толковалъ на свой образецъ, главнымъ образомъ на словахъ, и Департаментъ дѣлалъ къ сожалѣнію очень мало или почти ничего для объединенія толкованій. Я безпрестанно обращался по этому поводу къ г. Михайловскому, но онъ относился отрицательно къ моему предложенію сдѣлать запросъ и попытаться установить нѣкоторое единство въ этомъ случаѣ. Очевидно, онъ не желалъ взять на себя отвѣтственности, а потому такіе крупные факты, какъ различеніе фабрикъ отъ ремесленныхъ и домашнихъ заведеній, предоставлялось на произволъ заинтересованныхъ лицъ и толковалось разно, въ различныхъ мѣстностяхъ, иногда даже въ одной. Все это вело къ чрезвычайной путаницѣ, неравенству и несправедливости, бросающимся въ глаза. Очевидно, сверху недоставало ни рѣшимости вести дѣло, какъ слѣдуетъ, ни желанія, или мѣшала та же вѣчная боязнь кого-либо раздразнить, или кому-нибудь не понравиться!!!

---

[1]) Фабричный бытъ Московской губерніи. Отчетъ за 1882—83 гг. фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ Московскаго округа. *И. И. Янжулъ.* С.-Петербургъ. 1884.

Оба вышеупомянутые важные государственные документы,—„Инструкція чинамъ фабричной инспекціи“ и „Правила для фабрикантовъ“ были обнародованы 26 февраля 1885 года и, слѣдовательно, въ концѣ февраля инспекція могла бы покинуть свою пассивную роль изслѣдователя фабричной жизни и перейти къ активной и отвѣтственной дѣятельности въ качествѣ блюстителя законовъ и распоряженій, изданныхъ съ цѣлью регулировать занятія и обученіе малолѣтнихъ. Къ моему глубокому, однако, сожалѣнію, я именно лично былъ лишенъ возможности дѣйствовать, когда эта возможность наконецъ настала. Какъ разъ одновременно съ выходомъ двухъ желанныхъ законовъ, изъ Петербурга пришла телеграмма отъ директора департамента, съ вызовомъ къ участію въ занятіяхъ Высочайше утвержденной комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора Плеве, для пересмотра отношеній хозяевъ къ рабочимъ. Комиссія эта, выработавшая первые важные законы, внесшіе нѣкоторый распорядокъ въ фабричный бытъ (опубликованные впослѣдствіи въ 1886 году 3 іюля), установила въ первый разъ человѣческія *права русскихъ рабочихъ на ихъ заработокъ*. Выработка этихъ законовъ, повторяю, для меня лично послужила новымъ поводомъ къ перерыву или откладыванію моей инспекторской дѣятельности.

Изъ постороннихъ въ комиссіи участвовали: П. Н. Дурново, Н. А. Ермаковъ, Н. С. Таганцевъ и нѣсколько другихъ человѣкъ. Въ основу работы были положены сначала московскія правила для хозяевъ и рабочихъ, выработанныя тамъ когда-то при моемъ участіи, а потому мнѣ близко знакомыя. Въ обѣихъ комиссіяхъ, естественно, благодаря этому обстоятельству, я оказался въ курсѣ дѣла и въ состояніи былъ давать объясненія и мотивировки къ каждой статьѣ и параграфу правилъ. Плеве былъ вполнѣ доволенъ этимъ обстоятельствомъ и просилъ меня приходить къ нему каждый вечеръ, послѣ засѣданія комиссіи, бывшей наканунѣ, для совмѣстной работы. Мы просматривали сдѣланное утромъ и приводили все въ порядокъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ я прямо по его порученію составлялъ нѣкоторыя важныя статьи и въ заключеніе, при сводкѣ проекта, Плеве поручилъ мнѣ проредактировать окончательно все сдѣланное и представить ему проектъ такъ же, какъ и прочее, *внѣ комиссіи*. Особенно много возложилъ онъ въ этомъ случаѣ на меня обязанностей при пріѣздѣ фабрикантовъ и выработкѣ вопросныхъ пунктовъ, которые были представлены на ихъ усмотрѣніе.

Засѣданія комиссіи съ фабрикантами происходили нѣсколько вечеровъ и вызывали иногда довольно горячія пренія. Со стороны правительственной говорилъ преимущественно я, какъ болѣе свѣ-

дущій въ фабричномъ дѣлѣ человѣкъ, изъ фабрикантовъ Найденовъ,—по теперешнему языку можно было бы его назвать крайне правымъ—извѣстные молодые тогда фабриканты, Четвериковъ и Алексѣевъ, московскій городской голова, болѣе лѣвый, т. е. не забывавшій объ интересахъ рабочихъ, помимо своихъ личныхъ фабрикантскихъ выгодъ. Странно въ настоящее время даже вспомнить, что особенно настойчиво держались фабриканты, хотя не всѣ, вычетовъ изъ содержанія на фабрикахъ, неограниченныхъ штрафовъ на рабочихъ. Столь справедливое желаніе со стороны правительства внести нѣкоторый порядокъ въ это дѣло наказанія рублемъ вызывало наиболѣе протестовъ. Самое удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ извѣстному ученому Н. С. Таганцеву, а затѣмъ фабриканту, московскому городскому головѣ Н. А. Алексѣеву. Почтенный ученый Н. С. выражалъ главнымъ образомъ общія сужденія по поводу юридической несостоятельности и произвола фабричныхъ штрафовъ, но встрѣтилъ рѣзкую оппозицію со стороны Найденова, котораго поддерживали нѣсколько человѣкъ фабрикантовъ, защищавшихъ штрафы, какъ вознагражденіе хозяевъ будто бы за разные ущербы отъ дурныхъ рабочихъ и средство удержанія должной дисциплины на фабрикахъ.

Вотъ тогда-то Н. А. Алексѣевъ обратился къ предсѣдателю и, вставши во весь свой огромный ростъ, произнесъ блестящую рѣчь, которая рѣшила судьбу штрафовъ въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ. Указывая рукой на потолокъ, Алексѣевъ, послѣ всѣхъ іереміадъ Найденова въ пользу штрафовъ, началъ ихъ опровергать съ такого рода напоминанія: „Здѣсь, въ этомъ самомъ зданіи, наверху, подъ предсѣдательствомъ также Вашего Превосходительства (т. е. Плеве) происходили засѣданія комиссіи по иниціативѣ военнаго вѣдомства о замѣтномъ физическомъ вырожденіи и ухудшеніи силъ и здоровья населенія нашихъ промышленныхъ губерній. Какъ ростъ, такъ и объемъ груди рекрутовъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ замѣтно и быстро уменьшается, населеніе, видимо, хирѣетъ и даетъ все большій и большій % забракованныхъ для военной службы; очевидно, патріархальныя, якобы, условія нашего фабричнаго труда не такъ безвредны, какъ ихъ пытался защищать г-нъ предсѣдатель биржевого комитета, Найденовъ“. Въ заключеніе г-нъ Алексѣевъ, указывая на себя, какъ на представителя нѣсколькихъ отраслей промышленности и лично съ ними знакомый, рѣшительно высказывался за сильное ограниченіе штрафовъ на фабрикахъ и необходимость вообще упорядоченія и оздоровленія фабричной жизни и быта.

Какъ извѣстно, въ результатѣ работъ этой комиссіи получился

проектъ совершенно новаго фабричнаго закона, Высочайше утвержденнаго 3 іюня 1886 года. Онъ представляетъ собой первый важнѣйшій памятникъ нашего рабочаго законодательства, ибо въ первый разъ установилъ и упорядочилъ важнѣйшія стороны взаимныхъ договорныхъ отношеній рабочихъ съ ихъ нанимателями или хозяевами. Такъ, законъ 3 іюня опредѣлилъ: 1) срокъ расплаты, котораго не существовало раньше; 2) право рабочаго на цѣлый его заработокъ и ограничилъ штрафованіе и другіе вычеты, чего опять-таки раньше не было, и рабочіе очень часто прежде, уходя съ фабрикъ, благодаря вычетамъ, не только не получали ничего, но иногда оставались даже должны фабрикантамъ. Наконецъ, 3) законъ 3 іюня 1886 года переименовалъ насъ, „инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ", просто въ фабричныхъ инспекторовъ и возложилъ на насъ обязанность наблюдать за исполненіемъ новаго закона, изслѣдуя возникающія между сторонами неудовольствія и наказывая виновныхъ судомъ: такимъ образомъ, онъ стремился создать порядокъ и контроль, гдѣ его прежде не было.

Послѣ поѣздки въ Петербургъ для участія въ комиссіи Плеве, я возвратился въ Москву съ тѣмъ, чтобы дѣятельнымъ образомъ заняться объѣздами фабрикъ и примѣненіемъ закона, для чего уже существовала возможность съ созданіемъ „Инструкцій инспекторамъ" и „Правилъ для фабрикантовъ", но, увы, тутъ я обнаружилъ многія препятствія другого рода. Оказалось, что эти „правила" на огромномъ большинствѣ фабрикъ совершенно неизвѣстны, такъ какъ ихъ въ свое время не разсылали и не распространяли и пришлось опять повторять ту же вѣчную при нашихъ начинаніяхъ сказку о бѣломъ бычкѣ. „Слыхали вы о такомъ законѣ? Знаете ли о такомъ распоряженіи?" сыпались вопросы по адресу фабрикантовъ. „Нѣтъ, мы не слыхали о такомъ законѣ; нѣтъ, мы не знаемъ его"!!..

Кромѣ того оказалось, что законъ понимается и толкуется самими представителями его, инспекторами, помимо фабрикантовъ, въ разныхъ частяхъ Россіи и часто въ одномъ округѣ, весьма различно. Главный инспекторъ ничего не дѣлалъ для объединенія закона. Я много разъ приставалъ къ нему съ своими письмами, потому что отъ оффиціальныхъ отношеній этого рода онъ уклонялся, но тщетно; по всей вѣроятности, онъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности. Тогда я обращался самъ къ начальнику отдѣленія Небολсину, съ убѣдительной просьбой оказывать, какъ выражался я „напоръ на Я. Т.", т. е. главнаго инспектора, но и отсюда не выходило ничего: законъ вездѣ примѣнялся очень плохо, или совсѣмъ не примѣнялся.

Наконецъ началась и наша, такъ сказать, кульминаціонная

дѣятельность инспекціи. Стали привлекать единицы изъ тысячъ виновныхъ фабрикантовъ къ суду, при чемъ встрѣчали новыя препятствія къ улучшенію дѣла и исполненію закона. Такъ, напримѣръ, первая фабрика, на которой я составилъ законный протоколъ и привлекъ фабриканта къ судебной отвѣтственности, была спичечная фабрика Захарова въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Я въ ней нашелъ, помимо полнаго и совершеннаго неисполненія всѣхъ фабричныхъ законовъ, массу малолѣтокъ, работавшихъ одинаково со взрослыми въ самыхъ опасныхъ частяхъ производства, и видѣлъ молодыхъ рабочихъ съ совершенно провалившимися челюстями и безъ зубовъ, и вообще фабрику въ страшно дурныхъ санитарныхъ условіяхъ. Въ результатѣ съ этой первой попытки моей творить судъ и правду въ фабричномъ дѣлѣ вышелъ совершенный курьезъ: Захаровъ волею Божіею, до дня судебнаго разбирательства и даже до врученія ему повѣстки, скончался, и я отъ мирового судьи Клинскаго уѣзда получилъ извѣщеніе, что, по случаю смерти отвѣтчика, дѣло прекращено!!!

Другое дѣло, которое я началъ, кончилось иначе и не менѣе печально,—большимъ скандаломъ. Оно едва не породило даже новаго дѣла о клеветѣ и диффамаціи. Второй протоколъ, мое судебное дѣло по обвиненію о нарушеніи закона о малолѣтнихъ имѣло мѣсто въ громкомъ процессѣ Н. П. Ланина, фабриканта минеральныхъ водъ и русскаго шампанскаго и издателя газеты „Русскій Курьеръ“ въ Москвѣ. Это дѣло прошло всѣ инстанціи, вплоть до Сената, попало въ Сборникъ Кассаціонныхъ Рѣшеній и испортило мнѣ не мало крови безъ всякой моей вины. Сущность его слѣдующая: всѣмъ извѣстна въ Москвѣ эта фабрика минеральныхъ водъ Ланина, либеральнаго въ то время издателя либеральной же газеты „Русскій Курьеръ“. Разумѣется, мы давно знали другъ друга, я даже помѣстилъ нѣсколько статей въ его газетѣ. Я нѣсколько разъ предварительно посѣтилъ его заводъ, хорошо познакомился съ положеніемъ у него рабочихъ, а между ними много было малолѣтнихъ, и предупреждалъ его и управляющаго о необходимости позаботиться о будущемъ. Наконецъ, 2 сентября 1885 года я пріѣхалъ къ нему въ четвертый разъ и всѣ замѣченные мною недостатки и невыполненія закона нашелъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ нетронутыми, и не было ничего сдѣлано для того, чтобы исполнить законъ. Мнѣ было въ высшей степени непріятно предавать это дѣло огласкѣ и приступать къ составленію протокола, именно о лицѣ, какъ Ланинъ, который относительно пользовался уваженіемъ, какъ издатель довольно хорошей газеты. Поэтому прежде составленія протокола, я явился къ нему на квартиру и, выставляя на видъ все неудобство

для него составленія протокола въ собственной его типографіи, по нарушенію гуманнаго закона, у редактора-издателя гуманной же газеты, я убѣдительно просилъ его исправить указанные недостатки и отступленія отъ закона, обѣщая оставить безъ всякаго взысканія. Вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу моему предложенію, Ланинъ вспылилъ, наговорилъ мнѣ грубостей и даже намековъ самаго неприличнаго свойства, будто бы я хочу съ него стянуть!? Всякая снисходительность далѣе становилась преступной, и я отправился въ участокъ за полиціей и понятыми. Былъ составленъ протоколъ, подписать который Ланинъ отказался, чисто изъ самодурства, но это было засвидѣтельствовано, и протоколъ врученъ мировому судьѣ, который приговорилъ Ланина къ высшему наказанію, къ сожалѣнію лишь денежному, 100 рублямъ штрафу и, несмотря на хлопоты Ланина, то же наказаніе было утверждено Мировымъ Съѣздомъ, и Сенатъ, отвергнувши просьбу о кассаціи, подтвердилъ лишь первоначальный приговоръ.

Болѣе никакихъ судебныхъ преслѣдованій я не велъ, и всѣ мои усилія въ инспекторской дѣятельности, помимо писанія двухъ отчетовъ, были сосредоточены въ двухъ присутствіяхъ—губернскомъ и столичномъ, гдѣ мнѣ приходилось вести упорную борьбу въ защиту рабочихъ отъ фабрикантовъ, тамъ сидѣвшихъ. Многочисленныя мои жалобы на фабрикантовъ и указанные закономъ случаи по неисполненію оныхъ правилъ закона 3 іюня были обжалованы въ Петербургѣ и лежали тамъ подъ сукномъ, не двигаясь и только три раза,—два по моей личной иниціативѣ, какъ указано, и одинъ моего помощника, были оштрафованы фабриканты по 100 рублей. Поэтому для меня въ настоящее время является трудно-объяснимой загадкой, какимъ образомъ, по какому поводу и вслѣдствіе чего именно сложилась обо мнѣ легенда въ Москвѣ, какъ о неумолимо строгомъ исполнителѣ закона и фабричномъ инспекторѣ, который чуть не съ пристрастіемъ притѣснялъ бѣдныхъ промышленниковъ, и они много разъ приносили на меня спеціальныя коллективныя жалобы и убѣдительныя просьбы къ правительству объ обузданіи инспекціи?! Побуждаемое ими министерство начало вызывать меня безпрестанно въ Петербургъ подъ пустыми предлогами, выказывая видимое неудовольствіе моей фиктивной строгостью.

Я могу лишь предположить слѣдующее объясненіе этой, ничѣмъ не вызванной, репутаціи своей фабрично-инспекторской строгости. Наши промышленники искони привыкли къ неисполненію всякихъ законовъ, регулирующихъ ихъ дѣйствія. Всякое выполненіе новаго закона для нихъ всегда имѣло лишь одно значеніе: надо ли платить и сколько?! Въ лицѣ же фабричнаго инспектора вдругъ поя-

вился передъ очами промышленниковъ совсѣмъ особенный начальникъ, не похожій ни на полицію, ни на губернскихъ техниковъ: денегъ ни подъ какимъ предлогомъ не беретъ, угощеній не принимаетъ, вина не пьетъ и т. д. и т. д., мало того, даже Н. А. Найденову визитовъ не дѣлаетъ!! И вотъ отсюда вытекла необходимость такихъ инспекторовъ сплавить съ рукъ долой. На собраніи фабрикантовъ серьезно, говорятъ, обсуждался этотъ вопросъ. На помощь былъ приглашенъ извѣстный борзописецъ Сергѣй Шараповъ, который за умѣренную плату, цифру которой онъ иногда самъ выставлялъ, взялся помогать фабрикантамъ это дѣло исполнить наилучшимъ образомъ въ своей газетѣ, которая кстати называлась „Русское дѣло“. И вотъ въ „Русскомъ дѣлѣ“ начинается форменная атака на инспекцію вообще и на меня въ особенности. Не проходитъ номера газеты, чтобы не было какой-нибудь клеветы или выдумки самаго невѣроятнаго сорта. Такъ въ нѣкоторыхъ номерахъ г-нъ Шараповъ прибѣгалъ прямо къ доносу, доказывая, напримѣръ, по поводу права инспекторовъ утверждать харчевыя расцѣнки припасовъ, продаваемыхъ въ фабричныхъ лавкахъ, что г-нъ Янжулъ, какъ инспекторъ, старательно на фабрикахъ въ Великій постъ разрѣшаетъ все скоромное и по возможности запрещаетъ все постное!!!

Въ то же самое время, помимо постояннаго нервнаго напряженія, со всѣхъ сторонъ, даже отъ нѣкоторыхъ близкихъ лицъ, я встрѣчалъ сомнѣнія и неожиданныя препятствія къ выполненію гуманныхъ предначертаній правительства въ фабричномъ дѣлѣ и въ самомъ введеніи закона и его распоряженій. Законы издавались, а дополненій необходимыхъ и существенныхъ—нѣтъ! Правила появлялись на свѣтъ, а толкованій ихъ—нѣтъ, и сумбуръ этотъ часто вносился на мѣсто какой-нибудь разумной и твердой постановки вопроса! Всѣ мои отчеты переполнены жалобами и настояніями о необходимости тѣхъ или иныхъ мѣръ, которыя не приводились никогда въ исполненіе, а многія и до сихъ поръ не осуществлены.

Лишь въ 1886 году появился первый мой отчетъ послѣ вступленія закона въ силу, имѣвшій характеръ уже не статистическаго упражненія, какъ прежній такъ называемый отчетъ, подъ именемъ „Фабричный бытъ Московской губерніи за 1882 годъ“: онъ весь, кратко сказать, заключалъ въ себѣ описанія тѣхъ многочисленныхъ препонъ и препятствій, которыя я встрѣчалъ, испытывалъ и ежеминутно чувствовалъ при выполненіи новаго закона съ самымъ чистосердечнымъ желаніемъ видѣть его исполненнымъ [1]).

---

[1]) VII. Московскій Фабричный Округъ. Отчетъ за 1885 годъ фабричнаго инспектора профессора И. И. Янжула, СПБ. 1886 г.

Положеніе мое, какъ фабричнаго инспектора, въ виду всѣхъ, объясненныхъ выше причинъ, становилось нестерпимымъ, а дѣятельность между тѣмъ, обратно съ моими мечтами объ общемъ благѣ и улучшеніи быта рабочихъ, видимо, улетала въ трубу, и я оказался безсильнымъ. Естественно, все это способствовало тому, что я постепенно болѣе и болѣе, скрѣпя сердце, примирялся съ мыслью о необходимости покинуть любимое начатое дѣло и уйти отъ инспекціи, но происходило и многое иное, что переполнило чашу моего терпѣнія и вызвало необходимость такого рѣшенія. Такъ, опишу одну сцену и разговоръ. Замѣчу при этомъ, что 1-го января 1887 года Н. Х. Бунге вышелъ въ отставку, и его мѣсто занялъ извѣстный „дѣлецъ" И. А. Вишнеградскій.

12 января 1887 года происходилъ обычный торжественный актъ въ Московскомъ университетѣ. Множество народу едва помѣщалось въ огромной круглой залѣ университета... Еще во время чтенія я замѣтилъ запоздавшую и прошедшую въ первые ряды грузную фигуру почтеннѣйшаго городского головы, Н. А. Алексѣева, съ которымъ я былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ съ наиболѣе корректнымъ, по своимъ образцовымъ отношеніямъ къ рабочимъ, изъ фабрикантовъ Московской губерніи. Когда рѣчь кончилась, Алексѣевъ, подойдя ко мнѣ, поздравилъ, по обычаю, съ праздникомъ (Татьянинъ день) и шепнулъ, чтобы я не торопился уходить, что ему надо со мной поговорить.

„Мнѣ очень Васъ прискорбно огорчать въ день Вашего праздника и послѣ торжества Вашей рѣчи", сказалъ Алексѣевъ, когда мы съ нимъ отошли въ сторону, „но я считаю долгомъ Васъ предупредить, чтобы Вы приняли это къ свѣдѣнію: новый Министръ Финансовъ сильно предубѣжденъ противъ фабрично-инспекторской дѣятельности вообще, и противъ Васъ въ особенности. Онъ мнѣ прямо и откровенно заявилъ при недавнемъ свиданіи: „Я постараюсь передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ становыхъ приставовъ"... „И такъ, вотъ что вамъ предстоитъ", закончилъ свое сообщеніе Алексѣевъ...

Никакого сомнѣнія въ искренности и правдивости Алексѣева не могло быть, и послѣ такого рѣшительнаго заявленія новаго министра о судьбѣ инспекціи не было дальше смысла оставаться на службѣ безполезному и непріятному дѣлу, какимъ сдѣлалось отправленіе обязанностей инспектора, но я не могъ уйти немедленно, потому что министерство предшествовавшимъ лѣтомъ, какъ это будетъ дальше изложено, еще при Н. Х. Бунге, дало мнѣ спеціальное порученіе объ осмотрѣ польскихъ фабрикъ, и я долженъ былъ представить отчетъ, который еще не былъ готовъ. Всю весну 1887 года

*

я усиленно работалъ именно надъ своимъ польскимъ отчетомъ, ускоренія котораго потребовалъ новый министръ Вышнеградскій, вѣроятно, въ свою очередь понукаемый изъ Варшавы. Время, между тѣмъ, усиленнымъ темпомъ приближалось къ кризису. Всѣ извѣстія изъ Петербурга подтверждали первоначальный планъ Вышнеградскаго передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, но тутъ, къ его удивленію, онъ встрѣтилъ внезапно нѣкоторое противодѣйствіе въ самихъ фабричныхъ кругахъ, ибо фабриканты вполнѣ здраво разсуждали, что отъ хорошаго лучшаго не ищутъ, и предпочитали поэтому оставаться за Министерствомъ Финансовъ, имъ угодливымъ, нежели рисковать получить какого-нибудь самостоятельнаго министра вродѣ Плеве, который вѣдь при случаѣ могъ ихъ „согнуть въ бараній рогъ“...

Между тѣмъ время въ фабричномъ мірѣ было очень смутное, происходили забастовки, сопровождаемыя, такъ называемыми, безпорядками, т. е. разграбленіями и драками, то въ той, то въ другой фабрикѣ. Меня очень часто будили по ночамъ звонки телеграфистовъ, надо было ѣхать немедленно самому, или кому-нибудь изъ помощниковъ на фабрику, гдѣ происходили волненія [1]. Вообще положеніе инспектора становилось все болѣе и болѣе нестерпимымъ,

---

[1]) Какъ разъ, въ это серьезное время, произошелъ слѣдующій смѣшной случай, вызванный всѣми этими тревогами и спѣхомъ: въ одну прекрасную ночь мѣстный военный начальникъ въ Москвѣ дѣлалъ распоряженіе, запоздавшее по какой-то причинѣ, о порядкѣ чествованія на слѣдующій день юбилея короля Даніи, Христіана, родителя нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны; онъ состоялъ, если не ошибаюсь, въ Перновскомъ полку шефомъ, и на другой день представители всѣхъ, стоявшихъ въ Москвѣ, полковъ и всѣ наличные офицеры Перновскаго полка должны были явиться на другой день утромъ къ генеральному консулу Даніи, съ поздравленіемъ по случаю юбилея Августѣйшаго родителя Государыни. Когда уже весь предварительный распорядокъ былъ конченъ, вспомнили о томъ, какъ точно фамилія консула и гдѣ онъ живетъ? Немедленно по телефону, ночью, обратились въ адресный столъ, откуда потомъ мнѣ сообщили этотъ курьезный случай, а тамъ впопыхахъ сонные чиновники на этотъ вопросъ канцеляріи командующаго войсками, отвѣчали: „фамилія Янжулъ, живетъ—Арбатъ, домъ Рахманова“ (вмѣсто фамиліи консула Лангъ и адресъ тотъ же Арбатъ). И вотъ немедленно ночью же было гектографировано распоряженіе по войскамъ, чтобы на другой день утромъ, въ 12 часовъ, такъ и такъ, явились къ Датскому консулу Янжулу съ поздравленіемъ! Къ счастью, нашелся одинъ адъютантъ въ полку по фамиліи Соколовъ, меня знавшій лично и встрѣчавшій, который объяснилъ, что это какая-то странная, очевидно, ошибка, такъ какъ его дядя вмѣстѣ съ Янжуломъ въ университетѣ, и онъ навѣрно знаетъ, что онъ русскій и никакого отношенія къ Даніи не имѣетъ! Произошла провѣрка, показанія оказались справедливы, и я такимъ образомъ остался безъ поздравленія!!!...

и я выхлопоталъ себѣ мѣсячный отпускъ за границу, а затѣмъ на лѣто, гдѣ написалъ польскій отчетъ, сдалъ его съ рукъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, наконецъ, покинулъ тяжкую, но безполезную обязанность инспектора, говоря проще, вышелъ въ отставку, или, какъ злорадный Шараповъ объявилъ въ своей газетѣ: „Янжулъ возвратился въ первобытное состояніе“, т. е. опять сдѣлался только профессоромъ!..

Подводя итоги моимъ фабрично-инспекторскимъ воспоминаніямъ, въ сжатомъ и краткомъ видѣ переданнымъ выше, болѣе подробно съ ними можно познакомиться въ полной книгѣ: „И. И. Янжулъ. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства. С.-Петербургъ, 1907 г.“, я перехожу къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя считаю долгомъ здѣсь передать:

1) Своевременная, хорошо задуманная и хорошо проведенная государственная и общественная реформа фабричнаго быта и рабочаго вопроса въ Россіи, о которой толкуется тщетно до сихъ поръ, я не сомнѣваюсь, ослабила бы зло настоящей продолжительной смуты и революціоннаго періода нашей русской жизни. Если бы еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія были удовлетворительно разрѣшены вопросы объ упорядоченіи вообще фабричнаго быта, о чемъ такъ мечталъ когда-то Бунге при первомъ моемъ представленіи ему, о дѣтской и женской работѣ и продолжительности работъ, о правѣ собраній и т. д., и т. д., несомнѣнно, мы имѣли бы теперь въ Россіи рабочихъ во всѣхъ отношеніяхъ разумнѣе и умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, умѣющихъ не только управлять собой, но и уважать чужія права, отъ чего они такъ далеки. Рабочіе, подготовленные нѣкоторымъ самоуправленіемъ и уваженіемъ къ своимъ правамъ, не составляли бы такую невѣжественную и необузданную толпу, которую легко направить на самое сильное нарушеніе собственныхъ интересовъ (какъ недавняя выборка изъ сберегательныхъ кассъ собственныхъ денегъ). Крайностями и эксцессами всегда и вездѣ отличаются люди, которые не имѣютъ законнаго и естественнаго выхода своимъ желаніямъ.

2) Другое заключеніе, которое неизбѣжно вытекаетъ изъ моихъ настоящихъ воспоминаній, состоитъ въ томъ несомнѣнномъ вредѣ, который эта, дурно проведенная, незаконченною брошенная реформа фабричнаго законодательства принесла дѣлу русскаго народнаго просвѣщенія. Она не только не способствовала распространенію грамотности и образованія между рабочими (какъ это было напр. въ Англіи), но привела къ противоположному результату, т. е., нѣтъ сомнѣнія, уменьшила число обучающихся въ промышленныхъ

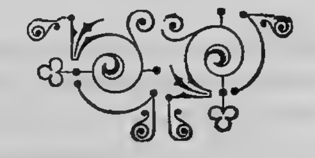
заведеніяхъ, а не увеличила ихъ и способствовала, слѣдовательно, совершенно противному положенію.

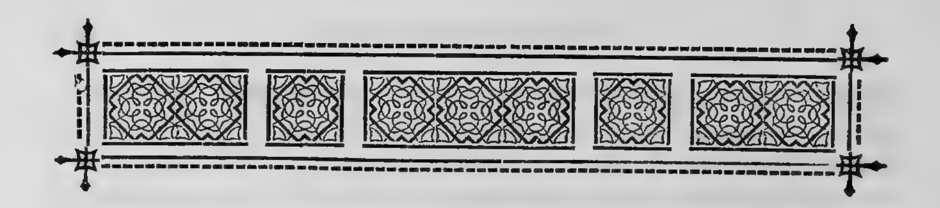
3) Наконецъ, важное заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи моихъ воспоминаній, состоитъ въ томъ, что у насъ, русскихъ, въ противоположность старымъ европейскимъ странамъ, какъ Англія и Франція, всегда отсутствуетъ *чувство мѣры*. Мы, русскіе, представляемъ, вѣроятно, большею частью чрезвычайно экспансивныя, увлекающіяся натуры и разъ пришли къ необходимости совершенія извѣстной реформы, перемѣна слѣдуетъ быстрымъ шагомъ одна за другой. Законы растутъ у насъ, какъ грибы, часто безъ всякой нужды мѣняются и гораздо раньше, чѣмъ старый законъ съумѣлъ пустить корни и привиться къ русской почвѣ. Особенно это прилагается къ фабрично-заводскому, именно, законодательству.

Любопытно сюда добавить, что у насъ, въ Россіи, самыя лучшія дѣйствія и побужденія, сознанныя лучшими людьми, имѣютъ всегда тенденцію перетолковываться почему-то въ другую сторону и авторамъ приписывается желаніе демонстрировать, сдѣлать протестъ, или, выражаясь просто по-русски, показать кому-нибудь кукишъ, чаще всего правительству. Такъ, напримѣръ, произошло и съ моей вынужденной отставкой изъ фабричныхъ инспекторовъ и возвращеніемъ исключительно къ профессурѣ и писательству. Какъ я нѣсколько разъ объяснялъ выше, причина моего поступка очень проста и не заслуживаетъ, кажется, рѣшительно никакого упрека. Во-первыхъ, я убѣдился, что никакой пользы дѣлу принести не могу, оставаясь инспекторомъ, ибо это дѣло ведется и совершается не такъ, какъ по моему доброму разумѣнію, bona fide, должно совершаться, во-вторыхъ, потому что самое занятіе, служба сдѣлалась нестерпимо тяжела и непріятна. Я началъ серьезно страдать, будучи отъ природы очень здоровымъ человѣкомъ, въ первый разъ разными болями и хворостями, узналъ, что̀ такое нервы, и, напримѣръ, смѣшно даже вспомнить, вынужденъ былъ въ первый разъ въ жизни завести даже револьверъ и носить его постоянно въ карманѣ. Такъ ставится ближайшій поводъ къ моей отставкѣ и уходу отъ инспекціи. Между тѣмъ такой добрѣйшій и любившій меня человѣкъ, какъ, напримѣръ, бывшій мой министръ Н. Х. Бунге, какъ я достовѣрно знаю, былъ въ высшей степени удивленъ и раздраженъ моей отставкой, черезъ полгода послѣ его собственной. Онъ приписывалъ какъ бы желанію съ моей стороны этимъ именно моимъ поступкомъ демонстрировать, служа лишь съ нимъ, „а другого министра знать-де не хочу!“ и въ этомъ видѣ онъ, довольно рѣзко для такого добряка, обвинялъ меня за скорую отставку... Понадобилось убѣдительное,

горячее слово моего милѣйшаго друга А. И. Чупрова, который съ нимъ объ этомъ спеціально объяснялся, по моей просьбѣ, чтобы растолковать ему и, кажется, убѣдить, судя по послѣдующему его ко мнѣ доброму опять отношенію, что никакой демонстраціи съ моей стороны не было, а просто я не могъ оставаться дольше на этой обязанности по физическимъ и по нравственнымъ основаніямъ, иначе быстро, безъ пользы дѣлу, свелъ бы себя въ могилу!!!

Иванъ Янжулъ.

Киньчжоускій бой[1]).

(Окончаніе).

Теперь посмотримъ, что дѣлалъ полковникъ Третьяковъ, когда узналъ, что противникъ ворвался на позицію.

Я много слышалъ объ этомъ, но говорить воздержусь, мало-ли что говорятъ. На судѣ вскользь коснулись этого вопроса, а потому сказано было мало, но то малое было очень горько для полковника Третьякова.

Здѣсь я познакомлю только съ тѣмъ, что полковникъ Третьяковъ самъ о себѣ говоритъ въ своей статьѣ „5-й В.-С. стр. полкъ"—(смотри В.-С. № 2 за 1909 г. стр. 84 и 85). Для непосвященнаго трудно разобраться въ томъ, что̀ пишетъ полковникъ Третьяковъ.

Мѣсто дѣйствія,—батарея-редутъ № 13, послѣднее слово науки; въ горжевой сторонѣ небольшой, но совершенно свободный проходъ. Редутъ расположенъ на высшей точкѣ позиціи или горы Наншана. Отъ этой точки идетъ пологій скатъ на сѣверъ къ городу, что̀ даетъ возможность разомъ обнять позицію и видѣть каждую ея точку. Отсюда начинается главный оврагъ. Такое положеніе редута давало ему значеніе ключа позиціи, почему и было выбрано мѣстопребываніемъ коменданта; тамъ для него былъ выстроенъ хорошій блиндажъ, совершенно безопасный отъ огня полевой артиллеріи. Большое преимущество этого редута составляло то, что̀ онъ былъ расположенъ на краю крутого южнаго ската, что давало возможность собирать и располагать резервы въ безопасномъ мѣстѣ, конечно, относительно, и въ то же время можно было видѣть, что дѣлается въ тылу и въ обоихъ заливахъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1910 г.

„Около 6-ти часовъ“, пишетъ Третьяковъ, „ранили полкового горниста; я самъ повелъ его въ блиндажъ для перевязки. Съ лѣваго фланга люди въ желтыхъ курткахъ шли уже группами, не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ въ блиндажъ подпоручикъ Садыковъ и доложилъ, что лѣвый флангъ отступаетъ. Я выбѣжалъ изъ блиндажа и увидалъ, что желтыя куртки отступаютъ массами, а надъ 5-й и 7-й ротами рвалась шрапнель. Японскія цѣпи лежали на своихъ мѣстахъ, и ничто не показывало признаковъ ихъ скораго наступленія. Понявъ, что это отступаютъ всѣ охотники, а за ними могутъ пойти и всѣ остальные, я сбѣжалъ внизъ къ резерву и приказалъ присланнымъ генераломъ Фокомъ частямъ ($1^1/_2$ роты 14-го полка) двинуться противъ показавшихся уже на № 10 японцевъ. „Атаковать“,—сказалъ я, указывая рукою, кого атаковать и гдѣ. Послѣ этого я вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ отступающимъ, а не вскочилъ въ окно, какъ утверждалъ командиръ 2-й роты 14-го полка капитанъ Ратайскій“.

Изъ этого признанія видно, что полковникъ Третьяковъ не придалъ никакого значенія первымъ группамъ отходившихъ охотниковъ и продолжалъ оказывать санитарную помощь своему горнисту, пока поручикъ Садыковъ не обратилъ на это его вниманія.—Онъ выбѣгаетъ изъ блиндажа, видитъ, что полкъ еще стоитъ, японская цѣпь и не думаетъ двигаться, отходятъ одни охотники. „Я рѣшилъ“, говоритъ онъ, „остановить ихъ, чтобы двинуть въ атаку за резервомъ противъ появившихся на батар. № 10 японцевъ“.

Повидимому, полковникъ Третьяковъ противорѣчитъ себѣ: онъ говоритъ, что цѣпь не думаетъ двигаться, и въ то же время она появилась на бат. № 10; а эта батарея была не ближе версты отъ цѣпи. Но это такъ и было.

Когда онъ выбѣжалъ и взглянулъ въ даль, онъ дѣйствительно могъ видѣть спокойно лежавшую цѣпь, но, когда опустилъ глаза, онъ могъ видѣть японцевъ на бат. № 10-й, такъ какъ оврагъ подходилъ къ самой батареѣ, а японцы уже давно въ немъ сидѣли и ждали только приказанія.

Поручикъ Садыковъ на судѣ показалъ, что въ блиндажѣ всѣ занимались уходомъ за раненымъ, онъ случайно вышелъ и видѣлъ, что кругомъ ходятъ одиночные японцы.—Онъ вбѣжалъ въ блиндажъ и крикнулъ: „японцы“. Всѣ выбѣжали изъ блиндажа и затѣмъ бросились внизъ къ баракамъ, къ резерву. Полковникъ Третьяковъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что, когда онъ бѣжалъ изъ редута № 13, за нимъ гнались японцы.

Въ настоящей статьѣ онъ избѣгаетъ говорить объ этомъ случаѣ,

а только мимоходомъ сказалъ, что въ окно вскочилъ не онъ, а японецъ.

Изъ всего этого одно несомнѣнно, что когда выбѣжалъ изъ блиндажа полковникъ Третьяковъ, то японцы уже занимали бат. № 10, а одиночные люди находились уже въ тылу батарей 12-й и 13-й.

Когда Третьяковъ сбѣжалъ къ баракамъ, онъ приказалъ начальнику резерва атаковать японцевъ на бат. № 10 и въ то же время жестомъ указалъ эту батарею.

Этимъ приказаніемъ онъ озадачилъ начальника резерва, такъ какъ тотъ никогда не былъ на позиціи и батарей не видалъ; жестъ ему также не указывалъ батареи № 10, а только небо. И не могъ указать батареи, такъ какъ они оба стояли внизу, у подошвы крутого, южнаго ската, высотою саженъ въ 30,—а бат. № 10 была въ верстѣ на противоположномъ сѣверномъ скатѣ.

Отдавъ такое странное приказаніе, онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за отступающими. Теперь вопросъ: кого онъ могъ остановить, за кѣмъ онъ могъ погнаться? По его же словамъ, весь полкъ былъ на своемъ мѣстѣ; резервъ, мы видѣли, былъ также на своемъ мѣстѣ, 2-я рота 13-го полка Ратайскаго была тутъ же, часть охотниковъ сбѣжала съ горы съ нимъ вмѣстѣ, слѣдовательно, онъ гнался за охотниками, что онъ и самъ утверждаетъ, но охотниковъ было всего не болѣе 200 чел. На судѣ выяснилось, что охотники отступили послѣдними; но допустимъ, что было такъ, какъ утверждаетъ полковникъ Третьяковъ, то стоило ли изъ-за этихъ 200 чел. коменданту позиціи бросить свой постъ редутъ № 13, ключъ позиціи, отказаться отъ имѣвшагося у него подъ рукою резерва, который численностью превосходилъ охотниковъ? Сверхъ того около этого резерва стали собираться люди, тутъ же была и вся 2-я рота. 4-я рота находилась у бат. № 15 тутъ же внизу. Надо имѣть еще въ виду, что люди, которые оставляли свои окопы, не рѣшались уйти съ позиціи, а ютились въ заднихъ окопахъ, которые были около самыхъ бараковъ. Люди даже 5-й роты, которые еще утромъ оставили свои окопы, какъ было доказано на судѣ, и тѣ ютились тутъ.

Вотъ полковнику Третьякову тутъ и слѣдовало искать людей и вести ихъ въ бой, а не въ чистомъ полѣ. Вотъ этотъ весь народъ, когда увидалъ, что командиръ полка бросилъ ихъ, и бросился вслѣдъ за нимъ. До этой минуты ни одинъ стрѣлокъ не оставлялъ позиціи, а только мѣняли окопы,—изъ разбитыхъ уходили въ цѣлые.

Далѣе онъ пишетъ: „я надорвалъ себѣ горло, крича имъ: „стой, стой, братцы“. Но они въ свою очередь кричали мнѣ: „ваше высокоблагородіе, приказано отступать“. Кто приказалъ отступать, я не ра-

зобралъ. Остановить отступающихъ удалось мнѣ только на тыльной позиціи, заранѣе нами выбранной въ верстѣ за Киньчжоускими высотами".

Этотъ разсказъ полк. Третьякова представляется совершенно невѣроятнымъ. Съ позиціи никто не убѣгалъ, а оставляли окопы незамѣтно и затѣмъ, крадучись, уходили по оврагамъ, чтобъ свои не замѣтили, и пуля не зацѣпила бы, да и въ оврагахъ не набѣгаешься. А тѣмъ болѣе тому, кому удалось миновать бараки и спуститься въ глубокую долину, бѣжать уже совсѣмъ не приходилось, а по словамъ полк. Третьякова они бѣжали еще цѣлую версту и диспутировали съ нимъ. Онъ судитъ по своей мѣркѣ: онъ былъ на конѣ, и конь за день могъ застояться. Но увѣреніе полк. Третьякова, что онъ собралъ охотниковъ на заранѣе выбранной нами позиціи, объяснимо.

Это онъ говоритъ сознательно, ему надо объяснить, почему онъ, когда собралъ охотниковъ, не повелъ ихъ впередъ, чтобы поддержать атаку резерва, какъ намѣревался.

Онъ говоритъ: „на заранѣе выбранной нами позиціи". Кѣмъ это: нами? Кромѣ меня никто не могъ выбирать, а я не выбиралъ. Я выбиралъ позицію на Тафашинскихъ высотахъ для 13 и 14-го полка и батарей вмѣстѣ съ батал. и батарейн. коман., т. е., за стан. Тафашинъ, отъ горы Известковой чрезъ высоты 44 и 40 къ заливу Киньчжоускому.

Это видно изъ шифрованной моей телеграммы генералу Стесселю отъ 6 мая:

„Тафашинъ не оставляю. Лично выбралъ мѣста для батарей съ бат. и батар. командирами".

Въ верстѣ отъ Киньчжоускихъ высотъ позиціи нѣтъ, такъ какъ это низкое мѣсто, гдѣ могли укрываться резервы: около высоты 31-й, которая имѣла видъ бугра на скатѣ, и гдѣ укрывались вызванные моимъ именемъ капитаномъ Одинцовымъ два бат. 14-го полка и конные охотники 5-го полка. Окоповъ тамъ никакихъ не было.

Собрать бѣгущихъ людей безъ офицеровъ въ оврагѣ нѣтъ возможности, да еще такихъ людей, которые говорятъ: отступать приказано. Будь поперекъ дороги окопы, другое дѣло, въ нихъ забрались бы люди и безъ приказанія.

25-я див. Паскевича, впослѣдствіи князя Варшавскаго, была смѣнена во время Бородинскаго боя. Когда вздумали опять вести ее, то собрать ее не могли,—а она не бѣжала! Полковнику Третьякову съ вышки было видно, гдѣ лежитъ 14-й полкъ и конные охотники 5-го полка, вотъ онъ къ нимъ и поскакалъ; людямъ они не были видны, да и что имъ въ нихъ. Они шли къ своимъ бивакамъ, пол-

ковникъ Третьяковъ оставаться на своемъ бивакѣ не рѣшался, такъ ему оставалось одно: глядѣть на него издали, что онъ и сдѣлалъ.

Онъ продолжаетъ. „Когда люди остановились, я посмотрѣлъ назадъ на высоту: оттуда двумя группами спускались наши стрѣлки, вѣроятно 5-я и 7-я роты. № 13 былъ занятъ японцами. Притянулъ бат. 14 полка, и подошли мои конные охотники со знаменемъ. Мы спокойно ожидали наступленія непріятеля. На правомъ флангѣ слышалась сильная пальба. Атаковать насъ японцы что-то не рѣшались“.

Заслуживаетъ вниманіе, что онъ, окруживъ себя конниками, спокойно ожидаетъ атаки и такъ же спокойно слушаетъ сильную пальбу, свидѣтельствующую, какъ избиваютъ покинутыхъ имъ людей.

Итакъ, когда стало извѣстно полковнику Третьякову, что японцы обнаружились на позиціи главнымъ образомъ у бат. № 10,—онъ оставилъ редутъ-батарею № 13, сбѣжалъ къ баракамъ, приказалъ резерву сбить японцевъ съ бат. № 10, а самъ вскочилъ на лошадь, проѣхалъ задніе окопы, составлявшіе границу позиціи, и поскакалъ по полю, до расположенія бат. 14-го полка, гдѣ притянулъ къ себѣ конныхъ охотниковъ и сталъ наблюдать за ходомъ битвы.

Теперь я, по праву начальника, позволю себѣ указать генералу Третьякову на тѣ ошибки, которыя при этомъ были имъ сдѣланы, тѣмъ болѣе, что по тону этого разсказа не видно, чтобы онъ сознавалъ ихъ.

Мнѣ казалось, что генералу Третьякову не слѣдовало кидать редутъ № 13, не только оттого, что японцы показались на бат. № 10, но если бы показались даже и одиночные люди у бат. № 13. Это вѣдь ключъ позиціи. Надо было тотчасъ притянуть весь резервъ, на что требовалось всего пять минутъ, и расположить его на чудной площадкѣ, уперевъ правый флангъ въ редутъ № 13—лѣвый въ бат. № 12. Тутъ были прекрасные окопы, въ которыхъ сидѣть во время бомбардировки было трудно, но когда шла атака, огонь прекратился, онъ былъ перенесенъ въ тылъ; 11-ую роту и часть 12-й также притянуть къ бат. № 2. Ротамъ и командамъ, между которыми были и саперы, расположеннымъ около бат. № 15, приказать перейти въ наступленіе. Ротѣ Ратайскаго тоже приказать поддержать резервъ, тогда и тѣ роты, которыя генералъ Третьяковъ видѣлъ, окруженный конниками, спускающимися съ горы, приняли бы участіе въ боѣ. Но достаточно было примкнуть только резервъ и открыть имъ хоть самый безпорядочный огонь, чтобы поставить японцевъ въ ужасное положеніе: они вѣдь набили собою всѣ овраги и, какъ саранча, выползали оттуда; они были совершенно беззащитны, а мы могли выбрасывать въ каждую минуту до 4.000 пуль. Чѣмъ бы кончился

бой, не знаю, но во всякомъ случаѣ роты подполковника Бѣлозера не погибли бы такъ ужасно.

Все это, хотя и грустно, но понятно: неожиданный крикъ: „японцы“, затѣмъ какимъ-то образомъ Третьяковъ и японецъ добѣгаютъ до барака, гдѣ послѣдній и исчезаетъ. Но разъ полк. Третьяковъ освободился отъ японца, ему надо было прійти въ себя, овладѣть собою, и если не встать во главѣ своего резерва, то по крайней мѣрѣ не переступать рубежъ своего поста, а по мѣрѣ силъ и способности руководить боемъ, и, если понадобилось бы, то не задуматься погибнуть, не только защищая себя, а какъ благородные Бѣлозеръ и Шастинъ, выручая своихъ товарищей. Комендантъ и въ мирное время не можетъ переступить за черту своего раіона, и за этимъ строго наблюдается, потому что въ этомъ видятъ залогъ того, что комендантъ и въ роковую минуту не покинетъ своего поста.

„Уже была ночь, когда“, говоритъ Третьяковъ, „получилось приказаніе 14-му и 15-му полкамъ отступить, и я, оставивъ конные дозоры для наблюденія за непріятелемъ, съ конною командой пошелъ въ Нангалинъ. Двигаясь по дорогѣ отъ дер. Мойдзы къ Нангалину, я встрѣтилъ нашу 7-ю роту и въ обширной долинѣ увидѣлъ всю 4-ю дивизію. Тутъ же я нашелъ отступившія роты 5-го полка и приказалъ выяснить убыль“.

Казалось бы, слѣдовало всю охотничью команду оставить для наблюденія за непріятелемъ, а себѣ оставить одинъ дозоръ, а не наоборотъ. Всѣ прочіе полки такъ и сдѣлали.

Теперь спрашивается: кого онъ собралъ на „нами“ выбранной позиціи? 7 роту онъ, какъ конникъ, догналъ на дорогѣ, а на общемъ бивакѣ дивизіи нашелъ и остальныя роты.

Итакъ, 5-й полкъ бился безъ командира полка и на бивуакъ пришелъ безъ него же, такъ зачѣмъ же былъ онъ!?!

Въ бытность мою на службѣ, со мною былъ слѣдующій случай. Я командовалъ 17 стрѣл. полкомъ, который стоялъ въ Маріампольѣ, Сувалкской губ., тамъ же стоялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ. Командиръ полка полковникъ Нордъ умеръ. Я, какъ комендантъ, сдѣлалъ нарядъ на погребеніе, но день похоронъ совпалъ со днемъ выступленія полка на весенній сборъ, о чемъ мнѣ доложилъ командовавшій полкомъ. Я приказалъ выступить послѣ похоронъ. Начальникъ дивизіи и командиръ корпуса не считали себя въ правѣ отступить отъ утвержденнаго росписанія и требовали, чтобъ я отпустилъ полкъ. Я имъ обоимъ отказалъ, мотивируя тѣмъ, что въ еврейскомъ городѣ я неторжественныхъ похоронъ не могу допустить, командиръ полка въ такихъ городахъ большая персона, вообще, а полковникъ Нордъ умѣлъ особенно себя держать. Случись это въ

православномъ городѣ, я, можетъ быть, и не настаивалъ бы. Мое рѣшеніе было обжаловано командующему войсками генералу Николаю Степановичу Ганецкому. Тотъ телеграфировалъ мнѣ: „поступить по закону“. Тотчасъ полкъ выступилъ, оставя нарядъ.

На похороны пріѣхали начальникъ дивизіи, командиры полковъ и другіе. Я явился начальнику дивизіи, но объ этомъ недоразумѣніи у насъ разговора не было. Выносъ тѣла изъ квартиры въ церковь былъ очень скромный, тутъ мнѣ показалось, что у начальника дивизіи пробудилась совѣсть. Но полкъ у меня былъ готовъ: занятія были отмѣнены, и люди были во вторыхъ мундирахъ, въ караульной аммуниціи.

Когда процессія вошла въ церковь, я приказалъ полку выйти и поставилъ его шпалерами отъ церкви до кладбища.—Какъ только показался гробъ, музыка заиграла „Коль-славенъ“.—Эффектъ былъ полный, этого гости никакъ не ожидали.

Объ этомъ случаѣ узналъ генералъ Драгомировъ, и отъ него я получилъ слѣдующее письмо:

„Въ одномъ изъ сраженій французскій кавалерійскій полкъ потерялъ командира полка. Наполеонъ I спрашиваетъ: гдѣ вашъ командиръ полка? Убитъ, отвѣчаютъ ему. Онъ повторяетъ свой вопросъ и вторично получаетъ такой же отвѣтъ. Наполеонъ въ третій разъ задаетъ тотъ же вопросъ, но на этотъ разъ командующій полкомъ, вмѣсто отвѣта, ведетъ полкъ въ атаку и привозитъ трупъ командира полка“.

Генералъ Ганецкій пригласилъ меня на большіе кавалерійскіе маневры, приказалъ дать мнѣ лошадь; первыя его слова, когда я ему являлся, были: „благодарю васъ за похороны полковника Норда“.

Вотъ какъ было въ старину, и чего теперь у насъ нѣтъ.

Полкъ не можетъ остаться ни одной минуты безъ командира полка, и командиръ полка ни одной минуты—безъ полка. Полкъ дерется, и командиръ посреди его, полкъ бѣжитъ, и командиръ бѣжитъ впереди его.

По прибытіи дивизіи въ Артуръ я приказалъ удалить капитана Фофанова отъ роты и предать суду.—Отъ роты онъ немедленно былъ удаленъ, но полковникъ Третьяковъ сталъ просить меня не предавать его суду, я не соглашался. Тогда онъ обратился къ начальнику штаба дивизіи и просилъ его заступничества; онъ между прочимъ писалъ ему.

Записка полковника Третьякова начальнику штаба 4-й дивизіи отъ 27 мая, 4 ч. 10 м. утра.

. . . . . „Пожалуйста похлопочите, чтобы генералъ Фокъ не

былъ жестокъ съ нашимъ достойнымъ капитаномъ. Простоять 15 час. подъ убійственнымъ огнемъ, разрушавшимъ окопы роты, что-нибудь да стоитъ. Отступленіе 5-й и 7-й ротъ имѣло, правда, рѣшающее значеніе, но обстоятельства были таковы, что оправдывали отступленіе. Я не помню примѣра, чтобъ офицера судили за отступленіе передъ въ десятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ".

А вотъ рапортъ полк. Третьякова—мнѣ.

„25 мая 1904 г. Ком. 4-й Вост.-Сиб. стр. дивизіи.

РАПОРТЪ.

По разспросу раненыхъ и своему личному наблюденію я точно знаю, что отступленіе начали охотники командъ 13-го и 14-го полковъ, которые говорятъ, что отступить было приказано чрезъ охотника; они отступали впереди 5-й роты, которая, когда были срыты ея укрѣпленія, долго стояла въ оврагѣ за своими траншеями и потеряла около половины своего состава; наличный составъ 164 ч., убыло 67. Поэтому убѣдительно прошу Ваше Пр-ство, если найдете возможнымъ, не отрѣшать капитана Фофанова отъ командованія ротою. Капитанъ Фофановъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный офицеръ, я глубоко убѣжденъ, что военный прокуроръ въ поступкѣ капитана Фофанова не найдетъ состава преступленія.

Полковникъ Третьяковъ.

Адъютантъ поручикъ Глѣбъ-Кошанскій".

Этотъ рапортъ не могъ убѣдить меня, что охотники оставили окопы раньше 5-й роты. 5-я рота оставила окопы, когда они были снесены. О томъ, что окопы были снесены, полковникъ Третьяковъ узналъ въ 11 ч. утра отъ уходившихъ стрѣлковъ 5-й роты, которые говорили ему: „нашей ротѣ досталось плохо, она ушла въ оврагъ". Охотники же оставили окопы въ седьмомъ часу вечера.—Вотъ почему я не повѣрилъ собственнымъ глазамъ полковника Третьякова.

Въ то же время до меня дошло, что капитанъ Фофановъ донесъ полковнику Третьякову, что рота укрывается въ оврагахъ. Слѣдовательно, если это было такъ, то вина капитана Фофанова больше, такъ сказать, противъ тактики, а скрылъ отъ меня отступленіе роты не онъ, а полковникъ Третьяковъ, а потому мнѣ хотѣлось тѣмъ болѣе выяснить это обстоятельство судомъ.

А потому являюсь къ генералу Стесселю и говорю: „вы донесли, что мы отступили по вашему приказанію?"—Да. „Но мы убѣжали раньше. Вы послали приказаніе въ 7 ч. 10 м.; а я получилъ его на посту „Перелетномъ", въ часу девятомъ; мы же начали отступать—не было еще и 7 часовъ".—Генералъ Стессель отвѣтилъ: „я по-

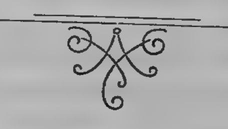
слалъ приказаніе объ отступленіи, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, получили ли вы его или нѣтъ: разъ я приказалъ отступать, я такъ и долженъ былъ донести".

Далѣе онъ продолжалъ:—„Если бы я даже и не приказывалъ отступать, я все-таки донесъ бы, что отступили по моему приказанію; первое наше дѣло, и я донесу, что полкъ отступилъ безъ приказанія. Да какъ онъ могъ стоять противъ 400 орудій и 4-хъ дивизій". Затѣмъ помолчалъ и сказалъ: „а вы до сихъ поръ не представили полковника Третьякова къ наградѣ".—„Нѣтъ, не представилъ, и не могу его представить; а Фофанова согласенъ не предавать суду, но роту ему не дамъ".—Тѣмъ дѣло и кончилось.

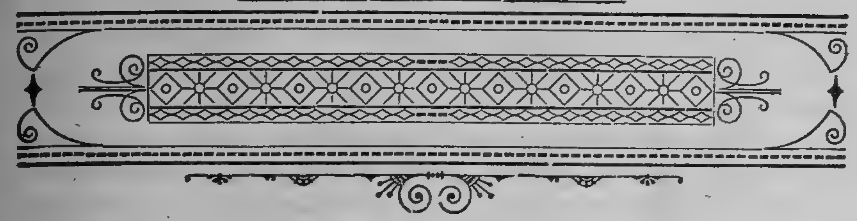
Третьякову только того и надо было. Будь тогда судъ, то толковъ такихъ, которые еще идутъ до сихъ поръ, не было бы. Самое большее, что полковникъ Третьяковъ былъ бы теперь подъ судомъ, какъ былъ недавно подполковникъ Киленинъ по дѣлу объ отступленіи роты Лопатина съ Куинсяна; капитанъ Лопатинъ былъ преданъ мною суду еще въ Артурѣ.

Какъ видите, я сплоховалъ, и за то полковникъ Третьяковъ посадилъ меня на скамью подсудимыхъ по 251 ст.

А. В. Фокъ.

ПЛАНЪ
боя подъ Цзиньчжоу
13-го Мая 1904 г.
Японскія канонерки.
Масштабъ
Горизонтали проведены черезъ 5 саженъ
Зал. Цзиньчжоу
ЦЗИНЬЧЖОУ
Зал. Хунуэза (Генд)
Ст. Кинчжоу
Ст. Тафашинъ
Самизонъ
Судятунь
Тафинъсянъ
Сайсилитенъ
Чандиндизай
Моидзы
Судятенъ
Тугендзы
Наньгуаньлинъ
Шодафантенъ
Цадигоу
Лудятенъ
Киньдятенъ
Саоэнтао
Сигоу
Андятенъ
Мадятенъ
Удятенъ
Пализонъ
Чилизонъ
Юдатенъ
Чандатенъ
Чаоли
Ханаатунь
Сампсонъ

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА III [1]).

Сильное волненіе.

Взрывъ народнаго чувства, произведенный страшнымъ описаніемъ Макъ-Гаана (Mac-Gahan) звѣрствъ, совершенныхъ турками въ Болгаріи, остался памятнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Въ первый разъ англійская демократія рѣшилась труднымъ, но дѣйствительнымъ путемъ народныхъ митинговъ и представительныхъ корпорацій наложить veto на правительственную политику.

Въ прежнія времена народные митинги часто служили предохранительнымъ клапаномъ для возбужденныхъ британцевъ. Но за исключеніемъ такихъ, которые открыто или тайно согласовались съ желаніемъ правительства, эти митинги бывали рѣдко достаточно представительны, чтобы выражать національное чувство и пользоваться довѣріемъ королевы и обѣихъ палатъ.

Волненіе по поводу Болгарскихъ жестокостей, первое въ длинныхъ лѣтописяхъ Англіи, заставило демократію встрепенуться подъ вліяніемъ минутнаго импульса, не ожидая руководительства своихъ лидеровъ. Пришлось новую иностранную политику ввести на мѣсто старой. Если когда-нибудь оправдалось старое изреченіе vox populi—vox Dei, такъ это въ этомъ случаѣ. Инстинктъ британской

---

1) См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

демократіи яснѣе видѣлъ, въ чемъ обязанность и настоящая польза Англіи, чѣмъ государственные люди въ Доунингъ-Стритѣ (Downing Street).

Первое время справедливость этой политики горячо оспаривалась меньшинствомъ публики. Но всякая борьба прекратилась, когда лордъ Сальзбери, облеченный званіемъ короннаго премьера и главы консервативной партіи, объявилъ, что становясь въ оппозицію съ требованіемъ народа, мы сдѣлали ошибку.

Вердиктъ исторіи поддержалъ распространителей извѣстій о жестокостяхъ 1876 года и рѣзнѣ въ Батакѣ, чтобъ замѣнить союзъ съ жестокой Турціей новымъ соглашеніемъ съ христіанской Россіей.

Это была по-истинѣ трудная минута, какъ замѣтилъ генералъ Кирѣевъ лорду Августу Лофтусу, который въ депешѣ изъ Ливадіи сообщилъ, что рѣшеніе, принятое въ то время могло тѣсно соединить или неизмѣнно возстановить другъ противъ друга двѣ имперіи. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ Англія содѣйствовала Россіи. Соображенія политическія и другія должны бы заставить Англію въ ея собственныхъ интересахъ и въ интересахъ Европы поступить такъ. Англія вмѣстѣ съ Россіей заслужила бы благодарность восточныхъ племенъ и пріобрѣла бы надъ ними вліяніе. Это былъ случай, который могъ не повториться. Кромѣ того онъ выражалъ большую заботу о томъ, чтобы настоящій случай былъ использованъ для утвержденія добросердечныхъ отношеній между англійскимъ народомъ и русскимъ. Это было бы средствомъ разсѣять недовѣріе, которое такъ долго нарушало дружескія чувства между двумя государствами, во вредъ имъ обоимъ. Онъ боялся, что, если Англія будетъ продолжать антагонистическую политику къ Россіи, она возбудитъ въ этой странѣ такую ненависть къ англичанамъ, которая далеко превзойдетъ то, что было до сихъ поръ извѣстно подъ именемъ англофобіи.

Картины, описанныя г. Макъ-Гааномъ о гекатомбахъ череповъ, объ оскорбленныхъ и убитыхъ женщинахъ, о варварскомъ избіеніи младенцевъ въ Батакѣ, предстали въ яркихъ краскахъ журналистики передъ глазами англичанъ. Парламентъ не засѣдалъ. Лидеры народа были разбросаны по горамъ и доламъ, но тамъ и сямъ, а въ особенности на сѣверѣ находились люди, которые давно протестовали противъ турецкаго соглашенія и стояли за дружбу съ Россіей. Кобденъ это проповѣдовалъ до Крымской войны, Джонъ Брайтъ всегда былъ противъ Турціи и за Россію. Этой либеральной партіи было трудно (въ особенности Гладстону) высказываться за Россію, т. к. именно Гладстонъ былъ министромъ во время премьерства

Пальмерстона и воевалъ въ Крыму (въ 1854—55) противъ Россіи за турокъ. Г-нъ Фриманъ былъ извѣстенъ между литераторами, которыхъ пылъ доходилъ до избіенія оттоманскихъ ордъ. Послѣдователи этихъ людей существовали по всей Великобританіи и, когда появилось письмо Макъ-Гаана, они увидѣли, что время ихъ настало. Эти храбрецы уже не были гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ, они готовы были мгновенно доказать на дѣлѣ „то, что проповѣдовали".

Сначала было поползновеніе спросить, кто сочинилъ разсказъ корреспондента (Daily News), но Вальтеръ Берингъ, посланный англійскимъ посольствомъ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, болѣе чѣмъ подтвердилъ письмо Макъ-Гаана. Описавъ церковь, въ которой тысяча христіанъ была сожжена живыми, улицы, въ которыхъ на каждомъ шагу валялись человѣческіе трупы, разлагаясь отъ лѣтняго воздуха, и гдѣ онъ на маленькомъ пространствѣ насчиталъ шестьдесятъ головъ, изъ которыхъ всѣ отсѣчены отъ тѣлъ топоромъ или ятаганомъ, Берингъ говоритъ:

„Ахмету-Ага и его людямъ принадлежитъ честь совершить самое гнусное преступленіе, запятнавшее исторію этого столѣтія, соперникомъ ему развѣ могъ быть Нана-Сагибъ. За эту доблесть Ахметъ-Ага получилъ орденъ Меджидіе".

И эти люди были нашими союзниками, мы поддерживали башибузуковъ. Въ то время, какъ Ахметъ-Ага жегъ, насиловалъ, убивалъ, Британскій флотъ былъ посланъ въ Бискайскую бухту, какъ знаменательный намекъ всему свѣту, что Англія не допуститъ никакого вмѣшательства въ неприкосновенность и независимость Оттоманской имперіи.

Неприкосновенность Содома, независимость ада, ради Бога и человѣчества прекратимъ этотъ союзъ на всегда. Это былъ крикъ сердца, когда нація доходитъ до такого подъема духа, что онъ превышаетъ туманъ предразсудковъ и препятствія столкновенія интересовъ. Будь, что будетъ, народъ не хочетъ, не смѣетъ долѣе идти рука объ руку съ Ахметомъ-Ага и его господиномъ. Это былъ великій нравственный взрывъ, тѣмъ болѣе важный, что лордъ Биконсфильдъ съ такимъ цинизмомъ ставилъ интересы Англіи выше всякихъ другихъ соображеній.

О чувствѣ въ Россіи по поводу поддержки лорда Биконсфильда турецкому правительству можно судить по нижеприведеннымъ стихамъ Тургенева, который далекъ былъ отъ увлеченія народными волненіями. Они были написаны за три мѣсяца до появленія брошюры Гладстона.

*

Крокетъ въ Виндзорѣ.

Сидитъ королева въ Винзорскомъ бору...
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду недавно игру;
Ту крокетъ игру называютъ,
Катаютъ шары и въ отмѣченный кругъ
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло...
Глядитъ королева, смѣется... и вдругъ
Умолкла... лицо поблѣднѣло.
Ей чудится вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой проворной—
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной...
То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей..
На лицахъ слѣды истязаній,
И звѣрскихъ обидъ и звѣриныхъ когтей
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.
И вотъ королевина младшая дочь—
Прелестная дѣва—катаетъ
Одну изъ головъ—и все далѣе: прочь
И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ,
Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ—
И ротикъ лепечетъ укоры...
И вскрикнула тутъ королева—и страхъ
Безумный застлалъ ея взоры.
„Мой докторъ, на помощь, скорѣй". И ему
Она довѣряетъ видѣнье,
Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему,
Газетъ Васъ разстроило чтенье.
Толкуетъ намъ „Times", какъ болгарскій народъ
Сталъ жертвой турецкаго гнѣва...
Вотъ капли... примите... все это пройдетъ",
И въ замокъ идетъ королева.
Вернулась домой и въ раздумьѣ стоитъ...
Склонились тяжелыя вѣжды...
О ужасъ, кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды.
„Велю это смыть. Я хочу позабыть.
На помощь британскія рѣки".
— Нѣтъ, Ваше Величество, Вамъ ужъ не смыть
Той крови невинной во-вѣки.

Тургеневъ.

Первый городской митингъ въ Англіи послѣ писемъ Макъ-Гаана собрался въ Дарлинктонѣ. Онъ былъ многолюдный, негодующій и единодушный. Такіе же митинги послѣдовали за этимъ въ Дургамѣ и Іоркширѣ. Донося о характерѣ перваго изъ этихъ митинговъ, я умолялъ Гладстона стать во главѣ движенія, которое обѣщало стремиться къ освобожденію Болгаріи. Большинство сѣверныхъ городскихъ митинговъ отвергали турецкій союзъ до появленія брошюры Гладстона „О болгарскихъ ужасахъ". Это было, по его собственнымъ словамъ, какъ Инкерманъ,—солдатская битва. Сраженіе началось побѣдой прежде, чѣмъ генералъ явился на полѣ. Народная молва, что не существовало анти-турецкаго направленія до появленія брошюры Гладстона, была очень оспариваема Фриманомъ и другими. Фриманъ въ письмѣ отъ 21-го апрѣля 1878 г. говоритъ:

„Это можетъ быть личное мое чувство, но мнѣ досадно, когда утверждаютъ, что всѣ наши единомышленники въ этомъ вопросѣ последователи Гладстона. Посмотрите на два или три письма съ подписью John Ookley въ Д. К. Не говоря о членахъ парламента Брайтѣ, Кобденѣ, лордѣ Грей и другихъ внѣ парламента я, сэръ Г. Коксъ, сэръ А. Ельтонъ, бывшій членъ парламента, говорили въ 1854 г. совершенно то же, что мы говоримъ теперь, только никто не хотѣлъ насъ слушать. Такъ я и другіе говорили о Критѣ въ 1863 г. Въ настоящую войну я работалъ прежде, чѣмъ Гладстонъ, также поступалъ Сайдвитъ и другіе. Мы, конечно, рады такому помощнику, какъ Гладстонъ, и въ извѣстномъ смыслѣ его можно назвать дѣйствительнымъ лидеромъ, но не въ томъ смыслѣ, что онъ намъ внушилъ взгляды, которые мы имѣли раньше его".

Удивительно, какъ исчезаютъ брошюры. Знаменитая брошюра Гладстона о болгарскихъ ужасахъ, проданная въ сотняхъ тысячъ экземляровъ, можетъ быть прочитана въ Британскомъ музеѣ, но достать ее нигдѣ нельзя. Поэтому я воспроизвожу здѣсь заключительную страницу этого страстнаго воззванія одного изъ величайшихъ государственныхъ людей Англіи, воззванія, на которое послѣдовалъ настоятельный и памятный откликъ. Перечисливъ факты, на которыхъ онъ основываетъ свое воззваніе, Гладстонъ кончаетъ свои доводы слѣдующимъ потрясающимъ заключеніемъ:

„Но я возвращаюсь къ тому и кончаю тѣмъ, что служитъ альфой и омегой въ этомъ важномъ и весьма печальномъ случаѣ. Старый слуга королевы и государства, я умоляю моихъ соотечественниковъ, отъ которыхъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ какого-либо народа въ Европѣ, зависитъ требовать и настоять, чтобы наше правительство, шедшее въ одномъ направленіи, пошло бы въ другомъ и употребило бы всѣ усилія для того, чтобы содѣйствовать другимъ

Европейскимъ государствамъ въ уничтоженіи турецкой исполнительной власти въ Болгаріи. Ихъ софты и мудиры, бимбаши и юзбаши, ихъ каймаканы и ихъ паши должны, я надѣюсь, убраться со всѣмъ своимъ скарбомъ изъ страны, которую они опустошили и осквернили. Такое полное избавленіе, такое блаженное освобожденіе, единственное вознагражденіе, которое мы можемъ сдѣлать памяти этихъ грудъ мертвыхъ тѣлъ, этой оскорбленной чистотѣ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, цивилизаціи, которой нанесена обида и посрамленіе, законамъ Бога или, если хотите, Аллаха, нравственному чувству человѣчества вообще. Нѣтъ преступника въ европейской тюрьмѣ, нѣтъ каннибала на южныхъ островахъ, котораго гнѣвъ не вспыхнулъ бы и не закипѣлъ при разсказахъ о томъ, что творилось, что поздно было усмотрѣно и до сихъ поръ не отмщено, что оставили по себѣ всѣ грубыя, свирѣпыя страсти, производившія это, и что можетъ вновь обратиться въ кровавую жатву на землѣ, пропитанной кровью, и въ воздухѣ, зараженномъ всѣми, какія можно только вообразить, преступными и позорными дѣлами. Что такія дѣянія одинъ разъ совершились, есть уже заслуживающій проклятія позоръ для тѣхъ изъ нашего племени, кто ихъ творилъ; но, чтобъ оставалась открытая дверь для возможнаго ихъ повторенія, было бы посрамленіемъ всему человѣчеству.

„Мы можемъ рыться въ лѣтописяхъ всего міра, но не знаю, нашли ли бы мы такой чудовищный примѣръ сатанинскаго злоупотребленія власти, данной Богомъ въ наказаніе злодѣямъ и въ поощреніе добра. Ни одно правительство такъ не грѣшило, ни одно не доказало свою неисправимость въ грѣхѣ или что одно и то же, свое безсиліе въ исправленіи. Если допустить, чтобы турецкая исполнительная власть возобновила, съ разрѣшенія Европы, право своего существованія въ Болгаріи, то нѣтъ документа, отъ начала существованія политическаго общества, которымъ выражался бы протестъ противъ невыносимаго правленія или наносился бы ударъ ненавистной тираніи, который съ этого времени не должны бы клеймить названіемъ преступленія. Но мы еще такъ низко не пали; надо съ радостью надѣяться, что не позже, какъ черезъ нѣсколько недѣль, мудрыя и энергичныя совѣщанія государствъ вновь соединенныя могутъ принести облегченіе тяжелой тревогѣ содрогающагося міра“.

Послѣ появленія Гладстоновской брошюры и еще болѣе послѣ его рѣчи въ Блакэтѣ (Blackheath), 9-го сентября, потокъ народнаго негодованія наводнилъ всю страну. Но даже въ этомъ замѣчательномъ антитурецкомъ энтузіазмѣ внимательный наблюдатель могъ замѣтить два теченія, временно соединенныя, но которыя рано или

поздно должны разъединиться. Сильнѣйшіе, самые логичные и самые горячіе преслѣдователи жестокостей не довольствовались требованіемъ о прекращеніи союза съ Турціей, они также горячо настаивали на обязанности соединиться съ Россіей съ тѣмъ, чтобъ заставить турка освободить славянъ. Вторая группа, больше численностью, состояла изъ тѣхъ, которымъ достаточно было просить, чтобы правительство отказалось отъ союза съ Турціей, не требуя никакого содѣйствія Англіи въ походѣ противъ султана. Къ этой послѣдней секціи присоединились съ характернымъ безразсудствомъ поборники мира, хотя очевидно было и для скуднаго пониманія, что безъ соединеннаго вмѣшательства миръ былъ невозможенъ. На это болѣе умѣренные отвѣчали, что они не хотятъ впутываться въ дѣло, каковы бы ни были послѣдствія для другихъ. Несчастному раздѣленію агитаторовъ на два лагеря суждено было ускорить войну, которую избѣжать можно было. Передъ Англіей, собственно говоря, было три политики: лорда Биконсфильда—турецкая политика. Гладстона—русская политика и Брайта—воздерживающаяся политика, Первыя двѣ могли не возбудить войны, послѣдняя дѣлала ее неизбѣжной.

Слабость агитаціи заключалась въ томъ, что массы сопротивлялись признать свою виновность въ судьбѣ христіанскихъ племенъ и считали свой разрывъ съ Турціей достаточной мѣрой. Насколько мнѣ извѣстно, второй городской митингъ въ Дарлингтонѣ, въ концѣ сентября, былъ единственнымъ, постановившимъ рѣшеніе обратиться къ правительству съ требованіемъ послать Британскій флотъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы онъ содѣйствовалъ русской арміи привести султана въ повиновеніе. Генералъ Сумароковъ привезъ такое предложеніе царя. Дарлингтонскій митингъ совѣтовалъ его принять. Другихъ отвѣтовъ не было.

Въ отвѣтъ на мое сообщеніе, что другая серія митинговъ собирается на сѣверѣ въ пользу освобожденія славянъ, Гладстонъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо.

Замокъ Фордъ-Корнэгель.
Нортумберландъ.
30 сентября 1876 г.

Милостивый государь!

„Я не удивляюсь, что энергичные люди сѣвера берутъ на себя вести дополнительное движеніе, какъ они это дѣлали и раньше.

„Прежде, чѣмъ обвинять сербовъ въ отказѣ продолжать quasi-перемиріе, мы должны помнить, что когда они просили о перерывѣ, турки откладывали отвѣтъ двѣ недѣли (кажется) и только тогда согласились, когда, повидимому, потеряли всякую надежду на успѣхъ въ войнѣ.

„Независимость Сербіи—такой вопросъ, который я взять на себя не могу, но публичный митингъ свободнѣе меня. Повидимому, правительство теперь упорно вырабатываетъ политику, по которой лордъ Биконсфильдъ заявилъ въ Ельзбери, что они не имѣютъ поддержки англійскаго народа, и о которой лордъ Дерби признался, что они ее окончатъ ранѣе созыва парламента.

„Я дѣлаю эти замѣчанія, о которыхъ лучше не упоминать, такъ какъ мое имя слишкомъ часто является передъ публикой; но проницательная разборчивость, съ которой пишутся Ваши статьи, не требуетъ моей помощи. Вашъ покорный слуга.

Гладстонъ“.

Когда г-жа Новикова пріѣхала въ Лондонъ, осенью 1876 года, вокругъ нея собралась группа симпатизирующихъ друзей, глубоко потрясенныхъ ужасами, происходившими въ Болгаріи. Антитурецкая агитація выражалась разными путями. Миссъ Эрби и ея другъ усердно собирали деньги для бѣглецовъ и сиротъ Босніи и Герцеговины. Нѣкоторые сочувствовали черногорцамъ, другіе жертвовали на раненыхъ въ Сербіи. Большинство склонялось въ пользу Болгаріи. Нѣкоторые смѣлые умы ратовали за Россію. Либеральная партія была въ смятеніи. Нѣсколько старыхъ виговъ и антирусскихъ радикаловъ примкнули къ предводительству лорда Гардингтона, но другая партія съ г-номъ Чемберленомъ, ревностнымъ ея поборникомъ во главѣ, была всецѣло противъ турокъ. Таково же было духовенство англиканской церкви и что еще замѣчательнѣе вся корпорація протестантскихъ раскольниковъ (Non conformisto).

Потокъ народныхъ страстей вызвалъ, какъ всегда случается, и противоположное теченіе: за турокъ. Оно выразилось главнымъ образомъ въ лондонской печати и въ лондонскомъ обществѣ. Центръ его былъ въ Стаффордъ House, гдѣ туркофилы собирали фондъ для больныхъ и раненыхъ турецкихъ солдатъ. Правительство, испуганное взрывомъ, повидимому, преклонилось передъ бурей. 21-го сентября лордъ Дерби послалъ депешу сэру Генри Елліотъ, нашему посланнику въ Константинополѣ, совѣтуя ему изложить въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицанія султану за результатъ слѣдствія, произведеннаго г-мъ Берингомъ о турецкихъ жестокостяхъ въ Болгаріи, и требовать наказанія виновныхъ. Еще важнѣе то, что сэру Генри было поручено предложить, какъ умиротворящую мѣру, переговоры между Турціей, Сербіей и Черногоріей объ уступкѣ административной автономіи Герцоговины и Босніи и о гарантіи противъ злоупотребленій въ Болгаріи.

Это привѣтствовалось нѣкоторыми лицами, какъ удовлетворительное доказательство перемѣны фронта. Но не таково было мнѣ-

ніе Гладстона. 13-го октября, по возвращеніи своемъ съ сѣвера Англіи, онъ говоритъ: „я никогда не видѣлъ такого остраго выраженія народнаго чувства, распространяющагося, кажется, на всѣ классы и на всѣ мѣста". Онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о захватывающемъ вниманіи всѣхъ къ злобамъ дня. Сперва онъ сочувственно коснулся смерти ея брата. „Это—тяжелая утрата", пишетъ онъ, „но она окружена великой славой и христіанскими утѣшеніями". Потомъ онъ разсуждаетъ съ ней о томъ, что слѣдовало бы сдѣлать на востокѣ. Она въ письмѣ къ нему выразила надежду, что гнусные преступники, которыхъ султанъ наградилъ за ихъ участіе въ болгарской рѣзнѣ, будутъ приговорены къ заслуженному наказанію. Онъ писалъ:

„Выраженныя Вами чувства, относительно опредѣленія мести виновникамъ болгарскихъ жестокостей тѣ же самыя, которыя питаю я, и которыя я старался выразить въ письмѣ, написанномъ послѣ первыхъ рѣчей лорда Дерби въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ".

Обѣщая ей копію второй своей брошюры по болгарскому вопросу, онъ продолжаетъ:

„Вы, вѣроятно, не читали вторую мою брошюру, въ которой перепечатана одна изъ моихъ рѣчей и нѣсколько писемъ. Черезъ день или два я получу копіи и пришлю одну изъ нихъ Вамъ:

„Я съ грустью убѣждаюсь, что британское правительство пользуется именемъ и вліяніемъ нашей страны въ европейскихъ совѣщаніяхъ для того, чтобы противодѣйствовать желанію нашего народа существеннаго избавленія угнетенныхъ.

„Я радъ буду узнать, какъ долго Вы пробудете въ городѣ. Мы были тамъ въ сентябрѣ, но не знаемъ еще, когда возвратимся".

Онъ спрашивалъ, когда онъ увидитъ ее въ Лондонѣ. По полученіи ея отвѣта, онъ пишетъ 17-го октября:

„Хотя я надѣюсь скоро Васъ увидѣть въ Лондонѣ, я долженъ безотлагательно писать.

1. „Въ общественномъ мнѣніи обозначилось несомнѣнное и рѣзкое теченіе въ пользу Турціи, судя по столичной печати. Оно касается большинства представителей идей и мнѣній, такъ называемыхъ, „высшихъ десяти тысячъ" общества. Изъ этой корпораціи, насколько мнѣ помнится, ни по какому случаю не исходило движеній, побуждавшихъ и окончательно закрѣплявшихъ какую бы то ни было изъ полезныхъ мѣръ, которыя въ послѣднюю половину вѣка такъ содѣйствовали славѣ и благоденствію Англіи.

Они не производили реформъ въ парламентѣ, не освобождали отъ рабства негровъ, не уничтожали хлѣбнаго закона, не снимали пошлинъ съ печати, не радовались дѣлу освобожденія и переустройства Италіи. Однако, все это было сдѣлано другими, не ихъ посред-

никами, и несмотря на ихъ оппозицію. Когда я говорю о нихъ, я, конечно, говорю о большинствѣ между ними.

2. „Къ несчастью, о странѣ судятъ за границей, большей частью по столичной печати, а она гораздо понятнѣе въ провинціальной, и не думаю, чтобы вы нашли въ ней ту же туркофильскую реакцію, что въ Лондонской.

„Тѣмъ не менѣе, „эти десять тысячъ"—большая сила и по всей странѣ партія торіевъ соединяется съ ними. Я не могу сказать съ увѣренностью, какая партія возьметъ теперь верхъ. Это отчасти покажутъ, но не скоро, мѣстные выборы на вакантныя мѣста. Можетъ пройти шесть мѣсяцевъ, или около того, прежде, чѣмъ изъ этого источника извлечется достаточно свѣта".

Такъ какъ заключительные параграфы этого письма касаются новаго предмета, мы ихъ отнесемъ къ слѣдующей главѣ.

Переписка Ольги Алексѣевны не была въ то время такою обширною, какою она сдѣлалась черезъ годъ, тѣмъ не менѣе у нея и тогда было много вѣрныхъ друзей. Одинъ изъ нихъ, Фриманъ, историкъ, написавшій Норманское завоеваніе, отличался самой пылкой ненавистью къ турецкому угнетенію и его друзьямъ въ Доунингъ-Стритѣ. Одно изъ первыхъ писемъ къ ней г-на Фримана, отъ 20-го октября 1876 г.—это характерная исповѣдь убѣжденія, котораго въ теченіе всѣхъ этихъ тяжелыхъ лѣтъ г-нъ Фриманъ былъ самымъ вѣрнымъ представителемъ. Онъ писалъ:

„Чувства мои противъ войны Англіи съ Россіей такъ сильны, какъ только могутъ они быть у человѣка. И противъ недовѣрія или недружелюбія къ Россіи я двадцать лѣтъ протестовалъ. Надѣюсь черезъ день или два еще разъ это засвидѣтельствовать.

„Въ письмѣ своемъ въ Daily News (письмо отъ 24-го октября 1876 г.) г-нъ Фриманъ напоминаетъ англійской публикѣ, что война съ Россіей, если бы она когда-нибудь возникла, не была бы уже войной противъ честолюбиваго деспота, а войной противъ тѣхъ, которые вооружились за правое дѣло. Интересы Англіи въ дѣйствительности не смѣшиваются съ поддержкой турецкой тираніи, но если бы они и были затронуты этой поддержкой, то выгода должна уступить долгу. Мы не желаемъ видѣть расширенія Россіи, но если по винѣ нашего правительства мы не имѣемъ выбора между увеличеніемъ Россіи и рабствомъ Болгаріи и другихъ возставшихъ странъ, мы должны избрать увеличеніе Россіи".

3-го ноября онъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Если бъ нашихъ министровъ можно было убѣдить честно соединиться съ Вашими въ улаживаніи дѣла, миръ могъ бы быть обезпеченъ, но именно теперь мы, имѣющіе парламентъ, такъ же без-

помощны, какъ Вы, у которыхъ его нѣтъ. Я свое маленькое слово сказалъ, чтобъ убѣдить людей, что Россія теперь нація, съ которой ссориться за правое дѣло было бы сумасшествіемъ. Глупцы у меня спрашиваютъ, слышалъ ли я когда-нибудь о Польшѣ,—тори всѣ противъ Польши,—я отвѣчалъ: мы не противились Россіи, когда она поступала неправильно, неужели мы станемъ противъ нея, когда она права".

„Я счастливъ, что очень мало знакомъ съ высшимъ лондонскимъ обществомъ и съ тѣмъ, что оно называетъ хорошимъ вкусомъ. Если великосвѣтское общество любитъ турокъ, они заслуживаютъ того, чтобы турокъ у нихъ расквартировали".

27-го ноября Фриманъ писалъ о сердечномъ пріемѣ, оказанномъ ему его аудиторіей въ Эгзетерѣ и Манчестрѣ, когда онъ говорилъ о Восточной Европѣ. Онъ пишетъ:

„Въ этомъ и другомъ мѣстѣ мои слушатели дали сердечный отвѣтъ на все, что я говорилъ о вредѣ войны съ Россіей, что теперь имъ пришлось бы воевать не съ честолюбивымъ деспотомъ, но съ народомъ, дѣйствующимъ за правое дѣло. Большинство ли мы, я сказать не могу, но я увѣренъ, что мы составляемъ достаточно большую часть англійскаго народа, чтобы заставить даже еврея въ его самоувѣренности задуматься прежде, чѣмъ начать войну. Вы бы должны сдѣлать все возможное, чтобъ дать понять англійскому народу, что въ настоящее время Россія—нація, сердце которой предано добру".

Еще болѣе сердечно было письмо сэра Джорджа Коксъ о пораженіи сербовъ, которое Фриманъ прислалъ г-жѣ Новиковой.

2 ноября.

„Не знаю, что сказать объ этихъ ужасныхъ извѣстіяхъ. Вся эта рѣзня касается насъ; единственное оправданіе для нашихъ правителей, которые въ вакантное время дѣлаются настоящими деспотами, то, что они сами въ заблужденіи, что они вѣрятъ лжи, что турокъ можетъ измѣниться. Странно думать, что они этому вѣрятъ, и что немногочисленные, такъ называемые, мятежники оставлены для того, чтобы миріады враговъ ихъ погубили только потому, что противъ предполагаемыхъ интересовъ Англіи, чтобъ русскій завладѣлъ Стамбуломъ. Я самъ, конечно, этого не желаю и, если бъ мы поступали такъ, какъ мы хотѣли лѣтъ десять тому назадъ, конфедерація отъ Адріатики до Евксинскаго сдѣлала бы это невозможнымъ. Но зло произошло тогда, когда Наваринская битва была названа досаднымъ событіемъ. И съ того дня и до этой минуты всѣ наши дѣйствія на востокѣ просто постыдны. Насколько я могу судить, мы опозорены въ глазахъ Европы, а это непріятно, хотя

это мало значитъ въ сравненіи съ побѣдой правды. Неужели ничего нельзя сдѣлать, чтобъ помѣшать дѣламъ стать еще хуже. Несомнѣнно, что нашу исполнительную власть слѣдуетъ укоротить и рѣшенія мира и войны должны у нея быть отняты. Это была бы смерть дипломатіи, а день, въ который это бы произошло, былъ бы дѣйствительно свѣтлымъ днемъ.

Вырѣзки письма Сандвита получены. То, что онъ говоритъ, ни на іоту больше того, что я предполагалъ. Невольно подымаются руки и восклицаешь: „доколѣ, о Господи, доколѣ". Но мы должны что-нибудь дѣлать. Если результатомъ всѣхъ этихъ ужасовъ будетъ усмиреніе торіевъ и дипломатіи, свѣтъ будетъ имѣть причину порадоваться. Сандвитъ можетъ разсказывать, что добросовѣстность и независимость Оттоманской имперіи—проклятыя слова. Они сдѣлали столько же вреда, какъ вѣра въ колдовство".

Война въ Сербіи продолжалась до 1-го ноября, когда, подъ давленіемъ русскаго ультиматума, султанъ согласился на восьминедѣльное перемиріе. На слѣдующій день лордъ Августъ Лофтусъ, нашъ посланникъ въ Россіи, послалъ длинное донесеніе, сообщающее о самомъ благопріятномъ разговорѣ, которымъ удостоилъ его Государь, въ которомъ Его Величество отрицалъ всякое желаніе брать Константинополь и излагалъ русскую политику въ такихъ выраженіяхъ, которыя, по заявленію лорда Дерби, были приняты съ большимъ удовлетвореніемъ британскимъ правительствомъ.

Императоръ настоятельно просилъ посла сдѣлать все отъ него зависящее, чтобъ разсѣять подозрительность и недовѣріе къ Россіи, существующее въ Англіи. Депеша эта была получена въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ седьмого или восьмого ноября [1]). Въ этотъ день лордъ Дерби, отъ имени правительства, выразилъ большое удовольствіе, съ которымъ оно приняло увѣренія Царя, а на слѣдующій день лордъ Биконсфильдъ, въ отвѣтъ на отзывъ Импе-

[1]) По поводу этой депеши лордъ Непиръ-Этрикъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ: „съ тѣхъ поръ, какъ я Вамъ писалъ, мы получили депеши изъ Крыма. Съ точки зрѣнія Англіи въ нихъ много обезпеченія и удовлетворенія. Когда я переношусь на точку зрѣнія Россіи, т. е. если бъ я былъ русскимъ, я думаю, что я считалъ бы, что Государь слишкомъ щедро давалъ увѣренія и засвидѣтельствованія иностранному дипломату, и я бы сожалѣлъ о томъ, что Его Величество сказалъ, что онъ разрѣшилъ отъѣздъ добровольцевъ pour jeter de l'eau froide, потому, что этимъ Государь уменьшаетъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ національный порывъ, имѣющій свою естественную и достойную сторону, хотя англичанинъ долженъ объ этомъ сожалѣть. Вообще, такъ какъ я всегда вѣрилъ въ человѣколюбіе и благородство души Императора, я думаю, что онъ желаетъ мира, и я надѣюсь, что конференція найдетъ способы его обезпечить".

ратора, употребилъ всѣ усилія, чтобъ возбудить горячку войны противъ Россіи рѣчью въ Гильдъ-Холѣ. Онъ объявилъ, въ выраженіяхъ, всѣмъ понятныхъ, хотя онъ ни разу не коснулся именъ Турціи и Россіи, что „Англія не такая страна, которая должна спрашивать позволенія, можно ли ей вступить во второй или третій походъ".

„Въ справедливомъ дѣлѣ Англія будетъ сражаться до тѣхъ поръ, пока справедливость восторжествуетъ". Рѣчь эта была принята въ Англіи и за границей, какъ прямая угроза Россіи. На другой день Государь въ отвѣтъ депутаціи, ожидавшей его въ Москвѣ, объявилъ, что онъ твердо рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, если онъ не получитъ необходимаго ручательства въ исполненіи того, что онъ имѣетъ право требовать отъ Порты. Только двѣнадцать дней послѣ того, какъ рѣчь лорда Биконсфильда пропитала общественные умы, его правительство согласилось опубликовать депешу лорда Лофтуса, съ трогательнымъ призывомъ довѣрія со стороны Царя, которому лордъ Биконсфильдъ сдѣлалъ такой грубый пріемъ. За недѣлю до этого, Государь повелѣлъ мобилизировать часть арміи, и войска начали сосредоточиваться въ Кишиневѣ. Можно думать, что англійскіе министры были порядочно напуганы выходкой своего главы. Во все это тяжелое время ихъ взаимныя отношенія были таковы, что лордъ Биконсфильдъ можетъ говорить, что хочетъ, но контроль и иностранная политика партій должна быть въ рукахъ лорда Дерби, лорда Сальзбери и лорда Карнарвонъ. Поэтому, чѣмъ миролюбивѣе были рѣшенія кабинета, тѣмъ воинственнѣе были рѣчи лорда Биконсфильда. 8-го лордъ Дерби выразилъ удовольствіе правительства удостовѣреніями Царя и, повидимому, тотъ же кабинетъ рѣшилъ послать лорда Сальзбери представителемъ Англіи на конференцію, собиравшуюся въ Константинополѣ, для рѣшенія восточнаго вопроса. Лордъ Сальзбери всегда былъ антипатиченъ лорду Биконсфильду. Назначеніе его было всего болѣе по сердцу Гладстону, какъ доказательство, что кабинетъ, наконецъ, дѣйствительно намѣренъ вести болѣе разумную и человѣколюбивую политику на востокѣ, нежели та, которая велась до сихъ поръ.

Встревоженная этими признаками приближающейся войны, Ольга Алексѣевна писала съ горечью Гладстону, называя его своимъ другомъ.

14-го ноября Гладстонъ отвѣчалъ:

„Дорогая г-жа Новикова. Я очень цѣню названіе, которое Вы такъ добры, что дали мнѣ, но не смѣю принять его, пока это дѣло не разъяснилось, Вы можетъ быть захотите отказаться отъ него. Испытайте меня немного дольше, я хочу Вамъ сказать слѣдующее:

„Исторія народовъ печальна, т. е. исторія ихъ правительствъ.

Я прихожу къ грустному убѣжденію, что хотя добродѣтель высшаго свойства существуетъ въ высшихъ сферахъ индивидуально, но ее можно главнымъ образомъ найти въ массахъ, а исторія правительствъ— самая безнравственная часть исторіи человѣчества. Мнѣ часто приходится злословить на моихъ соотечественниковъ, или ихъ правителей. Не долженъ ли я имѣть эту свободу и относительно другихъ? Присмотритесь ко мнѣ больше прежде, чѣмъ Вы рѣшите, безпристрастенъ ли я и заслуживаю ли я чести быть Вашимъ другомъ.

„Не очень пугайтесь рѣчи лорда Биконсфильда.

„Я имѣю надежды на миръ. Я слышалъ, что стрѣлявшіе въ спины русскихъ офицеровъ были валахи, которыхъ очень много въ сербской арміи, а не сербы.

„Я смотрю на Вашего Государя, какъ на самаго совершеннаго джентльмена, и, въ общемъ, я не огорчаюсь тѣми затрудненіями, которыя турокъ внесъ въ конференцію. Я думаю, Вы можете быть увѣрены, что Сальзбери не таковъ, какъ нѣкоторые въ правительствѣ, онъ не рабъ Дизраэли“.

За четыре дня до этого, Гладстонъ прислалъ ей отчетъ о митингѣ, который доказывалъ, что мнѣнія высшихъ и парламентскихъ классовъ были очень разнорѣчивы. Онъ говоритъ:

„Ни одна изъ великихъ и полезныхъ мѣръ, съ которыми связано имя націи, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не была, какъ я уже говорилъ, проведена большинствомъ этого класса, а только меньшинствомъ. Лордъ Гарлингтонъ долженъ считаться съ этимъ. Я, слава Богу, свободнѣе“. Хотя онъ былъ доволенъ назначеніемъ лорда Сальзбери представителемъ Англіи на Константинопольской конференціи, однако, онъ ей напоминаетъ:

„Помните, я не могу ручаться, что лордъ Сальзбери не сдѣлаетъ ошибокъ и даже важныхъ. Все же я надѣюсь, что отвѣтственность и опытность въ дѣлахъ дадутъ ему требуемую твердость сужденій.

„Есть Англія, желающая получить Критъ, но также, я надѣюсь, есть болѣе сильная и разумная Англія, которая не желаетъ этого“.

22-го ноября онъ говоритъ ей, что онъ всецѣло поглощенъ своей статьей объ эллинскомъ факторѣ въ Восточномъ вопросѣ. Услышавъ, что генералъ Игнатьевъ неодобрительно отнесся къ греческимъ притязаніямъ, онъ продолжаетъ:

„Мы получили сегодня депешу Лофтуса отъ 2-го ноября съ полнымъ отчетомъ миролюбивой и христіанской рѣчи Императора въ этотъ день. Лордъ Дерби, какъ приличествуетъ, призналъ ее таковой 3-го. Суть ея была телеграфирована такъ, что Дерби уже ее зналъ, когда говорилъ свою рѣчь 9-го. Мы также въ первый разъ узнаемъ настоящія условія основанія конференціи, составленныя лордомъ

Дерби. Долженъ сказать: я нахожу, что Россія дошла до крайнихъ предѣловъ умѣренности, согласившись на нихъ. Россію всегда обвиняли въ томъ, чт она поощряетъ на столько реформы въ Оттоманской имперіи, чтобъ возбуждать хроническое раздраженіе, и дѣлаетъ это для того, чтобы имѣть предлогъ вмѣшаться въ дѣла, когда ей вздумается.

„Всѣ ничтожные планы и такіе, какъ планъ лорда Дерби, въ своемъ естественномъ толкованіи только способствуютъ такой политикѣ. Что касается независимости славянъ, это превратилось въ фарсъ. Неужели это было принято какъ основаніе для конференціи? Вы, вѣроятно, замѣчаете отзывы и поведеніе турецкой прессы о торійской прессѣ въ Англіи. Удивляюсь, почему Россія не пользуется тоже прессой здѣсь“ [1]).

„Изъ сегодняшнихъ депешъ вижу, что лордъ Сальзбери предложитъ Портѣ двѣнадцать мѣсяцевъ для реформъ, въ случаѣ неудачи предстоитъ вмѣшательство иностранныхъ державъ. По моему мнѣнію, это насмѣшка“.

„Князь Горчаковъ говоритъ о предубѣжденіяхъ Англіи; но то, о чемъ онъ судитъ, не есть настоящая Англія. Я говорилъ Вамъ, что, по моему мнѣнію, народъ не измѣнился. Нѣтъ лучшаго образца народа, какъ зрители въ театрѣ“.

„Случай произошелъ въ Ливерпулѣ, очень торійскомъ городѣ. Диссиденты, самые сильные противники турокъ, не часто ходятъ въ театры. Прошлую пятницу я былъ тамъ, и никогда не былъ такъ восторженно принятъ. Будьте увѣрены: такія демонстраціи составляютъ настоящій критеріумъ народа, хотя требуется множество такихъ опытовъ, чтобъ сдѣлаться доказательствомъ“.

Ольга Алексѣевна жаловалась на безсердечіе лорда Гартингтона и спрашивала у Гладстона его мнѣніе о назначеніи Сальзбери. Онъ отвѣчалъ:

„Очень благодарю Васъ за милое письмо. Относительно лорда Гартингтона я бы сказалъ, надо помнить, что, какъ лидеръ, онъ обязанъ придерживаться болѣе или менѣе мнѣній оттѣнка Fitzwilliam'a, чтобъ не порвать отношеній съ ними. Мнѣ бы не слѣдовало однако писать Вамъ объ этомъ; но я считаю правильнымъ высказать Вамъ мое мнѣніе о лордѣ Сальзбери, котораго я довольно хорошо знаю въ частности. Онъ мало знакомъ съ иностранными государствами и съ Востокомъ, и имѣетъ мало сноровки. Онъ рѣзокъ въ словахъ, но настоящій джентльменъ въ обществѣ. Онъ замѣчательно уменъ,

---

[1]) Гладстонъ намекалъ о подкупѣ англійской торійской прессы турецкими агентами, въ чемъ, конечно, трудно заподозрить русскую дипломатію.

не увѣренъ въ сужденіяхъ, но выше всего мелочного, не имѣетъ Дизраэльскихъ предубѣжденій, добросовѣстенъ и обладаетъ большимъ мужествомъ и характеромъ, Однимъ словомъ, назначеніе Сальзбери лучшее, что правительство до сихъ поръ сдѣлало въ Восточномъ вопросѣ".

„Онъ человѣкъ, довѣріе котораго стоитъ пріобрѣсти", заключаетъ Гладстонъ.

Я въ то время издавалъ „Сѣверное эхо" въ Дарлингтонѣ вблизи Гладстона. Вотъ его короткое, рѣзкое, повелительное слово, присланное мнѣ наканунѣ народнаго митинга, созваннаго для протеста противъ угрожающей рѣчи лорда Биконсфильда въ Гильдхолѣ.

Гоуарденъ 19 ноября 1876.

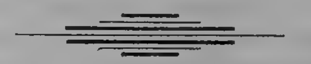
„Я смотрю" пишетъ Гладстонъ „на миссію лорда Сальзбери, какъ на противорѣчіе заявленія рѣчи премьеръ-министра въ Гильдхолѣ, и если Вы встрѣтитесь снова, на что я надѣюсь, то, говоря ясно объ имѣющихся въ виду предположеніяхъ, отнесетесь благонамѣренно къ этой миссіи".

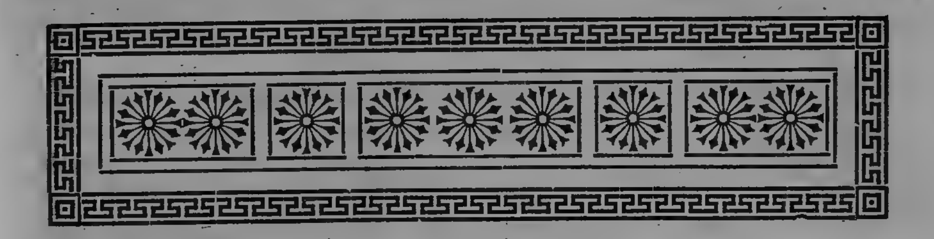
Митингъ состоялся, и резолюціи представлены Гладстону. Онъ отвѣчалъ:

„Я вижу съ величайшимъ удовольствіемъ силу убѣжденія и характера, заставляющую жителей Дарлингтона слѣдить съ неутомимой бдительностью за ходомъ Восточнаго вопроса и тѣмъ изобличать въ неправдѣ имѣющихъ претензію на такое дурное мнѣніе о жителяхъ этой мѣстности, чтобы хладнокровно утверждать, будто бы въ промежутокъ между сентябремъ и ноябремъ они перемѣнили мнѣніе".

Потому именно, что вся министерская печать такъ настойчиво утверждала, что народъ измѣнилъ мнѣніе, и состоялась конференція въ Сентъ-Джемсъ-Холѣ.

Сообщено Е. С. М.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

1.

4-го апрѣля 1821 г. Шаево [2].

Андрей Андреевичъ Жандръ [3]) пишетъ ко мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что Вы по дружбѣ вступились за меня противъ неизвѣстнаго критика [4]). Хотя не знаю, чѣмъ заслуженная мною ненависть Сыновъ Отечества [5]), и не допустила отвѣта вашего къ напечатанію, я не менѣе того полагаю себя вамъ обязаннымъ; и еслибъ все дѣло состояло только въ моей чести, я право бы не почелъ ее нисколько оскорблённою, слыша что дураки меня бранятъ, а умные люди защищаютъ; но дѣло въ томъ, что поступокъ Сыновъ Отечества самъ по себѣ никуда не годится, либо не надо во все писать о сочинителѣхъ, либо надо равно помѣщать статьи противъ него и за него.

Папская канцелярія въ Римѣ присвоила себѣ право прятать подъ сукно и не выпускать книгъ, которыя несходны съ ея обра-

[1]) См. „Русская Старина" декабрь 1909 г.

[2]) Усадьба Шаево—Кологривскаго уѣзда, Костромской губ.

[3]) Андрей Андреевичъ Жандръ р. 1789 г. ум. 19 янв. 1873 г. въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣт., пріятель Грибоѣдова и Катенина, авторъ и переводчикъ театральныхъ пьесъ.

[4]) Рѣчь идетъ о статьѣ Н. И. Бахтина, появившейся въ „Сынѣ Отечества" (1821 г. ч. 68 № 12 стр. 218—227, за подписью G.) и написанной по поводу „Замѣчаній г. Z. на комедію Катенина „Сплетни" (С. О. 1821 г. ч. 67 № 5 стр. 225—229) см. вводную статью.

[5]) „Сынъ Отечества" въ 1821 г. издавался Н. И. Гречемъ и А. Ѳ. Воейковымъ.

зомъ мыслей, но мы не должны быть паписты, что Сумароковъ превосходно доказываетъ именемъ Пармена [1]). Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, рѣшился я написать письмо къ Никитѣ Муравьеву [2]), гдѣ я его прошу разтолковать сынамъ, Гречу [3]) и Воейкову [4]), что ихъ дѣло не дѣло, авось они внушатъ голосъ здраваго разсудка. Постарайтесь со своей стороны восторжествовать надъ невѣжествомъ: можно же въ большомъ городѣ, каковъ Петербургъ, найти средство оборониться; а буде не льзя, дайте мнѣ знать, останусь въ лѣсахъ Кологривскихъ. Я еще не такъ давно въ нихъ заѣхалъ, долго загостился у Скуратова [5]) и у Голицына [6]), весело было, а гдѣ весело, тамъ и сидится. Здѣсь не такъ-то пріятно, но дѣлать нѣчего, по неволѣ сидишь, когда не льзя подняться. Дѣла мои нашелъ въ порядкѣ, получилъ вдругъ около двадцати тысячъ денегъ, но уплата долговъ и закупка хлѣба все разхватали; лѣтомъ хочу я заняться отдѣлкою своего дома, въ который не разъ придется воротиться; а въ концѣ Августа думаю пуститься въ Петербургъ, хоть на легкѣ безъ денегъ. Зимнія путешествія мнѣ нынѣшній разъ слишкомъ надоѣли, а молодому моему спутнику еще болѣе; въ самомъ дѣлѣ какъ нарочно погода насъ во все время преслѣдовала. Стиховъ дѣлать здѣсь не въ состояніи, ничто въ голову нейдетъ, и желудокъ совсѣмъ разстроенъ, даже вино безъ вкуса пьется, пить не съ кѣмъ. Читаю много, смѣшитъ меня иногда Вольтеръ забавнымъ враньемъ, а еще болѣе Мосгеймъ [7]), ученый церьковный историкъ, своимъ серіознымъ враньемъ: онъ очень похожъ простодушіемъ на

---

[1]) См. 1 явл. I д. Сумароковской трагедіи „Димитрій Самозванецъ".

[2]) Никита Михайловичъ Муравьевъ, декабристъ, род. 1797 ум. 1843 г.

[3]) Николай Ивановичъ Гречъ род. 1787 г. ум. 1867 г., журналистъ, авторъ „Опыта краткой исторіи русской литературы" (1822 г.) и „Пространной" и „Практической русской грамматики" (1827 г.).

[4]) Александръ Өедоровичъ Воейковъ р. 1778 г. ум. 1839 г., авторъ извѣстнаго стихотворенія „Домъ Сумасшедшихъ".

[5]) Павелъ Петровичъ Скуратовъ, другъ и однополчанинъ Катенина, уволенный въ 1813 г. въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана и поселившійся въ своемъ имѣніи, Катенинъ посвятилъ ему свою трагедію „Андромаха" (1827 г.).

[6]) Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ, другъ Катенина, отставной поручикъ р. 1796 г. ум. 26 марта 1833 г. Во II. томѣ „Сочиненій и Переводовъ" Катенина помѣщены два стихотворенія кн. Голицына. Кромѣ того ему принадлежитъ переводъ на франц. языкъ стихотворенія Катенина „Пѣвецъ Усладъ" (Le Troubadour), напечат. въ Mercure du XIX siècle (1824 г.) t. VI, въ статьѣ Бахтина (см. вводную ст.) и въ I т. сочиненій Катенина.

[7]) J. L. v. Mosheim род. 1674 г. ум. 1755 г., нѣмецкій проповѣдникъ, авторъ многочисленныхъ трудовъ по церковной исторіи (число ихъ достигаетъ до 160), изъ которыхъ важнѣйшіе написаны на латинскомъ языкѣ.

Мюниха [1]) автора записокъ про Анну Ивановну, что ни вздумаетъ разхвалить, руками сдаетъ на посмѣяніе. Поклонитесь отъ меня Петру Николаевичу [2]), я часто объ немъ вспоминаю. До свиданія, почтеннѣйшій; я надѣюсь что въ отвѣтъ на моихъ четыре страницы деревенскихъ вы по справедливости заплатите вдвое, въ такой пріятной надеждѣ остаюсь на всегда душевно почитающій слуга

Павелъ Катенинъ.

2.

15-го мая 1821 г. Шаево.

Хорошее извѣстіе отъ всякаго пріятно получить; письмо отъ пріятеля дорого само собою: слѣдственно (ergo) мнѣ двойное было удовольствіе когда прочелъ я ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, письмо отъ 3-го мая. И такъ мнѣ въ отсутствіи болѣе удается, а можетъ быть еслибъ я вздумалъ умерѣть, меня бы и Воейковъ съ компаніею принялись хвалить; но я твердо намѣренъ обойтись безъ ихъ похвалы пока могу. Жаль что не въ нашей волѣ исполненіе нашихъ намѣреній, и я точно третьяго дня чуть чуть не умеръ: со мной сдѣлалось тоже что уже было однажды въ Москвѣ, я закашлялся и мокроты остановясь въ горлѣ пресѣкли совершенно дыханье, ни говорить ни кричать не льзя, никто не знаетъ чѣмъ помочь, я выбѣжалъ на воздухъ, и тѣмъ только спасся, ибо дыханіе возобновилось. Я полагаю что смерть утопшихъ точно такова, и два раза испытавъ ея приближеніе, могу увѣрить что она мучительна и несносна. Напрасно вы вообще завидуете здѣшнему моему житью: конечно Зябловской [3]) скученъ, но думаете ли вы чтобъ Кологривскій городничій, исправникъ и т. д. были забавны, а я съ ними обязанъ также проводить время какъ вы съ вашими профес-

---

[1]) Сынъ фельдмаршала, графъ Эрнстъ Минихъ, род. 1708 г. ум. 1788 г., написалъ Записки для своихъ дѣтей въ ссылкѣ (въ Вологдѣ) въ 1758 г. на нѣмецк. языкѣ. Катенинъ познакомился съ ними въ русскомъ переводѣ 1817 г. Записки гр. Миниха были переизданы вмѣстѣ съ его Замѣчаніями на Мемуары Манштейна редакціею „Русской Старины" въ 1891 г. (Россія и русскій дворъ въ половинѣ XVIII ст.). Нѣмецкій подлинникъ былъ обнародованъ въ 1896 г. (Die Memoiren des Graven Ernst von Munnich hrsgb sowie mit Einleitung und Biographie des Verfassers versehen von Arwed Jurgensohn. Stuttgart 1896).

[2]) Петръ Николаевичъ Чебышевъ.

[3]) Евдокимъ Филипповичъ Зябловскій р. 1763 г. ум. 1846 г., заслуженный профессоръ Спб. университета, авторъ „Статистическаго описанія Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ состояніи", 5 ч. Спб. 1808 г.

сорами [1]); вы можете временемъ и забыть скуку, а мнѣ здѣсь съ каждымъ днемъ новая родится. Сверьхъ того хлопотъ хозяйственныхъ такая бездна, что я не знаю какъ меня достаетъ и право боюсь съ ума сойти, если это продлится; лучшій мой день въ недѣлѣ четвергъ, мнѣ приносятъ письма съ почты, и я хоть на нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ любезныхъ людей забываю мое одиночество, дѣла и заботы. Что же вамъ непріятнаго въ томъ что узнаютъ кто отвѣчалъ на критику въ журналѣ? Признаюсь вамъ, Николай Ивановичъ, что я совсѣмъ другаго мнѣнія, и еще въ Петербургѣ вамъ это говорилъ: зачѣмъ скрываться? Пишите и смѣло подписывайте [2]). Скрытое или вымышленное имя означаетъ какую-то робость, какъ будто чего нибудь стыдятся люди правые, и эта неосновательная боязнь много помогаетъ наглости Бестужевыхъ [3]) и прочихъ; они говорятъ громко, а большая часть людей всегда скорѣе разслушаетъ и повѣритъ тому кто громче и смѣлѣе утверждаетъ свою мысль. Жалѣю что журналъ Олина [4]) плохъ, онъ видно бѣдной одинъ работаетъ и не знаетъ чѣмъ набить, не смотря на это подпишитесь за меня на полгода съ пересылкою въ Кологривъ, Андрей Андреевичъ выдастъ вамъ деньги; посмотримъ. Сына Отечества я не беру въ желтомъ его мундирѣ Арзамасскаго полка, читалъ случайно критику Z въ слѣдъ за похвалою Хмѣльницкому [5]), это работа Соца [6]), по слогу и пріемамъ судя; на Шаховскаго [7]) же поклепъ напрасенъ; отвѣтъ

---

[1]) Н. И. Бахтинъ въ этомъ году посѣщалъ лекціи Спб. университета. См. вводную статью.

[2]) Бахтинъ подписалъ, какъ мы уже знаемъ, свою статью буквою G.

[3]) Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій) р. 1797 г. ум. 1837, относился крайне отрицательно къ литературной дѣятельности Катенина.

[4]) Валеріанъ Николаевичъ Олинъ р. прибл. въ 1788 г. ум. послѣ 1839 г., весьма плодовитый писатель-переводчикъ. Въ 1818 и 1819 г.г. издавалъ „Журналъ древней и новой словесности", а въ 1821 г. газету „Рецензентъ".

[5]) Николай Ивановичъ Хмельницкій р. 1791 г. ум. 1845 г., драматическій писатель. Г. Z въ своей статьѣ отозвался съ похвалою о переводѣ Хмельницкаго Мольеровой комедіи „Школа Женщинъ".

[6]) Василій Ивановичъ Соцъ ум. 1841 г. цензоръ, драматическій писатель, помѣщалъ критическія статьи въ „Благонамѣренномъ" и „Сынѣ Отечества".

[7]) Кн. Александръ Александровичъ Шаховской род. 1777 г. ум. 1846 г., извѣстный драматургъ и видный театральный дѣятель. Непріязненныя отношенія между нимъ и Катенинымъ возникли въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка на почвѣ театральныхъ интригъ, изъ-за „измѣны" В. А. Каратыгина и А. М. Колосовой, начавшихъ театральное образованіе подъ руководствомъ князя, а затѣмъ перешедшихъ къ Катенину, который былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ чтецовъ и знатоковъ сценическаго искусства.

былъ бы для меня гораздо любопытнѣе по всему, но его то я не видалъ; не льзя ли какъ-нибудь мнѣ доставить? Что Левекъ [1]) умнѣе Карамзина безспорно; но куды суха и его исторія! Компилація безъ всякой жизни. Сдѣлайте одолженіе, не забывайте меня, умнѣйшій Николай Ивановичъ, и когда вамъ отъ должности и отъ премудраго указа останется совершенно досужный часокъ, пожалѣйте о невинномъ сосланномъ судьбою не далеко отъ Сибири, онъ право стоитъ этаго какъ доброй человѣкъ и истинно почитающій васъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Пришлите мнѣ вашъ адресъ въ Петербургѣ.

3.

11-го іюля 1821 г. Шаево.

Наконецъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, дождался я вашего отвѣта на мое письмо, но къ сожалѣнію моему я все еще не вижу вашей антикритики на счетъ моихъ сплетней [2]); всѣ ваши причины не ставить имени своего я сколько могъ обдумалъ, и (простите моему упрямству) остаюсь при своемъ мнѣніи; сравненіе съ Бестужевымъ либо чрезмѣрная скромность, либо (что болѣе похоже на правду) шутка, вамъ никогда не льзя сравниться или уподобиться сему великому человѣку. О критикѣ, на которую Вы отвѣчали, увѣренъ я что она произведеніе Соца, а не князя Шаховскаго по многимъ причинамъ: вотъ вамъ нѣкоторыя изъ нихъ. Во первыхъ Шаховской не сталъ бы сожалѣть о томъ, что въ Грессетовой [3]) комедіи передѣлано, о разговорѣ поучительномъ Ариста съ Валеромъ, о покаяніи Флоризы въ концѣ комедіи и пр. все это не въ его вкусѣ, онъ самъ весьма хвалилъ сдѣланныя мною въ планѣ перемѣны и слогъ моихъ стиховъ; а только намѣкалъ что не смотря на все это, піеса покажется холодною на театрѣ, что можетъ быть онъ говорилъ и актерамъ, которые всячески старались оправдать его

---

[1]) Pierre Charles Levesque р. 1736 г. ум. 1812 г., авторъ Histoire de Russie. Iverdun 1782—1783. 8 vol. in. 12.

[2]) „Сплетни“, комедія въ 3-хъ дѣйств. Павла Катенина, подражаніе Грессетовой комедіи: „Le méchant“. СПБ. 1821, представлена была въ первый разъ въ СПБ. 31 дек. 1820 г.

[3]) Jean-Baptiste — Louis Gresset род. 1709, ум. 1777, авторъ шуточныхъ поэмъ „Vert-Vert“, „le Lutrin“, трагедіи „Edouard III“ (1740 г.), комедій „Sidney“ (1745), передѣланной Фонвизинымъ въ „Коріона“ и „Le Méchant“ (1747). Послѣдняя пьеса была уже переведена на русскій яз. Н. И. Свѣчинымъ въ 1817 г. подъ названіемъ „Злой“.

слова, а послѣ представленія вѣроятно проповѣдывалъ это молодымъ людямъ, которые посѣщаютъ его по вечерамъ, но въ печатной критикѣ объ холодности нѣтъ ни слова, а рецензентъ нападаетъ на планъ и стихотворство; притомъ замѣтьте хорошенько слогъ, и вы узнаете Ювенала; мнѣ кажется что въ немъ также трудно ошибиться какъ и въ Марлинскомъ. Сожалѣю весьма объ глубокомъ униженіи Олина въ его журналѣ, и если такъ, онъ мнѣ не нуженъ; а вмѣсто журнала буду просить Васъ, умница Николай Ивановичъ, извѣщать меня о новостяхъ по словесности, но Вы (не въ гнѣвъ буди сказано) немножко черезъ чуръ лѣнивы отъ природы. Благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ по ученой части, я увѣренъ что онъ справедливъ, но тѣмъ лишь болѣе подкрѣпляетъ меня въ томъ мнѣніи что наши физики наврали; ибо положимъ что они бы жили на такъ называемомъ южномъ полушаріи земли, имъ бы не пришлось сказать, что зимой земля ближе къ солнцу, ибо тамъ она дальше; а чтобъ продлить разговоръ, еще вопросъ: лучи солнечные равно падаютъ въ продолженіи сутокъ на весь шаръ, отъ чего же на мысѣ доброй Надѣжды холодно, когда они падаютъ прямо, а тепло, когда вкось? Теперь мнѣ въ деревнѣ не скучно: вотъ около мѣсяца какъ у меня гоститъ прелюбезный человѣкъ, князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ; но онъ вскорѣ сбирается домой, а я опять останусь почти одинъ. Страхъ хочется возвратиться въ Петербургъ, но прежде заключенія винныхъ контрактовъ мнѣ не льзя въ путь пуститься, а когда они будутъ вѣсть богъ и Вицъ-губернаторъ. Мой усердный поклонъ Петру Николаевичу, я часто вспоминаю его день суботный. Андрей Андреевичъ меня кажется забылъ: напомните ему обо мнѣ. Прощайте, любезнѣйшій, до свиданія, или лучше сказать до перьваго вашего письма, я тогда съ вами хоть мысленно увижусь. Напишите отъ скуки словечко о театрѣ, буде вы его посѣщаете, и о моемъ ех-ученикѣ [1]).

Искренно почитающій Васъ

Павелъ Катенинъ.

4.

30 іюля 1821 г. Шаево.

Требованіе ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы я сдѣлалъ и сообщилъ вамъ замѣчанія на антикритику противъ *Г-на Z*, показалось мнѣ съ начала и теперь еще кажется затруднительнымъ. Мое дѣло настоящее благодарить Васъ, а не пересуживать, а сверьхъ

---

[1]) Василій Андреевичъ Каратыгинъ, знаменитый трагикъ р., 1802 г. ум. въ 1853 г.

того въ собственномъ дѣлѣ мнѣ легче другаго ошибиться. Не смотря на всѣ эти препятствія, а имѣя болѣе въ виду сдѣлать вамъ угодное, увѣренъ будучи притомъ что пріятель меня наскоро не осудитъ, я рѣшилъ васъ удовлетворить, и съ нѣмецкою точностью скажу вамъ все что я могъ замѣтить. Я начну съ разбора самой комедіи, какъ съ вѣщи маловажной, а тамъ и далѣе доберемся. Жаль точно что вы не имѣли Сплетней передъ глазами: вы бы тогда сильнѣе могли доказать *Z* какъ велики перемѣны сдѣланныя мною противъ Грессета: вы упоминаете объ одномъ явленіи новомъ въ началѣ 2-го дѣйствія, но ихъ гораздо болѣе. Ссора и мировая любовниковъ въ присутствіи Игорева и служанки, входъ матери въ самую рѣшительную минуту, общій испугъ, допросъ служанки, на которомъ основана развязка, все это принадлежитъ мнѣ. Правда, что у Грессета совѣтуетъ Лизета барынѣ подслушать, но посмотрите какъ оно тамъ неискусно, ни съ чего взялось и ни къ чему не ведетъ. Перемѣна еще гораздо важнѣйшая въ свойствахъ и характерахъ лицъ. Варягинъ имѣетъ рѣзкую физіономію, Жеронтъ вялъ и даже сбитъ; Крашнева вовсе не похожа на дуру Флоризу; Лидинъ молодъ и вѣтренъ, но не такъ пустъ, какъ Валеръ, которому по перемѣннамъ Клеонъ и Аристъ читаютъ длинныя поученія, а онъ съ благоговѣніемъ слушаетъ; Настенька выиграла больше всѣхъ: въ ней виденъ и умъ и чувство и самолюбіе и нѣкоторое кокетство безъ котораго врядъ ли живутъ хорошенькія дѣвушки, Хлоя же просто кукла подобная Олинькѣ Липецкихъ Водъ, [1]) и какъ бы оправдываетъ злую насмѣшку Клеона la faute en est aux dieux qui la firent si bête [2]); а это по моему большой недостатокъ . Клеонъ долженъ быть лжецъ и клеветникъ, а не правдивый человѣкъ, и можно ли участвовать въ замужествѣ дурочки? Объ Игоревѣ вы сами замѣтили очень справедливо, объ Аннушкѣ также. Крашнева и въ умѣ не имѣла сочинять комедію, а ей вздумалось *отъ скуки всѣхъ на смѣхъ описать*, тоесть сдѣлать родъ пасквиля. Эта мысль пришла мнѣ отъ того что при Екатеринѣ одна женщина живущая въ большомъ свѣтѣ, кажется, Турчанинова, съ помощью князя Егора Голицина, точно сочинила нѣчто такое на всѣхъ придворныхъ, и была даже за это правительствомъ выслана изъ города [3]); моя Крашнева имѣетъ *страсть*

---

[1]) „Урокъ кокеткамъ или Липецкія Воды" комедія въ 5 дѣйств. кн. А. А. Шаховскаго, предоставл. въ 1-й разъ на Петерб. Мал. театрѣ 23-го сент. 1815 г. и надѣлавшая въ свое время много шума, благодаря насмѣшкамъ надъ Жуковскимъ въ лицѣ Фіалкина.

[2]) „Вина въ томъ боговъ, которые ее сотворили столь глупою".

[3]) „Сплетни" I д. явл. 4. О случаѣ съ Турчаниновой упоминается въ примѣчаніяхъ къ статьѣ кн. Н. Голицына „Современныя извѣстія о Радищевѣ"

чѣмъ то въ свѣтѣ быть, претензіи на умъ, на знанье, смѣется надъ женщинами которыя не могутъ написать безъ ошибокъ двухъ строкъ, стало нѣтъ ничего мудренаго, что она затѣваетъ этотъ *вздоръ* (какъ говоритъ Зельскій), но не умѣя писать стиховъ хочетъ попросить *кого-нибудь изъ молодыхъ*. Анекдотъ объ тузѣ съѣденномъ [1]) вѣщь извѣстная: это было во дворцѣ въ присутствіи Елизаветы Петровны, и съ тѣхъ поръ запретили при дворѣ играть въ кензъ, квиндичъ [2]) или пятьнадцать. О французскомъ языкѣ нѣтъ ни слова въ обыкновенномъ тонѣ нашихъ комедій. Замѣтьте что Крашнева осуждаетъ: французское, *и то плохое* лепетанье; она смѣется что говоря безпрестанно этимъ языкомъ, говорятъ дурно, а доселѣ всѣ жаловались, что говорятъ слишкомъ хорошо. Стихъ же Аннушки: *Да по французски съ ней случается ему часъ битый говорить* [3]), вовсе не критика и не острота, а просто отговорка служанки, что она не могла *понять всего*, когда барыня требуетъ отъ нее ясныхъ доказательствъ. *Наливка* [4]) есть черта характера Варягина, онъ усердный хозяинъ, хвастаетъ всѣми своими трудами, домомъ, селомъ, заводами и наливкой при случаѣ. Il ne vous fera pas grace d'une laitue [5]). За *пару внучатъ* [6]) я стою горою и противъ Г-на Z и

въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1858 г. № 23 стр. 734—735: „въ 80-ыхъ годахъ (18 в.), когда стали появляться при дворѣ каррикатуры и памфлеты на разныя лица, Шешковскій былъ назначенъ слѣдователемъ; особенно пострадали при этомъ Елизавета Петровна Дивова и Анна Алексѣевна Турчанинова, извѣстная своимъ остроуміемъ и любезностью (рожд. граф. Эльмптъ, дочь фельдмаршала); она писала много на русскомъ и французскомъ языкахъ (между прочимъ Mémoires de M-me Tourtschaninoff, née comtesse d'Elmpt. Berlin 1816 in 4⁰) „Тутъ произошло смѣшеніе двухъ Турчаниновыхъ; одна изъ нихъ Софья Ивановна, дочь гр. Ив. Кар. Эльмптъ, и Анна Александр. (дѣвица) авторъ многочисленныхъ произведеній. Л. Н. Энгельгардтъ въ своихъ „Запискахъ“ (1766—1836 г.). М. изд. Русскаго Архива 1867 г. стр. 58, разсказывая о томъ же случаѣ, называетъ въ числѣ авторовъ „пасквиля“ фрейлину Эльмптъ, которую, по его словамъ, „высѣкли розгами“ и отправили затѣмъ къ отцу въ Лифляндію.

[1]) „Сплетни“ д. II явл. 1. М. И. Пыляевъ (Старое житье, Очерки и Разсказы. Спб. 1897, стр. 29) относитъ этотъ анекдотъ къ Екатерининскому времени. Одинъ изъ вельможъ, разсказываетъ онъ, „играя въ присутствіи самой Екатерины и почти всего двора, чуть ли не съ Прусскимъ Королемъ, и видя неминуемую гибель всего своего огромнаго состоянія, принужденъ былъ съѣсть пиковаго короля, чтобы только игра эта считалась неправильной“.

[2]) Т. е. квинтичъ, который по словамъ г. Пыляева, входитъ въ моду уже въ царствованіи Анны Іоанновны.

[3]) „Сплетни“ д. III явл. 3.

[4]) Д. I явл. 10.

[5]) Онъ ничего не пропуститъ.

[6]) „Сплетни“ посл. явл.

даже противъ васъ, почтенный Николай Ивановичъ. Рукоплесканія публики, которая часто радуется глупостямъ, особенно жирнымъ, предубѣдила васъ; но я увѣренъ что всякій старикъ *бездѣтной, холостой*, который только и трудился что о свадьбѣ своей любимой племянницы, достигнувъ своей цѣли, обрадованъ щастливымъ окончаніемъ, пожелаетъ этаго и даже скажетъ: мнѣ кажется, это сама натура, или какъ говорятъ французы: c'est une naiveté de vieillard [1]). Дополнивъ, такимъ образомъ своими извиненіями все сказанное вами въ защиту моей комедіи, скажу вамъ теперь свою мысль о тонѣ вашей антикритики вообще. Онъ очень хорошъ въ разсужденіи Хмѣльницкаго, журналистовъ *и проч.* Все дѣльно, умно, твердо и хорошо сказано. Не стоитъ замѣчанія мѣлочная ошибка въ имени Дюсисовой трагедіи, которая называется не Oedipe à Colonne, но Oedipe chez Admète [2]), ибо Дюсисъ изъ Аѳинъ или Колоны перенесъ мѣсто дѣйствія въ Ѳессалію и смѣшалъ въ одно исторіи Эдипа и Альцеста; въ другомъ мѣстѣ ошибкою же вмѣсто Клеона поставленъ Аристъ: я вамъ говорю объ этихъ бездѣлицахъ единственно для того чтобы предувѣдомить васъ, буде какой Марлинскій вздумаетъ за это придраться.

Но теперь я придерусь, и скажу вамъ откровенно что меня даже нѣсколько огорчаетъ: та же робость, которая не позволила вамъ подписать своего имени подъ сужденіемъ, которое вамъ ничего кромѣ чести принести не можетъ связала васъ нѣсколько даже въ изложеніи вашихъ мыслей. Зачѣмъ не вступиться сильнѣе? не доказать (что было легко) странность и неблагопристойность нападеній на меня, и *на меня одного изъ всѣхъ*? не сказать рѣшительно своего мнѣнія о достоинствѣ комедіи, если вы его находите? не подкрѣпить этого мнѣнія разборомъ ея плана и характеровъ? не выписать ни одного стиха къ доказательству, что есть хорошіе? не обличить вполнѣ ненависти людей, которые то бранятъ безъ толку, то съ намѣреніемъ молчатъ? (объ Есѳири [3]) С. О. полгода не извѣщалъ даже публики въ библіографіи, потомъ выдумалъ *грозное письмо* [4]) обѣщалъ разборъ и не сдержалъ слова, а черезъ три года

---

[1]) „Это наивность старика“.

[2]) Трагедія Дюсиса (Jean François Ducis р. 1733 ум. 1816) „Oedipe chez Admète“ была представлена въ 1-й разъ въ Théatre Français 4-го декабря 1778 г. Впослѣдствіи Дюсисъ написалъ еще трехактную трагедію „Oedipe à Colonne“, представ. въ 1797 г.

[3]) „Эсѳирь“ трагедія, изъ Священнаго Писанія, соч. Расина, пер. съ франц. Павелъ Катенинъ, СПб. 1816 г., предст. въ 1-й разъ 3-го мая 1816 г.

[4]) „Въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г. ч. 33-я № 52 стр. 278, въ отдѣлѣ „Современная Библіографія“ было напечатано: „издатель отлагалъ до сего вре-

напечаталъ Бестужева; въ перечени стихотворцевъ въ нынѣшнемъ году всѣ сочтены отъ Кедра до Исопа, а меня нѣтъ въ живыхъ [1]). Наконецъ, зачѣмъ кончить какъ бы ретирадой, что ваше намѣреніе было *единственно* отвѣчать *Г-ну Z*, и потому вы не имѣете нужды далѣе говорить о комедіи Сплетни? Однимъ словомъ, зачѣмъ и сочиненію и сочинителю не отдать нѣсколько справедливости? Чего бояться? Что скажутъ: пріятель писалъ? то же скажутъ и теперь: у насъ вообще слишкомъ мало людей въ состояніи писать порядочно, чтобъ не догадались. И какая же бѣда? развѣ стыдно быть пріятелемъ честнаго человѣка? или защищать его въ правомъ дѣлѣ? чѣмъ выигрываетъ Арзамасъ? тѣмъ, что они смѣло стоятъ другъ за друга. Если мы хотимъ, чтобъ наше мнѣніе имѣло вѣсъ, мы должны говорить его прямо и твердо; пусть знаютъ, что *есть* люди умные, которые не хотятъ въ словесности принимать законовъ отъ шайки глупой; что они молчатъ не отъ робости, а отъ скромности, но что когда имъ вздумается слово молвить, то оно будетъ твердо и справедливо. Вотъ, почтенный Николай Ивановичъ, все, что я имѣлъ вамъ сказать; если ко всему этому я прибавлю, что изъ нашихъ рецензій я ничего давно не видѣлъ, чтобы къ сравненію годилось, это вамъ мало польститъ; но я вамъ скажу болѣе, и тоже не новость, вы имѣете несомнѣнный талантъ критика, здравый умъ, примѣрный

мени сужденіе своё о семъ переводѣ, полагая, что о немъ не можно говорить *наскоро*, но на сихъ дняхъ получилъ *грозное письмо*, въ которомъ жалуются на его медленность и требуютъ, чтобы онъ помѣстилъ разсмотрѣніе перевода „Эсѳири“. Сіе будетъ исполнено въ первыхъ книжкахъ будущаго года“.

Приведенныя строки вызвали заявленіе Катенина, появившееся въ 12 № „Сына Отечества“ 1817 (ч. 35) и въ которомъ послѣдній просилъ Н. И. Греча объяснить, кто именно писалъ ему по поводу „Эсѳири“, ибо замѣчалъ онъ „изъ двухсмысленныхъ словъ вашего объявленія многіе могутъ подумать, что я самъ тотъ грозный писатель“. Въ отвѣтъ на это заявленіе издатель напечаталъ въ той же книжкѣ журнала „грозное письмо“, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что „ознакомленіе съ этимъ посланіемъ“, которое „приличнѣе было бы назвать смѣшнымъ, лучше всего докажетъ читателямъ, что оно написано не самимъ г. переводчикомъ „Эсѳири“.

Рѣзкая и полная ѣдкой ироніи критическая статья А. Бестужева о переводѣ Катенина появилась въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г. ч. 51 № 5 стр. 107—123.

[1]) Катенинъ имѣетъ въ виду статью В. С. о Россійскомъ театрѣ (№№ 41, 42 С. О. 1820), а также „Историческое и критическое обозрѣніе Россійскихъ журналовъ, выходившихъ въ свѣтъ въ 1820 г.“ (С. О. 1821 ч. 67 № 1, 2, 3, 4, и ч. 68 № 12), въ которыхъ дѣйствительно перечислены всѣ болѣе или менѣе извѣстные драматическіе писатели и стихотворцы, за исключеніемъ Катенина.

порядокъ въ ходѣ мыслей, ясность и чистоту слога большую: прикиньте болѣе увѣренности въ самомъ себѣ, и вы точно сдѣлаетесь нашимъ Ginguené [1]); вы же безпрестанно увеличиваете свои познанія ученіемъ, не ужели захотите, чтобъ оно послужило въ пользу вамъ однимъ? Не подумайте, чтобъ я медомъ привѣтствій хотѣлъ усладить мои укоризны, нѣтъ, я и тамъ и здѣсь говорю правду, какъ пріятели другъ другу обязаны говорить. Впрочемъ, я надѣюсь первый шагъ ступленъ, лишняя скромность пройдетъ, и вы, наконецъ, осмѣлитесь стать на свое мѣсто. Разстройство дѣлъ и отъѣздъ Петра Николаевича меня очень огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что я самъ вскорѣ сбираюсь въ Петербургъ; отъ всего сердца желаю ему скораго переворота и успѣха. Сдѣлайте одолженіе, милый Николай Ивановичъ, простите, если я что сказалъ не такъ, разтолкуйте мнѣ въ чемъ я обманулся (жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта) и будьте увѣрены, что я во-перьвыхъ вамъ отмѣнно благодаренъ, а во-вторыхъ, вполнѣ знаю вамъ цѣну.

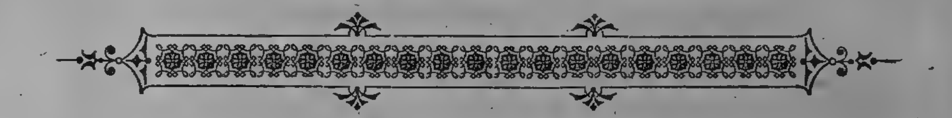
Остаюсь искренно приверженный къ вамъ слуга

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

[1]) Pierre-Louis Ginguené р. 1748 ум. 1816 г., извѣстный франц. критикъ, авторъ труда „l'Histoire littéraire d'Italie". Paris 1811—1824 (9 voi in 8).

По поводу статьи А. Н. Витмера „К. В. Левицкій“ [1]).

А. Н. Витмеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о К. В. Левицкомъ (февральскій №, стр. 360—362) говоритъ, что Гурко былъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ: что „благодаря Левицкому“, онъ „получилъ начальство надъ нашимъ рейдомъ за Балканы, а вскорѣ надъ гвардейскимъ корпусомъ и кончилъ кампанію, какъ командующій арміей“.

Я считаю долгомъ рѣшительно опровергнуть это. Гурко настолько выдѣлялся изъ ряда, какъ командиръ л.-гв. конно-гренадерскаго полка, что покойный Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій выдвинулъ его прямо въ начальники 2-й Гвард. кав. дивизіи. Это было по крайней мѣрѣ за годъ до объявленія мобилизаціи, т. е. за два года до начала войны.

Левицкій отъ него же принялъ л.-гв. конно-гренадерскій полкъ, но ненадолго, ибо весною 1876 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Пет. в. о., а осенью того же года— помощникомъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

Великій Князь Николай Николаевичъ, задумавъ первый забалканскій походъ, избралъ Гурко начальникомъ передового отряда самъ и лично испросилъ Высочайшее соизволеніе на вызовъ его въ армію. Великій Князь слишкомъ высоко цѣнилъ Гурко, чтобъ нуждаться въ подсказкѣ Левицкаго.

---

[1]) Эта статья препровождена при письмѣ на имя редактора.

Ред.

Своимъ дальнѣйшимъ возвышеніемъ Гурко обязанъ исключительно самому себѣ: такъ блистательно онъ заявилъ себя въ первомъ забалканскомъ походѣ.

А. Н. Витмеръ ошибается также, говоря, что „выдвигая Гурко (?!), Левицкій совсѣмъ оставлялъ въ тѣни Скобелева“.

Левицкій тутъ совершенно ни при чемъ. Скобелевъ былъ въ опалѣ у Государя (за что — не знаю) и только этимъ и объясняется, что ему до переправы не давали никакого назначенія. Какъ свиты Его Величества генералъ, онъ долженъ былъ бы находиться въ составѣ Императорской Главной квартиры, но графъ Адлербергъ не счелъ возможнымъ испросить на это Высочайшее соизволеніе, хотя самъ очень къ нему благоволилъ и состоялъ съ нимъ въ близкомъ родствѣ [1]).

Великій Князь главнокомандующій, въ виду отсутствія генеральскихъ вакансій въ арміи, взялъ Скобелева въ свое распоряженіе и назначилъ состоять при Кавказской казачьей бригадѣ, которою командовалъ его отецъ. Начальникомъ штаба Скобелевъ оффиціально не былъ, да по своему чину и не могъ быть. Передъ Систовскою переправою онъ отпросился у отца въ распоряженіе начальника 14-й пѣх. дивизіи Драгомирова, въ „ординарцы“ къ нему, какъ онъ шутя говорилъ самъ.

Послѣ удачной переправы Драгомировъ усиленно подчеркнулъ боевыя заслуги Скобелева какъ въ реляціи, такъ и въ устныхъ докладахъ Великому Князю и Государю. Это я слышалъ собственными ушами.

Благодаря этому, Государь положилъ гнѣвъ на милость: опала съ Скобелева была снята, путь къ заслуженному возвышенію открытъ.

Не могу также оставить безъ опроверженія слѣдующее мѣсто воспоминаній А. Н. Витмера:

„Скобелевъ, однако, какъ человѣкъ умный и ловкій, успѣлъ завоевать и Казиміра: когда Государь, послѣ сдачи Плевны, пожаловалъ Левицкому георгіевскій крестъ, Скобелевъ снялъ свой, обмѣнялся крестами съ недавнимъ врагомъ и вскорѣ они перешли на ты“.

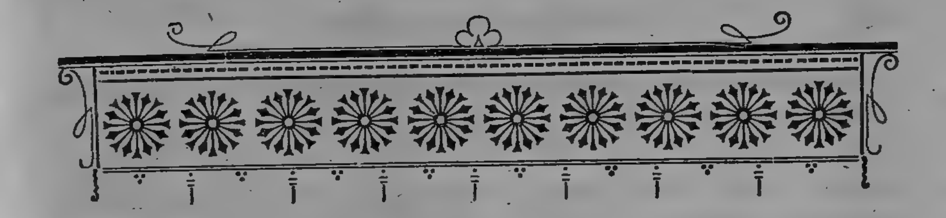
Я, прожившій съ Левицкимъ въ одной палаткѣ всю кампанію, положительно удостовѣряю, что между нимъ и Скобелевымъ не только не было никакой вражды, но существовали самыя друже-

[1]) Графиня Адлербергъ и мать Скобелева—были родныя сестры.

любныя отношенія. За все время Плевненскаго сидѣнья, Скобелевъ, въ каждый свой пріѣздъ въ главную квартиру, всегда заходилъ къ намъ и подолгу у насъ сидѣлъ. Обмѣнъ крестами былъ со стороны Скобелева тонкимъ знакомъ сочувствія и дорогого для Левицкаго вниманія. Скобелевъ въ Левицкомъ не нуждался: вліяніе послѣдняго на дѣла, послѣ августовскихъ Плевненскихъ дней, свелось почти къ нулю.

М. Газенкампфъ.

Наброски изъ моей жизни[1].

Покончивъ съ Академіею и оставшись на службѣ при главномъ штабѣ, приходилось позаботиться о своемъ матеріальномъ положеніи, ибо для жизни въ Петербургѣ одного казеннаго содержанія не хватало. Первая услуга въ этомъ отношеніи мнѣ оказана была моимъ двоюроднымъ братомъ П. А. Фроловымъ, бывшимъ сотрудникомъ „С.-Пб. Вѣдомостей", издававшихся въ то время при Академіи Наукъ Ампліемъ Николаевичемъ Очкинымъ. Введенный въ домъ этого почтеннаго и весьма образованнаго семейства, въ которомъ я нашелъ самый радушный пріемъ, я въ первый разъ въ жизни прикоснулся къ журнальному дѣлу, доставляя въ редакцію кое-какія мелочи. Но здѣсь меня не столько привлекала работа, сколько желаніе пользоваться гостепріимствомъ хозяевъ и бесѣдою съ ними и ихъ гостями, среди которыхъ я многое могъ узнать и услышать весьма полезнаго для моего знанія и опыта.

Вслѣдъ за тѣмъ тотъ же П. А. Фроловъ, бывшій также сотрудникомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" А. А. Краевскаго, уѣзжая по временамъ изъ Петербурга, рекомендовалъ меня Краевскому и Дудышкину какъ своего замѣстителя по отдѣлу „Современная Хроника Россіи". Но въ одинъ прекрасный день Краевскій заявилъ, что онъ пріобрѣлъ тогдашнюю знаменитость. Знаменитость эта проявилась въ лицѣ жандармскаго штабъ-офицера, корреспондента А. И. Герцена и вѣроятно и разныхъ другихъ корреспондентовъ. Впослѣд-

---

1) См. „Русскую Старину" мартъ 1910 г.

ствіи этотъ новый сотрудникъ былъ губернаторомъ въ одной изъ привислянскихъ губерній.

Въ 1867 году гвардейское начальство, по примѣру существовавшаго въ то время „Морского Сборника", вздумало издавать для сухопутной арміи „Военный Сборникъ". Редакторомъ этого журнала выбрали двухъ военныхъ и одного штатскаго; военные были: Обручевъ и Аничковъ, а штатскій—Чернышевскій. „Морской Сборникъ", вдохновляемый своимъ генералъ-адмираломъ, тотчасъ же выступилъ со статьями, которыя шли въ разрѣзъ съ существовавшими въ то время цензурными условіями.

Статьи Пирогова о воспитаніи, и другія о службѣ вообще, о порядкахъ, существовавшихъ въ то время въ отношеніяхъ между служащими, и другія, по языку, формамъ изложенія и по содержанію были совершенно новы. Все, что дала въ результатѣ плачевнаго крымская кампанія, осуждалось безусловно. Словомъ, можно сказать, что нынѣшнее поколѣніе послѣ японской войны переживаетъ то же, что переживали въ свое время и мы; тѣ же сотни всякихъ комитетовъ, тѣ же массы сочиненій и брошюръ по всѣмъ возможнымъ вопросамъ, тѣ же интриги и въ результатѣ ничего. Вся разница въ періодъ времени отъ крымской кампаніи до японской войны, въ періодъ отъ 1853 до 1902 г., т. е. въ теченіе почти полувѣка состояла въ томъ, что въ первую кампанію мы дрались палками, а во вторую ружьями, во всемъ прочемъ мы остались тѣми же, чѣмъ были и прежде.

Сколько ни говорилось въ то время о необходимости гуманнаго обращенія съ подчиненными; сколько ни писалось статей съ прозрачными намеками на то или другое лицо, безцеремонно обращавшееся съ подчиненными, все это не имѣло никакого вліянія на начальствующихъ. Они и послѣ японской войны, чѣмъ выше стоятъ, тѣмъ чувствительнѣе стараются задѣть самолюбіе своего подчиненнаго, разнося его при нижнихъ чинахъ, внушая черезъ то послѣднимъ все ничтожество самыхъ близкихъ къ нижнимъ чинамъ начальниковъ. Странно, что люди эти воображаютъ, что этимъ дикимъ способомъ они поддерживаютъ дисциплину, не подозрѣвая, что подрываютъ ее, унижая въ то же время свое личное достоинство.

Послѣ японской войны всѣ озабочены некомплектомъ офицеровъ, и, стараясь отыскать причину ихъ, находятъ нѣсколько, но неужели никому не приходитъ въ голову, что дурное, а иногда и дерзкое, обращеніе начальства не играетъ здѣсь извѣстной роли. Человѣкъ со средствами и самолюбіемъ конечно не захочетъ выслушивать

неприличныя колкости и уйдетъ въ отставку, а человѣкъ безъ собственныхъ средствъ будетъ искать ихъ на сторонѣ.

Отчасти обличительную роль принялъ на себя и новорожденный „Военный Сборникъ". Но это ему не удалось. Начальству тотчасъ же не понравилась принятая на себя „Военнымъ Сборникомъ" обличительная роль, и оно надулось. Хотя статьи журнала, въ которомъ участіе, какъ свой человѣкъ, принималъ и я, были невиннымъ лепетомъ младенца въ сравненіи съ нынѣшними статьями, тѣмъ не менѣе однако онѣ вооружили противъ себя большое число недовольныхъ. Къ числу ихъ прежде все должно отнести гвардейское начальство, которое увидѣло, что оно само создало себѣ не союзника, а врага; вести же полемику по разнымъ вопросамъ обличительнаго характера было бы и опасно и не достойно. Поэтому нужно было выдумать какое-нибудь средство и пріискать ловкаго союзника.

На помощь гвардейскому начальству явилось вдругъ два союзника, изъ которыхъ одинъ былъ военный цензоръ полковникъ Штюрмеръ, а другой генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Меньковъ. И вотъ эти два союзника немедленно открыли походъ на „Военный Сборникъ", лучше сказать на его редакцію.

Полковникъ Штюрмеръ окончилъ, какъ значилось въ его формулярѣ, Апликаціонную Школу въ Польшѣ, а затѣмъ послѣ 1831 года какимъ-то образомъ попалъ въ генеральный штабъ. Надо замѣтить, что это былъ безпощадный и ядовитый цензоръ. Его принципы въ цензурномъ отношеніи доходили до нелѣпости; иногда отъ его замѣчаній и поправокъ приходилось злиться, а иногда просто смѣяться. Онъ былъ очень не глупый человѣкъ и при замѣчаніяхъ своихъ всегда умѣлъ освѣтить авторскую мысль съ своей такъ сказать ехидной точки зрѣнія, иногда даже умышленно искажая смыслъ.

Мнѣ пришлось очень долго быть въ его тискахъ. Принявъ отъ Погосскаго журналъ для нижнихъ чиновъ „Досугъ и Дѣло", я для собственной безопасности не хлопоталъ объ изъятіи меня изъ подъ цензуры и терпѣлъ все время до самой его смерти. Даже въ то время, когда я уже былъ редакторомъ „Русскаго Инвалида", и когда моимъ единственнымъ цензоромъ былъ военный министръ, Штюрмеръ не переставалъ свои записочки передавать Дмитрію Алексѣевичу, указывая въ нихъ на тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, были не допустимы въ газетѣ. Интереснѣе всего было то, что иногда Штюрмеръ, не зная, что статья предварительно была представлена Министромъ Государю и для напечатанія разрѣшена имъ, находилъ ее неудобною для газеты. Такія записки Штюрмера

Дмитрій Алексѣевичъ передавалъ мнѣ съ улыбкою, не говоря ни слова.

Какъ ни горько, какъ ни оскорбительно было имѣть дѣло съ Штюрмеромъ, но я долженъ сказать, что съ умнымъ человѣкомъ все-таки легче сговориться, нежели съ невмѣняемымъ. Послѣдующій цензоръ довелъ меня до того, что я рѣшительно потребовалъ освобожденія отъ цензуры и получилъ требуемое.

Третьимъ союзникомъ гвардейскаго начальства былъ генералъ Меньковъ. Это былъ человѣкъ, котораго многіе считали очень умнымъ; въ дѣйствительности же это былъ не глупый, но очень практическій человѣкъ. Во время крымской кампаніи онъ былъ въ штабѣ князя Горчакова и велъ журналъ военныхъ дѣйствій; попутно онъ написалъ ѣдкую сатиру на нѣмцевъ подъ заглавіемъ „Нѣмцы на Дунаѣ“. Эта брошюра, изданная сначала за границею, затѣмъ, какъ запретный плодъ явившаяся въ Россіи, и создала славу Петра Кононовича Менькова. Замѣчательно, что онъ былъ со всѣми дѣйствительными аристократами и такъ называемыми, на ты, начиная съ графа Григорія Строганова. Исключеніе, какъ говорили, составлялъ графъ Шуваловъ. Однако злые языки увѣряли, что въ этомъ дружескомъ ты ничего не было истинно-дружескаго, а все было просто результатомъ ловкости Петра Кононовича и совершалось довольно искусно придуманнымъ способомъ. Говорили, что, познакомившись съ кѣмъ-либо изъ знатныхъ людей, онъ на первыхъ порахъ придумывалъ какой-нибудь предлогъ для маленькой ссоры болѣе или менѣе безобидной. Тогда въ это недоразумѣніе, по обыкновенію, вмѣшивались третьи лица, мирили противниковъ, и всѣ вмѣстѣ пили шампанское на брудершафтъ. Вѣрно это или нѣтъ, сказать не могу, но знаю хорошо, что не было человѣка, съ которымъ бы онъ не былъ въ показной дружбѣ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось быть въ Виленскомъ военномъ округѣ подъ начальствомъ генерала Аппполона Эрнестовича Циммермана, который приводилъ множество о немъ анекдотовъ, нѣкоторые изъ нихъ отличались необыкновенною рѣзкостью. Говоря однажды объ участіи Менькова въ сраженіи, Циммерманъ прервалъ меня словами:

— О какомъ сраженіи вы говорите. Ни въ какомъ сраженіи Меньковъ никогда не былъ.

— Однако онъ былъ контуженъ.

— Это было не въ сраженіи.

— А гдѣ же?

— Его ошпарилъ кипяткомъ поваръ на кухнѣ князя Горчакова.

Послѣ того я счелъ излишнимъ вести разговоръ о Меньковѣ.

И вотъ три союзника пошли въ походъ на „Военный Сборникъ", издаваемый по Высочайшему повелѣнію. Статьи въ „Русскомъ Инвалидѣ", подписанныя иниціалами П. К., а въ публикѣ именовавшіяся Покой Како, начали громить Сборникъ за либерализмъ, а Штюрмеръ въ цензурномъ комитетѣ сообщалъ, что это вредный органъ и притомъ опасный. Конечно, цѣль была достигнута, ибо чрезъ годъ или чрезъ два редакція была удалена, а редакторомъ былъ сдѣланъ тотъ же Петръ Кононовичъ Меньковъ [1]).

Потерявъ этотъ журнальный рынокъ, мнѣ пришлось искать заработка въ другихъ журналахъ, какъ „Русское Слово" и нѣкоторыхъ другихъ. Будучи въ это время въ Азіатскомъ отдѣленіи Главнаго Штаба и имѣя подъ рукою богатый матеріалъ, я помѣщалъ статьи въ журналахъ и издавалъ отдѣльными брошюрами, какъ-то: „Походъ Перовскаго въ Хиву", „Наши сосѣди въ Средней Азіи", „Осада Акъ-Мечети" и пр.

Все это до нѣкоторой степени увеличивало мои доходы, но въ то же время все это было довольно неопредѣленно, ибо зависѣло отъ свободнаго времени, количества и качества труда и журнальнаго требованія. Это заставило меня подумать о такомъ трудѣ, который былъ бы постояннымъ и опредѣленнымъ. Къ счастью въ это время оказалась свободною каѳедра тактики и военной исторіи сначала въ Дворянскомъ полку, а впослѣдствіи въ Пажескомъ корпусѣ.

Съ 60-хъ годовъ начались студенческіе безпорядки, а вмѣстѣ съ тѣмъ появились прокламаціи съ самыми разнообразными программами и заглавіями: тутъ были и „Черный Передѣлъ", и „Земля и Воля", и тысячи другихъ. Распространялись онѣ весьма разнообразно: иногда такое воззваніе доставлялось по городской почтѣ, другой разъ просто неизвѣстный звонилъ и чрезъ отворенную дверь передавалъ конвертъ съ прокламаціею, а чаще всего въ публичныхъ мѣстахъ вкладывались въ карманы верхняго платья. Я очень сожалѣю, что не сохранилъ ихъ для курьеза, ибо очень часто и на службѣ и въ частныхъ домахъ я въ карманахъ шинели находилъ иногда по нѣсколько экземпляровъ.

Всѣ эти прокламаціи были довольно однообразны. Въ нихъ говорилось, что крестьянская реформа не принесла никакой пользы крестьянамъ, что правительство ничего не понимаетъ, что оно глухо къ страданіямъ народа, что за дѣло должны приняться образованные люди, а если этого не случится, то дѣло это сдѣлаетъ самъ народъ. Въ одной изъ такихъ прокламацій было письмо къ Госу-

---

[1]) Впослѣдствіи тотъ же Меньковъ получилъ и „Русскій Инвалидъ".

*

дарю, въ которомъ требовалась конституція съ угрозою, что если желаніе это не будетъ исполнено, то не далѣе какъ въ 1863 г. поднимется самъ народъ.

Въ то же время изъ-за границы появился въ большомъ числѣ „Колоколъ“ и прокламація къ Молодому поколѣнію, гдѣ молодежь вызывалась на пропаганду и революціонное выступленіе. Замѣчательно, что дѣятели почти всѣхъ революціонныхъ кружковъ были раскрыты, а иниціаторъ кружка и листка „Великороссъ“ остается неизвѣстнымъ, а поплатился почти невинно В. А. Обручевъ, человѣкъ очень даровитый, окончившій военную академію и предназначавшійся для блестящей карьеры.

Г. Глинскій говоритъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, что прокламаціи печатались въ типографіи академіи генеральнаго штаба. Но это совершенно невѣрно, ибо при академіи генеральнаго штаба типографіи не существовало. Это такъ же невѣрно, какъ и портретъ Лаврова въ мундирѣ генеральнаго штаба, приложенный къ статьѣ того же г. Глинскаго.

Говоря объ участникахъ въ процессѣ Чернышевскаго, г. Глинскій говоритъ, что къ нимъ примыкали и нѣкоторые офицеры, вышедшіе въ періодъ времени съ 1857 по 1862 годъ изъ двухъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній—академіи генеральнаго штаба и артиллерійской академіи и позже погибшіе, преимущественно въ Царствѣ Польскомъ до и послѣ возстанія за сочувствіе къ польскому движенію.

Я ничего не могу сказать объ артиллерійскихъ офицерахъ, тѣмъ болѣе, что я никогда не видѣлъ ихъ въ домѣ Чернышевскихъ. Но что касается до офицеровъ генеральнаго штаба, то я могу съ точностью утверждать, что изъ нихъ только двое поплатились жизнью, изъ которыхъ одинъ былъ Жвирждовскій (Топоръ), а другой—Сѣраковскій (Доленго). Первый никогда не бывалъ у Чернышевскихъ, а Сѣраковскій бывалъ почти еженедѣльно.

Кромѣ меня бывали почти еженедѣльно у Чернышевскаго изъ офицеровъ генеральнаго штаба Н. Н. Обручевъ, впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба и членъ Государственнаго Совѣта, В. М. Аничковъ, А. И. Беренсъ, С. С. Рехневскій и Сѣраковскій; изъ лицъ не военныхъ бывали А. Д. Галаховъ и Добролюбовъ. На этихъ вечерахъ не было ничего сколько-нибудь похожаго на политическій кружокъ. Болѣе всего насъ привлекала прекрасная хозяйка, Ольга Сократовна, всегда веселая, гостепріимная и радушная. Конечно, были разговоры на злобы дня и конечно, не обходилось безъ того, чтобы не осуждали тогдашнія дѣйствія правительства. Но все это было далеко отъ того, чтобы обсуждать какіе-нибудь революціон-

ные планы. За отсутствіемъ карточной игры время проводилось въ разговорахъ, въ которыхъ Добролюбовъ блисталъ своимъ остроуміемъ, находчивостью и необыкновенною солью своихъ приговоровъ надъ дѣйствіями правительства. Самъ же Чернышевскій недолго оставался среди гостей; большую часть вечера онъ просиживалъ въ кабинетѣ за своею срочною работою въ „Современникѣ".

Вообще можно сказать, что между шестидесятыми и семидесятыми годами въ Россіи былъ полный сумбуръ. Волновались не только студенты, но даже цѣлыя сословія такъ или иначе выражали свое неудовольствіе. Первымъ выступило на сцену Тверское дворянство, обратившееся къ Государю съ прошеніемъ, въ которомъ прямо просило о созваніи Земскаго сбора, гласнаго и независимаго отъ администраціи суда; словомъ, оно прямо выражало желаніе получить конституцію.

Результатомъ этого былъ арестъ въ Петропавловской крѣпости и судъ надъ подписавшими адресъ.

Но помимо тверского адреса были подобныя же заявленія и изъ другихъ губерній.

Петербургское земство для расширенія правъ земства проектировало въ своемъ собраніи созывъ центральнаго со всей Россіи земскаго собранія. Проектъ этотъ возбудилъ противъ себя Валуева.

Земство на протестъ его отвѣчало жалобою въ Сенатъ. Тогда Валуевъ испросилъ Высочайшее повелѣніе пріостановить дѣйствія собранія и распустить его, графа Андрея Шувалова выслать за границу, а предсѣдателя губернской управы Крузе выслать изъ Петербурга въ Оренбургъ.

Собраніе это было довольно бурное, и на немъ говорилось свободно, при чемъ многіе изъ сановниковъ выражали свои идеи далеко не въ валуевскомъ духѣ.

Дѣйствія Валуева и графа Шувалова возмущали самыхъ мирныхъ людей и уже тогда слышались слова „такъ жить нельзя".

Въ этотъ періодъ времени поплатились Чернышевскій, Михайловъ, Шелгуновъ, Лавровъ и нѣкоторые другіе, и были закрыты „Современникъ", „Отечественныя Записки", „Русское Слово" и пр.

Одновременно былъ изъятъ изъ административной іерархіи даровитый и талантливый человѣкъ Н. А. Милютинъ, занимавшій постъ товарища министра, а на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Тимашевъ, все достоинство котораго состояло въ томъ, что онъ не дурно рисовалъ каррикатуры, удачно лѣпилъ

статуэтки и былъ элегантенъ въ своемъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ.

Смѣло можно сказать, что графъ Шуваловъ, Валуевъ и Тимашевъ совокупно съ ихъ наслѣдникомъ Потаповымъ употребили всѣ усилія, чтобы подорвать здоровыя силы Россіи и создать тѣ грустныя явленія, которыя переживаетъ настоящее поколѣніе.

Во время этого всеобщаго сумбура, когда съ одной стороны сыпались всякаго рода революціонныя прокламаціи, происходили судебные процессы, не всегда справедливые приговоры, какъ напримѣръ надъ Чернышевскимъ, а съ другой стороны шли разговоры о конституціи, о дворянскихъ и остзейскихъ притязаніяхъ на олигархическій ладъ, и появились на сценѣ видный и представительный Валуевъ, графъ Шуваловъ, князь Долгоруковъ и князь Суворовъ. Эти лица были тѣми дѣятелями интриги, которая свалила Муравьева; трубою же, повсюду разносившею всякія небылицы о Муравьевѣ, былъ добрѣйшій, но совершенно неспособный князь Суворовъ, любимецъ Александра II. Всѣ они не то полукатолики, не то полуправославные, но во всякомъ случаѣ не русскіе и при дворѣ и на всѣхъ перекресткахъ позорили Муравьева. Сами они, не получившіе русскаго воспитанія и образованія, дѣлали чуть не преступленія противъ Россіи, поощряя польскіе и остзейскіе замыслы и преслѣдуя малѣйшее проявленіе свободы.

Что же касается князя Суворова относительно его характера и поступковъ, никто не далъ ему столь рѣзкаго и справедливаго приговора, какъ князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ, описывая недостойное поведеніе его послѣ покушенія въ апрѣлѣ 1866 года.

Что касается Муравьева, то въ числѣ его доброжелателей были князь Горчаковъ, Д. А. Милютинъ и Зеленый, бывшій министромъ государственныхъ имуществъ.

Но кромѣ того, противъ Муравьева гремѣла иностранная пресса и заграничный герценовскій „Колоколъ“.

Дѣятельность Муравьева, однако, еще не кончилась. Въ 1866 году послѣдовалъ роковой каракозовскій выстрѣлъ, и Муравьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи.

Въ одно время съ прокламаціями начались студенческіе безпорядки. Сначала студенты довольствовались требованіемъ устройства своихъ собственныхъ дѣлъ. Все это началось внутри университетскихъ стѣнъ, а съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія Путятина университетъ вышло на улицу, очутившись лицомъ къ лицу съ полиціей и жандармами. Собравшись предварительно на сходку въ университетъ, студенты рѣшили, вопреки новыхъ правилъ, денегъ не платить, матрикулъ не брать и пр.

Тогда правительство рѣшило закрыть университетъ; а это, въ свою очередь, взволновало студентовъ, и они рѣшили толпою отправиться къ попечителю.

Можно себѣ представить, что изъ этого вышло; Петербургъ увидѣлъ невиданное дотолѣ зрѣлище. Надо замѣтить, что попечитель Филипсонъ жилъ на противоположномъ отъ университета концѣ города. И вотъ отъ Васильевскаго острова двинулась огромная толпа студентовъ, къ которой тотчасъ же начали присоединяться любопытные, постепенно увеличивавшіе ее. По мѣрѣ движенія шествія отъ университета чрезъ Васильевскій островъ, Дворцовую площадь, Морскую и Невскій проспектъ до Колокольной улицы толпа такъ увеличилась, что запрудила и прилегающія къ дому Путятина улицы. Но такъ какъ полиція уже знала о предстоящей демонстраціи, то вслѣдъ за толпою чинно слѣдовали подъ начальствомъ оберъ-полицеймейстера и генералъ-губернатора конная и пѣшая полиція. Можно было подумать, что жизни Филипсона угрожаетъ смертельная опасность, ибо тутъ же были и какія-то войска. Филипсонъ вышелъ, успѣлъ успокоить студентовъ и уговорилъ ихъ вернуться въ университетъ, и толпа студентовъ отправилась назадъ тѣмъ же путемъ. Хотя имъ обѣщана была безнаказанность, однако, нѣкоторые были арестованы, а потомъ и судимы.

Я коснулся этой исторіи только потому, что имя мое едва не было замѣшано въ нее. На другой или третій день я получилъ отъ своего начальника генералъ-квартирмейстера записку съ приглашеніемъ, слѣдующаго содержанія: „Генералъ-Квартирмейстеръ предлагаетъ вашему высокоблагородію прибыть къ нему завтра въ 11 часовъ.

Баронъ Ливенъ“.

Какъ ни проста и обыкновенна по своему содержанію была эта записка, однако, она меня очень обезпокоила, ибо всякое приглашеніе начальства, кромѣ приглашенія на чашку чая или на обѣдъ, на маленькаго подчиненнаго дѣйствуетъ очень не успокоительно. Зачѣмъ, думалъ я, я вдругъ понадобился такъ экстренно барону Ливену; вѣдь, завтра онъ и такъ бы меня увидѣлъ. Недоумѣніе мое и безпокойство мѣшало мнѣ спать, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ одиннадцати часовъ. Остзейскій баронъ Ливенъ былъ благороднѣйшій и добрѣйшей души человѣкъ, къ тому же онъ былъ самымъ ближайшимъ человѣкомъ къ Государю и, какъ говорили, дѣлалъ очень много добра.

— Любезный другъ, началъ баронъ. Онъ иначе никого не на-

зывалъ.—Любезный другъ, я васъ позвалъ по очень важному дѣлу.

При этихъ словахъ меня бросило въ холодный потъ. Время было страшное тогда; изъ каждаго пустяка при желаніи можно было создать уголовное дѣло; никто не могъ ручаться за себя. Неосторожное слово, мимолетная острота, далекій намекъ, часто влекли за собою непріятныя послѣдствія.

— Итакъ, мой другъ, продолжалъ баронъ Ливенъ, я требую, чтобы вы, какъ честный человѣкъ, отвѣчали мнѣ.

— Ваше Высокопревосходительство, даю честное слово.

Я стоялъ въ недоумѣніи.

— Это не вы вчера вели студентовъ къ Филипсону?

Гора свалилась съ моихъ плечъ. Только теперь я понялъ, въ чемъ дѣло, и отъ удовольствія готовъ былъ облобызать добрѣйшаго барона Ливена.

— Я, Ваше Высокопревосходительство, не только не велъ студентовъ, но вчера даже изъ дому не выходилъ. Да къ тому же, будучи военнымъ, какъ бы могъ я принимать участіе въ подобномъ дѣлѣ.

— Ну, я очень радъ, что это не вы.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи говорили, что видѣли Бибикова, нынѣ умершаго. Но можно смѣло сказать, что если Бибиковъ и былъ, то конечно въ толпѣ безучастнымъ зрителемъ оригинальнаго зрѣлища, а уже никакъ не предводителемъ. Подозрѣніе же на меня совершенно исчезло вслѣдствіе совершенно случайнаго обстоятельства. Это я узналъ отъ помощника барона Ливена—генерала А. А. Скалона. Баронъ Ливенъ занималъ квартиру въ двухъ этажахъ и, когда онъ бывалъ въ нижнемъ этажѣ, то хорошо видѣлъ проходящихъ мимо его оконъ, а въ томъ числѣ конечно и меня, почти ежедневно бывавшаго въ штабѣ. Когда между нимъ и Скалономъ шелъ разговоръ по поводу полученнаго изъ III-го отдѣленія свѣдѣнія объ офицерѣ генеральнаго штаба, бывшемъ въ толпѣ, и когда указанъ былъ блондинъ и не высокаго роста, одѣтымъ въ пальто, то подозрѣніе со стороны Скалона пало на меня.

— Нѣтъ, это не онъ, у него нѣтъ пальто, — возразилъ Ливенъ.

И дѣйствительно, въ то время у меня еще не было пальто, и я ходилъ въ шинели.

Тѣмъ и кончилась моя исторія.

Немедленно по окончаніи войны въ 1856 году, по Высочайшему повелѣнію, генералъ Тотлебенъ приступилъ къ составленію описанія

обороны Севастополя. Онъ прежде всего поручилъ инженеръ-подполковнику Хлѣбникову составить журналъ обороны, который былъ оконченъ въ 1856 году. Но слѣдующіе два года Тотлебенъ по болѣзни пробылъ за границею, чрезъ что составленіе описанія замедлилось. По возвращеніи изъ-за границы онъ нашелъ весьма основательно, что однихъ инженерныхъ работъ недостаточно, а необходимо описать всю оборону, которую вынесли на себѣ не одни инженерныя войска. Онъ находилъ, что такъ какъ въ оборонѣ Севастополя участвовали войска всѣхъ родовъ оружія, то необходимо болѣе или менѣе полное описаніе обороны. Поэтому въ 1859 году была составлена комиссія, на которую и была возложена эта работа.

Приглашеніе меня въ Тотлебенскую комиссію было для меня совершенно неожиданнымъ. Я въ это время былъ въ Азіатскомъ отдѣленіи Главнаго Штаба, а начальникомъ былъ полковникъ Романовскій. Хорошо знакомый съ моими работами, какъ служебными, такъ и частными, онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ этой работѣ. Однако, я согласился не съ разу. Съ одной стороны принимать живое участіе въ капитальной работѣ знаменитаго Тотлебена льстило моему самолюбію, а съ другой было опасеніе работать подъ руководствомъ и указаніемъ совершенно не знакомаго мнѣ по характеру человѣка. Въ концѣ концовъ я согласился и по приглашенію Тотлебена отправился къ нему на Васильевскій островъ, гдѣ онъ въ то время жилъ.

Встрѣтилъ меня Эдуардъ Ивановичъ весьма привѣтливо, бесѣдовалъ около часа, разсказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ обороны Севастополя и въ концѣ концовъ разсказалъ весьма интересный анекдотъ, бывшій съ нимъ въ Петербургѣ. Въ Инженерномъ Управленіи была модель Севастополя, которая составляла секретъ.

Хотя модель эта въ то время уже вовсе не походила на современный Севастополь, однако, когда Тотлебенъ захотѣлъ посмотрѣть модель, то долженъ былъ откуда-то получить разрѣшеніе.

Вообще Тотлебенъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе, и я былъ очень доволенъ, что согласился участвовать въ комиссіи, въ составъ которой вошли, кромѣ меня, слѣдующія лица: артиллеріи полковникъ К. Н. Шварцъ, инженеръ-подполковникъ М. М. Фроловъ, инженеръ-полковникъ Хлѣбниковъ и капитанъ А. П. Орда. Временами принимали участіе и нѣкоторые другіе въ томъ числѣ генеральнаго штаба А. И. Лаврентьевъ.

Но если я былъ доволенъ своимъ вступленіемъ въ коммиссію, то, въ продолженіе двухлѣтней работы въ ней, я неоднократно готовъ былъ отказаться отъ нея и при томъ не потому, чтобы былъ

недоволенъ самимъ Тотлебеномъ, а самымъ такъ сказать механизмомъ его работы. Будучи рѣшительнымъ героемъ въ дѣлѣ активной обороны Севастополя, онъ былъ самымъ нерѣшительнымъ въ работѣ: онъ твердо зналъ все, что только происходило по инженерной части, ибо въ этомъ дѣлѣ онъ былъ иниціаторомъ и руководителемъ всей обороны. Но какъ только выходило дѣло изъ инженерной сферы, онъ дѣлался весьма нерѣшительнымъ; изъ желанія быть добросовѣстнымъ въ справедливомъ изображеніи того или другого факта, онъ безпрестанно, можно сказать, мучился сомнѣніями. Чрезъ это работа съ нимъ была для меня весьма тяжела, тѣмъ болѣе, что изъ 25 главъ перваго тома 12 выпало на мою долю.

Дѣло обыкновенно происходило такимъ образомъ. По прочтеніи какой-нибудь главы Тотлебенъ былъ почти всегда доволенъ.—„Да, это очень хорошо“—говорилъ онъ и нѣсколько времени молчалъ. Затѣмъ, подумавъ немного, онъ начиналъ снова.

— Мнѣ помнится, говорилъ онъ, указывая на какой-нибудь фактъ, что это было не такъ; это послѣ сраженія мнѣ разсказывалъ самъ Даненбергъ.

— Но, Эдуардъ Ивановичъ, этимъ разсказомъ самъ Даненбергъ себѣ противорѣчитъ, какъ видно изъ его же донесенія.

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста обратите на это вниманіе, постарайтесь разъяснить это недоразумѣніе.

И вотъ цѣлую недѣлю употребляешь на провѣрку источниковъ, сводишь показанія разныхъ лицъ, передѣлываешь какія-нибудь мелкія подробности, не измѣняя сущности дѣла, и вновь со стороны Тотлебена возникаютъ какія-нибудь новыя недоразумѣнія. И такъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Это впрочемъ понятно, онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю оборону Севастополя, онъ всецѣло отдался инженерному искусству, и ему не было времени столь же зорко слѣдить за полевыми дѣйствіями войскъ, какъ за саперными работами. Если къ этому прибавить, что чуть не на другой день по окончаніи войны появились, какъ у насъ, такъ и за границею разныя сочиненія и брошюры объ этой войнѣ, то сомнѣнія Тотлебена и его нерѣшительность придти къ окончательному выводу объясняются легко. Въ заключеніе надо прибавить неполноту и безпорядочность нашихъ оффиціальныхъ свѣдѣній.

Вынося на своихъ плечахъ половину этой тяжелой работы, я долженъ добавить нѣсколько словъ о самомъ Тотлебенѣ.

О немъ говорили, что онъ въ душѣ нѣмецъ, протежируетъ только лицъ этого происхожденія и будто не благоволитъ русскимъ.

Но это очень несправедливо. Что онъ былъ нѣмецъ по происхожденію, конечно это было вѣрно, но чтобы онъ не благоволилъ

къ русскимъ и изъ своихъ подчиненныхъ выводилъ только нѣмцевъ, это не вѣрно. Въ теченіе трехлѣтняго короткаго съ нимъ знакомства я могъ вполнѣ убѣдиться, что въ душѣ онъ былъ вполнѣ русскимъ, искренно преданнымъ Государю и Россіи и никогда не думалъ, что можно служить Государю, но не Россіи; онъ никогда не раздѣлялъ убѣжденія одного, бывшаго русскимъ министромъ, который говорилъ, не стѣсняясь, что онъ служитъ великому князю Финляндіи, а отнюдь не Россіи.

Разсказывая различные эпизоды изъ обороны, онъ съ жаромъ приводилъ примѣры доблести нижнихъ чиновъ и самоотверженія офицеровъ, отдавая должную справедливость каждому, не взирая на національность. Словомъ, это былъ вполнѣ русскій человѣкъ. И если онъ носилъ нѣмецкую фамилію, то вѣроятно принадлежалъ къ тому роду Тотлебеновъ, одинъ изъ которыхъ также проливалъ за Россію кровь во время семилѣтней войны и былъ комендантомъ Берлина.

Если за трехлѣтній тяжелый мой трудъ я не былъ вознагражденъ ничѣмъ вещественнымъ, то за то я глубоко былъ признателенъ Тотлебену за то вниманіе и за тѣ хлопоты, которыя онъ оказалъ мнѣ. По окончаніи моего труда, онъ съ ходатайствомъ о награжденіи меня обратился разомъ въ два мѣста, изъ которыхъ одно адресовано было даже не по мѣсту моего служенія. Одно было адресовано на имя дежурнаго генерала главнаго штаба графа Ѳ. Л. Гейдена, а другое на имя моего непосредственнаго начальства— генералъ-квартирмейстера А. И. Веригина.

Письмо на имя Веригина было слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,
Александръ Ивановичъ!

Находящійся въ моемъ распоряженіи для занятій по составленію описанія обороны Севастополя капитанъ генеральнаго штаба Зыковъ принимаетъ живѣйшее участіе въ этомъ огромномъ трудѣ, а обширныя познанія и рѣдкія способности этого офицера приносятъ дѣлу существенную пользу.

Свидѣтельствуя предъ Вашимъ Превосходительствомъ о неутомимо полезной дѣятельности капитана Зыкова, я долгомъ считаю покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не оставить Вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ ходатайствомъ о производствѣ этого отличнѣйшаго офицера ко дню Св. Пасхи въ слѣдующій чинъ.

Къ сему обязываюсь присовокупить, что такъ какъ офицеръ этотъ по своимъ способностямъ незамѣнимъ при исполняемыхъ имъ нынѣ независимо отъ прямой своей обязанности, весьма многослож-

ныхъ, занятіяхъ, и какъ труды его рѣзко выходятъ изъ ряда обыкновенной служебной дѣятельности, то испрашиваемое ему повышеніе будетъ только справедливымъ вознагражденіемъ, и я вполнѣ убѣжденъ, что принесетъ особенную пользу для службы. Въ случаѣ, если по непредвидѣннымъ мною причинамъ Вы изволите признать невозможнымъ, то я убѣдительнѣйше прошу Ваше Превосходительство не назначать г. Зыкову другой награды, чтобы этимъ не лишить его права воспользоваться чиномъ въ будущемъ году.

Въ ожиданіи обязательнаго отвѣта покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ почтеніи и совершенной преданности, съ коимъ имѣю честь быть.

Вашего Превосходительства

Всепокорнѣйшій слуга,

Э. Тотлебенъ.

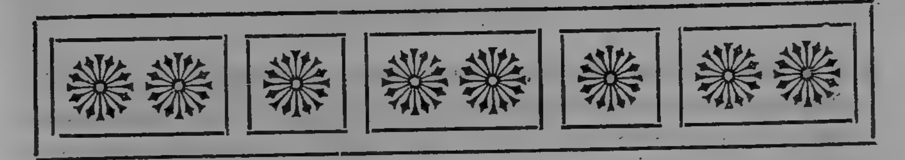
№ 1336.
20 марта 1862 года.

Точно того же содержанія письмо за № 1335 было адресовано и графу Гейдену [1].

С. П. Зыковъ.

[1] Оба письма по полученіи ихъ были переданы мнѣ Г. В. Мещериновымъ по приказанію А. И. Веригина. Оба они находятся у меня и нынѣ.

В. О. Ключевскій.

(Къ тридцатилѣтію его научно-преподавательской дѣятельности).

---

5 декабря минувшаго года Московскій университетъ и московское культурное общество праздновали тридцатилѣтіе научно-преподавательской дѣятельности Василія Осиповича Ключевскаго. Но имя это близко и дорого не одной только Москвѣ, вся грамотная и мыслящая Россія хорошо знаетъ и высоко чтитъ замѣчательнаго русскаго историка. Весьма трудно здѣсь, въ немногихъ строкахъ охарактеризовать значеніе научной дѣятельности и ученыхъ трудовъ Ключевскаго, тѣмъ болѣе это трудно, что приходится говорить о великомъ мастерѣ характеристикъ.

Глубокій ученый и тонкій аналитикъ, проникающій своимъ критическимъ скальпелемъ въ нѣдра первоисточника, Ключевскій является въ то же время блестящимъ синтетикомъ, увѣренно возводящимъ широкія и образныя построенія. Испытываешь глубочайшее наслажденіе, читая и перечитывая его труды въ такой яркой, изящной и доступной формѣ, но все время чувствуешь, что за великолѣпной внѣшней отдѣлкой таится глубокая внутренняя работа, непосредственное обслѣдованіе матеріала и скрупулезнѣйшія операціи надъ нимъ. И тѣмъ цѣннѣе построеніе, тѣмъ болѣе обвѣяно оно исторической атмосферой; на солидномъ и прочномъ фундаментѣ возводитъ Ключевскій свои блестящія, изобилующія архитектурными тонкостями и замысловатыми узорами, научныя зданія. Ученый изслѣдователь въ то же время мастеръ тончайшей, инкрустаціонной работы, гдѣ строгая пропорціональность формъ соотвѣтствуетъ красотѣ всего замысла. Уже въ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ проявляются эти отличительныя черты творчества Ключевскаго. И магистерская диссертація о житіяхъ святыхъ, какъ историческомъ источникѣ и особенно докторская диссертація, классическій, выдержавшій нѣсколько

изданій трудъ о боярской думѣ поражаютъ глубиной изслѣдовательскаго анализа и широтой эрудиціи, давая въ то же время прекрасное и ясное изложеніе. Книга о боярской думѣ является образцомъ изслѣдованія исторіи учрежденія на широкомъ соціально-историческомъ фонѣ; вся конкретная жизненная обстановка принята во вниманіе и основные этапы историческаго развитія боярской думы нарисованы яркими и сочными мазками. Тѣмъ же характеромъ отличаются и извѣстныя статьи Ключевскаго о земскихъ соборахъ и о происхожденіи крѣпостного права, печатавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ „Русской Мысли". Здѣсь опять оригинальное рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ, глубокія спеціальныя штудіи представлены были въ яркой конкретной формѣ. Особенно сказывается художественный талантъ Ключевскаго въ его рѣчахъ и этюдахъ историко-литературнаго характера; не даромъ его, академика по разряду *наукъ историко-филологическихъ*, Академія Наукъ почтила также избраніемъ въ почетные академики по разряду *изящной словесности*. Какъ живо и красочно представленъ культурной обиходъ Екатерининской Россіи съ ея поверхностнымъ, внѣшнимъ европеизмомъ и съ крупными непорядками у себя, на дому въ статьяхъ о „Недорослѣ" Фонвизина и о „Капитанской дочкѣ" Пушкина. Блестяще и тонко намѣчены историко-психологическія основы появленія героевъ типа Евгенія Онѣгина, установленъ ихъ генезисъ и разсмотрѣна родословная въ замѣчательной статьѣ „Евгеній Онѣгинъ и его предки". Къ сожалѣнію, осталась не напечатанной, но всѣ слышавшіе хорошо ее помнятъ, рѣчь Ключевскаго на Пушкинскихъ празднествахъ 1899 года на тему Пушкинъ и „Мѣдный Всадникъ". Наивысшаго развитія всѣ отличительныя стороны научной работы и литературнаго таланта Ключевскаго достигаютъ въ его, ставшемъ уже классическимъ, курсѣ русской исторіи. Давно уже, сначала въ плохихъ и неточныхъ литографированныхъ изданіяхъ, чаще всего безъ всякой редакціи автора, эти лекціи распространялись по всей Россіи и, несмотря на техническіе недостатки изданій, дѣлали свое великое дѣло, уча и воспитывая. Лишь совсѣмъ недавно самъ авторъ рѣшилъ выйти изъ узкой сферы своей университетской аудиторіи и дать читающей Россіи свой печатный курсъ. Теперь вышло уже четыре [1]) обширныхъ тома, подводящіе событія ко времени Екатерины II.

Одинаково цѣнны въ этомъ замѣчательномъ курсѣ какъ главы,

[1]) Четвертый томъ курса, посвященный всесторонней характеристикѣ времени Петра Великаго и эпохи дворцовыхъ переворотовъ, вышелъ въ свѣтъ послѣ написанія настоящей замѣтки, сильно запоздавшей напечатаніемъ.

трактующія о сложныхъ и спорныхъ проблемахъ соціальной исторіи и экономической эволюціи русскаго государства, такъ и образцовыя главы, посвященныя общимъ характеристикамъ эпохъ и историческихъ дѣятелей и вопросамъ духовно-культурнаго развитія общества: Говоритъ ли профессоръ о началѣ русскаго государства или о заселеніи Суздальщины, мастерски воспроизведя бытъ русскихъ поселенцевъ по пословицамъ, повѣствуетъ ли о грозныхъ временахъ опричнины, разбирается ли въ бурныхъ событіяхъ смутнаго времени или слѣдитъ за внутренней и внѣшней дѣятельностью первыхъ Романовыхъ—одинаково вездѣ силенъ авторъ и опредѣленно запоминаются, ярко предстоятъ выведенныя имъ положенія и построенія.

Разобравшись въ одной главѣ въ противорѣчивыхъ контроверзахъ какого-нибудь вопроса соціально-экономической исторіи, на слѣдующихъ страницахъ Ключевскій реконструируетъ картину культурнаго бытія былыхъ временъ. И подъ искуснымъ перомъ историка встаетъ сѣдая старина, облекается въ плоть и кровь, спадаютъ семь печатей и раскрываются заповѣдныя тайны и думы... Замыкаетъ третій томъ курса портретная галлерея дѣятелей XVII в., и каждый портретъ отличается яркостью красокъ и тонкой филигранной отдѣлкой. Проходитъ передъ нами и своеобразный вольнодумецъ кн. И. А. Хворостининъ, который „въ вѣрѣ пошатался и православную вѣру хулилъ, про святыхъ угодниковъ Божьихъ говорилъ хульныя слова“, и привлекательный образъ „тишайшаго“ Царя Алексѣя Михайловича, ставшаго на перепутьи отъ вѣковѣчныхъ устоевъ старины къ западнымъ реформамъ и фигура московскаго дипломата XVII вѣка, талантливаго министра иностранныхъ дѣлъ А. Л. Ордина-Нащокина. А какъ вся цѣликомъ выростаетъ царевна Софья въ этой краткой, но мѣткой характеристикѣ:

„Эта тучная и некрасивая полудѣвица съ большой неуклюжей головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту стыдомъ“. И много, много такихъ счастливыхъ и навсегда запоминающихся образныхъ выраженій и характеристикъ можно найти на протяженіи курса; но всѣхъ его достоинствъ не перечесть, всякому надо самому убѣдиться, самому ознакомиться.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки скажемъ о громадной научной и культурной роли Ключевскаго, какъ профессора Московскаго университета [1]). Глубокая ученость преподавателя привлекала

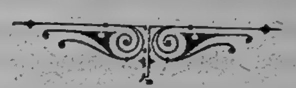
[1]) Въ ознаменованіе тридцатилѣтія научно-преподавательской дѣятельности В. О. Ключевскаго его учениками и почитателями выпущенъ обширный томъ статей въ честь его; статьи посвящены различнымъ вопросамъ всеобщей и русской исторіи и исторіи права.

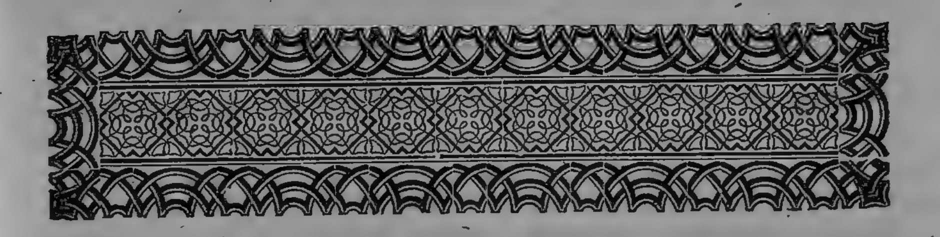
къ нему обширные кадры учениковъ, которые подъ его руководствомъ получали первое научное крещеніе, а затѣмъ уже разрабавали очередные вопросы русской исторіи. Можно сказать, что Ключевскій создалъ цѣлую „Московскую“ школу историковъ, насчитывающую уже не мало крупныхъ именъ; великой заслугой главы школы является направленіе интересовъ въ дѣло изученія проблемъ соціальной и хозяйственной исторіи XVI—XVIII вв. Но если много даетъ Ключевскій для спеціалистовъ, то не менѣе даютъ его лекціи и для общаго развитія. Студенты всѣхъ курсовъ, всѣхъ факультетовъ, различныхъ возрастовъ (а за послѣднее время и обоего пола) стекались въ большую словесную или въ богословскую аудиторіи перестроеннаго новаго зданія, чтобы послушать любимаго профессора. И жадно внимаетъ отзывчивая аудиторія мастерскому изложенію лектора, первокласснаго историка-художника.

Въ текущемъ академическомъ году тяжкое семейное горе и недугъ заставили Василія Осиповича оставить чтеніе лекцій въ университетѣ, но надо думать, что разлука эта будетъ непродолжительной, и что долго еще знаменитый историкъ будетъ служить гордостью и украшеніемъ родного университета.

И. Бороздинъ.

Москва.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I[1].

(Великій князь Николай Михаиловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

---

30 ноября 1815 года, Императрица Елисавета возвратилась, послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія, въ Петербургъ, куда она, во время своего пребыванія въ Баденѣ, неустанно стремилась душою, сознавая, что тутъ было ея настоящее мѣсто.

Подъѣзжая къ столицѣ, ее волновали самыя разнообразныя чувства.

„Россія и Петербургъ двѣ вещи разныя", писала она маркграфинѣ, дѣлясь съ нею своими чувствами, „сердце мое затрепетало при переѣздѣ границу, но, подъѣзжая къ Зимнему дворцу, оно замерло. Въ жизни все требуетъ компенсаціи: я была такъ счастлива послѣднее время, и это должно быть искуплено".

Первый моментъ по возвращеніи былъ пріятенъ, но очень скоро Государынѣ стало недоставать той „тихой, спокойной жизни, съ которой она свыклась за два года отсутствія изъ Петербурга" и хотя жизнь вошла въ прежнюю колею, но отпечатокъ грусти, навѣянный на нее разлукою съ близкими, не покидалъ ее всю зиму. Между тѣмъ зимній сезонъ былъ богатъ развлеченіями и празднествами, по случаю совершившихся въ январѣ и февралѣ 1816 г. бракосочетаній Великихъ Княгинь Екатерины Павловны и Анны Павловны.

Эти празднества совершенно не гармонировали съ настроеніемъ Государыни, и графиня Строганова, которой было извѣстно ея душевное состояніе, называетъ ихъ по отношенію къ ней „des fleurs au pied de la croix".

---

[1]) См. „Русскую Старину" мартъ 1910 г.

Въ то время Елисавету Алексѣевну тревожилъ переломъ, совершавшійся въ душевномъ состояніи ея супруга.

„Перемѣна, происшедшая въ Александрѣ I по возвращеніи изъ похода, была подмѣчена всѣми приближенными и даже иностранцами. Въ его характерѣ появились новыя, дотолѣ неизвѣстныя черты: явилась самоувѣренность, самонадѣянность, нелюбовь къ противорѣчіямъ и какая-то особая подозрительность ко всѣмъ и каждому, съ оттѣнкомъ презрѣнія къ человѣчеству вообще“.

Сложный душевный процессъ, явившійся послѣдствіемъ успѣховъ и побѣдъ, одержанныхъ Александромъ, и той роли, которую ему пришлось играть въ Европѣ, долженъ быть, въ значительной степени, приписанъ вліянію знаменитой г-жи Крюднеръ, съ которой Императоръ познакомился въ Гейдельбергѣ. Елисавета Алексѣевна не сочувствовала взглядамъ и теоріямъ, возъимѣвшимъ такое рѣшающее вліяніе на Императора, но, по своему обыкновенію, не пыталась вступить съ нимъ въ борьбу, а пассивно выжидала событій; между тѣмъ это мѣшало ея душевному спокойствію, и въ ея душѣ зрѣлъ планъ удалиться куда-нибудь отъ жизни, которая ничѣмъ не прельщала ее, въ которой она не была въ состояніи завоевать себѣ подобающее мѣсто и не могла отвоевать свою долю счастья.

„Впадая порою въ отчаяніе, она помышляла чуть ли не о разводѣ и находила утѣшеніе только въ мысляхъ о смерти; ко всему этому маленькая Лиза Голицына, дочь Натальи Ѳедоровны, стала хворать и въ декабрѣ 1816 г. умерла отъ дѣтской болѣзни. Этотъ ребенокъ, со смерти матери, въ теченіе девяти лѣтъ находился неотлучно при Государынѣ, которая оказывала ей особое вниманіе и всякія заботы, а во время болѣзни ухаживала за ней какъ самая заботливая мать и не оставляла ее до послѣдней минуты. „Это новое горе и ожившія воспоминанія о своей собственной „Лизинькѣ“ растравили старыя наболѣвшія раны, и все вмѣстѣ взятое вылилось въ новыхъ сѣтованіяхъ на свою несчастную судьбу и склоняло государыню къ новымъ безотраднымъ рѣшеніямъ.

„Надо отдать полную справедливость маркграфинѣ матери“, говоритъ августѣйшій біографъ Елисаветы Алексѣевны, „что она съумѣла, съ присущимъ ей здравымъ смысломъ, вернуть свою дочь на путь истины и вселить въ нее духъ бодрости, подобавшій ея положенію“.

„Не думаю, писала маркграфиня своей дочери, чтобы девизъ *терпѣніе* и *упованіе на Бога* остался навсегда твоимъ девизомъ. Я увѣрена, что все измѣнится. Но ради Бога, не дѣлай необдуманнаго шага (coup de tête), ибо, повѣрь мнѣ, вся вина падетъ на тебя“.

Мать не одобряла и стремленія Императрицы постоянно стушевываться, быть незамѣтной и писала, что „это можетъ дать людямъ, которые захотѣли бы этимъ воспользоваться, случай быть болѣе на виду. Этого повода имъ давать отнюдь не слѣдуетъ“. Отвѣчая на жалобы своей дочери, что ей не даютъ иногда подобающаго ей мѣста, маркграфиня говоритъ: „я бы отстаивала свои права, хотя бы это повело къ непріятнымъ объясненіямъ съ тѣмъ, кто первый долженъ былъ бы за этимъ слѣдить, если не изъ любви, то по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ той, которая носитъ его имя. Прости мнѣ одно замѣчаніе, но я подмѣтила въ тебѣ какую-то ложную стыдливость, какое-то желаніе стушеваться. Мнѣ извѣстно, что подобное же наблюденіе было сдѣлано въ Вѣнѣ. Этимъ могутъ воспользоваться тѣ, кои желаютъ играть первую роль“.

Благодаря вліянію матери, Елисаветѣ Алексѣевнѣ удалось подавить въ себѣ чувства, доводившія ее до отчаянія, но по самому свойству своей натуры, она была не въ силахъ вступить въ энергичную борьбу съ внѣшними обстоятельствами, отравлявшими ей жизнь. Она окончательно избрала себѣ съ тѣхъ поръ девизомъ полную покорность завѣтамъ Провидѣнія: „une résignation complète“,—„souffrir en silence“.

„Несмотря на нравственныя волненія и заботы, Императрица неустанно продолжала заниматься дѣлами благотворительности, но она работала келейно, скромно и мало замѣтно для современниковъ“.

Каждая изъ дамъ патріотическаго общества, въ главѣ котораго стояла Императрица, приняла на свое попеченіе особую часть города и, заботясь о нуждахъ бѣдныхъ жителей, доводила о нихъ до свѣдѣнія правленія общества, которое и принимало мѣры къ облегченію ихъ положенія. Для успѣшнаго наблюденія за бѣдными каждый членъ имѣлъ одну помощницу и сверхъ того одну собирательницу подаяній.

Общество считало долгомъ заботиться преимущественно о дѣвочкахъ бѣднѣйшаго состоянія, оказывать имъ призрѣніе, доставлять пропитаніе, обучать всему необходимому въ житейскомъ быту, внушать имъ добрую нравственность и т. д.

Каждая изъ дамъ, завѣдуя особою частью города, старалась приискать, для извѣстныхъ по бѣдности сиротъ, наставницу въ рукодѣліяхъ изъ бѣдныхъ же благонадежныхъ женщинъ, которымъ потомъ назначалось содержаніе по числу дѣвицъ, порученныхъ ихъ надзору. Наставница была обязана учить ихъ шитью, вязанью и располагать часы занятій такимъ образомъ, чтобы дѣти успѣвали ходить и въ школу.

Многія изъ дѣтей, какъ круглыя сироты, не имѣли пристанища, и необходимо было заботиться о призрѣніи ихъ и полномъ обезпеченіи.

Это послужило поводомъ къ учрежденію заведеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „Частныхъ патріотическихъ школъ".

Когда, такимъ образомъ, кругъ дѣйствій общества, постоянно измѣняясь, расширился, то настала нужда въ установленіи для него новыхъ, болѣе точныхъ и соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ правилъ. Эти правила, подъ названіемъ „Уставъ С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества", были Высочайше утверждены въ 1817 г.

24 августа 1818 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Императрицы Елисаветы Алексѣевны о покупкѣ дома для Сиротскаго училища, находившагося до тѣхъ поръ въ наемномъ помѣщеніи. На покупку этого дома, сверхъ крупнаго пожертвованія Государыни, было употреблено 50 тыс. рублей, оставшихся отъ пожертвованій въ пользу разоренныхъ войною 1812 г.

Первый выпускъ воспитанницъ Сиротскаго училища состоялся 1 января 1812 г.

9 сентября 1820 г. Императрица почтила патріотическихъ дамъ рескриптомъ, въ которомъ она выразила свои взгляды на задачи патріотическаго общества: „Воспитаніе бѣдныхъ дѣтей есть одно изъ величайшихъ благодѣяній, какое можно оказать нуждающемуся состоянію", говорилось въ рескриптѣ, „а потому частныя школы всегда обращали мое особенное вниманіе. Наставленіе въ правилахъ вѣры и нравственности, столь необходимое, дабы удалить отъ порока дѣтей, въ оныя принятыхъ, и средства, коими они впослѣдствіи могли бы себѣ снискивать честное пропитаніе, было цѣлью сихъ заведеній. Чѣмъ къ болѣе низшему и безъизвѣстному состоянію принадлежатъ дѣти, тѣмъ больше мы обязаны отвѣтственностью, буде образованіе ихъ не такое, каковымъ оно быть должно, ибо тайное зло распространяется тѣмъ съ большей опасностью, чѣмъ оно сокровеннѣе, а въ высшихъ сословіяхъ сіе не можетъ случиться. Посему-то я и желаю, чтобы одинъ избранный изъ среды духовенства производилъ испытаніе въ извѣстное время и по очереди въ этихъ частныхъ школахъ, какъ для удостовѣренія, что учащіяся въ оныхъ дѣйствительно научаются истиннымъ правиламъ нашего закона, такъ и для донесенія мнѣ, что сія важнѣйшая часть воспитанія не остается въ небрежности. Всѣмъ еще памятны прежніе примѣры, что дѣти иногда, по нерадѣнію надзирательницы школы или по недостатку, приходскаго священника, вовсе не получали нужнѣйшаго наставленія, что и побудило меня ввести нынѣ новый порядокъ, въ надеждѣ

облегчить патріотическимъ дамамъ надзоръ за таковыми школами и возбудить ревность въ приходскихъ священникахъ къ наставленію ввѣреннаго имъ юношества".

„Женское патріотическое общество уже имѣло въ 1821 г. въ своемъ вѣдѣніи, независимо отъ Сиротскаго училища, шесть школъ въ частяхъ столицы: Выборгской, Васильевской, Литейной, 2, 3 и 4 Адмиралтейскихъ. Въ слѣдующемъ году, Ея Величество изволила принять въ свое непосредственное вѣдѣніе дѣла Сиротскаго училища и Дома Трудолюбія по частямъ учебной и хозяйственной. Первое изъ этихъ заведеній получило названіе „Патріотическаго института". Въ особомъ рескриптѣ отъ 9 мая 1822 г. Государыня подтвердила, что отношенія общества къ этимъ заведеніямъ остаются прежнія и права патріотическихъ дамъ не измѣняются".

Въ бумагахъ С. С. Уварова сохранилось письмо къ нему Императрицы Елисаветы, свидѣтельствующее о ея серьезномъ, вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу благотворительности; въ немъ Государыня обращается къ Уварову съ просьбою разыскать для нея уставъ какого-нибудь нѣмецкаго благотворительнаго общества, католическаго или протестантскаго, который могъ бы послужить образцомъ при выработкѣ устава для возникшаго у насъ патріотическаго общества.

Московскій старожилъ Г. В. Грудевъ, служившій при С. С. Уваровѣ, ближайшемъ сотрудникѣ Императрицы по дѣламъ патріотическаго общества, набросалъ, незадолго до своей смерти, интересныя воспоминанія, въ которыхъ онъ касается благотворительной дѣятельности Государыни.

„Въ 1817 году я служилъ при попечителѣ С.-Петербургскаго округа, Сергѣѣ Семеновичѣ Уваровѣ", пишетъ Грудевъ. „Въ это время всѣ были подъ обаяніемъ патріотическихъ чувствъ послѣ окончанія отечественной войны".

Императрица Елисавета Алексѣевна, для оказанія помощи осиротѣлымъ семьямъ, образовала патріотическое общество и училище съ Домомъ Трудолюбія, названнымъ послѣ ея кончины Елисаветинскимъ институтомъ.

Императрица избрала себѣ помощницей княгиню Варвару Алексѣевну Репнину, рожденную графиню Разумовскую. Когда супругъ княгини Репниной былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Полтаву, и княгиня уѣхала изъ Петербурга, то ее замѣстила родная сестра ея, Екатерина Алексѣевна Уварова, супруга С. С. Уварова.

Начальницей Дома Трудолюбія была баронесса Ховенъ, а правителемъ письменныхъ дѣлъ—Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Для помѣщенія воспитанницъ былъ нанятъ домъ на Васильевскомъ островѣ, принадлежавшій генералу Яхонтову; домъ поспѣшили при-

способить, переправить и занять безъ надлежащей описи. Это повело впослѣдствіи, когда оставили этотъ домъ, къ тяжбѣ и ко взысканію съ начальства Дома Трудолюбія за поврежденія и убытки. Сумма простиралась до 10 т. руб. ассигнаціями, или болѣе.

Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ мнѣ поручено было разобрать всѣ бумаги, присланныя отъ А. И. Тургенева: контрактъ по найму дома и бумаги по начавшемуся дѣлу въ судѣ. Судъ, по освидѣтельствованіи неисправностей дома генерала Яхонтова, нашелъ требованіе вознагражденія убытковъ правильнымъ. Рѣшеніе пришло въ законную силу, такъ какъ всѣ сроки объ объявленіи рѣшеній оставались безъ отвѣта, т. е. были пропущены.

Вотъ поводъ, по которому въ одинъ прекрасный день я былъ призванъ въ кабинетъ Екатерины Алексѣевны Уваровой, гдѣ находилась Императрица Елисавета Алексѣевна. Она сидѣла въ глубинѣ комнаты, и, какъ мнѣ помнится, съ опущеннымъ вуалемъ. Я доложилъ, что безъ особаго Высочайшаго повелѣнія нельзя опровергнуть иска. Вскорѣ послѣ этого взыскиваемыя деньги были присланы Императрицей черезъ ея довѣреннаго камердинера Крылова.

По службѣ моей бывая ежедневно въ домѣ С. С. Уварова, мнѣ случалось видать Императрицу Елисавету Алексѣевну при пріѣздахъ ея къ Е. А. Уваровой, какъ въ петербургскій домъ, такъ и на дачу, на Петербургской сторонѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ.

Помню особенно одинъ случай, когда карета Ея Величества завязла въ одномъ изъ немощеныхъ проѣздовъ съ Каменноостровскаго шоссе, о чемъ узнали на дачѣ Уваровыхъ и послали легкій экипажъ, въ которомъ Императрица и пріѣхала съ дамой, ее сопровождавшей. Императрица была съ опущеннымъ вуалемъ. Ни одного слова гнѣва или неудовольствія не слышали отъ нея, и менѣе всѣхъ взволнованной была она и просила Уваровыхъ никому не говорить о случившемся“.

Изъ воспоминаній приближенной къ Императрицѣ фрейлины Саблуковой, которыя были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ (1884 г.), мы знаемъ, что Императрица Елисавета Алексѣевна тратила на дѣла благотворительности бо̀льшую часть своихъ личныхъ средствъ. „Она постоянно отказывалась брать милліонъ дохода, который получаютъ Императрицы, довольствуясь для своихъ личныхъ надобностей 200 т. руб., которые ассигнуются Великимъ Княгинямъ, и все остальное издерживала исключительно на дѣла благотворительности.

„Словомъ, показанія современниковъ сходятся въ томъ, что Императрица Елисавета Алексѣевна умѣла дѣлать и дѣлала много добра. Но, со свойственной ей скромностью, она старалась скрывать отъ взоровъ толпы то, что подсказывало ей добрѣйшее ея сердце. Благо-

дѣянія творились какъ бы тайкомъ, избѣгалась всякая попытка къ церемоніямъ или наружному блеску, работало нѣсколько лицъ, подъ наблюденіемъ Государыни, ею избранныхъ, которымъ она вполнѣ довѣряла, и весьма мало людей были посвящены въ это при жизни Государыни. Послѣ ея кончины многое стало извѣстно благодаря тѣмъ сотрудникамъ, которые помогали ей при жизни.

С. С. Уваровъ съ супругой, княгиня Мещерская, Н. М. Лонгиновъ, секретарь Елисаветы Алексѣевны, графиня С. В. Строганова—вотъ тѣ немногія лица и были ежедневными свидѣтелями дѣятельности Е. А. на этомъ поприщѣ".

„Всю осень и зиму 1817/18 г. и весну 1818 г. Елисавета Алексѣевна провела въ Москвѣ, это пребываніе произвело особенно пріятное впечатлѣніе на Императрицу, не бывшую въ Москвѣ со времени своего коронованія. Государыня много выѣзжала, посѣщала монастыри и церкви, бывала на вечерахъ у разныхъ именитыхъ москвичей, словомъ, вела не обычный ей замкнутый образъ жизни. Новая атмосфера московской жизни благотворно повліяла на настроеніе и душу Императрицы. Даже звонъ колоколовъ, который прежде наводилъ на нее уныніе, теперь особенно пріятно привлекалъ ея вниманіе, и она наслаждалась этимъ звономъ, которымъ такъ славится Москва".

Во время пребыванія царской фимиліи въ Москвѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1817 г., состоялось бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой Прусской.

Сохранилась характерная выписка изъ письма Великаго Князя къ своей невѣстѣ, отъ 3/15 мая 1817 г., изъ которой можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ юный Великій Князь относился къ Императрицѣ Елисаветѣ. Напутствуя свою невѣсту передъ ея пріѣздомъ въ Россію своими совѣтами, онъ писалъ: „матушка дастъ вамъ тысячу полезныхъ совѣтовъ, которыхъ я, при самомъ добромъ желаніи, не состояніи дать вамъ. Что касается Императрицы Елисаветы, оказывайте ей всевозможное вниманіе, вѣжливость и уваженіе, но не допускайте ни малѣйшей откровенности, ни въ какомъ случаѣ; къ Императору относитесь съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ и какъ нельзя болѣе дружественно".

Будущая Великая Княгиня вполнѣ подчинилась совѣтамъ своего жениха: будучи всегда любезной и привѣтливой, она не искала никакой интимности съ Елисаветой Алексѣевной.

Изъ дневника Великой Княгини Александры Ѳеодоровны за тотъ же 1817 г. мы имѣемъ интересныя данныя объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ то время между обѣими Императрицами.

„.....Мы подъѣхали къ Павловску, который произвелъ на меня

самое благопріятное впечатлѣніе. Моя карета остановилась у собственнаго садика вдовствующей Императрицы, которая прижала меня къ сердцу. Императоръ Александръ поцѣловалъ меня; я узнала тетушку Антуанету Виртембергскую, ея дочь Марію, какъ вдругъ нѣжный голосъ произнесъ: „подарите меня хоть однимъ взглядомъ“, и я кинулась на шею къ Императрицѣ Елисаветѣ, которая тронула меня своимъ благосклоннымъ простымъ пріемомъ, безъ всякихъ напыщенныхъ чувствъ...

„.....За празднествами слѣдовали меневры; они происходили между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. На нихъ присутствовали иногда Императрицы, обѣ принцессы Виртембергскія, но такъ какъ я сидѣла между Ихъ Величествами, то это зрѣлище, которое при иныхъ обстоятельствахъ доставило бы мнѣ большое удовольствіе, не доставило мнѣ ни малѣйшаго развлеченія. Князь Меншиковъ, сопровождавшій карету Ихъ Величествъ, повезъ насъ нѣсколько плохой дорогой, лошади запутались, и карета неожиданно откатилась назадъ. Maman крикнула, чтобы отворили дверцы, и поспѣшно вышла изъ экипажа; Императрица Елисавета и мы послѣдовали за ней. Выйдя изъ экипажа, maman подошла къ Императрицѣ Елисаветѣ, взяла ее за руку и съ величайшимъ участіемъ сказала: „Дитя мое, вы испугались! какъ вы себя чувствуете?“ а Императрица отвѣчала ей, что она ни чуть не испугалась, „напротивъ, *вы* испугались“, и все это было сказано съ кислой миной. Maman еще разъ повторила свой вопросъ, Императрица снова отнѣкивалась. Я не знала что дѣлать. Когда мы снова усѣлись, Императрицѣ Елисаветѣ видимо было неловко, что я была свидѣтельницей этой сцены. Когда мы остались однѣ, она, какъ бы извиняясь, сказала мнѣ, что вдовствующая Императрица часто обвиняетъ ее въ томъ, въ чемъ она въ сущности сама бываетъ виновата, и что она этого не выноситъ. Я ничего не отвѣтила, но, обдумавъ этотъ случай, я рѣшила, что если maman имѣла эту маленькую слабость, все же Императрица Елисавета была болѣе виновата, такъ какъ она своимъ кислымъ, недовольнымъ тономъ затянула сцену, которая могла бы пройти незамѣченной, если бы она отнеслась къ ней иначе; какъ бы то ни было, это послужитъ мнѣ урокомъ впредь“.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ Императоръ Александръ часто уѣзжалъ: то въ Варшаву, на открытіе польскаго сейма, то въ военныя поселенія, то въ Одессу, Крымъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Рязань.

1 іюня 1818 г. онъ вернулся изъ своего продолжительнаго путешествія на югъ въ Москву, гдѣ ожидался пріѣздъ короля Фридриха Вильгельма III съ наслѣднымъ принцемъ. Когда закончились

торжества, вызванныя ихъ пріѣздомъ, дворъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ празднества, парады, смотры и всевозможныя увеселенія продолжались еще нѣсколько недѣль.

Эти празднества страшно утомили Императрицу Елисавету, и она, въ своихъ письмахъ къ матери, часто сѣтуетъ на жизнь, которую ей приходилось вести и которая не доставляла ей удовольствія.

Не успѣла Императрица отдохнуть отъ испытаннаго утомленія, какъ ей пришлось отправиться въ заграничное путешествіе. 27 августа Александръ I отбылъ на Ахенскій конгрессъ, а два дня спустя, Елисавета Алексѣевна выѣхала въ Баденъ, на свиданіе съ родными. Какъ была настроена этотъ разъ Императрица, уѣзжая на родину? На это даютъ отвѣтъ ея письма къ графинѣ Софіи Владиміровнѣ Строгановой, съ которой она была вполнѣ откровенна.

„Я уже знаю объ этомъ (о предполагаемой поѣздкѣ) недѣли двѣ, писала она 25 іюля 1818 г., но мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ, мнѣ казалось, что пока я не написала Вамъ объ этомъ, все еще могло измѣниться..... и такъ, я ѣду въ Германію. Я не знаю еще точно, когда именно я уѣду; мнѣ скажутъ: „поѣзжай!“ и я поѣду; но не успѣютъ сказать мнѣ: „возвращайся“, какъ я уже буду въ дорогѣ. Вы знаете, какъ я люблю свою семью, но съ другой стороны вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы мнѣ нужно было объяснять то, что происходитъ во мнѣ“.

Нѣсколько дней спустя, она писала: „ясно и несомнѣнно, что я предпринимаю это путешествіе, чтобы успокоить вдовствующую Императрицу, которая не можетъ помириться съ мыслію оставить меня здѣсь одну [1]). Императоръ сказалъ мнѣ это безъ обиняковъ и этимъ пресѣкъ всѣ возраженія, которыя готовы были сорваться у меня съ языка. „Vous ferez beaucoup mieux de partir“; эти слова, сказанныя два-три раза самымъ рѣшительнымъ тономъ, показали мнѣ, что и онъ хотѣлъ, чтобы я уѣхала. Я видѣла ясно, что настаивать значило бы вызвать неудовольствіе и быть можетъ ссору. Я рѣшила покориться волѣ Божіей, какъ неизбѣжному. Ставъ на эту точку зрѣнія, я могу примириться съ ней и исполнить мой долгъ handsomely. Но, смотря на дѣло съ чисто человѣческой точки зрѣнія, я огорчаюсь и возмущаюсь этой поѣздкой: особенно возмущаетъ меня поводъ, какимъ она вызвана. Я не предводитель мятежниковъ и не жертва; только въ этомъ случаѣ имѣли бы право удалить меня изъ дома, вопреки моему желанію, вопреки желанію моей матери, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Меня удаляютъ отъ тѣхъ, кто хочетъ быть со мною, меня посылаютъ

[1]) Императрица Марія Ѳеодоровна также уѣзжала за границу.

туда, гдѣ боятся моего пріѣзда; никто не задается вопросомъ, будетъ ли эта поѣздка въ зимнее время года полезна для меня или вредна. И ради чего это дѣлается? Я не берусь судить о мотивахъ, руководящихъ Императоромъ. Что касается мотивовъ его матери, то они должны быть лестны для меня; значитъ, она считаетъ меня очень неотразимой, если она такъ боится оставить меня здѣсь на четыре мѣсяца. Когда вопросъ о моей поѣздкѣ былъ окончательно рѣшенъ, она сказала мнѣ, что до нея дошелъ слухъ, будто я ѣду неохотно, противъ воли: я этого не отрицала. Тогда она разыграла комедію и предложила попросить Императора, чтобы онъ позволилъ мнѣ не ѣхать. Я сказала ей, что въ этомъ нѣтъ надобности, что я представила Императору всѣ свои возраженія, и что я рѣшила ѣхать потому, что онъ этого желаетъ.

Я ѣду черезъ Пруссію, но не буду въ Берлинѣ: я стараюсь, насколько возможно, избѣгать большихъ дворовъ: они стали мнѣ ненавистны".

Въ это второе путешествіе Императрицу сопровождали фрейлины: княжна В. М. Волконская, Валуева и Саблукова, г-жа Питъ, К. А. Нарышкинъ, Посниковъ и секретарь государыни, Н. М. Лонгиновъ.

Ни Нарышкинъ, ни Валуева не были для нея пріятными собесѣдниками; между тѣмъ она оставалась цѣлый день съ глазу на глазъ съ Валуевой, съ которой она ѣхала въ одномъ экипажѣ, чувствуя себя „въ этой ненавистной каретѣ, какъ птичка въ клѣткѣ".

Въ письмѣ съ дороги, изъ Мемеля, Елисавета Алексѣевна говоритъ о „тягостномъ чувствѣ", которое она испытывала, готовая каждую минуту разрыдаться.

„Переѣзжая нашу границу, пишетъ она,—„я простилась съ маркиромъ Паулуччи, который сталъ для меня въ эту минуту близокъ, какъ самый преданный другъ, такъ какъ онъ оставался въ странѣ, съ которой моя душа такъ тѣсно сроднилась".

Уѣхавъ изъ Россіи крайне неохотно, только подчинившись настояніямъ Александра и то не безропотно, Императрица прибыла въ Бруксалъ послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, очень дурно настроеная; тутъ она застала своего единственнаго брата, великаго герцога Карла при смерти.

„Елисавета Алексѣевна никогда не была особенно близка къ брату, сравнительно мало его знала, уѣхавъ въ Россію, когда онъ еще былъ малолѣтнимъ и, какъ мы видѣли, она не могла простить ему его брака съ Стефаніей Богарнэ, въ слѣдствіе чего ихъ отношенія не были дружественными; тѣмъ не менѣе болѣзнь брата и его

кончина очень опечалили Императрицу, и впечатлѣніе отъ этой второй поѣздки въ Баденъ осталось самое тяжелое".

Фрейлина маркграфини Баденской, г-жа Фрейштедтъ, въ своихъ мемуарахъ, разсказываетъ о пребываніи Императрицы въ Баденѣ зимою 1818 года слѣдующія подробности:

„Въ началѣ октября маркграфиня отправилась въ Бруксалъ, чтобы принять тамъ еще разъ Императрицу Елисавету. Это свиданіе состоялось совершенно неожиданно, во время пребыванія Императора на конгрессѣ въ Ахенѣ.

Во Франкфуртѣ она узнала объ опасномъ положеніи своего брата и немедленно написала Императору и просила его принять участіе въ положеніи ея родины и не допустить ея расчлененія. Ея заступничеству и твердости ея брата, умирающаго гросгерцога, Баденъ обязанъ тому, что его владѣнія остались неприкосновенны, ибо министры не могли склонить его къ уступкѣ, хотя бы одной деревни для того, чтобы спасти страну...

Въ виду поздняго времени года, врачи настояли на томъ, чтобы семья гросгерцога переѣхала изъ сырого Фаворита въ болѣе сухой Раштадтскій замокъ.

Маркграфиня провела съ Императрицей нѣкоторое время въ Баденѣ, чтобы быть ближе къ больному, а затѣмъ переѣхала въ Карлсруэ, куда ей посылался ежедневно съ эстафетой бюллетень о положеніи ея сына. Такъ прошелъ ноябрь, въ теченіе котораго Императоръ Александръ пріѣзжалъ на короткое время въ Раштадтъ, откуда онъ прибылъ въ Карлсруэ, глубоко тронутый состояніемъ больного. Умирающій герцогъ собрался съ послѣдними силами, чтобы принять Императора сидя въ креслѣ и попросить его взять его страну подъ свое покровительство. Чувствительное сердце Александра поняло чувства убитыхъ горемъ матери, супруги и сестеръ, и онъ принялъ геройское рѣшеніе поддержать желаніе доблестнаго герцога и спасти страну отъ раздѣла.

Императоръ переночевалъ въ Карлсруэ, въ маленькомъ домикѣ маркграфини и за недостаткомъ мѣста спалъ въ единственной свободной ея ванной комнатѣ. Императрица помѣщалась въ томъ же домѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ четырехъ небольшихъ комнатахъ. Пребываніе Государя вызвало много суеты и самыхъ разнорѣчивыхъ чувствъ. Городъ въ честь высокаго гостя былъ иллюминованъ; всѣ думали съ тревогой и ожиданіемъ о томъ, какъ сложатся дальнѣйшія обстоятельства. Отъѣздъ Императрицы Елисаветы откладывался со дня на день; наконецъ, было рѣшено, что она уѣдетъ 9-го декабря.

7 декабря Императрица пожелала проститься съ братомъ и по-

ѣхала съ этой цѣлью въ сопровожденіи матери, наслѣдной гросгерцогини Гессенской и принцессы Амаліи въ Раштадтъ. Туда же пріѣхала и королева шведская.

Хотя сестры гросгерцога послѣднее время очень сошлись съ его супругой, однако, онѣ не оставили своего любимаго брата на ея попеченіе. Онѣ находили, что присущая ей живость характера не подходитъ для ухода за больными, и что она при всей своей разумности слишкомъ стремительна и не достаточно нѣжна для того, чтобы ухаживать за дорогимъ для нихъ больнымъ. Принцессы застали брата безъ памяти; онъ скончался на другой день утромъ.

Насколько Императрица была раньше несправедлива по отношенію къ гросгерцогинѣ Стефаніи, настолько она отнеслась къ ней теперь сочувственно; она какъ будто перенесла всю свою любовь къ брату на его вдову. Она выпросила у новаго гросгерцога для своей невѣстки Мангеймскій замокъ, а для лѣтней резиденціи Баденскій замокъ".

Изъ писемъ Елисаветы Алексѣевны, писанныхъ гр. Строгановой изъ Бадена, мы видимъ, что Императрица тамъ томилась и всѣми помыслами рвалась въ Россію.

Тотчасъ послѣ кончины брата, Императрица писала графинѣ:

„Еще немного страданій, и я буду въ Россіи!..

Если здоровье мамы позволитъ, мое возвращеніе въ Петербургъ замедлится, надѣюсь, всего на нѣсколько недѣль. Если бы не это, я бы сейчасъ бѣжала изъ этихъ мѣстъ, гдѣ все причиняетъ мнѣ теперь страданія, гдѣ я встрѣчаю лишь воспоминанія разрушеннаго счастья, разбитыхъ надеждъ".

Другой разъ она пишетъ: „Будущее такъ же непроницаемо, какъ тотъ туманъ, который охватываетъ въ данную минуту окрестныя горы; я не позволяю себѣ ничего желать, но мнѣ *кажется*, что я буду счастлива, когда я буду опять вмѣстѣ съ вами въ Петербургѣ".

Странно читать эти строки послѣ тѣхъ безчисленныхъ писемъ, въ которыхъ Елисавета Алексѣевна въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ вспоминала съ такой нѣжной, искренней любовью о своей родинѣ, мечтала о свиданіи съ матерью и съ родными, вздыхала о Баденѣ. Это невольно вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, и въ этомъ ея августѣйшій біографъ видитъ самую загадочную черту характера Елисаветы Алексѣевны.

Въ самомъ дѣлѣ, Императрица, какъ можно судить по ея письмамъ, жила болѣе воспоминаніями и мечтами, нежели дѣйствительностью; но какъ только мечты становились дѣйствительностью, онѣ сразу утрачивали ту прелесть, которую рисовало пылкое воображеніе, и

теряли для нея всякую цѣну; эта вѣчная неудовлетворенность и недовольство причиняли Государынѣ нескончаемыя нравственныя страданія. Она не умѣла пользоваться настоящимъ, а жила либо въ прошломъ, либо въ будущемъ. Въ Баденѣ она скучала по Россіи; вернувшись въ Россію, стремилась мысленно къ роднымъ и съ любовью вспоминала о Баденѣ.

Во вторую поѣздку это настроеніе сказалось еще сильнѣе и даже радость свиданія съ нѣжно любимой ею матерью не могла изгладить того тягостнаго чувства, съ какимъ она уѣхала изъ Петербурга; ее тянуло обратно въ Россію.

Несмотря на зимнюю пору, на кончину брата, не необходимость, казалось бы, не покидать мать въ тяжелыя минуты, Елисавета Алексѣевна спѣшила уѣхать изъ Бадена.

9 января 1819 года она простилась съ матерью и съ родными навсегда. „Передъ ея отъѣздомъ всѣ родные собрались въ салонѣ маркграфини. Облокотившись на мраморный столикъ, она долго бесѣдовала съ маркграфомъ Вильгельмомъ, который пользовался ея особымъ довѣріемъ.

Между прочимъ она высказала ему желаніе, чтобы его старшій братъ Леопольдъ, предполагаемый наслѣдникъ гросгерцога Людовика, женился на шведской принцессѣ Софіи, старшей дочери ея сестры, королевы Фридерики.

На обратномъ пути въ Россію, Государыня, проѣздомъ черезъ Штутгардтъ, хотѣла навѣстить Великую Княгиню Екатерину Павловну, королеву Вюртембергскую, но передъ самымъ ея пріѣздомъ въ Штутгардтъ было получено извѣстіе о внезапной кончинѣ королевы, и ей не удалось увидѣть Екатерину Павловну. Врачи не допустили, чтобы Императрица присутствовала на ея похоронахъ и, по ихъ настоянію, король послалъ встрѣтить ее и просилъ не заѣзжать въ Штутгардъ. Елисавета Алексѣевна не знала печальной причины, вызвавшей эту просьбу, и думала, что въ Штутгардтѣ вспыхнула революція, которую хотѣли скрыть отъ нея“.

Утомленная путешествіемъ и перенесенными испытаніями, вернулась Императрица въ Петербургъ 26 января 1819 г. Государь возвратился въ столицу мѣсяцемъ раньше съ Ахенскаго конгресса, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Елисавета Алексѣевна стала вести еще болѣе замкнутую жизнь, чѣмъ прежде, рѣдко появлялась на церемоніяхъ и ограничивалась необходимыми поѣздками по загороднымъ дворцамъ для посѣщенія вдовствующей Императрицы. Изъ лѣтнихъ резиденцій Елисавета предпочитала въ то время Царское Село, гдѣ она могла совершать длинныя прогулки въ обширномъ паркѣ пѣшкомъ или верхомъ, но особенно нравился ей отдаленный

Ораніенбаумъ; тамъ она чувствовала себя привольно, гуляя въ простенькомъ платьѣ и большой соломенной шляпѣ на взморьѣ. Но въ Ораніенбаумѣ ей удавалось пожить только урывками и очень непродолжительное время. Часть лѣта дворъ всегда проводилъ на Каменномъ островѣ, но это излюбленное мѣсто Государыни съ годами потеряло для нея прежнюю прелесть, и она тяготилась, живя тамъ, прошлыми воспоминаніями.

Вообще, съ годами Елисавету Алексѣевну стали утомлять эти нескончаемые переѣзды изъ одного загороднаго мѣста въ другое; особенно уставала она отъ поѣздокъ въ Гатчину или Петергофъ на лошадяхъ въ экипажѣ, отъ постоянныхъ переодѣваній для обѣдовъ или выходовъ. Прежде она переносила все это легко и не жаловалась на усталось, хотя никогда не любила этихъ частыхъ передвиженій. Начиная съ 1818 года, Императрица особенно цѣнила время, которое она могла проводить съ супругомъ, но на ея бѣду Государю приходилось постоянно уѣзжать, то на конгрессы за границу, то на разныя инспекціи по Россіи.

Волей неволей приходилось часами проводить время одной и заниматься чтеніемъ, корреспонденціей или писаніемъ своихъ воспоминаній. Корреспонденціи она посвящала обыкновенно конецъ дня и любила „заключить день", бесѣдуя съ матерью.

„Въ 1817 г. Государыня познакомилась съ Н. М. Карамзинымъ, который вскорѣ сдѣлался ея обычнымъ посѣтителемъ и лекторомъ.

Отношенія между Елисаветой Алексѣевной и знаменитымъ историкомъ заслуживаютъ вниманія, потому что они сразу приняли интимный характеръ взаимнаго довѣрія. Карамзинъ сумѣлъ заинтересовать Государыню своими бесѣдами и чтеніемъ „Исторіи Государства Россійскаго". Частенько для практики въ русскомъ языкѣ Императрица сама читала вслухъ произведенія историка, и при этомъ происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей. Иногда Карамзинъ утомлялъ Государыню, засиживаясь слишкомъ долго, но никогда она не выражала ему неудовольствія и только сѣтовала матери въ письмахъ на это обстоятельство, или на то, что исторіографъ посѣщалъ ее въ неудобные часы. За послѣдующіе годы довѣріе Елисаветы къ Карамзину настолько окрѣпло, что она начала ему читать свои дневники за все время пребыванія ея въ Россіи.

Карамзина это чтеніе живо интересовало; бывали моменты, когда Императрица не рѣшалась читать вслухъ нѣкоторые отрывки слишкомъ интимнаго свойства, тогда она передавала тетрадь Николаю Михайловичу, и онъ молча прочитывалъ означенныя строки. Родственники Государыни узнали объ этомъ обстоятельствѣ только послѣ кончины Государыни. Имъ сообщилъ эти подробности князь

Александръ Николаевичъ Голицынъ, которому Карамзинъ на смертномъ одрѣ передалъ ихъ по секрету.

„Дневникъ свой Императрица хотѣла завѣщать Карамзину, скончавшемуся двѣ недѣли послѣ нея, но желаніе Государыни не было исполнено. Императоръ Николай I нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ предать все забвенію и лично сжегъ эти дневники, по соглашенію съ Императрицей Маріей Θеодоровной. Остается только пожалѣть объ исчезновеніи драгоцѣннаго историческаго матеріала.

„Насколько исторіографъ цѣнилъ отношенія къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, явствуетъ изъ его переписки съ И. И. Дмитріевымъ. 30 сентября 1821 г. Карамзинъ писалъ ему изъ Царскаго Села: „Судьба страннымъ образомъ приблизила меня въ лѣтахъ преклонныхъ ко двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ. Ты не менѣе моего знаешь двухъ [1]), но третью я узналъ короче: Императрицу Елисавету, женщину рѣдкую. Съ прошедшей осени я имѣлъ счастіе бесѣдовать съ ней еженедѣльно, иногда часа по два и больше, съ глазу на глазъ; иногда мы читали вмѣстѣ, иногда даже спорили, и всегда я выходилъ изъ ея кабинета съ пріятнымъ чувствомъ. Государь сказалъ мнѣ, что и она скучала въ его отсутствіе бесѣдами съ исторіографомъ. Къ ней написалъ я, можетъ быть, послѣдніе стихи въ моей жизни, въ которыхъ сказалъ:

„Здѣсь все мечта и сонъ, не будетъ пробужденья!
Тебя узналъ я здѣсь, въ прелестномъ сновидѣньѣ:
Узнаю наяву!“

Къ тому же времени относятся воспоминанія товарища президента Императорской академіи художествъ, графа Θедора Петровича Толстого; приводимъ изъ нихъ одно мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ объ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

„Въ 1820 году я жилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ съ женою и дѣтьми. Вскорѣ по пріѣздѣ двора въ Царское Село, по желанію нашего ангела Императрицы Елисаветы Алексѣевны, я имѣлъ счастіе первый разъ представиться Ея Величеству. Введенный Николаемъ Михайловичемъ Лонгиновымъ въ кабинетъ Государыни (гдѣ уже находилась Ея Величество), я былъ пораженъ какъ простотою ея туалета, такъ и обстановкою кабинета. На Елисаветѣ Алексѣевнѣ было простенькое, безъ всякаго украшенія платье, обыкновенной лѣтней матеріи, съ накинутою на шею и плечи бѣлою батистовою косынкою,

---

[1]) Императора Александра I и Императрицу Марію Θеодоровну.

заколотою простою булавкою. Кабинетъ Императрицы былъ безъ всякихъ излишнихъ украшеній и роскоши, устроенный не для показа, а для настоящихъ занятій. Когда я подошелъ къ Императрицѣ, чтобы поцѣловать ея руку, она приняла меня съ такимъ простосердечіемъ и ласкою, что я не могъ удержать слезъ отъ умиленія. Императрица долго говорила со мною, разспрашивала о моихъ родителяхъ, о моемъ дѣтствѣ и очень подробно о томъ, какъ я сдѣлался художникомъ. Въ то самое лѣто я имѣлъ счастье довольно часто бывать у Ея Величества, такъ какъ ей угодно было знать обо всемъ, что я буду производить по художеству.

Дня черезъ три или четыре послѣ моего перваго представленія Ея Величеству, Государыня получила небольшую коллекцію цвѣтовъ, писанныхъ гуашью однимъ замѣчательнымъ въ Парижѣ по этой части художникомъ. Лонгиновъ сказалъ мнѣ, что Императрицѣ угодно, чтобы я разсмотрѣлъ эту коллекцію цвѣтовъ. Въ назначенный день я явился въ кабинетъ Императрицы, гдѣ она съ тою же ласкою, какъ и въ первый разъ, изволила меня принять и показала полученную коллекцію цвѣтовъ; они ей очень нравились. Эта коллекція состояла изъ восемнадцати разныхъ цвѣтковъ, писанныхъ гуашовыми красками. На грунтовой зеленовато-сѣрой бумагѣ цвѣты были красиво расположены и исполнены съ французскимъ шикомъ. Осматривая коллекцію и отдавая полную справедливость искусству парижскаго художника владѣть гуашовыми красками, я сказалъ: „Мнѣ кажется, что въ принятой этимъ артистомъ манерѣ рисовать цвѣты видно болѣе желанья блеснуть эффектомъ и выставить свой вкусъ, нежели съ строгою отчетливостью передать съ натуры на бумагу копируемый цвѣтокъ, такъ, какъ онъ есть, со всѣми малѣйшими подробностями, принадлежащими этому цвѣтку, отчего въ этихъ столь различныхъ между собою цвѣтахъ съ перваго рисунка показывается какое-то сходство между собою, несмотря на ихъ различные формы и цвѣта!“

На это Императрица сказала мнѣ: Попробуйте нарисовать мнѣ какой-нибудь цвѣтокъ и покажите мнѣ“.

Не рисовавъ никогда цвѣтовъ, я, однако, принялъ это предложеніе. Вернувшись домой, я нашелъ въ маленькомъ садикѣ кустъ довольно красивыхъ свѣтло-лиловыхъ цвѣтковъ о шести листочкахъ. Сорвавъ небольшую вѣтку съ двумя цвѣтками и съ зеленью, тотчасъ же принялся рисовать его, но не акварелью и не гуашью, и не на грунтовой бумагѣ, а просто на цвѣтной англійской, и водяными красками, которыя я употреблялъ для моихъ рисунковъ, и которыя почти всѣ состоятъ изъ чистыхъ природныхъ корпусныхъ и минеральныхъ красокъ; употреблялъ я ихъ по принятому мною

способу. Этотъ способъ оказался особенно удобенъ для рисованія цвѣтовъ и фруктовъ.

На другой день рисунокъ былъ готовъ. Я отнесъ его Императрицѣ, которая, увидѣвъ его, очень хвалила и сказала мнѣ, что она находитъ въ моемъ цвѣткѣ болѣе жизни и натуры, нежели въ коллекціи присланныхъ ей цвѣтовъ. Такое заключеніе Ея Величества о моемъ, въ первый разъ мною написанномъ, цвѣткѣ несказанно меня обрадовало. Съ тѣхъ поръ я сталъ, въ свободное отъ серьезныхъ занятій время, рисовать цвѣты, фрукты и ягоды, то по одиночкѣ, то группами; также бразильскихъ бабочекъ, жучковъ, стрекозъ, разныхъ формъ и цвѣтовъ, со всевозможными узорами и съ металлическими отблесками; также рисовалъ маленькихъ птичекъ изъ породы колибри, коихъ перышки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестятъ металломъ. Впослѣдствіи я сдѣлалъ очень много рисунковъ во всѣхъ этихъ родахъ для Императрицы Елисаветы Алексѣевны и представилъ ей, между прочимъ, нѣсколько большихъ рисунковъ, на которыхъ были сгруппированы вмѣстѣ цвѣты, фрукты, птички, бабочки, стрекозы и жучки“.

Несмотря на то, что дѣла благотворительности отнимали у Императрицы не мало времени и доставляли ей нравственное удовлетвореніе въ отрадномъ сознаніи приносимой ею пользы, несмотря на то, что отношенія ея къ любимому супругу въ описываемое время улучшились, и они сблизились болѣе чѣмъ прежде, настроеніе Елисаветы Алексѣевны продолжало, въ общемъ, быть грустнымъ; на это не мало повліяло конечно то обстоятельство, что ей пришлось перенести въ это время рядъ тяжелыхъ утратъ.

Въ 1821 г. скончалась въ Парижѣ ея давнишняя пріятельница, графиня Варвара Головина; два года спустя, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1823 года, послѣ продолжительной болѣзни скончалась въ Баденѣ старшая сестра Государыни, принцесса Амалія, столько лѣтъ прожившая съ ней въ Россіи. Смерть сестры повергла Императрицу въ глубокую скорбь.

„Императрица Елисавета отъ горести похудѣла и не перестаетъ плакать о сестрѣ“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву 27 ноября 1823 г., сама же Императрица писала маркграфинѣ 26 декабря 1823 г.:

„Я чувствую, что многое, весьма многое безвозвратно кончилось для меня на семъ свѣтѣ, въ особенности въ настоящее время. Бываютъ моменты, когда это кажется мнѣ жестоко, но стоитъ только вспомнить, что жизнь дана мнѣ не для здѣшняго міра, и тогда это кажется вполнѣ естественно и даже благостно со стороны Господа, Который не даетъ мнѣ привязаться къ міру, для котораго я пред-

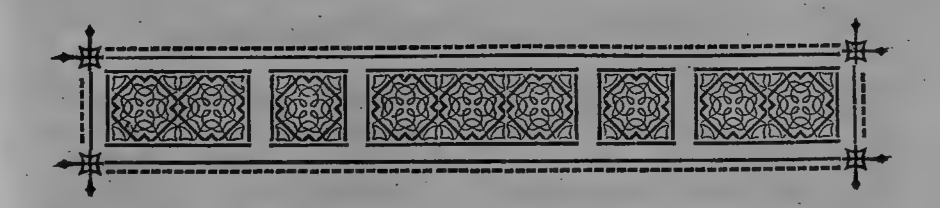
назначена судьбою. Конечно, для меня это легче, нежели для другой, такъ какъ у меня нѣтъ дѣтей".

„Къ печалямъ и горестямъ скоро прибавились признаки серьезнаго физическаго недомоганія. Появились сердечные припадки и общее разслабленіе всего организма. Прогулки пѣшкомъ стали утомлять Государыню, а ея любимое развлеченіе—ѣзда верхомъ не одобрялась врачами. Императрица лично была мало озабочена плохимъ состояніемъ своего здоровья и, не довѣряя лѣкарствамъ, не обращала вниманія не предупрежденія докторовъ".

Такъ прошелъ 1823 годъ.

В. В. Тимощукъ.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

Въ запискахъ, которыя велись мною въ теченіе многихъ лѣтъ, находится немало такого, что было занесено со словъ М. И. Драгомирова по поводу Австро-Прусской войны.

Извлекая изъ тѣхъ записокъ кое-что для „Русской Старины“, нахожу долгомъ оговориться, что въ извлеченіи этомъ нѣтъ ничего цѣлаго; предлагаемая замѣтка не претендуетъ на представленіе полнаго отчета ни объ участіи М. И. Драгомирова въ кампаніи 1866 года, ни о пребываніи его въ полевомъ штабѣ прусской арміи; изъ всего, что объ этомъ было случайно, урывками занесено,—набираются теперь въ разсказъ воспоминанія совершенно отрывочнаго характера.

Когда настанетъ время общей сводки всего характеризующаго такого большого и, во всякомъ случаѣ, крайне сложнаго человѣка,—какимъ является М. И. Драгомировъ, тогда, несомнѣнно, и эти „штрихи“ пригодятся для того, чтобы ими въ томъ или другомъ отношеніи вѣрнѣе оттѣнить обликъ этого мыслителя и учителя.

Память о подобныхъ М. И. Драгомирову людяхъ хранится; съ ихъ смертью не прекращаются тѣ особенности, которыя они лично своимъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ вносили въ жизнь; разнообразное вліяніе, вносившееся ими, продолжается и послѣ исчезновенія ихъ съ лица земли. Важнымъ представляется сохранить въ вѣрномъ рисункѣ до мелочей все то, что ихъ касается, и что съ теченіемъ времени можетъ исказиться лишь въ зависимости отъ убыли лицъ, близко къ нимъ стоявшихъ.

Мих. Ив. Драгомировъ, не говоря объ его дѣятельности,—массой оставленныхъ имъ и въ печати, и въ рукописи сочиненій, самъ очертилъ себя всесторонне; довольно прочесть его разборъ Іоанны д'Аркъ,

взгляды на Льва Толстого, военныя замѣтки, замѣтки армейскія, безчисленныя рецензіи, а также его приказы, являющіеся драгоцѣннымъ вкладомъ въ „сочиненія“ о военномъ дѣлѣ (какъ выразился одинъ изъ нѣмецкихъ военныхъ авторитетовъ), — во всемъ этомъ Мих. Ив. представляется во весь свой ростъ; и все же изъ такихъ клочковъ, какими являются частицы предлагаемыхъ записей, истина о Мих. Ивановичѣ еще больше выплываетъ; но клочки подобные такимъ очень дороги тогда, когда въ нихъ на первомъ планѣ съ простотой соединено полное безпристрастіе.

* * *

Въ 1866 году полковникъ М. И. Драгомировъ, преподававшій тактику и стратегію, между прочимъ, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, проектировалъ ввести въ видѣ лѣтнихъ практическихъ занятій юнкеровъ старшаго класса того училища, для дополненія ихъ военнаго образованія,—рѣшеніе тактическихъ задачъ въ полѣ. Начальникъ училища генералъ-маіоръ Александръ Степановичъ Платовъ представилъ этотъ проектъ, со своимъ ходатайствомъ объ его утвержденіи, на имя товарища генералъ-фельдцейхмейстера генералъ-адъютанта Александра Алексѣевича Баранцова; проектъ былъ принятъ и утвержденъ, а непремѣннымъ условіемъ разрѣшенія этого нововведенія было поставлено принятіе полковникомъ Драгомировымъ руководительства новыми занятіями на себя.

Юнкера, уже въ сущности, окончившіе курсъ наукъ и получившіе по экзамену право на производство въ офицеры, очень обрадовались случаю присоединить къ лагернымъ красносельскимъ строевымъ ученьямъ и къ артиллерійской стрѣльбѣ новыя занятія, ожидая отъ нихъ во 1-хъ нѣкотораго разнообразія, а во 2-хъ удовольствія поучиться у Драгомирова, котораго молодежь вообще уже тогда цѣнила, какъ профессора и руководителя.

Въ то время, когда занятія, — введеніе коихъ задержалось на нѣкоторое время практической стрѣльбой, — должны были начаться, и юнкерамъ оставалось лишь ознакомиться съ подробностями постановки ихъ, получено было въ училищѣ извѣстіе о томъ, что полковникъ Драгомировъ, по Высочайшему повелѣнію, избранъ для командированія въ штабъ прусской арміи на все время внезапно возникшей тогда австро-прусской войны.

— „Вышло это для меня совершенно неожиданно“, разсказывалъ впослѣдствіи Михаилъ Ивановичъ, „поэтому и собираться пришлось наскоро, кое-какъ. — Нелегкое было это дѣло, а между тѣмъ оно могло бы облегчиться, если бы главный штабъ не изобрѣталъ попусту секретовъ; оказалось, что, по представленію военнаго мини-

стра, я былъ предназначенъ къ отправленію въ Пруссію на осенніе маневры; если бы я зналъ объ этомъ, то понемногу, исподволь подготовился бы къ поѣздкѣ,—правда, не къ военно-временной, все же къ заграничной и главное къ дѣловой;—при этомъ разумѣю подготовку въ широкомъ смыслѣ слова, а не только вещевые, цейхаузные сборы; между прочимъ надо было заняться и возобновленіемъ въ памяти нѣкоторыхъ знаній. Но сообщеніе намъ о предстоявшей поѣздкѣ на маневры совершенно безсмысленно затормозилось въ виду обозначившихся въ ту пору между Австріей и Пруссіей переговоровъ остраго характера; когда эти переговоры были прерваны—тогда главному штабу пришлось подумать и заговорить о необходимости командированія кого-либо уже не на маневры, а на войну.

По словамъ Дмитрія Алексѣевича Милютина, Государь, при докладѣ объ этомъ, сказалъ: „Драгомировъ долженъ былъ ѣхать на маневры въ Пруссію, пусть ѣдетъ туда для присутствованія при военныхъ дѣйствіяхъ“.

„На сборы“, разсказывалъ Мих. Ив., „остались даже не дни, а только часы; если же взять во вниманіе то обстоятельство, что къ сборамъ надо было присоединить представленія по начальству—можно понять, какими лихорадочно поспѣшными и безтолковыми дѣлались эти сборы“.

* *
*

Во время лѣтнихъ въ 1900 году прогулокъ, которыя мнѣ довелось продѣлывать съ М. И. Драгомировымъ ежедневно по утрамъ въ Наугеймѣ и о которыхъ я упоминалъ въ своихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ на страницахъ „Русской Старины“ 1908 года,—случилось такъ, что Наугеймъ былъ наводненъ войсками. На нѣсколько дней городокъ, въ которомъ обычно ихъ нѣтъ, оживился: черезъ него проходила пѣхота, двигалась легкая и тяжелая артиллерія, пролетала кавалерія; мобилизованный на нѣсколько недѣль Нассаусскій корпусъ упражнялся въ маневрахъ и въ совмѣстныхъ движеніяхъ всѣхъ родовъ оружія;—движенія эти начинались по утрамъ очень рано, войска сновали больше всего именно въ ту пору, когда намъ доводилось съ Мих. Ивановичемъ сходиться и направляться за городъ по тѣнистому Фридбергскому шоссе,—сдѣлавшемуся обычнымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ [1]).

[1]) Фридбергъ — городокъ, отстоящій отъ Наугейма въ разстояніи трехъ верстъ; это красивое мѣстечко—б. резиденція герцоговъ Гессенъ Дармштадтскихъ, съ удовольствіемъ посѣщается и осматривается всѣми, кому случается проводить время въ Наугеймѣ, въ особенности русскими: здѣсь родились и выросли Государыни Императрицы Марія Александровна и Александра Θеодоровна; покои Фридбергскаго замка, дорогого по воспоминаніямъ дѣтства Государынь, а также Великой Княгини Елисаветы Θеодо-

Мих. Ив. съ видимымъ интересомъ останавливался, смотрѣлъ, какъ двигались цѣпи въ боевой линіи, какъ они примѣнялись къ мѣстности, дѣлалъ свои замѣчанія, оставаясь въ общемъ удовлетвореннымъ; все видѣнное имъ онъ разбиралъ съ одобреніемъ и съ удовольствіемъ.

— „Вы знаете, какъ я не люблю нѣмцевъ, но въ дѣлахъ спеціально военныхъ нельзя не преклоняться передъ ними, а въ особенности передъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и „другомъ"; посмотрите на этотъ Нассаускій корпусъ, какъ онъ впиталъ въ свою кровь и въ плоть всю прусскую выправку и подтяжку; мало того, довольно взглянуть на эти ряды нѣмецкаго строя, чтобы понять, какъ они до мелочей проникнуты бранденбургскимъ чисто военнымъ духомъ; какъ въ нихъ, въ этихъ равнодушныхъ по характеру людяхъ, кипитъ то „прусское озорство", на которомъ въ Берлинѣ все построено.

„Почти тридцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, день за днемъ, разглядывалъ въ подробностяхъ прусскіе корпуса, надѣлавшіе въ Европѣ столько переполоху въ 66-мъ году и подарившіе фатерландъ славными, чудесными побѣдами на богемскихъ поляхъ; если бы я не зналъ, что здѣсь передо мной теперь стоятъ и двигаются нассаусцы, я сказалъ бы, что какой-нибудь корпусъ изъ тогдашней арміи Фридриха Карла или наслѣднаго принца Фридриха,—блаженной памяти Фрица,—приведенъ сюда; я никогда не повѣрилъ бы, что это представители Нассаускаго герцогства, которое въ 1866 году не захотѣло шевельнуться для того, чтобы, отколовшись отъ Германско-австрійскаго союза, пойти воевать въ союзѣ съ Пруссіей, рядомъ съ пруссакомъ; не захотѣло оно не только изъ политическихъ видовъ, но и изъ-за своей органической ненависти къ пруссаку; правда, его въ этомъ поддерживало и полное отсутствіе воинственности въ его народѣ и полная, абсолютная неподготовленность къ принятію какого бы то ни было участія въ войнѣ; ему,—этому маленькому герцогству, хотѣлось остаться полунейтральнымъ. Безъ сомнѣнія, за тридцать пять лѣтъ можно преобразиться; но чтобы до такой степени маленькія войсковыя части вида нестроевыхъ командъ могли обратиться въ типичнаго воинственнаго пруссака,—нужно себѣ представить, насколько для этого должна была воздѣйствовать чудодѣйственная могучая сила живучихъ сыновъ Помераніи и Бранденбурга".

Мих. Ив. съ какою-то любовью предался воспоминаніямъ о 66 годѣ; конечно, не прусская армія и не прусская военная закваска

ровны, украшены картинами, воспроизводящими эпизоды времени пребыванія въ нихъ и обрученія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича (1840 г.). Красивый и уютный замокъ съ прекраснымъ садомъ представляетъ собою мѣсто лѣтняго пребыванія герцогской семьи.

придала чуткость этимъ воспоминаніямъ; съ одной стороны ему рѣзче представилась его молодость; военная обстановка живо напоминала ему тотъ годъ, когда онъ впервые сталъ близко къ боевой сферѣ, для которой былъ рожденъ; тогда эта обстановка сопровождалась массою такого, къ чему можно было пріурочить свои громадныя, теоретическія знанія, на чемъ можно было сдѣлать капитальную провѣрку ихъ и чѣмъ можно было еще болѣе расширить, пополнить тѣ знанія, поучаясь около военныхъ геніевъ. Мих. Ив. вспоминалъ и разсказывалъ много мелочей и, видимо, увлекался ими, какъ чѣмъ-то дорогимъ, затронувшимъ его сердце.

Кто хоть немного зналъ Мих. Ив-ча, тотъ твердо усвоилъ себѣ, что экспансивность и его нравъ—два совершенно противоположные полюсы; далѣе, каждый, знавшій Мих. Ив-ча, зналъ и то, что это былъ человѣкъ, умѣвшій, безъ всякаго съ своей стороны старанія, увлекать своимъ разговоромъ и всегда увлекавшій; разнообразіе предметовъ, занимавшихъ его и вливавшихся въ его бесѣду, способность обнять все съ безконечно разнообразныхъ сторонъ,—все это дѣлало его бесѣду чрезвычайно интересною и на рѣдкость поучительною; онъ не останавливался долго на одномъ предметѣ и еще меньше возвращался къ повторенію одного и того же.

Встрѣчи Мих. Ив-ча съ нѣмецкими войсками въ Наугеймѣ наложили на него какую-то особую печать, и это отразилось на всѣхъ его разговорахъ; въ теченіе нѣсколькихъ дней, при каждой новой встрѣчѣ, онъ какъ-будто бы спѣшилъ продолжать собесѣдованія о видѣнныхъ имъ дѣйствіяхъ „нассаусцевъ", передѣланныхъ въ пруссаковъ, и по поводу этого какъ бы всѣми своими мыслями въѣзжалъ въ ту среду, въ которой когда-то пережилъ нѣсколько недѣль въ минуты безумнаго успѣха, выпавшаго на долю представителей той среды—счастливцевъ, коимъ тогда довелось, въ какихъ-нибудь шесть-семь недѣль времени, капитально передѣлать карту центральной Европы.

—„Для нашей арміи, разсказывалъ Мих. Ив., нѣтъ надобности желать всего того, что представляетъ собою армія прусская,—при всемъ завидномъ состояніи ея; картонныя фигуры офицеровъ, манэкены-солдаты непріятно поражаютъ зрѣніе и вселяютъ отвращеніе къ себѣ. Но надо было прожить среди пруссаковъ такъ, какъ прожилъ я во время нахожденія своего при главномъ штабѣ прусской арміи въ 66-мъ году, надо было сжиться съ частями арміи и съ ея представителями для того, чтобы отдѣлаться отъ этого отвращенія и вселить въ себѣ непреодолимое, горячее желаніе—многое цѣликомъ пересадить къ себѣ, позаимствовать отъ нихъ;—сжиться пришлось мнѣ съ ними въ ту пору и при такихъ обстоятельствахъ, когда они, эти напыщенные, надутые пруссаки были за-

няты серьезно и исключительно дѣломъ своего побѣдоноснаго шествія, и въ ихъ обиходѣ не оставалось ничего, что могло бы дать возможность заниматься дѣланностью, „представленіемъ себя не собою“; то были минуты, часы, дни и недѣли ихъ упоенія и увлеченія счастьемъ побѣдъ; все обыденное, напускное, въ чемъ нельзя уловить самой сути пруссака, было тогда отброшено, для наблюдателя оставался лишь пруссакъ-человѣкъ;—получался совсѣмъ иной обликъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прорывалась даже симпатія къ пруссаку, но она являлась мимолетною и навсегда не оставалась, потому что разъ прошли минуты торжества, снявшаго маску, пруссакъ опять обратился въ нарцисса, сжался тисками своей чопорности, сопровождающейся отталкивающимъ любованіемъ самимъ собою.—Тѣмъ пріятнѣе вспомнить тѣ исключенія, на которыя случилось мнѣ тогда обратить вниманіе.

Многое изъ того, что у пруссаковъ насаждено, насаждается старательно и у насъ; они завидуютъ многому такому, что у насъ имѣется по врожденности, но суть въ томъ, что у нихъ все, и свое и чужое прививается толково, крѣпко и разъ привитое не отламывается такъ легко, какъ у насъ,—при малѣйшемъ подходящемъ къ тому случаѣ; тамъ все полезное, основное, коренное, засѣвши разъ, сидитъ прочно, внѣдряется навсегда и остается нестираемымъ. Со всѣхъ сторонъ твердятся прописи,—намъ надо учиться у нихъ; и учимся и заимствуемся, да все норовимъ взять верхи, хотимъ научиться легковѣсно. Не тотъ характеръ лежитъ въ глубинѣ нашихъ національныхъ способностей, не то наше основаніе и не на тѣхъ дрожжахъ всходятъ наши знанія“.

* * *

Пріѣхавъ въ лѣтній, сумрачный, на подобіе петербургскаго, день въ Берлинъ, Мих. Ив. засталъ улицы его въ томъ веселомъ настроеніи, которое для всякаго посторонняго должно было свидѣтельствовать о большомъ торжествѣ. Но въ тѣ самыя минуты, когда не оставалось мѣста никакому сомнѣнію въ оцѣнкѣ характера и смысла ликованья, пришлось узнать, что лишь нѣкоторая часть населенія была весела и казалась ликующею; на самомъ дѣлѣ то, что можно было принять за причину веселья, торжества и ликованья—именно то вызывало уныніе въ мыслящей части общества: только что объявленная крупному сосѣду война была далеко непопулярна; во всемъ этомъ крылось что-то зловѣщее и надо было находиться близко къ центру Пруссіи Берлину для того, чтобы понять весь трагизмъ тогдашняго положенія державы, отважившейся на безконечно важный шагъ, какимъ является рѣшеніе вступить въ борьбу, помѣрить свои

силы въ такую минуту, когда внутри государства не было ничего ободрявшаго къ тому.

Вездѣ, на каждомъ шагу можно было слышать и читать о томъ, будто народъ не хочетъ войны, будто народные представители не даютъ и не дадутъ кредита на нее. Въ высшихъ сферахъ всѣ, казалось, потеряли почву подъ собой, растерялись.

Въ тѣ времена къ королю Вильгельму не относились съ тѣмъ уваженіемъ, которое проявлялось къ нему впослѣдствіи. Выигранною за два года передъ тѣмъ войной, въ которой Пруссія вмѣстѣ съ Австріей нанесла пораженіе всему строю маленькой Даніи и отрѣзала чуть ли не половину этого королевства,—улучшились отношенія народа къ Вильгельму; но это улучшеніе не пошло далѣе того, что къ бывшему „Принцу Прусскому“, игравшему, по убѣжденію народа, двусмысленную роль въ періодъ хода разыгравшихся въ Берлинѣ событій революціи 48 года—ненависть только замѣнилась чувствомъ равнодушія [1]).

Въ то время, когда въ народѣ и наверху все пріуныло,—въ арміи обычное „брацанье“ стало раздаваться еще громче; горделивая увѣренность въ своихъ силахъ не покидала войска; а это являлось залогомъ того, что всякое, даже минутное, отчаяніе въ успѣхѣ начатаго дѣла должно было считаться преступнымъ. Не таковъ былъ весь строй государственной жизни Пруссіи, чтобы неувѣренность въ исходѣ предстоявшей кампаніи могла долго властвовать надъ умами хотя-бы части націи; въ Пруссіи, со временъ тяжкихъ испытаній, принесенныхъ ей празднествами наполеоновскаго режима,—съ начала XIX столѣтія, народъ и армія представляли одно и то же; этимъ обезпечивалась недолговѣчность и мимолетность такой неувѣренности;—скоро самоувѣренное бряцанье заразило всю націю отъ мала до велика, и Пруссія двинулась громадами своихъ армій на поля Богеміи уже съ поднятою головой.

Къ тому же все, что дышало и думало въ этомъ, преданномъ только самому себѣ, государствѣ, чувствовало высоко взвившагося орла—перваго министра, Бисмарка Шенгаузенъ.

Нельзя внести въ эту замѣтку всю массу тѣхъ эпизодовъ, кото-

---

[1]) Извѣстно, что въ 1840 году, по вступленіи на прусскій престолъ Фридриха Вильгельма IV—братъ его Вильгельмъ, какъ предположенный наслѣдникъ престола, получилъ титулъ „Принца Прусскаго“; черезъ восемь лѣтъ, требуя энергичнаго примѣненія реакціонныхъ мѣръ въ то время, когда революціонное движеніе мечтало имѣть въ немъ опору, онъ возбудилъ въ представителяхъ смуты и въ народѣ такую ненависть къ себѣ, что долженъ былъ удалиться въ Англію, гдѣ и прожилъ около полугода, пока не улеглось чувство возмущенія его дѣйствіями.

рыми были полны разсказы и воспоминанія Мих. Ив. о первыхъ дняхъ пребыванія его въ Прусской столицѣ.—Въ этихъ разсказахъ переплеталось серьезное, стоившее вниманія какъ исторически-вѣрное съ шутливымъ, вводившимся, по словамъ Мих. Ив., какъ анекдотическое, но дававшее яркую характеристику преобладавшаго настроенія и всего знаменательнаго историческаго момента. Съ большимъ юморомъ и съ неменьшимъ неуваженіемъ къ особѣ короля, молва и печать разсказывали о томъ, какъ Бисмаркъ сначала уговаривалъ Вильгельма рѣшиться на отважный шагъ, потомъ усовѣщивалъ, а впослѣдствіи успокаивалъ, приводя ему для всего этого въ видѣ главнаго довода то, что проявляемая имъ нерѣшимость какъ бы граничитъ съ трусостью, совершенно несоотвѣтствующею характеру и нраву бранденбургскому и недостойною представителя Гогенцоллернскаго дома.

— Теперь, когда уже шагъ сдѣланъ, разсужденіямъ нѣтъ мѣста, они порождаются малодушіемъ, говорилъ будто бы Бисмаркъ, съ жестокою, дьявольскою вкрадчивостью въ отвѣтъ на доводы Вильгельма, который пересыпалъ ихъ воспоминаніями о прошломъ Пруссіи и о великомъ прадѣдѣ своемъ; я, на мѣстѣ Вашего Величества, думалъ бы вовсе не объ этомъ, а, вспоминая Фридриха Великаго, приготовлялся бы имѣть честь и счастье умереть на полѣ брани...

Среди всего того, что, съ злорадствомъ, изо дня въ день, передавалось въ Берлинѣ въ видѣ новинки, насталъ день и моментъ представленія М. И. Драгомирова.

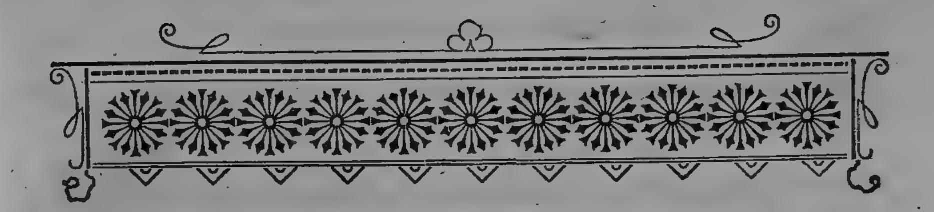
— Я мало видѣлъ короля прежде, говорилъ Мих. Ив.; поэтому, въ минуту представленія, не могъ судить о томъ, въ какомъ, сравнительно, видѣ и въ какомъ настроеніи онъ былъ; отдавая же себѣ отчетъ объ этомъ по сравненію съ тѣмъ, что пришлось мнѣ видѣть впослѣдствіи, въ теченіе всей войны, могу заключить, что настроеніе короля, при всей величественности его фигуры, оказалось подавленнымъ, смущеннымъ, самъ онъ казался лишеннымъ полнаго самообладанія.

— Поздоровавшись привѣтливо, король спросилъ о здоровьи „лучшаго его друга и племянника—Императора Александра“, задалъ два-три частныхъ вопроса, лично обо мнѣ, а затѣмъ, сказавъ обычное „soyez le bienvenu“, какъ бы усилился прибавить по-нѣмецки: въ трудную минуту вы видите и меня и правительство мое; но во всѣхъ насъ твердо залегла увѣренность, которую мы черпаемъ въ надеждѣ на Бога,—на милосердіе Его къ народу, къ арміи...

„Настроеніе Мольтке и Бисмарка было иное“....

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Настоящія воспоминанія заключаютъ въ себѣ личныя впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ участія его въ экспедиціи 1845 года графа Воронцова въ Андію и Ичкерію, экспедиціи—особо и исключительно интересной, одинъ изъ отдѣльныхъ кровавыхъ эпизодовъ которой носилъ названіе „Сухарной оказіи“ или „Сухарницы“.

Съ увольненіемъ изъ Кавказа А. П. Ермолова, съ 1826 года покореніе Кавказа пошло по ложному пути вплоть до конца пятидесятыхъ годовъ, когда, наконецъ, мы взялись за умъ и при извѣстномъ напряженіи силъ и цѣлесообразныхъ мѣропріятіяхъ кончили эту продолжительную и дорого стоющую государству войну.

Особо напряженный и роковой для насъ характеръ приняла борьба въ періодъ съ 1839 по 1846 годы. Наши неудачи съ 1840 по 42 годы кончились катастрофой 1843 года въ Дагестанѣ. Въ 1844 году войска на Кавказѣ были значительно усилены, но это мало помогло дѣлу, ибо планъ дѣйствій—„кончить съ Шамилемъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ, въ условіяхъ нанесенія его въ центрѣ могущества Шамиля, гдѣ и утвердиться, т. е. въ *Дарго*“,— совершенно не отвѣчалъ обстоятельствамъ, и честный Нейдгардъ отказался отъ исполненія этого плана, составленнаго въ Петербургѣ и предложеннаго къ непремѣнному исполненію. Нейдгартъ былъ смѣненъ, а исполненіе плана было отложено на 1845 годъ и возложено на графа Воронцова. Опытный когда-то военачальникъ и тонкій дипломатъ, графъ Воронцовъ къ этому времени представлялъ просвѣщеннаго вельможу, скорѣе политика и администратора, но

уже нѣсколько отставшаго отъ военнаго дѣла и совершенно незнакомаго съ особенными условіями веденія войны на Кавказѣ.

Еще съ 1844 года войска на Кавказѣ были усилены 5-мъ пѣх. корпусомъ, но командиръ его генералъ *Лидерсъ*, равно какъ и его штабъ и сами войска корпуса не были знакомы съ особенностями веденія здѣсь войны, а опытные и знающіе кавказскіе генералы не только не были спрошены, но бо̀льшей частью устранены отъ участія въ главной экспедиціи (кн. Аргутинскій, Фрейтагъ и др).

Изъ опытныхъ кавказцевъ назначены въ экспедицію *кн. Бебутовъ*, *Клюки фонъ-Клюгенау*, *Пассекъ* и *Лабынцевъ*, но первому въ началѣ похода было поручено управленіе тыломъ и снабженіе отряда, а малораспорядительный, хотя и храбрый, какъ шпага, *Клюгенау* и блестящій *Пассекъ*,—молодой талантливый, честолюбивый и пылкій, а равно какъ и опытный и мастеръ своего дѣла *Лабынцевъ*—не могли возмѣстить недостатка въ знающихъ свое дѣло частныхъ начальникахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ держали во второстепенныхъ роляхъ.

Графъ Воронцовъ, сохранивъ штабъ и свиту Нейдгарта, привезъ еще свой штабъ и исключительно многочисленную свиту, что, въ соединеніи со штабомъ Лидерса и группой именитой военной молодежи, направленной за лаврами изъ Петербурга, составило весьма значительную, небывалую для Кавказа по размѣрамъ группу лицъ свиты и штабовъ, что непомѣрно увеличивало вьючный обозъ, въ ущербъ подвижности и боеспособности отряда. Вообще на отрядъ силой около дивизіи было слишкомъ много начальства, свиты и штабовъ.

Въ составъ войскъ „Главнаго“ отряда вошли по два и по три баталіона отъ Кавказскихъ войскъ и отъ 5-го корпуса и части различныхъ казачьихъ частей и разнаго вида милицій, что сообщило отряду столь вредную разнородность состава, а многочисленность свиты, штабовъ и обозовъ придала отряду невиданный на Кавказѣ характеръ, осужденный опытными и старыми кавказцами.

Опытные кавказскіе военачальники предсказывали полную неудачу (Фрейтагъ, кн. Аргутинскій, Лабынцевъ и др.), и самъ Воронцовъ началъ терять вѣру въ успѣхъ похода, изготовленнаго цѣликомъ въ Петербургѣ, безъ всякаго соображенія мѣстныхъ условій, но выполненіе похода было условіемъ его назначенія, и тонкій дипломатъ Воронцовъ пишетъ графу Чернышову наканунѣ выступленія: „*Если бы даже полученное мною приказаніе дѣйствовать въ этомъ году наступательно*, прежде, чѣмъ вновь приняться за устройство передовой Чеченской линіи, *было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ всѣ здѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но я откровенно говорю здѣсь всѣмъ,*

что это также и мое мнѣніе (т. е. я согласенъ съ „пославшими мя“), *что неблагоразумно избѣгать встрѣчи съ Шамилемъ* и возможности нанести ему вредъ, что *устроитъ наши дѣла лучше всего. Если Богу неугодно будетъ благословить насъ успѣхомъ, мы все-таки сдѣлаемъ нашъ долгъ, не будемъ виноваты* (умываемъ руки!) и обратимся къ методической системѣ“ [1]).

Послѣ этого дипломатическаго обращенія къ военному министру, въ которомъ графъ Воронцовъ, видимо не вѣря въ успѣхъ, все-таки ведетъ отрядъ въ экспедицію и заранѣе умываетъ себѣ руки, прикрываясь исполнительностью, онъ дней пять спустя вновь обращается къ графу Чернышеву: „Повергните меня къ стопамъ Его Величества, *я не смѣю и надѣяться на большой успѣхъ нашего предпріятія, но сдѣлаю*, разумѣется, *все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы выполнить Его желаніе и оправдать Его довѣренность*“ [2]).

Въ походѣ приняли участіе значительное число извѣстныхъ тогда и впослѣдствіи лицъ, изъ коихъ многіе остались здѣсь на мѣстѣ или были ранены даже нѣсколько разъ, нѣкоторые сложили свои головы на Кавказѣ позднѣе, нѣкоторые прославились потомъ на Кавказѣ или въ Имперіи, а потому, полагаемъ, есть извѣстный интересъ перечислить ихъ, указавъ убитыхъ и раненыхъ въ этомъ походѣ. При графѣ Воронцовѣ, въ свитѣ состояли: принцъ *Александръ Гессенскій* (братъ Цесаревны Маріи Александровны), при немъ полковникъ *Самсоновъ*, князь *Ѳ. И. Паскевичъ* (сынъ фельдмаршала), при немъ капитанъ *Беклемишевъ* (здѣсь раненъ); сынъ графа Воронцова *Семенъ*, графъ *Александръ Сергѣевичъ Строгановъ*, князь *Александръ Голицынъ*, князь Эмилій *Витгенштейнъ*, князь *Ираклій Грузинскій*, баронъ *Александръ Павловичъ Николаи* (впослѣдствіи завѣдывающій гражд. частью управл. намѣстника и министръ народнаго просвѣщенія), *князь Ал. Ив. Гагаринъ* (убитъ въ Кутаисѣ, будучи воен. губернаторомъ), генералы—*Викторовъ* и *Фокъ* (оба здѣсь убиты), *Минквицъ*, *Мих. Павл. Щербининъ*, поручикъ *Іедлинскій* (тогда еще австрійской службы, здѣсь раненъ, извѣстный впослѣдствіи на Кавказѣ острякъ и каламбуристъ), флигель-адъютантъ *Сколковъ*; адъютанты графа Воронцова и офицеры для порученій: поручики—*Лонгиновъ* (здѣсь убитъ), *Глѣбовъ* (раненъ, а въ 1847 г. убитъ подъ Салтами), князь Сергѣй Илларіоновичъ *Василь-*

---

[1]) Письмо Воронцова графу Чернышеву, отъ 25 мая 1845 г., изъ Внезапной (Кавк. Сборн. томъ VI, стр. 281).

[2]) Письмо графа Воронцова графу Чернышеву, отъ 30 мая, изъ Внезапной. (Тамъ же, стр. 288).

чиковъ (раненъ), князь *М. А. Дундуковъ-Корсаковъ* (раненъ), баронъ *Шеппингъ* (раненъ, а потомъ убитъ), *Альбрантъ* (раненъ), *Дружининъ*, юнкеръ *графъ Чапскій*, юнкеръ князь *Яшвиль* (впослѣдствіи командиръ л.-гв. Гусарскаго полка), баронъ *Врангель*, *князь Михаилъ Лобановъ-Ростовскій*, князь *Трубецкой*, *Веревкинъ*, князь *Ревасъ Андронниковъ*, подполк. *Качени* (ран.), ротм. *Лазебниковъ* (ран.), шт.-кап. *Фонъ-Кауфманъ* (ран.).

Изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, помимо Начальника Штаба отряда Владиміра Іосифовича *Гурко* (отецъ фельдмаршала), отмѣтимъ: полковника *Мильковскаго*, *барона Ипполита Вревскаго*, (убитъ въ 1858 г.), *Ковалевскаго* (убитъ при штурмѣ Карса въ 1854 г.), подп. *Левиссона* (убитъ здѣсь), *Корсакова* (убитъ здѣсь), *Козлянинова* (раненъ), *барона Дельвига* (раненъ), *графа Гейдена* (раненъ), впослѣдствіи нач. Глав. Штаба, *Леонтьева* (раненъ), *Артура Адамовича Непокойчицкаго* (впослѣдствіи Нач. Шт. дѣйствующей въ 1877 г. на Дунаѣ арміи), *Мих. Иван. Дараганъ* и капитана *Прушановскаго* (тяжело здѣсь раненаго).

Изъ строевыхъ офицеровъ, помимо генераловъ-героевъ этого похода—*Пассека* (здѣсь убитаго) и *Лабынцева*, отмѣтимъ генераловъ *Козлянинова* (нач. артиллеріи), *Безобразова* и *Бѣлявскаго* (раненаго) и блестящихъ штабъ-офицеровъ: *Познанскаго*, *Ранжевскаго*, *Заваліевскаго* и командира Навагинцевъ *Бибикова* (всѣ четверо здѣсь убиты), капитана Николая Петровича *Колюбакина* (раненаго, впослѣдствіи кутаисскаго губернатора), князя *Александра Ивановича Барятинскаго* (раненаго, будущій фельдмаршалъ), юнкера Кабардинскаго полка, здѣсь произведеннаго въ прапорщики, князя *Димитрія Святополкъ-Мирскаго*, командира Кабардинскаго полка, извѣстнаго героя Викентія Михайловича *Козловскаго* (раненаго), полковника *Сервирога* (убитаго здѣсь), *графа Стейнбока* (тяжело раненъ и умеръ въ концѣ похода, старый доблестный кавказецъ), *Корнилова* (двоюродный братъ Севастопольскаго героя, тяжело раненъ и тутъ же умеръ), Любл. полка подп. *Кривошеева* (убитъ), маіора *Ритца* (убитъ), подполк. *Авдѣева* (ран.), полк. Витовскаго (ран.), подп. *Левашева* (ран.), подп. *Синюхаева* (ран.). полк. *Меллера-Закомельскаго* (ран.), маіора *Семенова* и полк. *Степанова* (оба ранены), поручика Лаппы (ран.) и мн. др.

Во главѣ милиціи мы видимъ здѣсь героевъ: князя *Илью Димитріевича Орбеліани* (убитаго въ 1854 г. во главѣ командуемаго имъ Грузинскаго Гренад. полка), князя *Левана Меликова* (впослѣдствіи помощникъ Намѣстника) и князя *Александра Эристова* (раненаго здѣсь одновременно съ авторомъ воспоминаній), *Захарія Эристова* и др.

Изъ адъютантовъ и ординарцевъ Лидерса назовемъ: ротмистра *графа де-Бальмена* (извѣстнаго художника, скорѣе превосходнаго рисовальщика), юнкера *Башилова* (оба здѣсь убиты въ одинъ день) и юнкера *Амосова* (раненъ въ щеку), гвард. пор. *Гербеля* (ран.), ротм. *Кованько* (убитъ), капитана *Ключарева* (адъют. Клюгенау—убитъ), шт.-кап. *Савича* (убитъ), поручика *фонъ-Блюма* (ран.); затѣмъ адъютанта Пассека ротм. кирас. Ея Велич. полка *Ольховскаго* (также здѣсь убитаго); такимъ образомъ только изъ послѣднихъ названныхъ здѣсь лицъ шестеро убиты, а остальные всѣ переранены.

Авторъ воспоминаній происходилъ изъ древней лифляндской рыцарской фамиліи. Отецъ его — Константинъ Христофоровичъ [1]) былъ извѣстный боевой дѣятель эпохи 1812—1815 гг. и, служа все это время въ летучихъ и партизанскихъ отрядахъ, прошелъ отличную боевую школу, командуя въ 1813 и 14 гг. самостоятельно отдѣльными летучими отрядами [2]). Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ посланникомъ въ Штуттартѣ, но въ предвидѣніи войны съ Персіею въ 1825 г., онъ, страстно любя военное дѣло, снова надѣлъ мундиръ, поѣхалъ на Кавказъ и принялъ живое участіе въ персидской кампаніи 1826—27 гг., съ выдающимся отличіемъ командуя у Паскевича авангардомъ, получивъ здѣсь, въ числѣ прочихъ наградъ, званіе генералъ-адъютанта.

Соединяя съ боевыми заслугами прекрасное образованіе, Константинъ Христофоровичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ рядомъ трудовъ, такъ, въ „Сѣверной Пчелѣ" печатались „Письма изъ Персіи", заключающія въ себѣ извлеченія изъ его весьма интересныхъ писемъ съ театра войны („Пребываніе Аббасса мирзы въ русскомъ лагерѣ" и др. очерки); также извѣстенъ его трудъ—„О казакахъ и службѣ вообще легкихъ войскъ", изданный на французскомъ языкѣ. По окончаніи войны К. Х. Бенкендорфъ сдѣлался жертвой нездороваго климата театра войны и, больной, покинулъ Кавказъ, оставивъ по себѣ память „рыцаря безъ страха и упрека". Съ началомъ турецкой войны, 1828—29 г., еще не оправившись отъ болѣзни, онъ поѣхалъ вновь въ армію, на Дунай и въ Болгарію, и здѣсь, командуя летучимъ отрядомъ, проникъ на Балканы, въ тылъ турецкой арміи, и 7-го іюня занялъ Праводы, захвативъ богатую добычу, но это былъ уже послѣдній его подвигъ, и въ августѣ болѣзнь свела его въ могилу на 44-мъ году всего жизни.

---

[1]) Родной братъ извѣстнаго шефа жандарм. Александра Христофоровича.

[2]) Въ 1813 г., при преслѣдованіи французовъ послѣ Лейпцига, Бенкендорфъ первымъ занялъ своимъ отрядомъ г. Амстердамъ и возстановилъ династію Оранскаго дома.

Въ 1832-мъ году братъ покойнаго Александръ (шефъ жандармовъ) былъ возведенъ въ графское достоинство, но, по неимѣнію имъ дѣтей мужского поколѣнія, достоинство это Высочайше повелѣно перенести на сына его умершаго брата Константина, т. е. на автора настоящихъ воспоминаній.

Авторъ воспоминаній Константинъ Константиновичъ, окончивъ Пажескій корпусъ, вышелъ въ л.-гв. конный полкъ, былъ затѣмъ адъютантомъ военнаго министра, но, несмотря на блестящее положеніе въ обществѣ и связи, обезпечивавшія ему военно-придворную карьеру, на жизнь въ столицѣ и на глазахъ у Государя, предпочелъ, подобно своему отцу, лишенія и опасности „погибельнаго Кавказа". Добившись назначенія въ кавказскій корпусъ, Константинъ Константиновичъ прошелъ здѣсь отличную боевую школу подъ руководствомъ такихъ выдающихся боевыхъ дѣятелей, какъ незабвенный *Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ* и доблестный *Робертъ Карловичъ Фрейтагъ* и руководство подобныхъ знатоковъ военнаго дѣла оставило въ немъ неизгладимые слѣды истиннаго его пониманія.

Всей душой Бенкендорфъ пристрастился къ славнымъ кавказскимъ войскамъ и къ кавказской боевой и походной службѣ и жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, этого, по истинѣ „героическаго періода войны", жизни, полной лишеній, трудовъ, опасностей и своеобразной поэзіи. Въ этихъ непрестанныхъ походахъ, то на Кубани, то въ Черкессіи, то въ Чечнѣ или Дагестанѣ, Бенкендорфъ, воинъ по крови и по призванію, оцѣнилъ кавказскія войска и всѣмъ сердцемъ привязался къ кавказскому солдату, къ которому до послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ особое глубокое поклоненіе, обожаніе и сердечную привязанность. „Чудныя войска, которыми, кажется, никогда достаточно не нахвалишься", говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ 1839-мъ году онъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, но, побывавъ въ Петербургѣ, продолжалъ свою боевую службу на Кавказѣ, участвуя въ экспедиціяхъ вплоть до рокового для него Даргинскаго похода 1845-го года, вынудившаго его, за потерей здоровья отъ неслыханныхъ лишеній и за тяжкими многими ранами, полученными въ этой экспедиціи, и сохранивъ жизнь только какимъ-то чудомъ, прежде всего заняться основательнымъ леченіемъ, а затѣмъ навсегда оставить боевую службу въ строю. Страданія отъ тяжкихъ ранъ не оставили его до конца жизни. Не владѣя свободно лѣвой рукой и особенно страдая отъ шашечныхъ ранъ, Бенкендорфъ продолжалъ службу по военно-дипломатической части, былъ нѣкоторое время нашимъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ, затѣмъ женился и въ тѣхъ же военно-дипломатическихъ обязанностяхъ участвовалъ въ венгерской кампаніи 1849 г. и

восточной 1853—55 гг., состоя при арміи Въ 1855. г. Бенкендорфъ получаетъ званіе генералъ-адъютанта, а три года спустя въ 1858 г.—тѣ же раны свели его въ могилу.

Настоящіе мемуары были изданы въ Парижѣ княземъ Григоріемъ Гагаринымъ на французскомъ языкѣ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и составляютъ библіографическую рѣдкость; по свойственной ему скромности, покойный не предназначалъ ихъ большой публикѣ, а только кружку близкихъ, но, полагаемъ, что 70 лѣтъ спустя грѣшно держать ихъ подъ спудомъ, такъ какъ они имѣютъ историческое значеніе.

Среди своихъ начальниковъ и подчиненныхъ, равно среди начальниковъ, друзей и пріятелей, графъ К. К. Бенкендорфъ оставилъ, подобно своему отцу, память человѣка „безъ страха и упрека" и, одновременно, человѣка мыслящаго и чрезвычайно скромнаго.

Князь Александръ Михайловичъ Дундуковъ-Корсаковъ, участникъ той же экспедиціи, часто въ теченіе ея встрѣчаясь съ Бенкендорфомъ, много разъ вспоминаетъ его въ своихъ запискахъ и, мало кого щадя въ нихъ, отзывается о немъ всегда съ особымъ уваженіемъ и теплотой.

„Графъ Бенкендорфъ рыцарски благородная личность, столь цѣнимая Воронцовымъ, которую никто изъ знавшихъ его близко никогда не забудетъ", говоритъ о немъ Дундуковъ, разсказывая случай, когда Бенкендорфъ велъ въ атаку отрядъ при движеніи къ Герзель-аулу, гдѣ онъ и былъ тяжело раненъ [1]).

Обладая большой наблюдательностью и сосредоточивая свои наблюденія на существенныхъ сторонахъ войны, нашего положенія въ краѣ, отношенія къ туземцамъ, особенностяхъ веденія здѣсь войны и особенно бытовой стороны арміи и на качествахъ русскаго солдата на Кавказѣ, Бенкендорфъ даетъ превосходную всему этому характеристику, а равно и весьма цѣнный очеркъ этой бѣдственной и безцѣльной экспедиціи и мѣткую и правдивую оцѣнку событій и лицъ, много посвятивъ характеристикѣ нашего несравненнаго кавказскаго солдата того времени.

Справедливо воздавъ должное огромному значенію А. А. Вельяминова, какъ, по истинѣ, творца системы, пріемовъ и способовъ веденія здѣсь войны, Бенкендорфъ превосходно обрисовываетъ и самую личность этого первокласснаго кавказскаго военнаго дѣятеля, котораго онъ ставитъ выше Алексѣя Петровича Ермолова.

---

[1]) Старина и Новизна. Т. VI. Воспом. кн. Дундукова-Корсакова, стр. 137-ая.

Интересной вереницей проходятъ здѣсь передъ нами характеристики участниковъ экспедиціи и прежде всего величественная фигура *графа Воронцова*, точнаго исполнителя навязаннаго ему изъ Петербурга плана экспедиціи и очутившагося съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности на Кавказѣ въ рѣдко трудномъ положеніи даже для полной всякихъ кризисовъ и ужасовъ кавказской войны и, тѣмъ не менѣе, внушившаго войскамъ своимъ олимпійскимъ величіемъ, выдержкой, неизмѣннымъ спокойствіемъ и рѣдкимъ холоднымъ мужествомъ въ минуты кризисовъ экспедиціи,—довѣріе и глубокое уваженіе.

Очень интересна также характеристика героя многихъ славныхъ дѣлъ и, особенно, всѣхъ арріергардныхъ дѣлъ этой экспедиціи (труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ на Кавказѣ), большого мастера руководить труднымъ дѣломъ отступленія арріергарда, типичнаго боевого служаки и стараго ворчуна, когда-то командира Кабардинскаго полка, генерала *Ивана Михайловича Лабынцева*, этого „Нея Кавказской арміи", по словамъ Бенкендорфа, затѣмъ богато во всѣхъ отношеніяхъ одареннаго, пламеннаго, отважнаго и непомѣрно честолюбиваго *Пассека*, знающаго, храбраго, но „страшнаго", по словамъ Бенкендорфа, „фрондера" *Ковалевскаго* и многихъ другихъ интересныхъ боевыхъ дѣятелей того времени, блиставшихъ геройствомъ, яркими талантами и представлявшихъ интересные типы, которые вырабатывала эта продолжительная, своеобразная война, полная тяжелыхъ лишеній, вѣчной опасности, сильныхъ ощущеній, и одновременно своеобразной прелести походной жизни на лонѣ дикой и величественной природы.

Изъ описанія эпизодовъ экспедиціи превосходно изложено у Бенкендорфа пребываніе отряда Пассека на „Холодной горѣ" и положеніе вообще раненыхъ на послѣднемъ до освобожденія Фрейтагомъ бивакѣ отряда у Шаухалъ-Верды [1]).

При правильномъ отношеніи къ событіямъ и правдивости изложенія записки графа Бенкендорфа, наравнѣ съ воспоминаніями *князя Дундукова-Корсакова, барона Николаи, Геймана, барона Дельвига, Нечаева и Горчакова*, имѣютъ большую цѣнность для изслѣдованія этой высоко-интересной, полной драматическихъ эпизодовъ и безпримѣрной по стойкости и благородному мужеству кавказскихъ войскъ—экспедиціи въ Дарго въ 1845-мъ году.

Б. Колюбакинъ.

---

1) До чего были велики потери отряда въ офицерахъ, свидѣтельствуютъ цифры; всего выбыло изъ строя за три недѣли экспедиціи 189 шт.-и оберъ-офицеровъ, изъ коихъ убито 37, а изъ числа 119 раненыхъ большинство тяжело и по нѣсколько разъ, и уже конечно остались калѣками на весь остатокъ своей жизни.

Предисловіе парижскаго издателя (1858 г.).

(Составлено княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ, извѣстнымъ художникомъ, впослѣдствіи вице-президентомъ академіи художествъ, бывшимъ личнымъ другомъ автора воспоминаній).

Лѣтомъ 1845-го года графъ Бенкендорфъ, весь покрытый тяжелыми ранами, пріѣхалъ въ Парижъ лѣчиться и для необходимаго отдыха. Во время своего выздоровленія, на досугѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, онъ принялся писать свои воспоминанія о походѣ, изъ котораго онъ спасся какимъ-то чудомъ.

Какъ человѣку высоко-порядочному и военному до мозга костей, болѣе всего претило ему говорить о себѣ самомъ, а тѣмъ болѣе разсказывать о своихъ подвигахъ. Набрасывая эти замѣтки, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сдѣлать ихъ достояніемъ печати; еще едва оправившись отъ ранъ, онъ назначилъ себѣ извѣстный срокъ, чтобы дать время остыть свѣжимъ впечатлѣніямъ, которыя не могли бы не потускнѣть передъ новѣйшими событіями.

Воспоминанія эти онъ писалъ исключительно для себя и для своихъ, а если и давалъ ихъ читать кому-либо изъ близкихъ друзей, то дѣлалъ это крайне рѣдко и съ большимъ разборомъ. Теперь, когда жестокая и преждевременная смерть отняла его у насъ и когда главныя дѣйствующія лица этой Кавказской драмы вычеркнуты изъ списка живыхъ, мы считаемъ своимъ долгомъ воздать дань уваженія его свѣтлой памяти, ознакомивъ общество съ этой благородной личностью во всей простотѣ его открытаго и прямого характера.

Мы постараемся сохранить доказательства глубокой любви покойнаго къ родинѣ, къ Кавказу и къ военной службѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ мы увидимъ, съ какимъ безпристрастіемъ и добротой онъ относился къ людямъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и какъ чувство долга всегда одерживало въ немъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами, нерѣдко подвигая его на крайніе подвиги.

Личныя воспоминанія графа К. К. Бенкендорфа о кавказскомъ походѣ въ лѣто 1845-го года.

Я вовсе не намѣренъ писать исторію военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ лѣто 1845-го года. Я просто хочу возстановить въ памяти самому себѣ и моимъ друзьямъ мое скромное участіе въ походѣ въ качествѣ командира баталіона. Въ этихъ воспоминаніяхъ я отдохну душой, они перенесутъ меня въ эпоху моей жизни, полную молодости и силъ, они напомнятъ мнѣ любимый край, воскресятъ былые сны и наиболѣе мнѣ дорогія симпатіи. Тѣмъ не менѣе,

я не могу начать свое повѣствованіе, не сказавъ о времени, къ которому оно относится, и о тѣхъ причинахъ высшаго порядка, которыя породили главнѣйшія событія.

Могущество Шамиля страннымъ образомъ возросло со времени взятія Ахульго—кровавой катастрофы, которая только очень ненадолго задержала развитіе этого могущества [1]).

Возстаніе въ Чечнѣ, неудачныя экспедиціи генерала Граббе въ 1842-мъ году, смерть Ахметъ-хана Мехтулинскаго, послѣдняго опаснаго (для Шамиля и его ученія) представителя монархическихъ началъ въ Дагестанѣ, паденіе въ 1843-мъ году нашихъ фортовъ въ Аваріи, возстаніе въ Аваріи и въ Акушѣ, завоеваніе шамхальства, бездѣйствіе нашихъ войскъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, отложеніе Даніэльбека султана Елисуйскаго, единственнаго туземнаго вождя, имѣвшаго какое-либо личное значеніе, который до этого времени оставался намъ вѣренъ, нелѣпая военная прогулка 1844-го года [2]),—всѣ эти событія въ глазахъ туземцевъ, равно, какъ и въ нашихъ, являлись побѣдами Шамиля.

Наше дѣло было проиграно и мы стыдились своего безсилія. Всѣ желали, надѣялись и съ нетерпѣніемъ ожидали событія, которое измѣнило бы это печальное настроеніе умовъ.

Эти надежды и желанія были, наконецъ, удовлетворены извѣстіемъ о назначеніи графа Михаила Семеновича Воронцова главнокомандующимъ Кавказской арміею. Это назначеніе было встрѣчено съ единодушнымъ восторгомъ не только на Кавказѣ, гдѣ уже давно ждали своего освободителя, но и во всѣхъ остальныхъ частяхъ обширной имперіи, гдѣ имя графа Воронцова стояло очень высоко въ общественномъ мнѣніи. Имя, связанное со славной и блестящей эпохой войнъ 1812—1815 годовъ, было всегда дорого Россіи.

Обладая въ высшей степени всѣми качествами, всѣми данными для того, чтобы покорять сердца или просто нравиться, перечислить

---

[1]) Остается неяснымъ, въ какомъ смыслѣ и для кого событіе 1839-го г. признается авторомъ катастрофой. Для насъ это все же была побѣда, хотя и безплодная и стоившая намъ много крови и громадныхъ лишеній, т. е. побѣда кровавая, но которой мы не умѣли воспользоваться. *Б. К.*

[2]) Графъ Бенкендорфъ, видимо, повторяетъ здѣсь оцѣнку похода 1844 г., сдѣланную въ Петербургѣ, такъ какъ эта „нелѣпая прогулка“ составляла уклоненіе отъ указанія изъ Петербурга о способѣ дѣйствій. А между тѣмъ виновникъ „прогулки“ ген.-адъют. Нейдгартъ поступилъ прямодушнѣе графа Воронцова въ 1845 г., не предпринявъ этого безцѣльнаго и погибельнаго Даргинскаго похода, за исполненіе котораго, даже не вѣря въ его успѣхъ, взялся графъ Воронцовъ. Нынѣ, владѣя оффиціальными первоисточниками и при богатствѣ мемуаровъ, всѣ эти затѣи 1845 и 1844 годовъ получаютъ, наконецъ, правильное освѣщеніе. *Б. К—ъ.*

которыя отняло бы у насъ много времени и которыя къ тому же всѣмъ хорошо извѣстны, графъ Михаилъ Семеновичъ соединялъ съ ними еще и тѣ, которыя въ Россіи подкупаютъ всѣ симпатіи и всегда плѣняютъ—я хочу сказать о внѣшности графа. Красавецъ въ свои 65 лѣтъ, высокаго роста, съ прекрасными и изысканными манерами, графъ прежде всего былъ большой баринъ, качество тѣмъ болѣе почтенное, что оно со дня на день становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Это качество свойственно старому поколѣнію, которое и унесетъ его съ собой въ могилу. Сыновья, люди съ громкими именами, подчасъ и съ большимъ состояніемъ, но это не бары.

Графъ Михаилъ Семеновичъ кромѣ того владѣлъ большимъ состояніемъ и всегда былъ очень щедръ по отношенію своихъ окружающихъ. Человѣкъ совершенно независимаго характера и, какъ ходили слухи, графъ былъ въ большихъ контрахъ съ правительствомъ—обстоятельство, достаточное у насъ въ Россіи для пріобрѣтенія популярности. Говорятъ, что Государь въ этомъ отношеніи подчинился обстоятельствамъ; интересно было бы знать, какихъ усилій стоило ему сложить съ себя часть власти, чтобы облечь ею своего подданнаго, къ которому, какъ указывала молва, онъ далеко не былъ расположенъ.

Это послѣднее обстоятельство, мнѣ кажется, много способствовало тѣмъ оваціямъ, какими встрѣтили графа Михаила Семеновича Москва и Петербургъ. Правда, эти оваціи были заслужены: онѣ относились къ той великой жертвѣ, которую графъ Михаилъ Семеновичъ принесъ, поступившись своимъ славнымъ отдыхомъ тогда, когда, казалось, онъ достигъ вѣнца своей карьеры, столь богатой великими событіями и ознаменованной добрыми дѣлами.

Въ самомъ дѣлѣ, по первому призыву своего Государя, онъ все бросаетъ для новыхъ трудовъ, чуждый всякой задней мысли, единственно повинуясь чувству долга и своей совѣсти, которыя повелѣваютъ ему поработать еще для общаго блага и славы русскаго оружія. Это былъ призывъ къ чувству чести дворянина, и графъ Воронцовъ не задумался откликнуться на него.

Государь собственноручнымъ письмомъ предложилъ ему принять званіе главнокомандующаго Кавказской арміею и намѣстника, но предложеніе это оставалось для всѣхъ тайной. Курьеръ, съ которымъ оно было послано, пріѣхалъ въ Алупкинскій дворецъ ночью; графа разбудили, и онъ немедленно продиктовалъ свой отвѣтъ, а часъ спустя курьеръ уже мчался обратно въ Петербургъ.

На Кавказѣ, какъ мною уже упомянуто, извѣстіе объ этомъ назначеніи произвело огромное впечатлѣніе; войска съ восторгомъ привѣтствовали героя Краона и участника многихъ сраженій; старые

грузины—того, кто еще молодымъ офицеромъ сражался въ ихъ рядахъ въ славныя побѣдныя времена князя Циціанова.

Для торговли и промышленности, казалось, наступила новая эра при тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя должны были вскорѣ водвориться въ Новороссіи и Закавказскихъ губерніяхъ. Русскіе кавказцы разсчитывали освободиться отъ непосредственной зависимости отъ Петербурга, служившей для нихъ предметомъ постоянныхъ жалобъ и создававшей имъ положеніе, которое такъ мало согласовалось съ ихъ фрондерскимъ складомъ ума, съ ихъ либеральными идеями, съ ихъ стремленіями къ самостоятельности и оппозиціоннымъ отношеніемъ ко всему тому, что не исходило отъ нихъ самихъ [1]).

Такой складъ ума (духъ) особенно сильно обозначается въ этомъ краѣ, и мнѣ кажется, что его порождаетъ сама природа; онъ впитывается вмѣстѣ съ воздухомъ этой дикой и величественной природы.

Мусульманскія народности Кавказа не могли не знать, что графъ Воронцовъ неоднократно выступалъ защитникомъ и покровителемъ ихъ братьевъ—Крымскихъ татаръ.

Извѣстіе о назначеніи графа Воронцова привело противника въ смущеніе, и онъ съ любопытствомъ ожидалъ появленія новаго начальника, которымъ только и были заняты всегда освѣдомленные новостями базарные слухи городовъ, ауловъ и станицъ. Наконецъ, всѣ, а въ особенности низшіе классы населенія, привѣтствовали въ Воронцовѣ идола азіатскихъ народовъ и человѣка, соединявшаго съ громаднымъ богатствомъ еще и всемогущество.

Я хочу еще остановиться на той рѣзкой разницѣ, которая существовала между впечатлѣніемъ, произведеннымъ назначеніемъ графа Воронцова на умы населенія Россіи и Кавказа, и на различіи тѣхъ чувствъ, съ которымъ это назначеніе было встрѣчено въ обѣихъ странахъ. Въ Россіи на назначеніе графа смотрѣли какъ на окончаніе этой непопулярной войны, дабы обновить (regenerer) край, отъ котораго уже съ давнихъ поръ требовали вознагражденія за принесенныя для него жертвы. Въ Азіи же, за небольшимъ лишь исключеніемъ, русскіе кавказцы, равно богатые и бѣдные, видѣли въ Воронцовѣ освободителя.

Одинъ надѣялся при его помощи составить себѣ состояніе, другой—карьеру, третій заручиться извѣстнымъ вліяніемъ въ

[1]) Если рѣчь идетъ по вопросу скорѣйшаго покоренія Кавказа и установленія правильныхъ отношеній къ мирнымъ и немирнымъ туземцамъ, то русскіе кавказцы были совершенно правы, ибо всѣ петербургскія указанія и планы совершенно не отвѣчали свойствамъ Кавказа и его обитателей и къ этой независимости стремились рѣшительно всѣ намѣстники, начиная съ Ермолова. *Б. К.*

дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намекомъ на подобное вліяніе, что служило бы ему средствомъ для достиженія первыхъ двухъ благъ.

Понятія объ общественномъ благосостояніи и общественной пользѣ, даже въ самомъ узкомъ значеніи слова, еще не перешли ни за Терекъ, ни за Кубань, и было бы совершенно напрасно искать равнозначущаго выраженія на татарскомъ, грузинскомъ и даже армянскомъ языкахъ.

Отъѣздъ графа Воронцова изъ Одессы былъ тріумфомъ для его прошлаго, его пріѣздъ на Кавказъ и въ особенности въ Тифлисъ— тріумфомъ настоящаго и надеждой на тріумфъ будущаго.

Графъ проѣхалъ по всему восточному прибрежью Чернаго моря, осмотрѣвъ нѣсколько главныхъ приморскихъ пунктовъ, проѣхалъ черезъ Мингрелію и Имеретію и 22-го марта прибылъ въ свою новую столицу. Я имѣлъ честь сопутствовать графу въ эти края, которые я уже зналъ и которые я съ удовольствіемъ видѣлъ вновь, такъ какъ ихъ созерцаніе было мнѣ первымъ отвлеченіемъ отъ впечатлѣній тягостной потери, которой Господу Богу угодно было меня испытать. Не буду останавливаться на этихъ подробностяхъ, чтобы скорѣе перейти къ началу кампаніи.

Энтузіазмъ къ новому начальнику былъ безграничный: никогда еще населеніе Тифлиса не видѣло въ представителѣ всемогущаго сардаря, болѣе ласковаго пріема, ни большей доброты и мягкости въ соединеніи съ такимъ величіемъ. Таково было впечатлѣніе на массы. У лицъ же, окружающихъ графа, къ этому общему впечатлѣнію присоединилось еще и удивленіе и нѣкоторое смущеніе, такъ какъ новый начальникъ не походилъ ни на одного изъ своихъ предшественниковъ. Строились всевозможныя догадки, старались его поймать на чемъ-нибудь, испытывали, но онъ не поддавался никакому объясненію и оставался неуязвимъ. Своей непроницаемостью, въ этой странѣ интригъ, графъ Воронцовъ приводилъ въ отчаяніе самыхъ бывалыхъ и продувныхъ. Отъ Воронцова уходили съ убѣжденіемъ, что онъ остается загадкой, тайной; „онъ насъ всѣхъ проведетъ“, передавали другъ другу на ухо. Блистательное доказательство превосходства ума графа! Воображеніе азіатовъ было поражено и всѣми овладѣло чувство страха. Вообще страхъ являлся здѣсь чѣмъ-то новымъ, такъ какъ на Кавказѣ, уже съ давнихъ поръ, не боялись ничего и никого, такъ слабо было здѣсь правительство [1]).

---

[1]) То есть послѣ Ермолова, бывшаго грозою всѣмъ непокорнымъ, непослушнымъ и лѣнивымъ, и удаленіе Ермолова изъ Кавказа нанесло громадный ущербъ утвержденію нашей здѣсь государственности и успѣху покоренія Кавказа, и много еще прошло времени, пока, наконецъ, мы взялись за умъ. *К. Б.*

Въ этотъ первый свой пріѣздъ графъ Воронцовъ оставался въ Тифлисѣ всего мѣсяцъ. Время открытія кампаніи приближалось и для Петербурга въ Кавказскомъ вопросѣ военныя дѣйствія представляли главный интересъ. Вслѣдствіе этого въ возможной степени были собраны войска и произведены гигантскія приготовленія, дотолѣ неизвѣстныя.

Никогда еще не находилось въ сборѣ такого числа отдѣльныхъ отрядовъ для одновременнаго дѣйствія на самыхъ противуположныхъ пунктахъ обширной операціонной базы и на этотъ послѣдній планъ дѣйствій кавказскіе стратеги возлагали самыя блестящія надежды (!?) [1]. Никогда еще отряды эти не имѣли такой численности, особенно же главный отрядъ, при которомъ долженъ былъ находиться самъ главнокомандующій—это была цѣлая армія [2].

Эти обширные замыслы созрѣли въ Петербургѣ; тамъ зародилась идея этого похода (кончить все однимъ рѣшительнымъ ударомъ), порученнаго графу Воронцову и предназначеннаго служить дополненіемъ (развитіемъ) похода, не состоявшагося въ прошломъ 1844-мъ г. На Кавказѣ, противно петербургскимъ воззрѣніямъ, не видѣли надобность этого похода и не вѣрили въ блестящее его окончаніе.

Если въ столицѣ находили, что нужно было энергично вести войну и все кончить силой оружія [3]), то на Кавказѣ, наоборотъ, съ этимъ не соглашались и не строили себѣ никакихъ иллюзій въ успѣхѣ похода. Впрочемъ, всѣ были того мнѣнія, что нужно было поднять славу нашего оружія и предпринять что-либо значительное;

---

[1]) Это не вполнѣ справедливо. И здѣсь, какъ увидимъ сейчасъ же далѣе, Бенкендорфъ себѣ въ нѣкоторой степени противорѣчитъ: это петербургскіе стратеги возлагали блестящія надежды, но не кавказскіе, которые, какъ это теперь доподлинно извѣстно, подвергли проекты похода 44 и 45-го годовъ большой критикѣ, а наиболѣе авторитетные подавали записки (кн. Аргутинскій) и откровенно высказывались Воронцову (Фрейтагъ), или просто фрондировали (Лабынцевъ, Ковалевскій и др.).

[2]) По свидѣтельству другого участника, князя Дундукова-Корсакова, называвшаго главный отрядъ арміею Ксеркса, организація, составъ и численность главнаго отряда подверглись на Кавказѣ большому осужденію, особенно свита графа Воронцова и штабы его и Лидерса, что непомѣрно увеличило вьючный обозъ, составлявшій всегда слабую сторону горныхъ экспедицій. Во всемъ остальномъ Бенкендорфъ правъ, такъ что его слѣдуетъ причислить къ кавказцамъ, здраво смотрѣвшимъ на дѣло, и онъ только, по свойственной ему скромности, мало подчеркиваетъ свое пониманіе условій успѣха войны и экспедиціи 1845-го года.

[3]) Главное—однимъ ударомъ, въ одинъ походъ, что и составляло главную ошибку этого плана, ибо Кавказская война требовала системы и основательной и продолжительной подготовки, равно и наступленія со стороны Чечни и никоимъ образомъ не со стороны Дагестана. *Б. К.*

полагали, что взятіе Тилитля, центра непріятельскаго господства на югѣ, и занятіе Анди, страны до сихъ поръ для насъ неизвѣстной, о которой разсказывались чудеса, дастъ намъ огромныя преимущества. Было извѣстно, что Анди недовольна режимомъ Шамиля, что жители желали нашего прихода, даже требовали его; мы же ласкали себя надеждой, что отложеніе андійцевъ повлечетъ за собой отложеніе отъ Шамиля и другихъ народовъ Дагестана, привыкшихъ всегда слѣдовать примѣру Анди. Это предположеніе казалось тѣмъ болѣе обоснованнымъ, что всѣ народности Чечни и Дагестана одинаково испытывали тягость владычества Шамиля и что давно уже ничто это владычество не одушевляло. Начать съ того, что религіозный фанатизмъ привелъ въ Дагестанѣ все къ одному и тому же уровню, замѣняя собой власть, какъ монархическую, такъ и демократическую, бывшую доселѣ исключительно въ рукахъ духовенства; воплотившись въ Шамилѣ, отъ котораго исходило все могущество, фанатизмъ этотъ, породившій священную войну, давнымъ давно погасъ, остановленный въ своемъ порывѣ сѣкирой этого человѣка, сдѣлавшагося представителемъ державы скорѣе политической, чѣмъ религіозной.

Съ потерей Дагестана Шамиль терялъ половину своего могущества и у него оставалась только Чечня. Принимая въ соображеніе, что при помощи горцевъ онъ держалъ въ страхѣ жителей равнинъ и лѣсовъ и, наоборотъ, легко оцѣнить все значеніе удара, который мы собирались ему нанести [1]).

Въ то время между нами не было пророковъ, и никто изъ насъ не предугадалъ той степени силы, которую проявилъ Шамиль [2]).

Когда Шамиль лишился Андіи, по невозможности ея обороны, то онъ сдѣлалъ то самое, что сдѣлала наша первопрестольная столица, воодушевленная благороднымъ патріотизмомъ. По его приказанію, прежде, чѣмъ ее покинуть, мюриды сожгли и опустошили всю долину и силой угнали жителей, которые, изнемогая подъ тяжестью и бѣдствій и лишеній, уже не могли распорядиться своей судьбой, несмотря на присутствіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ штыковъ, пришедшихъ на ихъ освобожденіе. Но такъ какъ мы не

---

[1]) Бѣдный средствами для жизни Дагестанъ имѣлъ меньшее значеніе, чѣмъ Чечня, служившая ему источникомъ средствъ, т. е. базой для веденія войны, и 14 лѣтъ спустя только занятіе нами Чечни рѣшило судьбу кампаніи. *Б. К.*

[2]) Т. е. изъ лицъ, окружавшихъ графа Воронцова, но внѣ этого круга пророковъ было много, начиная съ генераловъ—*Фрейтага, князя Аргутинскаго, Бебутова, Лабынцева, Ковалевскаго* и кончая другими, игравшими скромную сравнительно роль. *Б. К.*

предусматривали подобной системы обороны, то успѣхъ похода казался возможнымъ и даже вѣроятнымъ [1]). Старые кавказцы вообще безмолвствовали, удерживаясь отъ критики предстоящаго, но вторую половину похода, долженствовавшую разыграться на театрѣ Ичкеріи (т. е. уже въ Чечнѣ), они даже одобряли [2]); тѣ же, кто предчувствовалъ неудачи, таили эти предчувствія про себя, не высказывались и подчинялись общему увлеченію, и всѣ вообще только и думали о томъ, какъ бы только сражаться подъ знаменами графа Воронцова.

Я имѣлъ честь сопровождать главнокомандующаго въ его поѣздѣ отъ Тифлиса до Владикавказа, вдоль рѣки Сунжи и частью по линіи Терека до Кизляра и въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Эта поѣздка заканчивалась укрѣпленіемъ *Ташъ-Кичу*—предварительнымъ сборнымъ пунктомъ для чиновъ главной квартиры графа Воронцова. Эти восемь дней пребыванія въ Ташъ-Кичу я провелъ въ кружкѣ жуировъ. Я помѣщался въ татарскомъ аулѣ.

Миша Лобановъ и я помѣстились въ саклѣ нашего кунака, нѣкоего Нуцала, молочнаго брата князя Хасаева [3]). Я не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій у графа Воронцова и былъ бы крайне недоволенъ имѣть таковыя, что включило бы меня въ составъ штаба на всю кампанію. Въ походѣ я всегда избѣгалъ большихъ и малыхъ штабовъ, и мнѣ всегда удавалось остаться въ строю, а чаще всего получать командованіе отдѣльной частью.

Свою службу на Кавказѣ я началъ въ 10-ой ротѣ Кабардинскаго Егерскаго полка, въ томъ самомъ полку, въ которомъ, въ Грузіи, на берегахъ Алазани, въ 1804-мъ году началъ свою военную службу покойный дядя мой, графъ Александръ Бенкендорфъ. Продолжалъ я свою службу въ Черноморскомъ казачьемъ полку. Въ 1836-мъ году покойный генералъ Вельяминовъ, по рекомендаціи адъютанта военнаго министра барона Павла Вревскаго, поручилъ мнѣ командованіе казачьей полусотней отборной конницы, которая составляла резервъ горскаго (изъ черкесъ) эскадрона, принявшаго дѣятельное участіе въ осенней экспедиціи въ окрестностяхъ Анапы.

Въ 1842-мъ году военный министръ графъ Чернышевъ, котораго я имѣлъ честь сопровождать въ его интересной поѣздкѣ по

---

[1]) Едва-ли даже при этихъ условіяхъ не придаетъ ли Бенкендорфъ слишкомъ большое значеніе покоренію Андіи, вѣдь вопросъ въ томъ, могли ли бы мы потомъ удержаться въ Андіи. *Б. К.*

[2]) Бенкендорфъ ихъ не называетъ. *Б. К.*

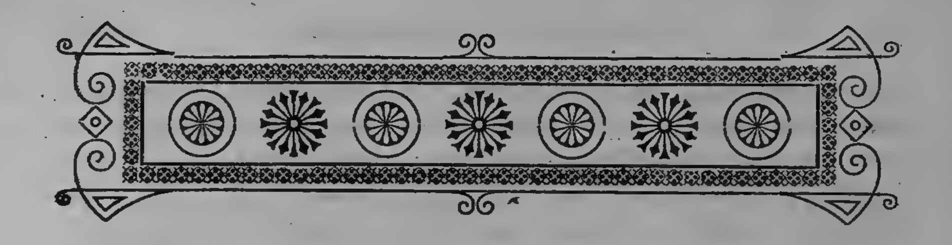
[3]) Кумыкскаго князя, равно какъ и аулъ Ташъ-Кичу Кумыкскій; кумыки, которыхъ, по мѣстнымъ условіямъ, мы могли прикрывать, крѣпко насъ держались.

Кавказу, прежде, чѣмъ вернуться въ Петербургъ, предоставилъ меня въ распоряженіе полковника *Фрейтага*. Этому выдающемуся офицеру, нынѣ (въ 1856 г.) генералъ-лейтенанту, было поручено занять расположеніе бывшаго аула *Ойсунгуръ*, возвести здѣсь укрѣпленіе и оборонять такъ называемую *Кумыкскую плоскость*. Онъ предоставилъ мнѣ командованіе кавалеріею своего отряда въ составѣ Донского казачьяго полка и сотни линейцевъ; это было блистательно для начала.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ давно прошедшаго[1].

(1876—1879).

27 декабря 1877 г.

нас сегодня большой скандалъ.

Какъ я уже писалъ, бури съ начала декабря прервали сообщеніе чрезъ Дунай и доставать фуражъ было очень трудно, лошади стали падать (пало уже 30 лошадей!); командиръ бросался изъ стороны въ сторону—ничего не выходило... Объ этомъ пошли слухи...

Недавно пріѣзжалъ начальникъ артиллеріи корпуса генералъ Н* смотрѣть лошадей. Стыдно было показывать; вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ генералъ Б*, тоже смотрѣлъ... Сегодня пріѣхалъ начальникъ дивизіи баронъ Дризенъ, смотрѣлъ лошадей и объявилъ при всей батареѣ, что онъ, собственной властью, отставляетъ бар. М* отъ командованія батареей, и затѣмъ, вызвавъ Л*, приказалъ ему принять на себя командованіе впредь до прибытія новаго командира.

5 января 1878 г.

Наканунѣ новаго года меня съ командой людей послали въ Бѣлу за 30 верстъ за фуражемъ, гдѣ находились интендантскіе склады. Прежде чѣмъ получить фуражъ, мнѣ пришлось повозиться съ интендантами. Только на другой день по пріѣздѣ удостоился быть принятымъ интендантомъ! (Пар—совъ—потомъ, по окончаніи кампаніи, былъ отданъ подъ судъ). Боже мой—какой видъ! Потомъ пришлось возиться со смотрителемъ склада—маленькимъ старичкомъ изъ грековъ съ плутоватыми глазами. Какъ имъ далеки дѣйствительныя нужды арміи. Было прямо омерзительно...

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

Вернувшись на бивуакъ, узналъ, что завтра переходимъ въ деревню Карахаджили, гдѣ станемъ по домамъ. Теперь уже укладываемся и прощаемся съ нашими землянками.

Карахаджили. 10 января 1878 г.

Эти дни мы переходили съ бивуака въ деревню, что было не такъ-то просто: много лошадей пало, а остальныя были, какъ тѣни. „Русская конная артиллерія—это центавръ!" говорилъ почтенный Л. Л. Кирпичевъ на своихъ лекціяхъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Вотъ тебѣ и „центавръ!" Въ деревнѣ устроились отлично: чистыя комнаты, отличныя конюшни. Послѣ 7 мѣс. бивуачной жизни—поразительно хорошо.

24 января 1878 г.

Эти нѣсколько ночей я положительно не могу спать: голова въ огнѣ отъ разныхъ думъ и мыслей. 21 января мы получили бумагу, изъ которой видно, что „предварительныя условія мира уже подписаны, демаркаціонныя линіи опредѣлены. Рущукъ очистится и мы его займемъ". Неужели мои мечты близки къ осуществленію? Хочется плакать, но слезъ въ моей суровой обстановкѣ мнѣ не даетъ судьба. Еще ничего неизвѣстно—ни когда пойдемъ въ Россію, ни какія части останутся на оккупацію.

25 января 1878 г.

Къ намъ пріѣхалъ вновь назначенный командиръ князь Р*.— На всѣхъ онъ произвелъ наилучшее впечатлѣніе. Говорятъ, что это человѣкъ съ традиціями „старой конной артиллеріи".

1 февраля 1878 г.

На-дняхъ мы заходили въ церковь посмотрѣть болгарскую свадьбу. Невѣста, вся закрытая, подъѣхала къ церкви въ „каруцѣ", запряженной парой буйволовъ. Невѣста и въ церкви оставалась съ лицомъ, закрытымъ толстымъ платкомъ, надѣтымъ на голову, поверхъ котораго былъ надѣтъ кружокъ съ монетами.

Женихъ представлялъ изъ себя какую-то жалкую фигуру. Пѣніе невыносимое. Вдругъ по церкви страшный хохотъ: священникъ что-то давалъ дружку (деверю)—здоровенному мужику Панасу, а Панасъ захотѣлъ напугать „попу" и укусилъ его за палецъ!

А на улицѣ шелъ „джогъ": кругъ изъ дѣвушекъ и парней, взявшись за руки, подъ монотонные звуки волынки двигался то влѣво, то вправо, притоптывая ногами. Внутри этого круга медленно двигался музыкантъ съ удивительно безстрастнымъ лицомъ, выводившій свои унылые звуки.

Вечеромъ слышны были свадебные выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ.

8 февраля 1878 г.

Какая-то неопредѣленность положенія. Ходятъ слухи о возможности войны съ Австріей.

12 февраля 1878 г.

8 февраля наши войска заняли Рущукъ.

Сегодня утромъ я, Ш—нъ и Х—ко верхами съ рейткнехтами, и повозкой, запряженной четверкой, отправились въ Рущукъ для покупокъ.

Пришлось ѣхать по мѣстности, полной для насъ воспоминаній: тутъ были 5 ноября, здѣсь стояли подъ пулями 7 ноября, тамъ носились по полю 14-го, а вотъ по этой тропинкѣ я съ четырьмя драгунами ѣздилъ еще въ іюлѣ далеко впереди нашихъ войскъ къ Пиргосу.

Какое-то особенное, пріятное ощущеніе ѣхать по этимъ мѣстамъ.

Скоро мы доѣхали до границы, за которой раньше все время были турки; вотъ и укрѣпленія ихъ, лагери, землянки.

Чудный солнечный день. По дорогѣ встрѣчались повозки то съ болгарами, то съ турками, возвращающимися въ свои села. Заговаривали съ болгарами,—изъ какого села?—Кочнево, Чифликъ, Пиргосъ.

— Э, братушки,—отвѣчаемъ: нѣтъ уже ихъ...

Встрѣчаемъ веселыя группы молодыхъ болгаръ: ѣдутъ верхомъ и на лошадяхъ и на ослахъ. А кругомъ куда ни взглянешь—чудные виды.

Рущукъ—городъ чисто-азіатскій: кривыя узенькія, страшно грязныя улицы, массы лавокъ, похожихъ болѣе на чуланы, и вездѣ, куда ни посмотришь—чалмы, куртки, шаровары, фески, трубки, халаты.

Молодые турки смотрятъ съ любопытствомъ, старые дѣлаютъ видъ, что они васъ не замѣчаютъ; женщины въ покрывалахъ и широкихъ шальварахъ, попадались и турецкіе солдаты, и странно было видѣть, какъ они отдавали намъ честь.

Болгаре встрѣчаютъ съ сіяющими лицами.

Много зданій разбитыхъ, брошенныхъ, запертыхъ.

Въ Рущукѣ мы заѣхали только въ турецкую баню, а потомъ отправились черезъ Журжево въ Бухарестъ.

21 февраля 1878 г.

Вчера вечеромъ князь Р* вернулся изъ Рущука и сообщилъ, что 19 февраля подписанъ миръ!

24 февраля мы выступаемъ изъ Карахаджили, идемъ въ село Камарлы, расположенное внутри четыреугольника крѣпостей (между

Рущукомъ, Силистріей, Варной и Шумлой), пробудемъ въ походѣ 5 дней.

Ходятъ слухи о скоромъ прекращеніи переправы у Петрошанъ, фуражъ подходитъ къ концу; въ деревняхъ, по эту сторону Рущука, уже достать ничего нельзя, и перемѣна стоянки прямо необходима.

24 февраля 1878 г.

Уже высланы впередъ квартирьеры, фуражиръ и кухня, но мы сами выступаемъ завтра, такъ какъ начальникъ дивизіи—генералъ Винбергъ, по просьбѣ князя Р*, разрѣшилъ намъ соединить два перехода въ одинъ.

Гагале 28 февраля 1878 г.

По новому приказу, мы 26 февраля взамѣнъ Камарлы перешли въ село Гагале въ 12 верстахъ отъ Рущука, по дорогѣ къ Силистріи.

Богатѣйшая деревня, прекрасныя квартиры и конюшни; масса фуража и болгаре сами приходятъ съ предложеніемъ продавать не только ячмень, но и сѣно; лучшей стоянки для поправленія лошадей нельзя не желать. Болгаре какіе-то хорошіе, радушные,—не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Карахаджали.

1 марта 1878 г.

Значительная часть выгодъ теперешней стоянки ухнула: полученъ приказъ отъ Дундукова — брать фуражъ отъ интендантскихъ складовъ въ Рущукѣ и для этого придется гонять лошадей. Какъ жаль, что этихъ складовъ не было тогда, когда именно въ нихъ была необходимость; когда за фуражемъ приходилось въ непогоду посылать несчастныхъ лошадей за 25—30 верстъ.

Сегодня утромъ комичная сцена: Джурбаджа (староста или старшина) принесъ командиру въ подарокъ 50 яицъ, какъ сборъ съ деревни.

9 марта 1878 г.

Мы стоимъ, точно и не знаемъ ничего—что съ нами будетъ и когда и куда пойдемъ. Одно изъ моихъ опасеній разсѣялось: нашъ корпусъ (12-й) не останется на оккупацію.

Отпуски въ Россію еще не разрѣшены.

Сегодня утромъ вдругъ, послѣ восхитительной погоды, выпалъ снѣгъ. А между тѣмъ въ концѣ февраля были фіалки.

2 апрѣля 1878 г.

За послѣднее время мы получили недостающихъ лошадей, поправили аммуницію, обмундировку—вообще готовимся къ походу.

Но будь, что будетъ, но лишь бы только скорѣе опредѣлилось, что именно—война или миръ!?

10 апрѣля 1878 г.

Бываетъ такое время, когда браться за перо тяжело и теперь именно такое время—полная неизвѣстность—ничего не знаешь и не видишь на два шага.

25 апрѣля 1878 г.

Вотъ и праздники кончились, а мы все еще въ Гагале; на дняхъ прошелъ слухъ, что насъ двинутъ къ Яссамъ, кажется, для занятія какихъ-то проходовъ. По газетамъ такая путаница, что рѣшительно ничего не понимаешь, но кажется, скорѣе война, чѣмъ миръ.

Гагале 25 мая 1878 г.,

Все уже уложено. Завтра выступаемъ къ Силистріи, откуда къ югу въ Деліарманскій лѣсъ.

Завтра утромъ въ 8 часовъ трубачъ заиграетъ:

„Всадники други, сѣдлайте коней,
съ бодрымъ духомъ въ походъ собирайтесь“.

26 мая 1878 г.

Въ 7 часовъ утра былъ уже на ногахъ; на дворѣ сѣдлали лошадей, денщики собирали вещи, и комната скоро приняла совершенно нежилой видъ.

Вчера, сегодня и завтра у болгаръ большой праздникъ, въ село пришли дѣвушки и парни со всѣхъ окрестныхъ деревень и сегодня собирается большой джогъ. „Чего вамъ сегодня уходить? Уходите въ недѣлю!“ пренаивно убѣждаютъ хозяева; они всѣ дома и собираются насъ провожать. Денщикъ пришелъ меня звать въ другую комнату, занимаемую Рогожинымъ и Леоновымъ, тамъ я засталъ на большомъ блюдѣ зажареннаго барана, три курицы и вино—все это было принесено намъ хозяиномъ.

Во флигелѣ на балконѣ были всѣ болгаре, я высматривалъ Тривану, ее тамъ не было, я нашелъ ее въ сосѣднемъ сарайчикѣ; она молча стояла, при видѣ меня она противъ обыкновенія не убѣжала, не убѣжала и тогда, когда я подошелъ и тихонько обнялъ ея стройную гибкую талію...

Пріѣхалъ фургонъ за вещами, торопились укладывать, болгаре помогали денщикамъ таскать чемоданы, нужно было спѣшить.

Трубачъ играетъ уже сборъ.

Я, Р* и Л* стояли на улицѣ около фургона; изъ сосѣдняго дома вышелъ болгаринъ безъ шапки, въ рукахъ у него была бутылка водки и три маленькихъ пучка цвѣтовъ; мы взяли цвѣты.

— Мнѣ жаль оставлять Ваше село: привыкъ къ Вамъ, сказалъ я.

— И намъ жаль: Вы много добрые люди, отвѣчаетъ мнѣ.

Облобызались съ нимъ, облобызались съ хозяевами и сѣли на коней.

Батарея проходила черезъ село, впереди ѣхали пѣсельники, запѣвало тонкимъ тенoромъ выводилъ:

„Разсказать ли вамъ, ребята,
Про солдатское житье.
. . . .
Три полушки въ день—
Куда хочешь, туда и дѣнь!“
. . . .

По пути высыпала масса болгаръ съ обнаженными головами, массы дѣвушекъ, парней въ ихъ пестрыхъ костюмахъ, все это составляло красивую картину; вотъ мы уже прошли и площадь—обычное мѣсто праздничныхъ танцевъ (джогъ), большая толпа болгаръ безъ шапокъ провожала насъ за село, со всѣхъ сторонъ слышны были разныя пожеланія. Князь Р. ѣхалъ впереди батареи и ему поднесли большой букетъ, а еще раньше къ нему являлась депутація отблагодарить за хорошее отношеніе солдатъ къ жителямъ. Мы были первые русскіе, которые стояли въ Гагале и простояли мы здѣсь три мѣсяца.

Гагале осталось на вѣки позади насъ, а впереди вилась дорога и на насъ надвигались новыя впечатлѣнія и новыя событія.

Слѣпово 27 мая 1878 г.

Нашъ теперешній походъ просто пріятная прогулка: люди и лошади отдохнули, настроеніе духа бодрое, погода чудная, мѣстность живописная, дороги прекрасныя, на половинѣ перехода остановка минутъ на двадцать, князь угощаетъ насъ легкимъ завтракомъ и прекраснѣйшимъ виномъ. Нашъ милѣйшій докторъ Кондрацкій—образованнѣйшій человѣкъ не только спеціально, но и литературно, говоритъ, что послѣ стакана хорошаго лафита горизонтъ расширяется и все получаетъ розовую окраску.

Сегодня мы въ Слѣповѣ. Какой контрастъ, Гагале и Слѣпово!

То было красивое, чистое богатое болгарское село, а это бѣдное, грязное неустроенное татарское. Здѣшніе татары переселенцы изъ

Крыма временъ Севастопольской кампаніи. Мой хозяинъ, добродушный татаринъ, весь день просидѣлъ на порогѣ своего гарема, т. е. женской половины дома, весь день не выпускалъ трубки изо рта. Въ Слѣповѣ я видѣлъ только одну женщину безъ покрывала и то старуху; она была по истинѣ ужасна: волосы, заплетенные въ нѣсколько косичекъ, выкрашены въ ярко оранжевый цвѣтъ, часть пальцевъ и ногти въ желтый.

Л. Богаевскій.

Воспоминанія жизни Ѳ. Ѳ. Тернера[1].

Какъ старые товарищи, мы возобновили знакомство, и Филипеусъ пригласилъ меня посѣщать его и часто бывалъ у меня. Онъ былъ женатъ на молодой и очень милой особѣ и занималъ помѣщеніе въ такъ называемомъ Брюлевскомъ дворцѣ,—я нерѣдко проводилъ у него пріятные вечера въ обществѣ его и жены, за рюмкой венгерскаго вина, слушая его интересные разсказы. Онъ находился въ Варшавѣ почти съ самаго начала возстанія и потому былъ свидѣтелемъ всего, что тамъ происходило въ этотъ столь возбужденный періодъ времени. Оживленный разсказъ его, какъ человѣка умнаго и наблюдательнаго, о всѣхъ главнѣйшихъ эпизодахъ возстанія, о выдававшихся въ то время дѣятеляхъ, о судѣ надъ ними и происходившихъ казняхъ—былъ не лишенъ интереса. Между прочимъ онъ мнѣ разсказывалъ о Сѣраковскомъ и о томъ, какъ онъ держалъ себя на судѣ и при самой казни, а это меня особенно интересовало потому, что я зналъ Сѣраковскаго. Это былъ очень способный офицеръ генеральнаго штаба, много занимавшійся статистическими работами и потому обращавшійся также и въ Географическомъ обществѣ. За нѣсколько недѣль до его бѣгства въ Польшу онъ былъ у меня, собирая матеріалы по какой-то статистической работѣ; мы долго и оживленно съ нимъ бесѣдовали о разныхъ научныхъ вопросахъ, и я никакъ не предполагалъ тогда, что я вижу его въ послѣдній разъ и что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ такъ печально окончитъ свою жизнь. Въ самый день его

[1]) См. «Русская Старина» февраль 1910 г.

отъѣзда изъ Петербурга онъ, идучи по Невскому, встрѣтился съ секретаремъ англійскаго посольства, Митчелемъ, который тогда много обращался въ нашихъ экономическихъ кружкахъ,—и гуляя съ нимъ, при прощаніи подавая ему руку, прибавилъ, что они вѣроятно уже не скоро увидятся;—на вопросъ Митчеля о причинѣ, онъ подъ секретомъ сообщилъ ему, что онъ въ тотъ же день уѣзжаетъ въ повстаніе. Какъ человѣкъ очень способный и какъ офицеръ—онъ сразу занялъ выдающееся мѣсто между повстанцами, сдѣлался начальникомъ банды, подъ вымышленнымъ именемъ, не помню какимъ, чуть ли не Боссакъ, и заставилъ нѣсколько мѣсяцевъ много о себѣ говорить, затѣмъ все же былъ взятъ въ плѣнъ и искупилъ на висѣлицѣ свое неразумное патріотическое увлеченіе, приведшее къ измѣнѣ офицера русской службы. Филипеусъ вообще сообщилъ мнѣ столько интересныхъ подробностей, которыя теперь уже вышли изъ памяти, что я не могу не сожалѣть, что тогда же не записалъ всего слышаннаго отъ него.

После Варшавы я потерялъ Филипеуса совершенно изъ вида и только впослѣдствіи мнѣ пришлось еще разъ въ жизни встрѣтиться съ нимъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я тогда управлялъ таможеннымъ департаментомъ въ отсутствіи князя Оболенскаго. Мнѣ докладываютъ, что нѣкто Филипеусъ желаетъ меня видѣть. Войдя ко мнѣ въ кабинетъ, онъ сообщилъ мнѣ, что служитъ въ III-мъ отдѣленіи (это было время самаго сильнаго разгара у насъ революціонныхъ страстей), что ему удалось узнать о предполагаемомъ проѣздѣ въ тотъ же вечеръ чрез Вержболово одного изъ главныхъ коноводовъ революціи подъ вымышленною фамиліею и что онъ проситъ меня по телеграфу предписать вержболовской таможнѣ задержать при проѣздѣ это лицо и передать его жандармамъ. Это требованіе поставило меня въ крайне щекотливое положеніе. Давно не встрѣчавшись съ Филипеусомъ, я даже не зналъ, что онъ служитъ въ тайной полиціи, и хотя я и не имѣлъ повода сомнѣваться въ его словахъ, но игнорируя даже, какое онъ тамъ занимаетъ положеніе—я не рѣшался по одному его словесному заявленію сдѣлать столь деликатное распоряженіе. Я объяснилъ ему, что министерство финансовъ по собственному почину не вмѣшивается въ политическія дѣла и никого не можетъ арестовать иначе, какъ по формальному требованію соотвѣтственныхъ властей и что потому я затрудняюсь по словесному его требованію сдѣлать столь важное распоряженіе, что при этомъ можетъ оказаться ошибка въ подозрѣніи, что можетъ быть задержано ни въ чемъ не повинное лицо и что тогда вся отвѣтственность падетъ на меня. Филипеусъ былъ внѣ себя отъ моего отказа, онъ объяснилъ мнѣ, что его непосред-

ственный начальникъ, такъ какъ это была суббота, находится на дачѣ и что пока онъ поѣдетъ къ нему, удобное время будетъ упущено и это можетъ имѣть очень опасныя послѣдствія. Несмотря на то, я рѣшительно отказался посылать такую телеграмму по словесному его заявленію, но я прибавилъ, что единственное, что я могу сдѣлать, это пробыть въ департаментѣ до 6-ти часовъ, хотя я и собирался уже тоже уѣхать на дачу, чтобы дать ему время заручиться письменнымъ сообщеніемъ. Филипеусъ ушелъ совершенно разстроенный, но черезъ два часа возвратился съ оффиціальной бумагой подписанной кѣмъ-то изъ служащихъ въ III-мъ отдѣленіи лицъ. Тогда я послалъ телеграмму, и лицо, о которомъ шла рѣчь, было вечеромъ задержано въ Вержболовѣ. Это оказался дѣйствительно одинъ изъ выдающихся коноводовъ революціи; я впрочемъ не поинтересовался узнать впослѣдствіи его настоящаго имени.

Въ 1865 году я былъ командированъ въ Парижъ для изученія вопроса о способѣ оцѣнки привозимыхъ изъ-за границы товаровъ. Вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе для установленія правильныхъ данныхъ по статистикѣ внѣшней торговли. Въ видахъ торговли привозъ и вывозъ товаровъ показывается у насъ въ цѣнахъ. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно трудно достигнуть удовлетворительной точности показанія. Въ каждую отдѣльную статью тарифа входятъ большею частью товары различной цѣнности, а потому установить среднюю цѣнность для нихъ очень трудно, такъ какъ количество привезеннаго различнаго рода товара входящаго въ данную статью постоянно измѣняется и вслѣдствіе того принимаемая средняя цѣна нерѣдко значительно расходится съ дѣйствительностью.

Для изученія вопроса, какъ эта цѣнность опредѣляется во французской статистикѣ, я и былъ посланъ въ Парижъ, гдѣ я провелъ очень пріятно нѣсколько недѣль,

По возвращеніи изъ Парижа я получилъ приглашеніе черезъ графа Перовскаго давать уроки статистики и полит. экономіи Наслѣднику Цесаревичу, впослѣдствіи Императору Александру III-му. Приглашеніе это я долженъ былъ отчасти приписать тому, что я въ то время уже пользовался нѣкоторымъ именемъ въ экономической литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, тому обстоятельству, что я нѣсколько лѣтъ давалъ уроки политической экономіи герцогу Николаю Максимиліановичу Лейхтенбергскому; — поэтому предварительно коснусь нѣсколько моихъ занятій съ послѣднимъ.

При герцогѣ Николаѣ Максимиліановичѣ состоялъ воспитателемъ генералъ Ребиндеръ, который очень былъ ему преданъ и посвящалъ себя всецѣло старанію дать Николаю Максимиліановичу отличное

воспитаніе. Черезъ него я и получилъ приглашеніе заниматься съ герцогомъ. Николай Максимиліановичъ отличался живымъ умомъ и большимъ интересомъ къ наукѣ, при чемъ, традиціонно слѣдуя склонности отца, особенно интересовался геологіей и дѣлами горнаго департамента. Несомнѣнно, если бы его жизнь протекла въ Россіи, то онъ много пользы принесъ бы своему отечеству. Къ сожалѣнію, обстоятельства сложились иначе.

Съ самаго начала моихъ занятій съ Николаемъ Максимиліановичемъ между нами установились очень пріятныя, можно сказать даже почти интимныя отношенія. Они не ограничивались однимъ преподаваніемъ, — я часто бывалъ у него по приглашенію къ завтраку и обѣду, а иногда проводилъ съ нимъ вмѣстѣ вечера за чтеніемъ разныхъ экономическихъ сочиненій и за бесѣдами по этому поводу.

На первой моей лекціи присутствовала Великая Княгиня Марія Николаевна, желая вѣроятно лично ознакомиться со мною и моимъ способомъ преподаванія. Повидимому, она осталась довольною первымъ впечатлѣніемъ и впослѣдствіи уже на моихъ лекціяхъ не появлялась. Близкій другъ въ то время еще Николая Максимиліановича, князь Константинъ Александровичъ Горчаковъ, а также и князь Мещерскій, впослѣдствіи извѣстный издатель „Гражданина“ просили моего разрѣшенія присутствовать при моихъ занятіяхъ съ Николаемъ Максимиліановичемъ. Мещерскій, сблизившійся впослѣдствіи съ Государемъ Наслѣдникомъ, пересталъ со временемъ посѣщать мои лекціи, но Горчаковъ оставался до конца такъ, что мы постоянно занимались втроемъ.

Николай Максимиліановичъ жилъ тогда въ Маріинскомъ дворцѣ, гдѣ теперь помѣщается Государственный Совѣтъ. Назначенный много лѣтъ спустя, уже послѣ смерти Николая Максимиліановича, членомъ Государственнаго Совѣта—я увидѣлъ опять тѣ же комнаты, въ которыхъ я проводилъ съ нимъ столько пріятныхъ часовъ,—и съ грустью вспомнилъ объ этомъ счастливомъ времени нашей молодости.

Приступивъ къ занятіямъ, я колебался, какую политическую экономію взять при этомъ за руководство, такъ какъ для данной цѣли ни одно сочиненіе по этой части не удовлетворяло меня вполнѣ. Наконецъ я остановился на трехъ сочиненіяхъ: Рикардо, Рошера и Милля—съ тѣмъ, чтобы изъ каждаго брать только отдѣльныя наиболѣе хорошо развитыя положенія.

На лекціи я излагалъ одно экономическое положеніе за другимъ по избранной мною системѣ и указывалъ, на какихъ страницахъ того или другого изъ вышеуказанныхъ трехъ авторовъ слѣдуетъ

прочитать изложеніе развитой мною мысли. Составленное мною краткое руководство въ видѣ политико-экономическихъ афоризмовъ, изложенныхъ по опредѣленной системѣ, съ указаніемъ подъ каждымъ изъ нихъ страницъ соотвѣтствующаго изложенія у Рикардо, Рошера и Милля,—было напечатано и поступило въ продажу. Я до сихъ поръ полагаю, что руководство, составленное по подобной системѣ, имѣетъ несомнѣнное преимущество особенно для университетскаго преподаванія, побуждая студентовъ самостоятельно знакомиться съ различными авторами, облегчая имъ ихъ изученіе, указаніемъ существующей между ними связи.

Въ девяностыхъ годахъ, бывшій тогда товарищемъ министра финансовъ, профессоръ Антоновичъ говорилъ мнѣ съ большою похвалою о моемъ руководствѣ пол. экон., которымъ онъ даже, кажется, самъ пользовался при преподаваніи въ Харьковскомъ университетѣ. Сознаюсь, что такой совершенно неожиданный отзывъ доставилъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе.

Кромѣ самой системы моего руководства, я провелъ въ ней, какъ мнѣ кажется, нѣсколько новый взглядъ на теорію ренты, расширивъ и обобщивъ ея значеніе.

Теорія идеальной ренты была установлена, какъ извѣстно, экономистомъ Рикардо. Онъ развилъ мысль, что земля при различныхъ обстоятельствахъ даетъ не только вознагражденіе за трудъ и за потраченныя на ея воздѣлку средства, но еще и добавочное, такъ сказать даровое вознагражденіе, которое онъ назвалъ рентой. По его объясненію, когда извѣстная мѣстность заселяется, то прежде всего обращаются къ воздѣлкѣ самой плодородной и самой удобной земли. Со временемъ приходится обращаться уже къ воздѣлкѣ менѣе плодородной земли. Тогда отдѣльному земледѣльцу можетъ представиться выгоднымъ, вмѣсто обработки земли менѣе плодородной, нанимать за плату землю первоначальнаго захвата. Если земля первой категоріи даетъ 100, а земля послѣдующей категоріи даетъ только 60, то послѣ пришедшему даже выгоднѣе снимать землю первой категоріи за 30 руб., потому что при этомъ на его долю все еще придется 70—т. е. на 10 больше, чѣмъ при воздѣлкѣ земли второй категоріи. Вотъ эти 30, а можетъ быть даже и 40 р., когда вся земля уже занята, и составятъ ренту, т. е. даровое вознагражденіе владѣльцу земли первой категоріи. Такимъ образомъ поземельная рента является даровымъ вознагражденіемъ за естественныя преимущества земли, дарованныя природою, т. е. доходъ не зависитъ ни отъ труда, ни отъ капитала, влагаемаго въ землю. Вдумываясь въ этотъ вопросъ, я пришелъ къ заключенію, что законъ о поземельной рентѣ есть только часть общаго закона, рента

не составляетъ особенность земли, она есть вообще даровой доходъ, получаемый отъ всякаго естественнаго преимущества, независимо отъ дохода, который составляетъ вознагражденіе за труды и за капиталъ. Знаменитый пѣвецъ, обладающій чуднымъ голосомъ, будетъ получать громадное вознагражденіе, между тѣмъ какъ пѣвецъ съ обыкновеннымъ голосомъ, при той же затратѣ средствъ на обученіе пѣнію и того же труда при исполненіи своей роли, будетъ получать несравненно меньшую плату, эта разница въ вознагражденіи несомнѣнно составляетъ ренту для перваго пѣвца, а вся разница отъ поземельной ренты въ томъ только, что она остается для него неотчуждаемой. Точно также всякій работникъ болѣе сильный и болѣе смышленый будетъ получать большое вознагражденіе въ сравненіи съ другимъ работникомъ, благодаря высшему дарованію, полученному отъ природы и не составляющему ему заслуги.

Такимъ образомъ рента, какъ вознагражденіе за естественныя преимущества, дарованныя природой, проявляется не только при воздѣлкѣ земли, но и во всѣхъ отрасляхъ производства.

Около этого времени молодой еще тогда ученый Янсонъ, составившій себѣ впослѣдствіи громкое имя статистическими работами по городскому хозяйству и народонаселенію, защищалъ публично въ университетѣ свою диссертацію о рентѣ. Его трудъ былъ очень хорошо составленъ, но ограничивался однимъ вопросомъ о поземельной рентѣ. Получивъ приглашеніе на диспутъ, я пріѣхалъ въ университетъ и, когда дебаты приходили уже къ окончанію, обратился къ магистранту съ вопросомъ—не слѣдуетъ ли считать ренту общимъ явленіемъ, проявляющимся при всякомъ производствѣ въ формѣ даровой прибыли за естественныя преимущества. Янсонъ уже былъ очевидно утомленъ продолжительнымъ диспутомъ и потому не постарался вникнуть въ мою мысль, отвѣтилъ мнѣ кратко и отрицательно. Нѣсколько дней спустя я встрѣтился съ профессоромъ политической экономіи Вреденомъ, который также былъ на диспутѣ, и онъ сказалъ мнѣ: „Янсонъ совсѣмъ не понялъ вашего замѣчанія“. Затѣмъ я узналъ впослѣдствіи, что послѣ моего участія на диспутѣ Янсона, профессоръ политической экономіи Горловъ съ похвалою обо мнѣ отзывался въ аудиторіи передъ студентами, указывая, что я былъ у него слушателемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ Горловъ прислалъ мнѣ свой курсъ Политической Экономіи.

Мои занятія съ герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ продолжались около трехъ лѣтъ. При его замѣчательныхъ способностяхъ я полагаю, что они остались не безъ пользы для его развитія.

Теперь обращаюсь къ моимъ занятіямъ съ Государемъ Наслѣдникомъ.

Послѣ смерти бывшаго Наслѣдникомъ Цесаревича Николая Александровича, Наслѣдникомъ сдѣлался Великій Князь Александръ Александровичъ и ему пришлось подготовляться къ трудному званію будущаго Государя. Ему предстояло пройти курсъ нѣсколькихъ наукъ, и мнѣ было предложено давать ему уроки политической экономіи и статистики. Для этого мнѣ было предоставлено по четыре урока въ недѣлю. Наши занятія продолжались въ теченіе всей зимы 1865—66 г.; послѣдніе уроки происходили еще не задолго до отъѣзда Его Высочества за границу, въ Данію, весною въ Царскомъ Селѣ.

Я тогда не предвидѣлъ, что много лѣтъ спустя мнѣ самому придется въ теченіе почти полугода докладывать Ему по разнымъ финансовымъ дѣламъ, во время моего управленія министерствомъ финансовъ, за болѣзнью Вышнеградскаго.

Я могъ замѣтить во время моихъ занятій съ Его Высочествомъ, что уже и въ эти молодые годы въ немъ проявлялись тѣ черты характера, которыя впослѣдствіи выступили у него еще съ большею ясностью. Чрезвычайно скромный и даже недовѣрчивый къ себѣ Государь Наслѣдникъ проявлялъ, несмотря на то, замѣчательную твердость въ отстаиваніи разъ сложившихся у него убѣжденій и мнѣній. Онъ всегда спокойно выслушивалъ всѣ объясненія, не вдаваясь въ подробное возраженіе противъ тѣхъ данныхъ, съ которыми онъ не соглашался, но подъ конецъ просто и довольно категорически высказывалъ свое мнѣніе. Такъ, напр., по вопросу о таможенной охранѣ, когда я объяснялъ ему вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго таможеннаго покровительства, Его Высочество, внимательно выслушавъ всѣ мои объясненія, подъ конецъ высказалъ мнѣ откровенно, что по его мнѣнію русская промышленность все же нуждается въ значительной охранѣ. Это, впрочемъ, былъ единственный пунктъ, въ которомъ онъ высказалъ мнѣ свое опредѣленное мнѣніе, не вполнѣ согласное съ тѣмъ взглядомъ, который я развивалъ на данный предметъ.

Не менѣе опредѣлительно у него уже тогда слагались понятія о лицахъ. Припоминаю одинъ разговоръ, который происходилъ у насъ по поводу эпизода съ Огрызко. Огрызко, состоявшій тогда вице-директоромъ акцизнаго департамента, оказался запутаннымъ въ политическомъ дѣлѣ, по польскому вопросу. По этому поводу Великій Князь замѣтилъ, согласно ходившему тогда въ нѣкоторыхъ ультра-консервативныхъ кружкахъ мнѣнію, что вообще личный составъ министерства финансовъ, по своему крайнему либерализму, не вселяетъ къ себѣ особеннаго довѣрія благо-

надежности. Въ продолжившемся между нами разговорѣ я старался разубѣдить его въ этомъ. Особенно относительно К. К. Грота, который тогда былъ директоромъ акцизнаго департамента, я объяснялъ ему, какъ легко ошибиться, приблизивъ къ себѣ человѣка, необыкновенно способнаго и умѣющаго до времени скрывать свои потаенные убѣжденія и планы, такъ какъ подобная ошибка можетъ случиться со всякимъ, даже самымъ благомыслящимъ человѣкомъ. На это Его Высочество мнѣ ничего не возражалъ, но, повидимому, остался при своемъ мнѣніи. Впослѣдствіи впрочемъ, когда онъ могъ ближе оцѣнить личность Грота, недовѣріе къ нему совершенно устранилось. Константинъ Карловичъ занялъ въ его царствованіе высокое положеніе. Но общее недовѣріе къ крайнему либерализму чиновниковъ министерства финансовъ у него оставалось до конца и только по своему расположенію къ Н. Х. Бунге онъ не настаивалъ на измѣненіи состава его вѣдомства. Когда же былъ назначенъ министромъ финансовъ Вышнеградскій, Государь прямо ему высказалъ свое опасеніе, что составъ министерства финансовъ не вполнѣ благонадеженъ, прибавивъ, что въ министерствѣ финансовъ есть и очень благородныя личности, какъ Тернеръ.

Лѣто 1866 г. мы провели съ семействомъ по обыкновенію въ Новой Деревнѣ на одной изъ Шишмаревскихъ дачъ. Такъ какъ наша дача лежала на самомъ берегу Невы, то я нанялъ на все лѣто лодку, устроилъ самъ на ней парусъ и почти каждый день катался на ней то одинъ, то съ сестрами. Нева съ различными ея рукавами и красивые каналы, которыми прорѣзанъ весь Каменный островъ, представляетъ самые разнообразные пути для такихъ поѣздокъ; иногда мы брали съ собою холодную закуску и, уѣзжая далѣе, напр., на конецъ Крестовскаго острова, тамъ выходили на берегъ и завтракали въ тѣни дерева. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ съ нами чуть не случилось несчастіе. У моста, который соединяетъ Крестовскій островъ съ Елагинымъ, теченіе очень сильное; мы шли подъ парусомъ вдоль теченія, и я, соображаясь съ высотою пролета, расчитывалъ, что лодка свободно пройдетъ подъ мостомъ, но я не обратилъ вниманія на то, что мостъ поставленъ вкось по теченію вслѣдствіе того нашу лодку отнесло теченіемъ нѣсколько въ сторону и мачта паруса стала задѣвать за боковыя стропила моста; при сильномъ теченіи лодку значительно накренило, и я сталъ опасаться, какъ бы ее не опрокинуло; къ счастью хотя и задѣвая за всѣ стропила, она все же благополучно прошла подъ мостомъ и опасность миновала, но сознаюсь, что я провелъ очень непріятное мгновеніе.

Разъ къ намъ пріѣхалъ на дачу какой-то незнакомый монахъ и

представился, какъ нашъ родственникъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что это былъ братъ моей покойной бабушки, первой жены пастора Фольборта, дочери священника Курганскаго. Монархъ Курганскій оказался такимъ образомъ нашимъ двоюроднымъ дѣдомъ. Онъ сообщилъ намъ, что, послѣ продолжительнаго пребыванія въ монастырѣ, онъ рѣшился принять схиму и передъ тѣмъ, что совершенно разстаться съ міромъ, захотѣлъ повидаться и распроститься еще съ могущими быть у него родственниками. Разузнавъ о нашемъ существованіи, онъ потому и зашелъ къ намъ. До тѣхъ поръ никто изъ нашего семейства съ нимъ не встрѣчался и мы ничего о немъ не знали. Только матушка помнила, что у ея покойной матери былъ братъ, который, кажется, когда-то служилъ въ военной службѣ и котораго она однако потеряла изъ виду. Несмотря на то, что монахъ Курганскій былъ такимъ образомъ для насъ совершенно чужимъ, хотя и родственникъ, и что вся жизнь его протекла въ совершенно другой сферѣ, мы съ нимъ сошлись очень хорошо и между нами установились совершенно естественныя и симпатичныя отношенія,—какъ бы съ давнишнимъ знакомымъ. Послѣ того онъ еще посѣтилъ насъ раза три въ лѣто, обѣдалъ у насъ—при чемъ мы каждый разъ много съ нимъ бесѣдовали о его и нашей жизни, онъ разсказывалъ намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ монастырѣ и т. п. Когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ послѣдній разъ, чтобы окончательно проститься, возвращаясь въ монастырь для принятія схимы, намъ было грустно разстаться съ нимъ навсегда, до такой степени мы съ нимъ сердечно сблизились. Онъ оставилъ послѣ себя самое пріятное впечатлѣніе и добрую память. Мы впослѣдствіи еще не разъ вспоминали въ разговорѣ между собою о дѣдушкѣ-схимникѣ, но съ тѣхъ поръ мы уже болѣе о немъ ничего не слышали; съ того времени прошло болѣе тридцати лѣтъ, и вѣроятно нынѣ онъ уже давно не находится въ живыхъ—царство ему небесное—можетъ быть, онъ на томъ свѣтѣ нынѣ за насъ возноситъ Богу молитву и можетъ быть ему открыто, что я въ настоящую минуту любовно о немъ вспоминаю.

Въ теченіе этого же года разразилась Прусско-Австрійская война. Такъ какъ у насъ всѣ еще съ злобою вспоминали о роли Австріи во время нашей восточной войны, когда, несмотря на то, что мы Австрію спасли во время Венгерскаго возстанія, она не только насъ не поддержала, но почти открыто перешла на сторону Франціи,—извѣстныя слова кн. Шварценберга „l'Autriche étonnera le monde par son ingratitude"—повторяю, такъ какъ у насъ все это еще живо сохранилось въ памяти, то всѣ съ злорадствомъ слѣдили за успѣхами Пруссіи и за униженіемъ Австріи.

По окончаніи Австрійской войны въ 1867 году состоялась всемірная выставка въ Парижѣ и международный статистическій конгрессъ во Флоренціи,—на который я получилъ командировку. Я отправился черезъ Берлинъ, гдѣ я провелъ въ обществѣ прежнихъ знакомыхъ очень пріятно нѣсколько дней. Оттуда я поѣхалъ въ Штетинъ посѣтить моего двоюроднаго брата А. Фольборта, который тогда былъ консуломъ въ Штетинѣ и проводилъ лѣто въ близъ лежащемъ морскомъ купаньѣ Герингсдорфѣ. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, и несмотря на то, вдругъ погода послѣ теплыхъ дней перемѣнилась и сдѣлался такой холодъ, какъ у насъ въ сентябрѣ. Такъ какъ со мною былъ только лѣтній костюмъ, то я просто страдалъ отъ холода, что значительно нарушило пріятность пребыванія на берегу моря. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Герингсдорфѣ я поѣхалъ на островъ Рюгенъ, гдѣ я долженъ былъ встрѣтиться съ матушкой и сестрами, которыя между тѣмъ туда прибыли. Въ Рюгенѣ я провелъ съ моимъ семействомъ чрезвычайно пріятно нѣсколько недѣль, наслаждаясь живописной природой этого красиваго острова. Рюгенъ небольшой островъ, покрытый чудными буковыми лѣсами, въ которыхъ можно было предпринимать ежедневно самыя разнообразныя прогулки. Берега острова мѣловой формаціи, мѣстами отвѣсно спускаются къ морю, и изобилуютъ въ высшей степени живописными видами. Въ праздничные дни по этимъ отвѣснымъ скаламъ устраивалось гулянье, на которомъ участвовали почти всѣ Рюгенскіе дачники и мѣстное населеніе; къ вечеру на скалахъ зажигались громадные костры, которые потомъ горящіе сбрасывались со скалъ въ море, изображая собою грандіозный естественный фейерверкъ. Все это вмѣстѣ взятое, красивая природа, масса расположенныхъ вдоль утесовъ гуляющихъ и т. п. представляло чрезвычайно эффектную картину.

Мѣстечко, въ которомъ мы поселились въ Рюгенѣ, называлось Засницъ, это въ сущности только деревня рыбаковъ, въ простыхъ хижинахъ которыхъ размѣщались пріѣзжіе. Все было чрезвычайно чисто и до крайности просто. Кромѣ того въ Засницѣ была большая гостиница, въ которой жила, однако, небольшая часть посѣтителей острова, но въ которую сходились обѣдать почти всѣ пріѣзжіе, которые такимъ образомъ знакомились между собою. Засницъ замѣчателенъ не только красивыми окрестностями, но и воспоминаніями глубокой древности и сохранившимися съ того времени легендами, связанными то съ тѣмъ, то съ другимъ пунктомъ окружающей Засницъ мѣстности. Такъ одна изъ прогулокъ вела къ небольшому тихому и чрезвычайно поэтическому озеру, лежащему въ углубленіи среди лѣса и пребывающему къ тому постоянно въ таинственномъ

полумракѣ; про это озеро сохранилась легенда, что въ этомъ озерѣ сокрылась колесница съ мѣстной богиней, вѣроятно, послѣ уничтоженія языческаго культа на островѣ. Недалеко отъ этого озера на камняхъ начертаны, глубоко врѣзанными, древніе письмена—руны (Runenschriften). Все это придавало данной мѣстности крайне поэтическій и интересный характеръ.

Часа полтора пути отъ Засница находится дворецъ съ великолѣпнымъ паркомъ мѣстнаго владѣльца—князя Путбуса. Въ этотъ паркъ мы тоже отправлялись гулять, несмотря на довольно далекое разстояніе отъ Засница. Но такъ какъ дорога чрезвычайно красива и живописна, то гуляющіе не ощущали никакой усталости. На границѣ парка, который былъ открытъ для публики, находилась небольшая, но очень хорошая гостиница, въ которой послѣ продолжительнаго пути приходилось завтракать всегда съ большимъ аппетитомъ. Между прочими достопримѣчательностями парка наше вниманіе обращалъ на себя небольшой фонтанъ, помѣщенный на зеленой лужайкѣ передъ фасадомъ дворца. Этотъ фонтанъ былъ на маленькой возвышенности, окруженной бассейномъ; на этой возвышенности были разведены зеленыя лягушки, которыя стремились перескакивать черезъ бассейнъ на противоположный берегъ; это пространство однако было разсчитано такъ, что лягушки, какъ разъ не достигая своей цѣли, падали въ воду. Курьезно было наблюдать за комическими движеніями этихъ маленькихъ красивыхъ животныхъ, которыя постоянно старались выскочить за предѣлы своего заточенія, но послѣ каждаго неудачнаго прыжка, возвращались на возвышенность для новыхъ опытовъ.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Засницѣ я не безъ сожалѣнія оставилъ это красивое, живописное и вмѣстѣ съ тѣмъ уютное мѣстечко, чтобы отправиться на морскія купанья въ Остенде, оттуда въ Парижъ на выставку и наконецъ во Флоренцію, на статистическій конгрессъ; на пути я долженъ былъ, между прочимъ, съѣхаться опять съ моимъ семействомъ.

Въ Остенде я встрѣтилъ Гафты, съ которымъ я познакомился въ Варшавѣ во время его управленія русскою частію Варшаво-Бромбергской ж. дороги и очень пріятно проводилъ вмѣстѣ съ нимъ время на этомъ очаровательномъ морскомъ берегу. Моднымъ морскимъ купаньемъ уже въ то время былъ Біарицъ,—я въ Біарицѣ не бывалъ, но все же полагаю, что Остенде можетъ вполнѣ выдержать съ нимъ сравненіе.

Вся прелесть Остенде—чудный морской берегъ, покрытый мелкимъ бархатнымъ пескомъ la plage, и набѣгающія на берегъ волны Атлантическаго океана. Растительности въ окрестности никакой

нѣтъ, такъ что вся прогулка на берегу моря. Кромѣ того для публики, разумѣется, устроены разныя роскошныя кофейни и казино, въ которыхъ публика собирается слушать музыку, а по вечерамъ иногда потанцовать.

Такъ какъ берега Остенде омываются частью Атлантическаго океана (называемою Сѣвернымъ Моремъ), то по нимъ происходитъ ежедневно приливъ и отливъ. Купаются, обыкновенно, утромъ во время отлива, когда значительная часть берега обнажена. Для въѣзда въ море, чтобы не идти далеко по мелкой водѣ, устроены небольшія будочки на колесикахъ. Каждый купальщикъ занимаетъ такую будочку, раздѣвается въ ней, и его будочку лошадью ввозятъ на извѣстное разстояніе отъ берега, гдѣ онъ и выходитъ въ воду. Каждая изъ этихъ будочекъ снабжена отдѣльнымъ номеромъ, который необходимо запомнить, чтобы не попасть въ чужую будку. Разъ, купаясь, я забылъ свой номеръ и былъ въ крайнемъ затрудненіи, пока не узналъ своей будки. Такъ какъ всѣ купаются въ костюмахъ, то женское купанье не отдѣлено отъ мужского, всѣ купаются вмѣстѣ, но принято, чтобы при этомъ мужчины съ дамами не заговаривали. На берегъ въ волнистую погоду постоянно набѣгаетъ океанская волна, которая достигаетъ трехъ и даже четырехъ саженъ высоты, но такъ какъ она катится по плоскому берегу нѣкоторое время, то она теряетъ силу удара, и потому совершенно безопасно можно выдержать набѣгъ подобной волны, обратившись къ ней спиною, она переливается черезъ васъ, почти не отбрасывая васъ въ сторону.

Нѣсколько лѣтъ спустя я купался въ морѣ около Генуи въ Пегли. Въ этомъ мѣстѣ плоское береговое пространство совершенно незначительно, такъ что волна набѣгаетъ съ полною силою. Я не обратилъ на это вниманія и, помня отношеніе къ волнамъ въ Остенде, думалъ, что и здѣсь можно будетъ спокойно выждать набѣгъ волны, обратившись къ ней спиною, но волна меня схватила съ такою силою, что отбросила бы меня на далекое разстояніе, если бы мнѣ не удалось удержаться за барьеръ, проходившій отъ берега въ море.

Изъ Остенде я отправился прямо въ Парижъ на всемірную выставку. Это была первая выставка такого рода, которую мнѣ пришлось видѣть. Она поражала, какъ красотою устройства, такъ и громаднымъ изобиліемъ выставленныхъ издѣлій, такъ что всего разсмотрѣть было просто невозможно. Около главныхъ зданій со всѣхъ сторонъ были разбросаны разные павильоны и менѣе значительныя постройки разныхъ стилей, принадлежавшихъ разнымъ національностямъ; все это было окружено чрезвычайно изящно украшенными садовыми устройствами, поражавшими изобиліемъ и разнообразіемъ

цвѣтовъ. Я встрѣтилъ на выставкѣ Григоровича, и мнѣ было очень интересно разсматривать выставку съ нимъ вмѣстѣ. На этой выставкѣ, кажется въ первый разъ, появились разныя промышленно-художественныя издѣлія и имитаціи разныхъ древнихъ маіоликъ, стекла, бронзы, т.-е. цѣлая группа художественно-ремесленныхъ производствъ, которыя только что возникали и которыя съ тѣхъ поръ получили такое обширное примѣненіе. Григоровичъ обратилъ мое вниманіе на удивительно удачныя воспроизведенія маіоликъ Бернардэнъ-де-Палисси, французскаго художника, жившаго, кажется, въ XV вѣкѣ. Какъ извѣстно, въ прежнія времена, особенно же около пятнадцатаго столѣтія, всѣ извѣстные скульпторы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками. Бенвенуто Челлини и другіе извѣстные художники всѣ занимались выдѣлкою серебряныхъ издѣлій, сервизовъ, литьемъ и чеканкой бронзовыхъ издѣлій и т. д. и каждому такому издѣлію придавали въ высшей степени артистическую форму.

Особенно замѣчательны, какъ извѣстно, въ художественномъ отношеніи разные военные доспѣхи, мечи, кинжалы, латы и т. п Въ Венеціи даже артиллерію заказывали у мѣстныхъ ваятелей. Тамъ существовалъ такой обычай, что на поставку пушекъ, мортиръ и т. п. артиллерійскихъ предметовъ выписывался конкурсъ. Мѣстные художники, желавшіе принять заказъ, выдѣлывали небольшія, чрезвычайно изящныя модели заказываемыхъ предметовъ, и по нимъ уже дѣлался выборъ. Эти модели поступали въ собственность царствовавшаго во время заказа дожа, на нихъ вырѣзывался гербъ его семейства, въ которомъ они и хранились, какъ семейное достояніе. Впослѣдствіи, когда нѣкоторыя изъ такихъ семействъ обѣднѣли, подобныя модели стали поступать въ продажу вмѣстѣ съ прочими остатками прежней роскоши обѣднѣвшихъ семействъ. Мнѣ самому удалось пріобрѣсти въ Венеціи одну такую необыкновенно изящную модель мортиры, на которой семейный гербъ былъ вытравленъ. Это послѣднее обстоятельство, по объясненію одного мѣстнаго антиквара, служило доказательствомъ того, что данная вещь настоящая, а не поддѣльная модель. Лица, принужденныя продавать разныя драгоцѣнныя семейныя вещи, именно уничтожали на нихъ свой гербъ, чтобы скрыть происхожденіе продаваемыхъ предметовъ, которые иначе обличали бы ихъ разореніе. Напротивъ того, на поддѣльныхъ вещахъ обыкновенно выставлялся какой-нибудь гербъ, чтобы сдѣлать ихъ вполнѣ схожими съ оригиналомъ.

Въ послѣдующія столѣтія искусство и ремесло совершенно разошлись. Художники стали считать ниже своего достоинства занятіе производствомъ предметовъ ежедневнаго хозяйственнаго обихода, производство коихъ сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ ремесла,

а затѣмъ мануфактуръ и фабрикъ—художники же занялись исключительно ваяніемъ статуй и производствомъ разныхъ предметовъ украшенія.

Только во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія стали возникать, прежде всего во Франціи, попытки какъ имитаціи подобныхъ ремесленно-художественныхъ издѣлій прошлыхъ временъ, такъ и примѣненія вообще художественной отдѣлки къ разнымъ предметамъ потребленія—application de l'art à l'industrie,—и выставка 1867 г. въ первый разъ показала, какихъ богатыхъ результатовъ Франція достигла въ этомъ отношеніи, въ небольшое число лѣтъ. Маіолики жанра Бернара Палисси, бронзы Лероля и т. п. издѣлія обращали на себя всеобщее вниманіе на Парижской выставкѣ 1867 года—это было какъ бы новое откровеніе для промышленности. Съ тѣхъ поръ художественное стремленіе промышленности получило обширное примѣненіе въ Англіи, Италіи, Германіи, Америкѣ и нынѣ каждый intérieur сколько-нибудь состоятельнаго человѣка обставленъ мебелью и издѣліями, имѣющими болѣе или менѣе художественную форму и нѣкоторый стиль.

Одну изъ замѣчательныхъ подробностей выставки представляли витрины съ коллекціею подарковъ, полученныхъ принцемъ Уэльскимъ, во время его поѣздки въ Индію, отъ разныхъ мѣстныхъ владѣльцевъ и раджъ. Ящички, сервизы, ожерелья, кинжалы и разныя другія подобныя издѣлія изъ золота и серебра, украшенныя драгоцѣнными каменьями самой удивительной художественной работы, поражали зрителей своимъ изяществомъ и богатствомъ.—Замѣчательны были также выставки японской бронзы съ серебряною инкрустаціею необыкновенно тонкой и художественной отдѣлки. Въ Англійскомъ отдѣлѣ обращала на себя вниманіе группа мебели. Эти издѣлія, предназначенныя для загородныхъ дворцовъ богатыхъ лордовъ, представляли по своей величинѣ нѣчто среднее между мебелью и архитектурными произведеніями,—напр. библіотеки, раздѣлявшія цѣлую залу, состоявшія изъ цѣлаго ряда шкафовъ, и помѣщенными между ними дверями и промежуточными арками, съ разными консолями, по которымъ былъ разставленъ изящный фарфоръ и т. п.

Кромѣ Григоровича я встрѣтилъ въ Парижѣ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, генерала Ребиндера и кн. Горчакова. Николай Максимиліановичъ тогда еще не былъ женатъ. Бѣдный Ребиндеръ, кажется, надѣялся, что пребываніе въ Парижѣ и общество красивыхъ парижанокъ отвлечетъ Николая Максимиліановича отъ его пагубной страсти, къ сожалѣнію, это не сбылось, онъ остался вѣренъ своей несчастной любви. Я видѣлся довольно часто съ Николаемъ Максимиліановичемъ и обѣдалъ у него. Съ Горчаковымъ онъ

уже болѣе не встрѣчался, такъ какъ размолвка между ними тогда уже совершилась. Горчаковъ жаловался мнѣ, какъ онъ грустить о томъ, что его многолѣтняя тѣсная дружба съ Николаемъ Максиміліановичемъ такъ разстроилась.

Изъ Парижа я отправился на статистическій конгрессъ во Флоренцію. На пути туда я съѣхался съ моимъ семействомъ, и мы направились вмѣстѣ прежде всего на Комское озеро и въ этой очаровательной мѣстности провели нѣсколько дней. Тамъ мы встрѣтились съ братьями Семеновыми, которые жили въ той же гостиницѣ, въ которой и мы остановились. Я уже былъ съ ними знакомъ, но тутъ мы познакомились семействами и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени находимся съ ними въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Петръ Петровичъ Семеновъ, въ настоящее время членъ Государственнаго Совѣта и вице-предсѣдатель Географическаго общества, составилъ себѣ громкую извѣстность какъ ученый географъ и статистикъ. Получивъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, Петръ Петровичъ по окончаніи курса отправился въ Берлинъ, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ университетѣ и между прочимъ занимался у извѣстнаго географа Риттера. Пристрастившись къ географіи и путешествіямъ, онъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ отправился по порученію Географическаго общества въ Среднюю Азію для изслѣдованія средне-азіатской горной системы и между прочимъ первый изъ европейцевъ посѣтилъ Тянь-Шаньскій хребетъ. По возвращеніи въ Россію онъ занялся переводомъ на русскій языкъ географическаго сочиненія Риттера, дополнилъ его свѣдѣніями, собранными во время собственнаго путешествія по Средней Азіи. Впослѣдствіи Петръ Петровичъ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ статистическаго совѣта М. В. Д. и въ этомъ качествѣ состоялъ представителемъ Россіи на всѣхъ международныхъ статистическихъ конгрессахъ—и въ этомъ же качествѣ въ настоящее время находился тоже на пути во Флоренцію. Братъ его, Николай Петровичъ, нынѣ сенаторъ, человѣкъ замѣчательно остроумный, но крайне непрактичный и увлекающійся, склонный доводить свои мнѣнія до крайнихъ предѣловъ, отчего они нерѣдко получали парадоксальный характеръ. Вотъ почему его воззрѣнія, въ своемъ основаніи обыкновенно совершенно вѣрныя и всегда оригинальныя, становились большею частью совершенно непримѣнимыми на практикѣ. Обладавшій въ высшей степени даромъ слова въ частномъ разговорѣ (онъ могъ говорить иногда безъ устали цѣлый вечеръ, развивая свои мысли, перекидывая ихъ разными анекдотами и переходя, безъ прямой связи, отъ одного предмета къ другому), онъ почти никогда

не рѣшался говорить публично; въ засѣданіяхъ Сената напримѣръ я его никогда не слышалъ говорящимъ, хотя онъ живо интересовался дѣломъ и внѣ засѣданій много о нихъ разсуждалъ, но онъ, кажется, самъ сознавалъ, что недостаточная логичная послѣдовательность его рѣчи, допустимая въ интимномъ разговорѣ,—не можетъ имѣть мѣста въ публичномъ собраніи, гдѣ требуется строго логическая послѣдовательность въ сужденіяхъ, къ которой онъ, увлекаемый своею живою фантазіею, никакъ не могъ принудить себя.

Н. П. обладалъ замѣчательно поэтическимъ талантомъ; небольшія стихотворенія, которыя онъ писалъ на разные случаи, были исполнены высокаго поэтическаго вдохновенія. Между прочимъ онъ перевелъ въ стихахъ на русскій языкъ Крымскіе Сонеты — поэму Валенродъ Мицкевича, которые были напечатаны. Придерживаясь почти буквально выраженій автора, ему несмотря на это удалось передать стихи Мицкевича прекрасными русскими стихами, такъ что его переводъ представляетъ нѣкоторымъ образомъ chef d'oeuvre и по точности передачи, и по красотѣ и поэтичности русскаго слога. Николай Петровичъ также превосходно читалъ стихи. Когда онъ приходилъ иногда къ намъ вечеромъ и читалъ намъ или какое-нибудь собственное стихотвореніе или какое-нибудь только что вышедшее чужое стихотвореніе—это всегда доставляло намъ высокое эстетическое наслажденіе, такъ что мы съ увлеченіемъ внимали его словамъ.

При самыхъ лучшихъ и близкихъ между собою родственныхъ отношеніяхъ, оба брата обыкновенно расходились въ мнѣніи, когда дѣло касалось какого-либо государственнаго вопроса. Петръ Петровичъ держался во всемъ либеральнаго направленія, а Николай Петровичъ былъ строгій консерваторъ и потому совершенно не увлекался реформами пятидесятыхъ годовъ. Онъ не былъ противникомъ реформъ, но онъ отстаивалъ преобразованія въ народномъ духѣ и на исторической почвѣ, возражая противъ механическаго копированія иностранныхъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, онъ порицалъ судебную реформу въ томъ видѣ, какъ она у насъ была введена съ ея формальнымъ кассаціоннымъ порядкомъ, представляя сколокъ съ французской системы. Онъ утверждалъ, что необходимо введеніе и гласности и публичности въ судѣ, но что это можно было сдѣлать, примѣняясь къ издревле существовавшимъ у насъ судебнымъ порядкамъ, вмѣсто механическаго подражанія западноевропейскимъ образцамъ, и въ этомъ отношеніи былъ отчасти правъ. И такъ какъ онъ нисколько не скрывалъ своего мнѣнія, но высказывалъ его неоднократно въ печати, то понятно, что при тогдашнемъ направленіи его считали реакціонеромъ и онъ не могъ пользоваться популярностью.

Семеновы были родственники Ростовцева, и потому, когда учреждались редакціонныя комиссіи, Ростовцевъ, близко знакомый съ ихъ выдающимися способностями, назначилъ обоихъ братьевъ членами этихъ комиссій. Петръ Петровичъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ управляющимъ дѣлами комиссій. Противоположность въ воззрѣніяхъ братьевъ высказывалась и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Между тѣмъ, какъ Петръ Петровичъ былъ горячимъ поклонникомъ Н. А. Милютина и его кружка, Николай Петровичъ не сочувствовалъ Милютину, котораго онъ упрекалъ въ бюрократизмѣ, и держался болѣе дворянской партіи. Нѣсколько лѣтъ спустя по освобожденіи крестьянъ, Николай Петровичъ посвятилъ свое время составленію хроники всего происходившаго въ средѣ редакціонныхъ комиссій. Его сочиненіе о крестьянскомъ вопросѣ въ 3 большихъ томахъ представляетъ вполнѣ классическій историческій трудъ, по полнотѣ и строгой точности передачи всего, даже до малѣйшихъ подробностей, происходившаго въ средѣ редакціонныхъ комиссій. Какъ членъ ихъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что говорилось и дѣлалось въ комиссіяхъ, и затѣмъ немедленно для памяти все записывалъ; такимъ образомъ у него получился драгоцѣнный матеріалъ, которымъ онъ и воспользовался для своей хроники. По поводу представленія этого труда Государю Александру III-му, онъ имѣлъ съ нимъ продолжительные разговоры о дворянскомъ и крестьянскомъ вопросѣ и по порученію Государя составилъ даже нѣсколько брошюръ по означенному предмету. Но эти брошюры, какъ всѣ его дѣловыя сочиненія, обилуя оригинальными и часто глубоко справедливыми мыслями, не могли получить практическаго примѣненія по исключительности его взглядовъ—не допускавшихъ никакихъ компромиссовъ.

Во Флоренціи мы остановились въ небольшой гостиницѣ, родъ hotel garni, на площади S-ta Maria Novella по рекомендаціи Бэдекера. Впослѣдствіи намъ передавали, что въ этой же гостиницѣ останавливался Гарибальди во время своего пребыванія во Флоренціи.

Въ первомъ же засѣданіи приступили къ составленію отдѣловъ, образованію бюро и выбору секретарей. Въ числѣ послѣднихъ избраніе пало и на меня. Это было очень почетное для меня отличіе, но съ другой стороны исполненіе обязанностей этой должности, поглощая почти все свободное время между засѣданіями, такъ какъ на секретаряхъ лежало составленіе протоколовъ по каждому засѣданію,—препятствовало мнѣ вполнѣ наслаждаться всѣми тѣми прелестями, которыми такъ богата Флоренція въ области природы и искусства. Жутко было сидѣть за письменнымъ столомъ, редактируя протоколы и размышляя о томъ, какъ бы пріятно это время могло

быть употреблено на наслажденіе чудесами Флоренціи. Канцелярія для секретарей была устроена въ одномъ изъ помѣщеній сената. Въ этомъ же самомъ помѣщеніи, какъ намъ разсказывали, сидѣлъ подъ арестомъ генералъ Ламармора во время суда, который происходилъ надъ нимъ послѣ неудачной для Италіи австрійской войны, послѣдствіемъ которой было однако все же присоединеніе Венеціи къ Итальянскому королевству.

Между засѣданіями для членовъ конгресса устраивались разныя празднества—большой раутъ, по приглашенію города, въ городской ратушѣ, обѣдъ у короля Виктора Эммануила, балъ и театръ-гала.

На раутѣ въ городской ратушѣ, въ которой членовъ конгресса принимали представители города и министры съ ихъ семействами, находилась между прочимъ извѣстная м-мъ Ratazzi. Присутствующія иностранныя дамы представлялись ей какъ супругѣ перваго министра, но при этомъ ихъ обыкновенно предупредительно спрашивали—желаютъ ли онѣ ей представиться, такъ какъ м-мъ Ratazzi пользовалась очень дурною репутаціею въ свѣтѣ до своего брака съ Ratazzi. Разсказывали, что когда Ратаци сообщилъ королю о предстоящемъ своемъ бракѣ, Викторъ Эммануилъ, который очень его любилъ, всячески старался отговорить Ратаци отъ предполагаемой женитьбы, въ виду той репутаціи, которою пользовалась его будущая жена. Всѣ убѣжденія его однако оставались безъ вліянія, тогда король рѣшился даже сказать—„что онъ самъ имѣлъ ее“—но и это не подѣйствовало на влюбленнаго министра, онъ все же женился.

Къ обѣду у короля были приглашены только главные члены конгресса и между прочимъ все бюро. Этотъ обѣдъ отличался полною безцеремонностью и отсутствіемъ всякаго этикета, посѣтители были даже приглашены пріѣхать на обѣдъ въ сюртукахъ. Король былъ очень любезенъ, разговаривалъ со всѣми приглашенными, такъ что обѣдъ прошелъ очень пріятно и интересно. Викторъ Эммануилъ, по своей внѣшности, имѣлъ крайне угрюмый видъ, его сравнивали съ медвѣдемъ или кабаномъ, но это не мѣшало ему быть крайне любезнымъ и разговорчивымъ хозяиномъ.

На представленіи въ театрѣ, которое давалось въ честь членовъ конгресса, произошла политическая демонстрація, которая произвела на меня большой эффектъ, потому что въ Петербургѣ мы не привыкли къ подобнымъ шумнымъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія. Во время представленія въ одну изъ ложъ вошелъ сынъ Гарибальди, тогда весь театръ всталъ и сталъ кричать: evivo Garibaldi, Roma, Roma. Въ Италіи привыкли къ подобнымъ сценамъ и потому это не удивляло итальянцевъ, и вслѣдъ затѣмъ пред-

ставленіе продолжалось безъ всякаго перерыва. Это вообще было время крайняго возбужденія общественнаго мнѣнія въ Италіи. Извѣстно, что Наполеонъ въ своей юности принадлежалъ къ обществу карбонаріевъ. Вслѣдствіе того итальянцы полагали, что онъ обязанъ содѣйствовать освобожденію Италіи. Покушеніе на его жизнь, сдѣланное Орсини, имѣло именно характеръ возмездія за то, что онъ не исполняетъ данныхъ нѣкогда Италіи обѣщаній. Это на него такъ подѣйствовало, что, опасаясь дальнѣйшихъ покушеній на свою жизнь, Наполеонъ рѣшился объявить войну Австріи, но, не считая возможнымъ идти далѣе того, что было достигнуто, и желая покончить разъ навсегда съ римскимъ вопросомъ, онъ побудилъ Виктора Эммануила послѣ заключеннаго мира перевести резиденцію Италіи изъ Турина во Флоренцію. Но этимъ итальянскіе патріоты не довольствовались, они смотрѣли на перенесеніе столицы во Флоренцію только какъ на переходный шагъ къ тому, чтобы окончательно водрузить знамя Итальянскаго королевства въ самомъ Римѣ. Подобная же манифестація повторилась и въ послѣднемъ засѣданіи конгресса, когда рѣчь зашла о томъ, въ какомъ городѣ быть слѣдующему конгрессу—тогда многіе голоса стали кричать: Roma, Roma—желая тѣмъ выразить чаяніе, что къ тому времени столицею Италіи будетъ Римъ.

Мѣстопребываніемъ слѣдующаго конгресса былъ избранъ Петербургъ.

Изъ русскихъ на флорентинскомъ конгрессѣ кромѣ Семеновыхъ были: фонъ-Бушель, профессора Вреденъ, И. И. Вильсонъ и ст. секр. Госуд. Сов. Зарудный, другъ Н. П. Семенова. Вильсонъ, впослѣдствіи статсъ-секретарь Государ. Сов. и сенаторъ, уже въ то время составилъ себѣ имя разными статистическими работами. Онъ былъ во Флоренціи вмѣстѣ съ своею молодою женою-красавицею и очень милою женщиной. Мы съ ними хорошо познакомились и потому очень сожалѣли, когда короткое время послѣ возвращенія въ Петербургъ милая жена Вильсона скончалась въ родахъ. Это несчастіе на всю жизнь Вильсона наложило какъ бы печать печали; онъ уже не вступилъ во второй бракъ.

Зарудный былъ изъ числа группы Константиновцевъ. Онъ былъ хорошій юристъ, издалъ сочиненіе объ итальянскихъ законахъ и принималъ дѣятельное участіе въ составленіи нашихъ новѣйшихъ судебныхъ уставовъ. Въ началѣ его службы много говорили о его блестящей карьерѣ и даже былъ сдѣланъ каламбуръ по поводу его фамиліи—„это не руда, а золото“, впослѣдствіи онъ однако какъ-то отстранился отъ дѣлъ, былъ сдѣланъ сенаторомъ, но выдающейся роли уже не игралъ.

Наконецъ упомяну еще о встрѣчѣ съ Н. И. Киселевымъ, котораго я не видалъ послѣ Дрездена, и который въ то время былъ нашимъ посломъ въ Италіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ, уже не молодымъ человѣкомъ, женился на знатной итальянкѣ, очень красивой женщинѣ, фамиліи которой не припомню. Я обѣдалъ у нихъ вмѣстѣ съ Семеновымъ и познакомился съ его женою.

Весь слѣдующій годъ прошелъ въ общихъ занятіяхъ по Таможенному департаменту.

Въ 1869 году состоялось открытіе Суэцкаго канала. Я былъ командированъ на это торжество въ качествѣ делегата министерства финансовъ. Я отправился въ Египетъ черезъ Италію, гдѣ предварительно провелъ нѣсколько недѣль съ семействомъ въ Неаполѣ. Мы ежедневно почти ѣздили въ восхитительныя окрестности этого райскаго уголка земли: Позилино, Капри, Кастеламаре, Сорренто и др., осматривали интересныя раскопки Помпеи. Останки этого города, которые возстаютъ передъ нами послѣ почти двухтысячелѣтняго сокрытія подъ землею, раскрывая тогдашнюю жизнь, представляютъ поразительный интересъ. Особенное впечатлѣніе производятъ разныя подробности и мелочи, заставляющія думать, что какъ будто жизнь здѣсь происходила еще недавно. Склянки съ сохранившимся виномъ, туалетныя принадлежности и тому подобныя мелочи вызываютъ мысль, какъ будто промежуточныхъ двухъ тысячъ лѣтъ не существовало, какъ будто время воображаемое только понятіе—до того живо представляется намъ связь между нами и поколѣніями, обитавшими здѣсь двадцать вѣковъ тому назадъ. Помню, что меня особенно поразили двѣ борозды въ каменной мостовой, происшедшія отъ колесъ катившимися по ней экипажами --все это точно было вчера...

Изъ Неаполя я отправился въ Александрію на пароходѣ „Сицилія“ Генуэзской Компаніи Рубатино, содержавшей линію между Генуей и Александріей, съ заходомъ въ Ливорно, Неаполь и Мессину.

Въ понедѣльникъ 8-го ноября, около полудня, я отправился изъ гостиницы на пароходѣ „Сицилія“, пришедшемъ только что ночью и ожидавшемъ въ портѣ пассажировъ, съ которыми черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ отплыть въ Египетъ.

День былъ ясный, и яркіе лучи солнца обдавали окружавшую насъ мѣстность. Передъ нами лежалъ Неаполь, раскинутый по берегу залива; красивыя каменныя постройки поднимались амфитеатромъ надъ портомъ; на самомъ верху и какъ бы господствуя надъ всею окружающею мѣстностію покоились два массивныя зданія: упраздненный нынѣ монастырь Санъ-Мартино и фортъ Сантъ-Ельмо. Съ правой стороны величественно возвышался Везувій; около подошвы горы живописно разстилались города и селенія, ко-

торыми унизанъ весь Неаполитанскій заливъ: Портичи, Резина, Торре дель Греко, Торе дель Анунціата, Кастеламаре—слѣдуютъ одинъ за другимъ, почти безъ промежутковъ, такъ что трудно замѣтить, гдѣ конецъ одного и гдѣ начало другого селенія. Необыкновенная прозрачность и чистота воздуха позволяютъ обнимать взоромъ весьма далекое пространство. Первый планъ картины былъ ярко освѣщенъ солнцемъ; далѣе, горы были въ туманѣ, который придавалъ особенную мягкость всѣмъ контурамъ и линіямъ, покрывая даль сѣровато-голубымъ колоритомъ, составляющимъ особенную прелесть южно-итальянскихъ видовъ. Съ противоположной стороны въ дали, подъ солнцемъ, виднѣлся также въ туманѣ островъ Капри, омываемый бирюзово-голубыми волнами Неаполитанскаго залива.

Въ ожиданіи отъѣзда, палуба парохода „Сицилія“ все болѣе и болѣе оживлялась. Прислуга суетилась, размѣщая багажъ подъѣзжавшихъ пассажировъ; матросы чистили пароходъ, подготовляли снасти, растягивали для защиты отъ лучей солнца парусный тентъ надъ палубой и погружали въ трюмы товарныя мѣста, подвозимыя на самыхъ разнообразныхъ лодкахъ къ передовой части парохода. Кромѣ постоянныхъ пассажировъ, на пароходъ нахлынула цѣлая стая временныхъ посѣтителей въ лицѣ продавцовъ всѣхъ возможныхъ товаровъ, явившихся предлагать отъѣзжающимъ свои произведенія. Продавцы коралловыхъ издѣлій, камней, фотографическихъ видовъ, стереоскоповъ, лорнетокъ, тросточекъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ—превратили палубу корабля въ совершенный рынокъ, явился и продавецъ умственной пищи, приглашавшій пассажировъ запастись книгами на дорогу, — но вся его библіотека состояла исключительно изъ книжонокъ легкаго эротическаго содержанія, начиная съ итальянскаго перевода „Фоблаза“ до новѣйшихъ произведеній итальянской литературы подобнаго же рода.

Раздались звуки гитары и для дополненія картины рынка на передовой части парохода появился слѣпой гитаристъ съ женщиной, которыхъ обступила группа солдатъ, переѣзжавшихъ вмѣстѣ съ нами въ Мессину.

Женщина пѣла подъ аккомпаниментъ гитары разныя народныя пѣсни, постоянно напѣваемыя по всѣмъ улицамъ Неаполя. Живые блестящіе глаза слушателей, слѣдившіе за каждымъ движеніемъ пѣвицы,—ясно выражали удовольствіе, доставляемое имъ незатѣйливыми артистами, и долго послѣ ухода ихъ въ публикѣ слышались напѣвы мотивовъ, особенно любимыхъ неаполитанцами народныхъ пѣсенъ „Santa Lucia“ и „Marianina“.

Покончивъ концертъ на передовой части парохода, слѣпой артистъ и его спутница перешли на корму, чтобы не лишить эсте-

тическаго наслажденія и первоклассныхъ пассажировъ; но, вѣроятно, не разсчитывая произвести большого эффекта на образованную часть публики простонародными мелодіями, они замѣнили, къ немалому нашему удивленію, „Маріанину“ аріей изъ „Belle Helène“, за которою послѣдовали разныя другія Оффенбаховскія мелодіи.

Уже начинало темнѣть, когда пароходъ снялся съ якоря. Ошибка въ объявленіи побудила его простоять лишнихъ пять часовъ въ портѣ. Когда мы проходили мимо Капри, взошла луна; островъ казался освѣщеннымъ какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ; вдали горѣлъ маякъ и виднѣлись огоньки въ домахъ Неаполя, представляя естественную береговую иллюминацію. На слѣдующее утро мы поровнялись съ Липарскими островами; вулканъ Стромболи выдавался конусообразно изъ воды, походя правильностью формы на гигантскую сахарную голову. Вскорѣ послѣ Липарскихъ острововъ, показался берегъ Сициліи, мы вошли въ проливъ, называемый нынѣ Стретта ди-Мессина, а въ древности носившій названіе Сциллы и Харибды. До сихъ поръ Мессинскій проливъ считается весьма безпокойнымъ, потому что въ этой мѣстности постоянно господствуютъ противоположныя теченія и сильные вѣтры.

Намъ однако какъ-то посчастливилось: легкая зыбь едва рябила воду, и мы совершенно спокойно приближались къ Мессинѣ. Видъ обоихъ береговъ пролива чрезвычайно живописенъ, но представляетъ рѣзкую противоположность съ Неаполитанскимъ заливомъ. Все здѣсь дышетъ какою-то дикою грандіозностью. Съ правой стороны, высокія скалистыя горы Калабріи подходятъ къ самому морю, мѣстами изрѣдка желтовато-сѣрый цвѣтъ каменныхъ уступовъ оживленъ зеленью,—на высотахъ горъ виднѣются развалины древнихъ замковъ и какія - то уединенныя четыреугольныя башни; на берегу моря разбросано нѣсколько селеній. Дома построены изъ того же сѣраго камня, который представляетъ здѣсь господствующую породу, и потому весьма мало отдѣляются отъ лежащихъ за ними горъ. Въ ущельяхъ и долинахъ извиваются зигзагами широкіе сѣрые потоки, но въ которыхъ, однако, совершенно не было воды. Рѣшительно нельзя было понять, что это такое, пока намъ не объяснили, что это русла высохшихъ горныхъ потоковъ. Эти потоки наполняются водою только на нѣсколько недѣль, весною послѣ таянія снѣговъ въ горахъ, но тогда сила и стремительность ихъ дотого значительны, что они заносятъ довольно широкую полосу земли, представляющую временно ихъ русло, иломъ и пескомъ въ такой мѣрѣ, что въ теченіе года на этомъ пространствѣ не успѣваетъ развиться никакая растительность, несмотря даже на благодатный итальянскій климатъ. Эти изсохшіе потоки, по срединѣ которыхъ мѣстами

разбросаны острова, покрытые богатою растительностью, а мѣстами перекинуты мосты съ одного берега на другой, представляютъ весьма оригинальное явленіе, котораго до сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть ни въ Швейцаріи, ни въ другихъ горныхъ мѣстностяхъ Европы.

Берегъ Сициліи начинается песчаною низменностью, которая, возвышаясь все болѣе и болѣе, переходитъ также въ высокую гористую мѣстность, у подошвы которой лежитъ Мессина. Горная стѣна, къ которой она прислонилась, покрыта богатою растительностью; сады расположены террасами и нѣсколько напоминаютъ издали виды виноградниковъ на берегу Рейна. Пароходъ прошелъ мимо маяка, построеннаго изъ бѣлаго камня, обошелъ Мессинскую крѣпость—Санъ-Сальвадоре, и въ полдень бросилъ якорь въ Мессинскомъ заливѣ. Такъ какъ нашъ пароходъ долженъ былъ оставаться здѣсь часа два для пріемки товаровъ и новыхъ пассажировъ, то я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть городъ. Лодочникъ, перевозившій меня съ парохода на берегъ, сталъ мнѣ объяснять окрестности. Указавъ на крѣпость Санъ-Сальвадоре, защищающую входъ въ портъ, онъ замѣтилъ, подмигнувъ какъ-то особенно лукаво, что она не помѣшала Гарибальди пристать къ Сицилійскому берегу. Затѣмъ онъ сталъ разсказывать, какъ около этого мѣста крейсировалъ до послѣдней минуты французскій флотъ, подъ видомъ защиты береговъ, какъ онъ ночью, когда должна была послѣдовать высадка, удалился на нѣсколько миль отъ берега, и какъ Гарибальди воспользовался этимъ временемъ, чтобы пристать къ берегу со своей дружиной. При этомъ разсказѣ вся его физіономія необыкновенно оживилась, видно было, что это происшествіе составляло для него одно изъ самыхъ цѣнныхъ воспоминаній жизни. Память о подвигахъ Гарибальди сохранилась въ южной Италіи особенно живо. Имя Гарибальди здѣсь было постоянно въ устахъ народа; это былъ въ то время единственный ихъ политическій идеалъ, получившій даже значеніе легенды, ибо почти весь народъ въ южной Италіи былъ убѣжденъ, что Гарибальди умеръ въ крѣпости Александріи, куда онъ будто бы временно былъ заключенъ послѣ сраженія при Варезе.

Мессина значительный торговый городъ, имѣвшій тогда 75,000 жителей. Онъ расположенъ вдоль порта, прислонясь стѣною къ горамъ, подобно Неаполю, но только строенія, лежащія у южной подошвы горы, поднимаются не такъ высоко въ гору. Вдоль порта тянется широкая набережная „Marina“, обстроенная каменными домами, украшенная колоннадами; за набережной расположены неизбѣжныя въ каждомъ итальянскомъ городѣ улицы: Corso и Strado

Garibaldi. Дома большею частью двухъ-этажные, не высокіе: этотъ образъ постройки обусловленъ часто бывающими здѣсь землетрясеніями. Едва-ли найдется въ Европѣ другой городъ, который болѣе выстрадалъ отъ болѣзней, землетрясеній и войнъ, какъ Мессина.

Въ XVII-мъ столѣтіи Мессина сдѣлалась, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, театромъ войны между французской арміей Людовика XIV и испано-голландскими войсками; рядомъ осадъ и сраженій городъ былъ доведенъ до такого изнуренія, что народонаселеніе города съ 120.000 человѣкъ уменьшилось до 20.000. Въ 1740 г. въ Мессинѣ свирѣпствовала чума, отъ которой погибло до 40.000 человѣкъ. Въ 1783 г. ужасное землетрясеніе разрушило почти весь городъ. Въ 1848 году послѣ революціи, Мессина опять была почти совсѣмъ разрушена бомбардированіемъ; наконецъ въ 1854 г. погибло отъ холеры 16.000 человѣкъ. Несмотря на всѣ эти несчастія, Мессина уже къ тому времени стала быстро развиваться, количество груза приходящихъ судовъ уже тогда превышало 1.000.000 тоннъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что вся интеллигенція, промышленность и торговля Сициліи сосредоточивались въ немногихъ береговыхъ пунктахъ, главные изъ коихъ были Мессина и Палермо. Вся внутренность Сициліи осталась и, кажется, остается до настоящаго времени въ полудикомъ состояніи, причиняя не мало заботъ итальянскому правительству. Разбойничество въ странѣ было развито до крайнихъ предѣловъ, преслѣдованіе разбойниковъ затруднялось тѣмъ, что почти всѣ жители страны служили имъ укрывателями, частію отъ страха передъ ними, частію даже по сочувствію. Разсказывали, будто дѣло доходило до того, что полиція, отчаиваясь схватить разбойниковъ на мѣстѣ и добыть противъ нихъ необходимыя улики, которыя дозволили бы передать ихъ правильному суду, нѣсколько разъ распоряжалась — людей, завѣдомо извѣстныхъ за разбойниковъ, просто убивать на дорогѣ. Ихъ подстрѣливали какъ дикихъ звѣрей, не находя другихъ средствъ, чтобы отъ нихъ отдѣлаться. Со всего острова, кромѣ прибрежныхъ городовъ, правительство не получало въ то время еще никакого дохода. При Бурбонахъ въ Сициліи существовали налоги на соль и муку. Когда Гарибальди высадился въ Сициліи, первымъ его дѣломъ было уничтоженіе этихъ налоговъ, ненавистныхъ народу, но которые по старой привычкѣ вносились довольно аккуратно. По смыслу его прокламаціи, уничтоженныя подати должны были быть замѣнены впослѣдствіи подоходнымъ и поземельнымъ налогами. Но вводить новые налоги въ странѣ полудикой, необразованной, почти безъ всякихъ средствъ сообщенія—оказалось дѣломъ не легкимъ; старые налоги были отмѣнены, новыхъ же до того времени еще не удалось

ввести, такъ что Сицилія не давала ровно никакихъ доходовъ, представляя въ то время одну изъ существенныхъ причинъ постоянныхъ дефицитовъ итальянскаго бюджета.

Побывавъ въ соборѣ и осмотрѣвъ нѣкоторыя достопримѣчательности города, я возвратился на пароходъ, который около трехъ часовъ по полудни снялся съ якоря и отправился въ дальнѣйшій путь. За Мессиной горы начинаютъ быстро возвышаться, показываются вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, наконецъ въ дали представляется взорамъ величайшій изъ европейскихъ вулкановъ, огнедышащая Этна, имѣющая болѣе 10.000 футовъ высоты. Къ вечеру мы обогнули послѣдній выдающійся въ море пунктъ материка, городъ Реджіо, лежащій на Калабрійскомъ берегу, и, простившись съ Италіей вышли въ открытое море. Не развлекаясь болѣе видомъ живописныхъ береговъ, я сталъ присматриваться къ нашимъ спутникамъ. Скоро всѣ перезнакомились и начались бесѣды о Египтѣ и Суэцкомъ каналѣ, о будущихъ успѣхахъ котораго большинство лицъ отзывалось тогда съ большимъ недовѣріемъ. Постоянно развивающееся значеніе Суэцкаго канала, однако, не оправдало преобладавшаго въ то время мнѣнія о немъ пессимистовъ.

За обѣдомъ я замѣтилъ, что всѣ взоры обращались на человѣка среднихъ лѣтъ, красивой и симпатичной наружности. Мой сосѣдъ, итальянецъ, объяснилъ мнѣ, что это Річіотти Гарибальди, второй сынъ народнаго героя, о которомъ я такъ много наслышался отъ мессинскихъ лодочниковъ. Онъ держалъ себя весьма просто, безъ всякой аффектаціи, нисколько не выставляя своей личности, но и не уклонялся отъ общихъ разговоровъ. Я съ нимъ скоро познакомился, игралъ съ нимъ вмѣстѣ въ шахматы и много бесѣдовалъ. Онъ вообще оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Гарибальди разсказывалъ между прочимъ нѣкоторыя подробности о сраженіи при Аспромонте или Синалунга. Гарибальдійцы дрались съ папскими войсками, побѣда еще ни на какую сторону не склонялась. Вдругъ они были поражены звуками какой-то мелкой трескотни, совершенно не похожей на обыкновенный звукъ выстрѣловъ,—оказалось, что это подошли французы и стрѣляютъ своими, новыми тогда, ружьями—это рѣшило судьбу дѣла. Извѣстно, что въ донесеніи французскаго главнокомандующаго помѣщена фраза: le nouveau fusil (chassepot) a fait merveille.

Дальнѣйшее плаваніе, продолжавшееся еще три съ половиною дня, прошло довольно однообразно. За исключеніемъ острова Кандіи, мимо котораго мы прошли въ четвергъ, мы не видали земли до самой Александріи. Гористый южный берегъ острова, вдоль котораго мы шли часа четыре, почти лишенъ всякой растительности, на немъ

не видно было почти никакихъ поселеній, только изрѣдка показывались на берегу отдѣльныя каменныя лачужки, повидимому, покинутыя жителями. Всѣ главнѣйшіе города и селенія находятся на сѣверномъ берегу острова. Проходя мимо этой исторической мѣстности, я не могъ не вспомнить о кровавой драмѣ, разыгрывавшейся здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ и тогда недавно только что окончившейся такъ неудовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Только много лѣтъ спустя Кандіи удалось достигнуть освобожденія отъ турецкаго управленія. Казалось, что на островѣ царитъ ненарушимый покой, но я думалъ, скоро ли изгладятся воспоминанія кровавыхъ происшествій и долго ли будетъ продолжаться этотъ покой. Замѣчательно впрочемъ, что уже тогда многія изъ лицъ, бывавшихъ въ Кандіи и повидимому хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями жизни, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться на востокѣ, увѣряли меня, что желаніе присоединенія къ Греціи далеко не всеобщее.

Тамъ въ то время существовала большая партія, желавшая только полной автономіи; идеаломъ этой партіи было положеніе острова Самоса, а совсѣмъ не Іоническихъ острововъ, жившихъ въ то время далеко не въ ладу съ Греціей. Но въ началѣ возстанія восторжествовала греческая партія и партія автономистовъ должна была ей подчиниться. Утверждали, что если бы сначала критяне водрузили знамя автономіи, не грозя Турціи совершеннымъ отпаденіемъ, то можетъ быть желаемая цѣль уже тогда могла быть достигнута, особенно, если бы повстанцы съумѣли воспользоваться тѣмъ благопріятнымъ моментомъ, когда Франція повидимому склонялась на сторону Россіи, и когда устрашенная Турція была готова на всѣ возможныя уступки, кромѣ только совершеннаго отдѣленія острова. Но этотъ благопріятный моментъ былъ пропущенъ, потребовали большаго и въ окончательномъ результатѣ положеніе кандіотовъ оказалось несравненно хуже, чѣмъ оно было до возстанія. Только десятки лѣтъ спустя, суждено было осуществиться умѣренному идеалу автономистовъ острова.

На слѣдующій вечеръ мы подошли уже довольно близко къ Александріи, но такъ какъ входъ въ Александрійскій портъ въ темнотѣ не совершенно безопасенъ, то намъ пришлось крейсировать всю ночь въ морѣ, чтобы раннимъ утромъ войти въ портъ. Ночь была спокойная, теплая. Луна отражалась серебристыми нитями въ мелкихъ волнахъ, окружившихъ пароходъ, а за нимъ тянулась широкая полоса, блестѣвшая фосфорнымъ свѣтомъ,—явленіе, хорошо извѣстное всѣмъ плававшимъ по Средиземному морю.

Наконецъ въ субботу, рано утромъ, мы завидѣли берегъ. Показался маякъ, затѣмъ отдѣльные береговые форты, между которыми

главнѣйшій фортъ Марабу и, наконецъ, самый портъ и Александрія.

Известковые, сѣровато-бѣлые берега Александрійскаго залива не представляли особенно живописной картины; берега эти изрыты катакомбами, въ которыхъ скрывались и жили христіане во время гоненій. По лѣвой сторонѣ города прежде всего бросается въ глаза безчисленное количество вѣтряныхъ мельницъ, расположенныхъ на вершинахъ известковыхъ холмовъ. За тѣмъ взглядъ останавливается на большой мечети и на громадномъ строеніи въ европейскомъ стилѣ—дворецъ вице-короля, лежащемъ у самаго порта. Весь портъ, довольно обширный, былъ наполненъ военными и купеческими судами всѣхъ націй; между ними мелькали по зеленовато-голубому морю лодки съ гребцами въ восточномъ костюмѣ. Особенно красовался старый арабъ, бронзовато-темнаго цвѣта, въ бѣлой какъ снѣгъ бедуинѣ, который стоялъ въ одной изъ этихъ лодокъ. По величественности его осанки и бѣлому одѣянію я его принялъ сначала за очень важное лицо, но потомъ скоро разубѣдился, когда замѣтилъ то же выраженіе величайшаго спокойствія на лицахъ всѣхъ мѣстныхъ жителей и тѣ же бѣлыя одѣянія на кучерахъ, сидѣвшихъ на козлахъ извозчичьихъ колясокъ, ожидавшихъ пассажировъ въ портъ.

Я поспѣшилъ сѣсть въ лодку и отправился на берегъ, гдѣ пришлось прежде всего прописать паспортъ. Совершивъ въ первый разъ по выѣздѣ изъ Россіи эту церемонію, я отправился въ русское консульство, находящееся на другой сторонѣ города. Кромѣ нѣкоторыхъ узкихъ улицъ, прилегающихъ къ порту, въ которыхъ сгруппировалось арабское населеніе, вся остальная часть Александріи походила на любой второклассный европейскій городъ, довольно грязный, хотя и съ красивыми каменными строеніями. Если бы не верблюды на улицахъ, арабскіе костюмы рабочихъ и изрѣдка выдающіеся изъ-за прочихъ строеній минареты и сады съ пальмовыми деревьями,—то можно было совершенно забыть, проѣзжая по Александріи, что находишься на востокѣ.

Посреди города расположенъ довольно обширный и красивый скверъ, гдѣ устроено для гуляющихъ нѣчто въ родѣ бульвара; это мѣсто, называемое консульскою площадью (Place du Consulat), окружено высокими каменными строеніями, въ нижнихъ этажахъ коихъ красуются магазины. Здѣсь же въ сосѣдствѣ находится зданіе биржи.

Александрія, одинъ изъ древнѣйшихъ историческихъ городовъ, сохранилъ въ своей внѣшней обстановкѣ весьма мало слѣдовъ прежняго историческаго значенія.

Помпеевская колонна, стоящая на возвышенности за городомъ возлѣ мусульманскаго кладбища, и два обелиска Клеопатры, находящіеся близъ новаго порта, служатъ почти единственными представителями памятниковъ древности въ Александріи. Впрочемъ, если обратить вниманіе на то, какъ здѣсь обходятся съ остатками древности, то не удивительно, что они не сохраняются, и что даже слѣды ихъ исчезаютъ. Между станціей желѣзной дороги и городомъ недавно была проложена новая дорога, для которой пришлось прорыть траншею въ небольшихъ холмахъ, лежащихъ за городомъ и покрытыхъ пальмовымъ лѣсомъ. При этой работѣ напали на весьма хорошо сохранившіеся остатки древнихъ построекъ; оказалось, что эти холмы суть древнія зданія, вѣроятно часть прежняго города, которая въ теченіе вѣковъ была занесена слоемъ земли столь значительнымъ, что на немъ могъ вырости пальмовый лѣсъ.

Это открытіе однако нисколько не остановило землекопныхъ работъ. Остатки прежнихъ зданій, расположенныхъ въ былыя времена вдоль линій пролагаемой дороги, были выломаны и обломки выброшены вмѣстѣ съ землею; о дальнѣйшихъ археологическихъ раскопкахъ или о какихъ-либо изслѣдованіяхъ, которыя могли бы повести къ раскрытію части древняго города, подъ лачужками арабской деревни, находившейся по эту сторону Александріи, въ то время никто и не помышлялъ. Когда пріѣзжаешь изъ Италіи и видишь, съ какой осторожностью и съ какимъ тщаніемъ тамъ происходитъ раскрытіе находящихся подъ землею древнихъ построекъ, напр. въ Римѣ и въ Неаполѣ, то подобное варварское обращеніе съ драгоцѣнными остатками древности кажется совершенно непонятнымъ. Проѣзжая по этой дорогѣ, я видѣлъ остатки сводовъ и другихъ строеній, обломки коихъ печально торчали изъ земли, какъ бы взывая къ проѣзжающимъ, чтобы хотя они обратили вниманіе на остатки зодчества прежнихъ вѣковъ, погибающіе безъ пользы для исторіи и науки.

Совершенно равнодушное къ остаткамъ древности, которые могли сохраниться въ Александріи, египетское правительство зато обращало постоянно вниманіе на развитіе экономическихъ интересовъ города, съ которыми тѣсно связано благосостояніе всей страны. Въ торговомъ отношеніи положеніе Александріи весьма благопріятно, такъ какъ этотъ городъ лежитъ на перепутьи между Индіей и Европой; вмѣстѣ съ тѣмъ Александрійскій портъ принадлежитъ къ числу лучшихъ портовъ этой части Средиземнаго моря. Нынѣшняя Александрія построена на узкой полосѣ земли, отдѣляющей портъ отъ обширнаго, но мелководнаго озера Ахреотисъ, лежащаго за городомъ. Уже Мегмедъ-Али, такъ много сдѣлавшій для

величія Египта, обратилъ вниманіе на улучшеніе Александрійскаго порта. При немъ же былъ возстановленъ въ двадцатыхъ годахъ древній каналъ Клеопатры, соединяющій Александрію съ Розеттскимъ притокомъ Нила, въ который онъ впадаетъ около Кафръ-Саида. Каналъ этотъ по значительной глубинѣ и ширинѣ своей имѣетъ назначеніемъ не только снабжать Александрію прѣсною водою изъ Нила и орошаетъ всю мѣстность, по которой онъ проходитъ, но и открыть водное сообщеніе между Александріей и Ниломъ для рѣчныхъ судовъ средней величины. Надъ расчисткой этого канала, названнаго Махмудіэ—въ честь султана Махмуда—работало 250.000 феллаховъ, изъ которыхъ до 10 процентовъ, т. е. около 25.000 человѣкъ, погибло во время работъ, большею частью отъ разныхъ болѣзней, вызванныхъ непредусмотрительностью и отсутствіемъ всякой заботливости объ участи несчастныхъ рабочихъ. Каналъ Махмудіэ содержался въ весьма удовлетворительномъ состояніи, такъ что по немъ могло происходить весьма оживленное товарное движеніе на рѣчныхъ судахъ, несмотря на то, что вдоль его проходитъ желѣзная дорога, соединяющая Александрію съ Каиромъ.

Свое торговое значеніе Александрія получила однако только благодаря постройкѣ этой желѣзной дороги и продолженію ея до Суэца. Изъ Каира желѣзная дорога была проведена первоначально прямо на Суэцъ вдоль горнаго хребта Джебель-Ау-Эбетъ. Но съ самаго начала эта дорога оказалась неудовлетворительною и потому она была совершенно покинута, а вмѣсто нея была построена другая вѣтвь, отдѣляющаяся отъ Александрійско-Каирской дороги, не доходя до Каира близъ станціи Бенъ-Ха, и направляющаяся къ городамъ: Загазигу и Измаиліи, а затѣмъ вдоль Горькихъ озеръ и канала къ Суэцу.

По этому пути проходила въ то время такъ называемая Over-Land-Mail, т. е. англо-индійская сухопутная почтовая дорога, по которой провозились въ Англію почтою и нѣкоторые высокоцѣнные товары. Между Индіей и Суэцомъ содержалось въ то время періодическое сообщеніе громадными пароходами англійской Peninsular and Oviental Company. По приходѣ парохода въ Суэцъ почта и товары отправлялись немедленно по желѣзной дорогѣ въ Александрію, откуда они слѣдовали на пароходахъ Messageries Impérials черезъ Марсель и Канэ въ Доверо, но за годъ до моего пріѣзда въ Египетъ, съ улучшеніемъ порта въ Бриндизи и съ постройкой желѣзной дороги изъ Бриндизи въ Фоджіа—Over-Land-Mail стали направляться на Италію, именно на Бриндизи, Туринъ и Монъ-Сенисъ. Такое измѣненіе направленія англо-индійскаго почтоваго пути вызвало уже тогда неудовольствіе во Франціи, завистливо слѣдившей за развитіемъ морского торговаго значенія Италіи.

Находясь на исходномъ пунктѣ египетскаго транзита, Александрія должна была, благодаря этому обстоятельству, получить необыкновенное торговое значеніе; при этомъ народонаселеніе этого города въ теченіе 35 лѣтъ утроилось. Все это должно было коренным образомъ измѣниться съ открытіемъ Суэцкаго канала. Сознавая грозившую ему съ этой стороны опасность, Александрійское купечество не подписалось ни на одну акцію Суэцкой К°.

Во время открытія Суэцкаго канала въ Александріи было сосредоточено не малое число весьма богатыхъ торговыхъ домовъ, но весьма немногіе изъ нихъ пользовались хорошею и честною репутаціей. Большинство этихъ лицъ принадлежало къ числу людей, которымъ всѣ средства наживать деньги кажутся позволительными. Александрія вообще сдѣлалась въ то время сборищемъ отребья европейскаго населенія. Люди, доведшіе свою репутацію до того, что имъ уже невозможно было оставаться въ своемъ отечествѣ, отправлялись въ Александрію наживать деньги всякой правдой и неправдой и большею частію достигали своей цѣли, потому что они не останавливались ни передъ какими средствами. Такимъ образомъ народонаселеніе Александріи могло считаться тогда сбродомъ разныхъ проходимцевъ Италіи, Франціи и Греціи; эти элементы дополнялись армянами и левантійцами, стоявшими также не на высокой степени нравственнаго развитія. Начиная съ игорныхъ домовъ и до коммерческихъ фирмъ, обманъ принадлежалъ въ то время въ Александріи къ совершенно обычнымъ явленіямъ. Явныя кражи и убійства съ корыстною цѣлію случались довольно часто; особенно плохою репутаціею пользовался въ этомъ отношеніи греческій кварталъ. Явную противоположность съ европейскимъ представляло мѣстное арабское народонаселеніе. Въ средѣ его кражи и убійства были почти неизвѣстнымъ явленіемъ. Не только въ Александріи и Каирѣ, но и во всемъ Египтѣ можно было разъѣзжать безъ оружія и почти съ открытымъ чемоданомъ, не подвергаясь никакой опасности со стороны арабскаго населенія.

Главная причина развращенности европейскаго населенія Александріи заключалась въ то время въ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго суда для европейцевъ. Каждый европеецъ могъ быть преслѣдуемъ и судимъ только своимъ консульствомъ. Это обстоятельство обращалось для всѣхъ мошенниковъ и негодяевъ почти въ полную безнаказанность, такъ какъ консулы считали большею частію своею обязанностію защищать интересы каждаго своего соотечественника, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло его оказывалось далеко не согласнымъ съ требованіями справедливости. Въ этомъ отношеніи только русское консульство, пользовавшееся въ то время

въ Александріи большимъ уваженіемъ, составляло почтенное исключеніе. Весьма энергически поддерживая справедливыя требованія русскихъ подданныхъ, оно не считало себя, однако, обязаннымъ безусловно держать пхъ сторону даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наталкивалось на явную несправедливость или обманъ.

При такихъ условіяхъ, египетское правительство, желая устранить существующее зло, только что предложило въ то время европейскимъ правительствамъ учредить международное судилище, на что и послѣдовало согласіе европейскихъ державъ.

Съ тѣхъ поръ, послѣ выходки Араби-Паши и съ переходомъ Египта въ руки англичанъ, все это вѣроятно значительно измѣнилось.

На слѣдующій день, послѣ пріѣзда въ Александрію, мнѣ пришлось отправиться въ числѣ прочихъ гостей на египетскомъ пароходѣ „Эль Мазръ" въ Портъ-Саидъ. Сильный вѣтеръ продержалъ насъ однако цѣлый день въ портѣ. Наносная песчаная отмель, лежавшая у входа въ Александрійскій портъ, чрезвычайно стѣснявшая фарватеръ въ томъ мѣстѣ, была покрыта высокими пѣнящимися бурунами. Волна за волною, набѣгая на отмель и разбиваясь на ней, покрывали всю мѣстность густой кипящей пѣной. Насъ окружалъ цѣлый флотъ судовъ, вдали виднѣлись два огромныхъ плавучихъ дока, недавно привезенныхъ изъ Европы въ Александрію. Изъ порта вышло нѣсколько англійскихъ и французскихъ пароходовъ,—а мы все стояли на якорѣ. Отъ того ли, что пароходъ „Эль-Мазръ", былъ слишкомъ великъ, или благодаря излишней осторожности нашего капитана, но было рѣшено, что мы остаемся ночевать въ портѣ. Наконецъ, въ понедѣльникъ утромъ, при нѣсколько уменьшившемся, но все еще довольно сильномъ вѣтрѣ, нашъ пароходъ благополучно вышелъ изъ Александрійскаго порта. Какъ ни значительны были его размѣры, но его качало порядочно, такъ что на палубѣ появились больные. На слѣдующій день, еще до восхода солнца, большая часть пассажировъ высыпала на палубу въ нетерпѣливомъ ожиданіи увидѣть Портъ-Саидъ. Солнце поднялось изъ моря въ видѣ краснаго огненнаго шара, освѣтило сначала горизонтъ, а потомъ и всю мѣстность багровымъ свѣтомъ. По мѣрѣ приближенія къ Портъ-Саиду, намъ стали попадаться на пути другіе пароходы, шедшіе по тому же направленію. Наконецъ передъ нами въ дали показалась какая-то башня—это былъ маякъ Портъ-Саида; скоро представился нашимъ глазамъ и самый городъ. Зрѣлище было довольно необыкновенное. Вдали виднѣлся лѣсъ мачтъ, на которыхъ развѣвалось безчисленное количество разноцвѣтныхъ флаговъ, и затѣмъ, какъ бы на воздухѣ, рядъ невысокихъ домовъ и построекъ. Песчаный берегъ, на которомъ построенъ городъ, дотого низокъ, что вдали его почти

нельзя было отличить отъ поверхности воды; море, ярко освѣщенное солнцемъ, блестѣло, какъ зеркало, а берегъ казался узкою темною полосою, отдѣляющею постройки отъ поверхности воды; постройки какъ будто висѣли на воздухѣ.

Пароходъ нашъ приближался все болѣе и болѣе, и скоро мы могли разглядѣть простыми глазами двѣ огромныя каменныя дамбы, далеко выдающіяся въ море и обхватывающія, какъ двѣ гигантскія руки, Саидскій портъ.

Выборъ этой песчаной плоской косы, лишенной всякой растительности и едва выдающейся изъ моря для постройки новаго города, былъ обусловленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только въ этомъ мѣстѣ Пелузійскаго залива необходимая глубина моря находится на самомъ близкомъ разстояніи отъ берега. Пелузійскій же заливъ лежитъ на исходномъ пунктѣ кратчайшей линіи сообщенія между Краснымъ и Средиземнымъ морями.

Суэцкій каналъ проведенъ почти въ прямой линіи между Пелузійскимъ и Суэцкимъ заливами и потому нисколько не могъ воспользоваться многочисленными притоками Нила, къ которымъ примыкали всѣ прежніе каналы, существовавшіе уже въ древности. Всѣ древніе каналы, извѣстные подъ разными названіями: канала Дарія, канала Птолемеева, канала Траяна, канала Омара,—были собственно не что иное, какъ соединеніе Пелузійскаго рукава Нила съ Героополитскимъ заливомъ Краснаго моря, нынѣшними Горькими озерами. Составители проекта, который былъ принятъ впослѣдствіи въ основаніе работъ по сооруженію настоящаго канала—Мужель-Бей и Линанъ-Бей—пришли съ самаго начала къ убѣжденію, что для того, чтобы всемірная торговля могла воспользоваться новымъ путемъ, слѣдовало провести сообщеніе не по прежнему древнему направленію между Ниломъ и Краснымъ моремъ, а въ видѣ прямого морского канала, непосредственно соединяющаго оба моря на кратчайшемъ разстояніи и имѣющаго достаточную глубину, чтобы по немъ могли проходить значительныя суда безъ разгрузки, т. е. не менѣе 8 метровъ или 26 футовъ осадка въ водѣ.

Самою удобною въ этомъ отношеніи оказалась мѣстность, пролегающая какъ бы по естественному углубленію почвы вдоль четырехъ озеръ: Мензалэ, Бэлла, Тимза и Горькихъ озеръ. Всѣ эти озера частью мелководныя, частью высыхавшія по временамъ, раздѣлены между собою песчаными и изрѣдка каменистыми порогами, незначительно только возвышавшимися надъ уровнемъ моря, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ около озера Тимза.

Такая естественная ложбина песчаной пустыни вмѣстѣ съ тѣмъ представляла кратчайшую линію между Пелузійскимъ и Суэцкимъ

заливами, соединяя оба моря на разстояніи 160 верстъ; вотъ почему она и была окончательно избрана мѣстностью для сооруженія канала, и этотъ выборъ обусловилъ вмѣстѣ съ тѣмъ топографическое положеніе Портъ-Саида.

За Саидскимъ портомъ находится большой внутренній бассейнъ, къ которому примыкаютъ еще три небольшіе бассейна. Къ западу отъ большого бассейна, вдоль берега расположенъ самый городъ, построенный въ видѣ параллелограмма, прорѣзаннаго прямыми улицами. Дома, большею частью, были въ одинъ или два этажа, въ срединѣ города находилась довольно большая площадь, обнесенная двухэтажными домами, въ центрѣ которой красовался фонтанъ. Численность народонаселенія Портъ-Саида достигала уже тогда до 8.000 душъ, колебалась, впрочемъ, подъ вліяніемъ прилива и отлива рабочихъ. Магазины, кофейни и рестораны были довольно многочисленны; такъ, напримѣръ, нижніе этажи почти всѣхъ домовъ, окружавшихъ площадь, были заняты исключительно магазинами и кофейнями. Послѣднія были довольно прилично устроены, на французскій ладъ и нельзя было жаловаться даже на чрезвычайную дороговизну. Несмотря на громадное стеченіе народа, наполнявшаго въ день открытія канала всѣ кофейни въ Портъ-Саидѣ, платилось не болѣе полуфранка за бутылку пива или за чашку кофе— дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ Портъ-Саидѣ оказался даже Café Chantant, въ которомъ весьма зрѣлыя француженки напѣвали французскіе комическіе романсы, къ немалому удовольствію публики, состоявшей на половину изъ матросовъ всѣхъ національностей.

Смотря на Портъ-Саидъ и на толпы людей, наполнявшихъ всѣ улицы города, мысль невольно переносилась къ тому времени, когда здѣсь была совершенная пустыня. Многіе дома должны были быть первоначально построены на сваяхъ, во избѣжаніе затопленія волнами, набѣгавшими на берегъ, такъ что первый этажъ висѣлъ на воздухѣ и въ него приходилось подниматься по лѣстницѣ. Только мало по малу, по мѣрѣ того, какъ расчищался портъ, мѣстность города возвышалась, пока, наконецъ, насыпь не достигла до уровня перваго этажа домовъ, предохранивъ ихъ на всегда отъ посѣщенія морскихъ волнъ. Къ этому надо присовокупить, что нигдѣ въ окрестностяхъ Портъ-Саида не оказалось колодцевъ, такъ что прѣсную воду въ теченіе пяти лѣтъ приходилось подвозить на верблюдахъ и на баркахъ изъ Даміэтты; когда же привозъ оказывался недостаточнымъ, тогда приходилось раздавать воду рабочимъ порціями.

При такихъ условіяхъ, положеніе первыхъ инженеровъ, высадившихся на берегъ, должно было быть довольно безотрадное, и много энергіи и выдержки потребовалось отъ этихъ лицъ, чтобы пе-

ренести всѣ невзгоды вѣтра и моря, которымъ они въ началѣ подвергались. Вотъ какъ одинъ изъ первыхъ прибывшихъ описываетъ ихъ положеніе въ 1859 году:

„Мы живемъ на узкой низменной песчаной полосѣ, расположенной между Средиземнымъ моремъ и озеромъ Мензалэ. При малѣйшемъ вѣтрѣ волны набѣгаютъ на песокъ то съ одной, то съ другой стороны. Ближайшія населенныя мѣстности отъ насъ—Даміэтта въ 60 верстахъ и Александрія въ двухъ дняхъ разстоянія отъ будущаго Портъ-Саида. Въ бурное время всякое сообщеніе съ этими городами прекращается, а другихъ въ окрестности не имѣется, если не считать двухъ-трехъ рыбачьихъ поселеній, разбросанныхъ на берегу озера Мензалэ, —самыя значительныя изъ нихъ Матріэ и Мензалэ, въ которыхъ до 2.000 душъ жителей, тоже на разстояніи тридцати верстъ отъ Портъ-Саида,—при томъ единственная провизія, которою можно запастись въ этихъ поселеніяхъ, это рыба и сушеная икра. Мы помѣщаемся въ неудобныхъ палаткахъ. Въ теченіе дня въ этихъ палаткахъ, находящихся подъ лучами солнца, нестерпимый зной, а ночью втягивается сырость и такой холодъ, что, покрывшись всѣмъ своимъ гардеробомъ, въ добавокъ къ одѣяламъ, не успѣваешь согрѣться. Въ дополненіе всего палатки наполняются въ темнотѣ разными земноводными животными, которыя сотнями ползаютъ около постели...“

Сколько нужно было твердости характера и энергіи, чтобы перенести всѣ эти страданія, а между тѣмъ имена храбрыхъ тружениковъ, которые впервые высадились здѣсь на берегъ, забыты, или значатся только гдѣ-нибудь въ счетныхъ книгахъ компаніи; по крайней мѣрѣ никакой памятникъ не гласитъ о нихъ въ Портъ-Саидѣ.

Войдя въ Саидскій портъ, мы очутились посреди весьма многочисленнаго флота военныхъ и коммерческихъ судовъ всѣхъ націй. Вездѣ было движеніе, кипѣла жизнь, вездѣ замѣчалось какое-то особенное праздничное настроеніе. Вдругъ всѣ суда расцвѣтились флагами, матросы разошлись по реямъ, началась пушечная пальба. При входѣ въ портъ показался красивый французскій пароходъ „Эгль“, на палубѣ стояла императрица Евгенія, окруженная блестящей свитой. Скоро послѣ него, вошелъ пароходъ „Грейфъ“, на которомъ находился австрійскій императоръ, за тѣмъ пароходъ „Грилле“ съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ; за тѣмъ показался русскій флагъ—это былъ паровой клиперъ „Яхонтъ“, на которомъ прибылъ русскій посолъ графъ Игнатьевъ, со свитой, изъ Константинополя. Каждое приходящее судно салютовалось со всѣхъ находившихся въ портѣ военныхъ кораблей и отвѣчало имъ на салюты,—канонада продолжалась все утро, представляя собою совершенное подобіе морской

битвы. Наконецъ, около 11 часовъ все нѣсколько успокоилось въ портѣ, суда заняли указанныя имъ мѣста,—въ два часа должна была происходить религіозная церемонія на берегу, а на другой день, рано утромъ, былъ назначенъ входъ судовъ въ каналъ. Я воспользовался промежуткомъ времени для поѣздки на „Яхонтъ“, чтобы повидаться съ графомъ Игнатьевымъ. На нашемъ пароходѣ ожидали пріѣзда вице-короля, который, по принятому этикету, долженъ былъ сдѣлать первый визитъ послу. Надъ нами на палубѣ раздался оглушительный выстрѣлъ огромнаго орудія, которымъ былъ вооруженъ клиперъ, затѣмъ послѣдовалъ другой, третій, вдали показался баркасъ, украшенный краснымъ, шитымъ золотомъ бархатномъ балдахиномъ, подъ нимъ сидѣло два человѣка въ красныхъ фескахъ и темно-синихъ богато вышитыхъ золотомъ мундирахъ; это были вице-король Измаилъ-паша и его министръ иностранныхъ дѣлъ Нубаръ-паша. Двѣнадцать одѣтыхъ въ красивые мундиры, египетскихъ лодочниковъ дружно ударяли по водѣ веслами, лодка быстро приближалась, плавно обогнула корму парохода и пристала къ трапу. Вице-король былъ человѣкъ средняго роста, довольно полный, черты лица его, нѣсколько смуглаго, имѣли южно-европейскій характеръ; онъ свободно объяснялся по-французски и вообще во всемъ своемъ обращеніи напоминалъ болѣе европейца, чѣмъ властелина востока. Нубаръ-паша былъ выше ростомъ, чрезвычайно стройный и красивый мужчина; судя по умному и хитрому взгляду его уже видно было, что это былъ человѣкъ далеко не обыкновенныхъ способностей и чрезвычайно проницательный, вмѣстѣ съ тѣмъ его ловкое и нѣсколько самоувѣренное обращеніе напоминало, что онъ долго вращался въ дипломатическихъ кружкахъ въ Парижѣ. Нубаръ-паша былъ армянинъ; благодаря своему уму и умѣнью обращаться съ людьми, онъ пользовался необыкновеннымъ вліяніемъ въ Египтѣ и почти безусловнымъ довѣріемъ вице-короля. Замѣна консульской юрисдикціи въ Египтѣ международными судами была проведена только благодаря такту и уму, съ которымъ Нубаръ-паша, предсѣдатель реорганизаціонной комиссіи, сумѣлъ повести это дѣло. Графъ Игнатьевъ представилъ меня ему на пароходѣ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Новгородское Общество Любителей Древности, устраивая историко-археологическую выставку, покорнѣйше проситъ, проживающихъ въ г. Новгородѣ, владѣльцевъ предметовъ стариннаго быта и искусства, преимущественно Новгородскаго (до 1826 года), не отказать дать эти предметы для предполагаемой выставки, каковая будетъ устроена въ г. Новгородѣ, на запасной половинѣ митрополичьихъ покоевъ съ 22 апрѣля по 3 мая сего года.

—Цѣль выставки представить возможно полно прошлое г. Новгорода и Новгородской земли и сдѣлать знакомство съ ними доступнымъ всѣмъ интересующимся стариной вообще и славнымъ прошлымъ Великаго Новгорода въ частности.

—Поэтому было-бы очень желательно получить для предполагаемой выставки: древнія иконы, кресты, церковную утварь и иные предметы церковной старины; старинныя грамоты, синодики, свитки и рукописныя и старопечатныя (до XVIII в.) книги; старинные портреты, миніатюры и картины, виды Новгорода и Новгородской земли, старинные планы, карты, монеты и печати, старинную домашнюю утварь, одежду, головные уборы, оружіе, знамена и т. под.

Лицъ и учрежденія, могущія содѣйствовать этому начинанію, Выставочная Комиссія имѣетъ честь покорнѣйше просить сдѣлать ей о томъ заявленіе (по адресу: Новгородъ, Дѣтинецъ, Музей, Выставочной Комиссіи), по возможности въ непродолжительномъ времени, указавъ, что именно согласны они экспонировать.

Данные для выставки предметы будутъ принимаемы подъ расписку и возвращены ихъ владѣльцамъ въ полной сохранности немедленно по закрытіи выставки.

Предсѣдатель Новгородскаго Общества
любителей древности *М. Муравьевъ.*

Секретарь Выставочной Комиссіи *А. Купріяновъ.*

Орловъ, Н. Гоголь, какъ учитель жизни. М. 1909. Изд. „Посредникъ" (Арбатъ, д Тѣстовыхъ). Тип. Н-въ Гатцукъ (Долгоруковская, д. Бутюгиной). 16° (10×13). 64 стр. Вѣсъ 2 л. 20.200 экз.

Покровскій, Н. В., проф. Церковно-археологическій музей с.-петербургской духовной академіи. 1879—1909. Спб. 1909. Изд. Духовной академіи. Тип. Синодальная, 4° (26×35). XXIX+151 стр.+97 таб. Вѣсъ 8 ф. 15 л. 600 экз.

Гоголь, Н. В. Сочиненія и письма. Редакція, біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія и указатели В. В. Каллаша. Томъ восьмой. Мистико-моралистическія сочиненія. Спб. 1909. Изд. и тип. т-ва „Просвѣщеніе" (Забалканск. пр., 75). 12° (12×18). VI+415 стр. Съ 4 рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Голубевъ, С. Т., проф. Отзывъ о книгѣ свящ. Н. Шпачинскаго: Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и состояніе кіевской митрополіи въ его правленіе. (1757—1770 гг.). Кіевъ. 1907 г. М. 1909. Изд. Имп. о-ва исторіи и древн. Росс. Тип. штаба военн. окр. 8° (13×27). 25 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Записки нумизматическаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго общества, издаваемыя подъ ред. М. Г. Деммени. Т. I, вып. 2 и 3. Спб. 1909. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (19×28). 176 стр.+12 таб. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 630 экз.

Содержаніе: 1) Ильинъ, А. А. 9 не извѣстныхъ монетъ царствованія Екатерины I и Петра II. 2) Якунчиковъ, Б. М. Неизданныя и рѣдкія древне-греческія монеты. 3) Марковъ, А. К. Чистка древнихъ монетъ. 4) Голубцовъ, В. В. Объ одной древней восточно-македонской монетѣ. 5) Марковъ, А. К. Кладъ монетъ въ селѣ Крещеный баранъ. Казанской губ. 6) Губастовъ, К. А. 2 римскія монеты изъ собр. К. А. Губастова. 7) Деммени, М. Г. Чеканка сѣвскихъ чеховъ. 8) Его же. X. X. Гиль.

Затворницкій, Н. М. Столѣтіе Военнаго Министерства. Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи В. Министерства съ 1802 до 1902 г. включительно. Отдѣлъ 5. Спб. 1909. Тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 линія, 5—7). 4° (23×29). 951+XIX стр. Вѣсъ 6 ф. 14 л. 2.200 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 26, 27 и 28. Спб. 1909. Изд. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Русская Скоропечатня (Екатерининск. кан., 94). 4° (19×27). 80 стр.+6 порт.+81—160 стр.+5 порт.+161—240 стр.+4 кар. Ц. по 1 р. 35 к. Вѣсъ 28 л. По 15.400 экз.

Къ 40-лѣтнему юбилею педагогической и литературной дѣятельности Федора Александровича Витберга, 1869—1-го сентября—1909. Краткая біографія и списокъ литературно-педагогическихъ статей и замѣтокъ. Спб. 1909. Изд. Н. Г. Мартынова. Тип. В. Безобразова. 8° (15×22). 15 стр. Съ портр. Вѣсъ 3 л. 350 экз.

Никольскій, Н. В. Конспектъ по исторіи христіанскаго просвѣщенія чувашъ. Казань. 1909. Тип. Центральная. 8° (17×24). 36 стр. Вѣс. 3 л. 300 экз.

Памяти И. С. Тургенева. 28-го окт. 1818 г.—22-го авг. 1883 г. Сборникъ Варшавскаго Педагогическаго Общества. Варшава. 1909. Изд. Варш. Педагог. Об-ства. Тип. Русскаго Об-ва (Пл. Св. Александра, 4). 8° (15×22). 76 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Титовъ, Ѳ. И., пр. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. VII. Кіевъ. 1909. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 30 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 115 экз.

Шафрановъ, П. А. Отзывъ о книгѣ Г. Г. Писаревскаго: „Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ" (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). М. 1909. Изд. Имп. О-ва исторіи и древн. россійск. Тип. Штаба воен. Окр. 8° (18×27). 21 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Котляревскій, Несторъ. Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Ея основные этическіе и соціальные мотивы и ихъ отраженіе въ художественномъ творчествѣ. Спб. 1910. Изд. 2-е испр. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 линія, д. 28). 8° (16×24). XXIV+408 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 3.100 экз.

Попруженко, М. Г. Изъ матеріаловъ по исторіи славянскихъ колоній въ Россіи Одесса. 1909. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20×28). 34 стр. Вѣсъ 9 л. 50 экз.

Родниковъ, В. Очерки по исторіи русской педагогіи. Кіевъ. 1909. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговъ., 6). 8° (16×25). III+119 стр. Съ рис. Ц. 65 к. Вѣсъ 11 л. 500 экз.

Рѣзановъ, В. И. Къ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ. Отт. изъ XXV-го тома „Извѣст. Историко-Филологич. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ". Нѣжинъ. 1910. Тип. В. К. Меленевскаго. 8° (18×27) VI+464 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 600 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Вып. 5-й. Аксаковъ С. Т. Спб. 1909. Изд. Книгоиздат. „Всходы" (4 рождеств., 8). Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (17×26). 109 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 13 л. 5.000 экз.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой", Знаменская, 27

